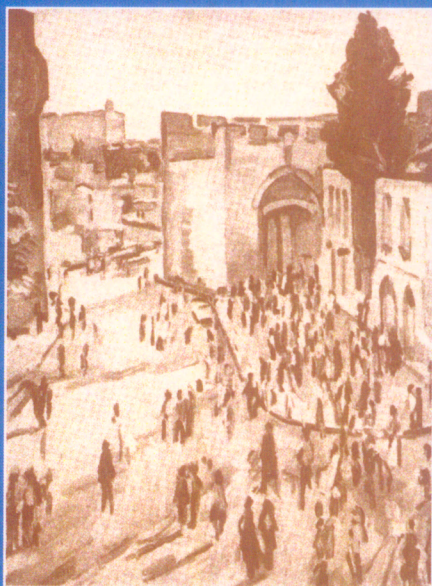


ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАИМА



**ИЕРУСАЛИМ
2005**

RUSSIAN JUERY ABROAD. Vol. 11

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM

**JEWS FROM RUSSIA
IN PALESTINE / ISRAEL**

Book 1

**Compiled and edited by
*Yulia Sister and
Mikhail Parkhomovsky***



**Jerusalem
2005**

РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ. Том 11

ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

**ЕВРЕИ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ,
СССР/СНГ В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ
И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ**

Книга 1

Редакторы-составители
Юлия Систер и
Михаил Пархомовский



**Иерусалим
2005**

**Научно-исследовательский центр
РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ**
Научный руководитель *Михаил Пархомовский*

Том 11

**ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА
(ЕВРЕИ ИЗ РОССИИ, СССР и СНГ
В ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ И ГОСУДАРСТВЕ ИЗРАИЛЬ)**

Книга 1

Редакторы-составители:

Юлия Систер и Михаил Пархомовский

Редакционный совет: *Дан Харув* (консультант по истории еврейского народа); *Клара Жигня, Николай (Ариэль) Борщевский, Ирина Обухова-Зелиньска, Ленина Драгитская* (корректор и лит. редактор)

Иерусалим, 2005

© НИ центр Русское еврейство в зарубежье

© Редакторы-составители тома

(mipar@barak-online.net; martw@bezeqint.net)

© Авторы статей

**Research Centre for RUSSIAN JUERY ABROAD
Director for Scholarly Works *Mikhail Parkhomovsky***

Volume 11

**LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM
RUSSIAN JEWS IN PALESTINE / ISRAEL
Book 1. Jerusalem, 2005**

Compiled and edited by

Yulia Sister and Mikhail Parkhomovsky

Editorial board: Dan Haruv (scientific consultant), *Klara Jigneá, Nikolay (Ariel) Borschevsky, Irina Obukhova-Zelin'ska, Lenina Dragitskaya* (proof-reading and literary editor)

ISBN 965-222-911-3

На обложке: *Александр Копелович. Яффские ворота. 1971(масло)*

Предисловие

«...Идемте же, отстроим стены Йэрушалаима, и не будем впредь в унижении». <...> И сказали они: «Встанем и отстроим!» И крепко взялись они за благое дело.

Нехемия, гл. 2, стих. 17, 18

Евреи – уроженцы Британии, США, Франции, Центральной и Восточной Европы, Северной Африки и иных стран прибыли сюда со своими традициями, и все этнические общины создают ПОЛИФОНИЧЕСКОЕ общество. В этой ПОЛИФОНИИ русская СКРИПКА – не балалайка! – русская еврейская скрипка – все еще ведущий инструмент, и я думаю, что так будет долго.

Амос Оз (ЕВКРЗ. Т.2. С.372)

Эрец-Исраэль – родина еврейского народа, где он сформировался как нация, где процветало его суверенное государство, где сложился его духовный и религиозный облик. На этой земле древний народ создавал ценности национальной и общечеловеческой культуры. Написанная им Книга книг и выработанный евреями моральный кодекс легли в основу трех религий: иудаизма, христианства и ислама.

Народ, вынужденный в силу исторических событий покинуть свою землю и столетиями рассеянный по свету, никогда не прерывал связи с исторической родиной. Мировоззрение еврейского народа основывалось на вере в возвращение в Эрец-Исраэль. «В будущем году в Иерусалиме!» передавалось из уст в уста, из поколения в поколение.

Первые провозвестники возрождения евреев на земле предков появились в США, Центральной и Восточной Европе. Но основатели нового, практического направления этой идеи были

вскормлены на тучных, но горьких российских хлебах. Их имена: Л.Пинскер, М.Лилиенблум, М.Мандельштам, Ш.Рабинович, И.Ясиновский, раввины Н.Берлин и Ш.Могилевер. Члены организаций «Ховевей Цион» («Любящие Сион») готовили будущих поселенцев Земли обетованной.

До разгрома большевиками российские сионисты составляли самую крупную по численности и самую активную часть движения.

Это русские евреи И.Членов и М.Усышкин возглавили противников проекта создания страны евреев в Уганде, принятого 6-м Сионистским конгрессом. Это наш Ахад-ха-Ам разработал принципы духовного сионизма. Это гениальный В.Жаботинский стал ведущим строителем обороны возрождающейся страны. Это выдающийся ученый Х.Вейцман сыграл основную роль в так называемом политическом сионизме, и он же выдвинул наиболее плодотворную концепцию синтетического сионизма, включающего его практическое направление (скупка земель и заселение Эрец-Исраэль), политическую (борьба за признание еврейского государства правительствами отдельных стран и мировым сообществом в целом) и духовную составляющие (возрождение в Палестине национального духовного центра для всего еврейства). Фундамент религиозного сионизма, в значительной степени определившего отношение возникшего государства к религии, заложили вожди религиозного крыла «Ховевей Цион» – раввины И.Я.Рейнес, А.И.Кук, Н.Берлин.

Начало воссоздания еврейского государства было положено первой волной алии (1882–1903), большая часть которой прибыла из Российской империи. Халуцим (пионеры) обрабатывали землю, осушали болота, строили дома, сажали деревья, растили детей. Они жили и трудились в тяжелейших условиях. Но они были пламенными сионистами, чувствовали себя свободными людьми, созидателями и потому были счастливы.

Халуцим привезли с собой и комплекс «русских» идей (смесь национализма с либерализмом, народничеством, толстовством и коммунизмом, приправленными анархизмом и нигилизмом), которые не могли не оказать влияние на строительство Страны. Вклад евреев – выходцев из Российской империи, а затем из Советского

Союза, Российской Федерации и СНГ – в создание и развитие Эрец-Исраэль и Государства Израиль огромен и до сих пор не оценен в полной мере. Репатрианты самоотверженно отдавали себя по крупицам Стране – от малого и не очень приметного до создания народной армии, новых предприятий и видов промышленности, сети воспитательных и образовательных учреждений, внедряли иврит в качестве общего разговорного языка и различные виды искусств, писали картины и книги, создавали музыку и танцы, открывали институты и академии.

Давид Бен-Гурион (выходец из Плонска, Варшавской губ.) 14 мая 1948 г. провозгласил независимость Израиля и стал его первым премьер-министром. Место первого президента страны по праву занял Хаим Вейцман (из Минской губ.). И сменявшие их руководители Государства Израиль в подавляющем большинстве происходили из западных губерний России: Ицхак Бен-Цви (Шимшелевич, Полтава), Шнеур Залман Шазар (Рубашов, Минская губ.), Леви Эшколь (Школьник, Киевская губ.), Голда Меир (Меерсон, урожд. Мабович, Киев), Эфраим Кацир-Качальский (Киев), Менахем Бегин (Брест-Литовск), Ицхак Шамир (Езерницкий, Гродненская губ.) – или из семей выходцев из России (Ицхак Рабин, Ариэль Шарон).

Выходцам из России в Эрец-Исраэль и в Государстве Израиль посвящались статьи в каждой из изданных нами книг серии «Евреи в культуре русского зарубежья» (тома 1–5) и «Русское еврейство в зарубежье» (1/6/ – 5/10/)¹, а также доклады на организованных нами конференциях. Значительное место в настоящей книге заняли материалы этих конференций: 1997 года, проведенной в ознаменование открытия НИ центра «Русское еврейство в зарубежье»; 1998 года, посвященной 50-летию Государства Израиль; 1999 года, в честь полувекового юбилея создания в стране НИИ им. Вейцмана – одного из крупнейших мировых центров науки; и конференции 2003 года, полностью посвященной теме настоящей книги.

Книга делится на три части. В первой представлены материалы, относящиеся к истории, во второй – статьи об искусстве, литературе и радиовещании. Статьи третьей части («Наука. Промышленность. Образование») в основном посвящены деятельности русско-

¹ Аннотации этих статей см. в конце книги.

еврейской интеллигенции так называемой Большой алии, прибывшей в Израиль в конце 1980-х – 1990-е годы. Даже ограниченное количество материалов, опубликованных в этом разделе, дают представление о высоком интеллектуальном уровне алии 90-х и ее творческом потенциале.

Рассказать о роли выходцев из России в возникновении и строительстве Государства Израиль в одном томе невозможно, и мы надеемся, что настоящая книга станет началом целой серии.

Том завершается «Журналом в книге», разделом, ставшим традиционным в наших изданиях, и справочными материалами.

*Михаил Пархомовский,
Юлия Систер*

ИСТОРИЯ

Возрождение

*Юлия Систер, Бецаль Гендлер, Евгений Животовский
(Кирият-Экрон, Израиль)*

Алия (*иврит* – «восхождение») – 1) переселение евреев в Израиль на постоянное жительство; 2) группы евреев, прибывшие в Эрец-Исраэль из какой-либо страны, или в определенный промежуток времени.

КЕЭ. Т.1. ст.84. Иерусалим, 1976

Алия – основная идея сионизма и важный фактор в осуществлении сионистских идеалов. Первая алия (1882–1903 гг.) состояла, в основном, из выходцев из Восточной Европы, в большинстве своем из Российской империи, насчитывала около 25 тысяч человек. Это были небольшие группы и отдельные лица, отправившиеся в Палестину под влиянием палестинофильских идей (движение Ховевей Цион, включавшее организацию Билу), а также после прокатившихся еврейских погромов 1881 г. Они прибыли преимущественно в 1882-84 и в 1890-91 гг. и основали первые поселения в стране.

Вторая алия (1904–1914 гг.) также состояла в своем большинстве из выходцев из Восточной Европы (в основном из России), которые вначале были наемными рабочими в сельскохозяйственных поселениях (мошавот, колониях) и городах. Они основали первые рабочие партии и общества взаимопомощи, принадлежавшие главным образом к поселенческому движению, а также открыли новое направление в прессе и литературе на иврите. Эта алия, насчитывавшая более сорока тысяч человек, была прервана Первой мировой войной.

Организация еврейской палестинофильской молодежи Билу была создана в России в 1882 г. Билу – это аббревиатура из начальных букв слов библейского стиха, что в переводе на русский означает: «Дом Иакова! Вставайте и пойдем!» (Исайя, гл.2, стих 5).

Первым из билуйцев прибыл в Палестину (из Херсона) Яков Черток – отец Моше Шарета. Вскоре за ним, в июле 1882 г., в Яффу приехала группа из 14 человек во главе с Исраэлем Белкиндо и

начала работать в сельскохозяйственной школе Микве Исраэль. Молодые энтузиасты жили коммуной. Значительную помощь им оказали основатель этой школы Шарль Неттер и Иехиэль Пинес, писатель и общественный деятель, ставший руководителем билуйцев. Пинес направил некоторых из них в Иерусалим для обучения ремеслам. Этот эксперимент, к сожалению, окончился неудачей. В ноябре 1882 г. несколько человек во главе с И.Белкиндом отделились от группы и переселились в Ришон ле-Цион, где стали батраками, издольщиками и разнорабочими.

Экономическое положение билуйцев в Палестине продолжало ухудшаться, пока Пинес не купил для них 3 300 дунамов земли вблизи арабской деревни Катра. Здесь в декабре 1884 г. возникло поселение, которое называли Гедера, т.к. предполагали, что рядом был город Гедера, упоминаемый в Библии, что впоследствии было подтверждено археологическими раскопками. Сюда переехала группа из 10 человек (билуйцы: Ш.Цукерман, Ц.Горвиц, Б.Фукс, Д.Лейбович, Я.Хазанов, И.Лис, Я.Могилейский, Э.Свердлов, М.Могилевский, а также небилуец Я.Эдельбенкин), которые создали в Эрец-Исраэль одно из первых поселений типа мошава. Первые гедеровцы с самого начала занимались сельским хозяйством: они сеяли пшеницу и сажали виноградники. Листья и гроздь винограда были изображены на первом гербе поселения.

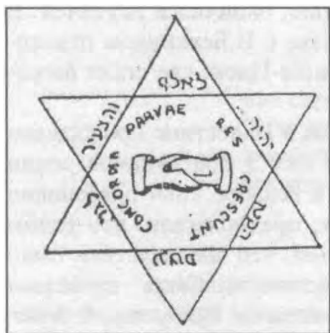
Один из билуйцев позже вспоминал: *«Первое время все жили в пещере. Пили воду, которую черпали из мелководной речушки. В газете про них писали: "Гедеровцы не неженки, довольствуются мутной жидкостью, в которой не только песок, но и многое другое..."»* На завтрак и ужин были чай с хлебом, а на обед ели редьку и картофельный суп.

Ко всем трудностям была еще одна: к Гедере было тяжело добираться. Дороги из Яффы не было, летом горячие дюны засыпали путь, а зимой превращались в липкую грязь. Случалось, что по многу дней Гедера была отрезана от Яффы.

Меир Белкинд, который вслед за сыновьями Исраэлем и Шамшоном, переселился в Эрец-Исраэль, стал первым раввином Гедеры. Он вел традиционный еврейский образ жизни, но в то же время защищал билуйцев от нападок ревнителей религии. Когда его сын Исраэль организовал в Яффе в 1889 г. первую школу с преподаванием на иврите, Меир Белкинд начал там вести занятия по еврейской религии.

Исраэль Белкинд также преподавал в школе; в 1928 г. вышла его книга по географии Палестины.

В Гедере в Музее истории поселения и билуйцев хранят и сельскохозяйственную (плуг, вилы, косы и др.), и домашнюю утварь (утюги, примусы, топоры, швейную машинку, ножницы и т.д.), а также «пещеру» и деревянный домик, в которых жили первые гедеровцы.



Эмблема организации Билу (Харьков)

Подпись гласит: «Малый народ станет большим»

Многие экспонаты воссоздают обстановку конца XIX века. В музее можно увидеть жилую комнату тех лет, мастерскую; предметы, необходимые для стирки, варки, выпечки хлеба, а также ежедневного обихода. Есть комната лекаря. Если немного пройти по улице Билу, можно увидеть единственный сохранившийся деревянный домик билуйца, построенный в 1886 г. без разрешения властей. Этим билуйцем был Элияху Свердлов, двоюродный брат Якова Михайловича Свердлова. В 1991 г., при первом посещении музея, мы разговаривали с его невесткой Ха-

ной, женой младшего сына. Она приехала в страну как преподавательница иврита. Сейчас и ее уже нет в живых, но в Гедере в честь Элияху Свердлова названа улица, примыкающая к музею. В домике – подлинные предметы обихода, посуда и пр. Он является отделением Музея истории поселения. Перед ним – колокол, в который поселенцы били в набат в случаях тревоги: при пожаре или нападении арабов. Его звон слышался на расстоянии 5–6 км.

В Гедере и сейчас живут потомки поселенцев. Мы беседовали с симпатичным молодым человеком, Хеном Шахевичем, представителем 5-го поколения первопроходцев. Он рассказал нам, что в их доме хранятся документы предшествующих поколений и книга по истории его семьи. Многие улицы Гедеры названы в честь ее основателей; есть и улица Шахевича.

Как уже упоминалось, несколько билуйцев поселились в Ришон ле-Ционе (буквально «Первый возвестит Сиону» /Исайя, гл. 41, стих 27/). Они чуть позже присоединились к группе основателей мошава (колонии), состоявшей из десяти зажиточных халуцим из России во главе с З.Левонтиным. Это было в 1882 г. Первые поселенцы будущего города добирались сюда по единственной верб-

люжей тропе. На пустыре разбили палатки и решили, что здесь будет поселок. Со временем построили скромные дома, а на пригорке – синагогу. Одновременно со строительством поселенцы занялись сельскохозяйственными работами, в основном виноградарством и виноделием. Они были счастливы, что осуществляется их мечта жить и трудиться на земле праотцев.

Поселенцы выпустили декларацию, в которой провозгласили свои цели. Среди многочисленных пунктов был и такой: «Поселенцы должны всячески стараться не наряжаться в шелка, не носить драгоценностей даже в субботу и праздники». В той же декларации было принято решение всю документацию вести на иврите.

Энтузиазма было много, а трудностей еще больше. Поселенец Иосеф Файнберг поехал в Париж к барону Эдмону де Ротшильду, рассказал ему о трудностях и очень его растрогал: тот впервые увидел в нем еврейского крестьянина, горевшего желанием возродить землю. Барон выделил деньги, послал специалистов и оборудование для поисков воды. Это был его первый вклад в еврейские поселения. Через много лет, посетив цветущий поселок, барон сказал: *«Только святая цель может вдохнуть в покинутую землю жизнь и вернуть сынов в ее пределы; цель, которой вы преданы всей душой, возбудила во мне желание вам помочь».*

Поселенцы Ришон ле-Циона посадили полтора миллиона виноградных кустов, двести тысяч тутовых и тысячи ореховых деревьев, этроги и даже многочисленные кусты герани в надежде наладить производство духов.

В 1889 г. были заложены большие винные погреба «Кармел мизрахи», и развитие виноделия улучшило экономическое положение ришонцев. К концу XIX века в Ришон ле-Ционе были открыты первые в стране детский сад и культурный центр, в котором говорили и преподавали на иврите. Здесь Н.Инбер написал стихотворение «Ха-Тиква», ставшее национальным гимном, возник проект национального флага и был основан Еврейский национальный фонд.

Несколько слов скажем о семействе Файнбергов. Иосеф, о котором упоминалось выше, был химиком, получил хорошее образование в Швейцарии и Германии. Погромы 1881 г. побудили его переселиться весной 1882 г. в Эрец-Исраэль. Совместно с З.Левонтиным основал Ришон ле-Цион на земле, в приобретении которой участвовал. Через некоторое время он выступил против системы управления, введенной Э. де Ротшильдом, вынужден был продать имущество и вместе с несколькими поселенцами покинул поселение.

Позже он открыл аптеку в Яффо. Иосеф был в числе тех, кто встречал Т.Герцля в 1898 г. во время его посещения Эрец-Исраэль.

Исраэль Файнберг, младший брат Иосефа, тоже поселился в Ришон ле-Ционе. По тем же причинам переехал в Гедеру, став одним из первых охранников поселения (1891 г.). В 1898 г. переселился в Хадеру, где организовал посадку эвкалиптовых деревьев для осушения окрестных болот.

В 1882 г. переехали в Палестину еврейские земледельцы из Украины Иегошуа Ханкин и его отец Исраэль-Лейб. Они были одними из первых профессиональных земледельцев, посвятивших себя делу возвращения в еврейскую собственность земель Эрец-Исраэль. Ханкины купили у арабов участок земли возле Ришон ле-Циона и занялись крестьянским трудом. После смерти отца сын продолжил выкуп земли. Его первым крупным самостоятельным шагом стало приобретение в 1890 г. нескольких тысяч дунамов земли, на которой вскоре был основан Реховот. Всего усилиями Ханкина в Эрец-Исраэль в еврейскую собственность перешло около 600 тысяч дунамов земли. Бескорыстная и подвижническая деятельность этого человека по еврейскому возрождению Эрец-Исраэль снискали ему любовь и уважение в стране и у евреев диаспоры. В 1934 г. ему было присвоено звание почетного гражданина Тель-Авива, его именем назван мошав Кфар-Иегошуа в Изреельской долине, а также улицы в Хайфе и Афуле. В честь его жены Ольги, одной из первых дипломированных акушеров в Эрец-Исраэль, было названо поселение Гив'ат Ольга.

Молодые энтузиасты ставили своей целью создать образцовые поселения в Палестине, чтобы они послужили примером для других. Одним из таких поселений был город Петах-Тиква («Преддверие надежды»). У въезда в город стоит трехпролетная каменная аркада, установленная в память о бароне Эдмоне де Ротшильде, роль которого в оказании помощи первым поселенцам была неоценимой. Свыше пяти миллионов фунтов стерлингов он вложил в развитие еврейского ишува, закупив пятьсот тысяч дунамов земли. Благодаря его помощи строились поселения, приглашались специалисты, высаживались эвкалипто-



Первый герб билуйцев в Гедере

вые деревья для осушения болот, приобретались саженцы растений. Строились первые заводы, на которых нашли работу виноделы Ришон ле-Циона и Зихрон-Якова. Среди первых рабочих винного завода в Ришон ле-Ционе был молодой Давид Грин. Босиком, в длинном фартуке, в засученных до колен штанах, он давил виноград. Как-то он поспорил с товарищем, кто из них выносливей. Трое суток без передышки давил Давид виноград и выиграл пари. Потом долгие годы в рот не мог взять вина. Через сорок два года этот рабочий, взявший имя Давид Бен-Гурион, стал первым премьер-министром Государства Израиль.

Не все выдерживали трудности и уезжали. Те, кто оставался, каторжно работали, страдали, болели, но добивались своей цели: построить, создать, сохранить.

Одним из таких поселенцев был Иоав Дубровин. Он родился в Астрахани, в трудолюбивой крестьянской семье субботников. Покинув приволжские степи, в 1883 г. приехал в Эрец-Исраэль и поселился недалеко от еврейского поселения Иесуд ха-Ма'ала, что означает «Основание подъема» (т.е. алии; Эзра, гл. 7, стих 9). Это поселение было основано в долине Хула молодыми еврейскими энтузиастами. Место было опасным, так как его окружали болота с комарами – разносчиками малярии. Вокруг бродили бедуины в костюмах Адама. Лихорадка косила людей, живших в тростниковых палатках или в сараях вместе со скотом. Иоав Дубровин купил в этих местах 650 дунамов земли и начал строить усадьбу, которая и сегодня называется «Усадьбой Дубровина», а болота, прилегающие к ней, – дубровинскими. Он приехал со всем необходимым инвентарем для сева и жатвы, а также привез свиток Торы. Он глубоко верил, что иудаизм – вера от Б-га, чистая и душевная; полностью принял иудаизм и до глубокой старости свято исполнял его заповеди. Он завершил постройку усадьбы и создал крепкое хозяйство. От малярии один за другим умерли два его сына. Но он не опустил руки, продолжал трудиться, отвоевывая у болота по крохам землю и поражая соседей результатами.

Когда у 95-летнего Иоава Дубровина спросили, жалеет ли он, что приехал в Эрец-Исраэль и принял иудаизм, он с гордостью ответил: *«Братья мои! Одно у меня утешение, что внуки мои смогут читать Библию на иврите. Вы же знаете, что я приехал в Святую Землю не ради наживы, а из любви к Создателю».*

Первые поселенцы из России были идеалистами, мечтавшими построить в Эрец-Исраэль социалистические сельскохозяйственные поселения, киббуцы. Первым из них стало поселение, основанное

в 1909-11 гг. группой молодых людей из украинского городка Ромны. Оно возникло в Иорданской долине на берегу озера Кинерет (в русской традиции – Тивериадское озеро). Коммуну называли Дгания («Василек»). (Речь идет о киббуце Дгания-алеф, Дгания-бет была основана в 1920 г.) Трудно себе это представить, но группа из десяти юношей и двух девушек, не имевших никакого сельскохозяйственного опыта, начала обрабатывать пустынную землю, высадила апельсиновые деревья, миндаль и виноград. В окружении враждебно настроенных арабов они трудились с раннего утра до позднего вечера. Через несколько лет им пришлось выкорчевывать все посадки и заняться созданием молочной фермы. Впоследствии оказалось, что для молока нет рынка сбыта, и это дело пришлось оставить. Но настойчивые первопроходцы строят оросительную систему и начинают заниматься выращиванием овощей и фруктов. И вот тогда арабы решили избавиться от киббуцников: они провели серию терактов, зверски убив восемнадцатилетнего юношу, и перекрыли дороги. Пришлось создать отряды самообороны, которые возглавил Иосиф Трумпельдор, героический участник русско-японской войны 1905 г., ставший героем еврейского ишува. Киббуц выстоял, и к 1914 г. число его жителей достигло пятидесяти человек.

Среди них были видные деятели еврейского возрождения, в том числе Леви Эшколь (Школьник). Он родился в Киевской губернии в 1895 г. В Эрец-Исраэль приехал в девятнадцать лет. Эшколь, человек колоссальной энергии, таланта и доброты, с прекрасным чувством юмора, был в числе создателей поселения Дгания-бет и оставался его членом до конца жизни. Позже он занимал видные позиции в общественной и политической жизни страны и стал премьер-министром Израиля.

В Дгании было много интересных личностей, характерных для этой «матери всех квучот и киббуцов».

Делегата 6-го Сионистского конгресса Хаима Бограшова (Богера) в 1903 г. пригласили в Палестину для создания средней школы с преподаванием на иврите. Уже в 1906 г. была создана гимназия «Герцлия». Он проработал в ней 40 лет учителем географии и геологии, а затем директором. В этой школе учились и воспитывались многие будущие лидеры Израиля.

Таких примеров множество. Из среды первой и второй алии вышли политические деятели, военачальники, раввины, поэты и

писатели, деятели науки. Так возник новый еврейский ишув, который стал базой для создания еврейского государства в 1948 г.



Основатели Гедеры

Справа (сверху вниз): Ривка и Дов Лейбовичи, Хая и Яков Хазановы, Лея и Мордехай Хенкины

Середина: Гитл Хенкина, Ривка и Шломо Цукерманы

Слева: Хая и Элияху Свердловы, Лея и Цви Горвицы

Некоторые первопроходцы оставили свои воспоминания. Хаим (Ефим) Хисин, билуец, один из первых поселенцев в Эрец-Исраэль, сионистский и общественный деятель, входил в группу, основавшую Гедеру. В 1887 г. он покинул поселение, так как отказался жить на пособие, выдаваемое Ховевей Цион, и стал зарабатывать перевозкой пассажиров по маршруту Яффа–Иерусалим. В том же году вернулся в Россию для изучения фармакологии. В 1890-м вновь приехал в Палестину, участвовал в палестинофильском движении, ратовал за язык иврит. Он написал статью «О воскрешении древнееврейского языка», которую опубликовал в сборнике «Вести Сиона», ч.2, Юзовка–Харьков, 1897 г. В 1898 г. уехал в Швейцарию, где поступил на медицинский факультет Бернского университета. В годы учебы активно пропагандировал сионизм среди евреев-студентов из России в странах Западной Европы. Участвовал в сионистских конгрессах. В 1905 г. вернулся в Эрец-Исраэль,

работал врачом. В 1909 г. Хисин был одним из основателей пригорода Яффы Ахузат-Баит, из которого вырос Тель-Авив.

Еще с середины 80-х гг. XIX в. Хисин сотрудничал в русско-еврейской прессе, в том числе в «Восходе». Там он опубликовал свои дневниковые записи «Из дневника палестинского эмигранта» («Восход». 1889. №1–12). Книга была переведена на иврит и вышла в 1925 г.; переиздана на русском под названием «Дневник билульца» (Иерусалим: Библиотека «Алия», 1973).

Дневник ценен тем, что его написал непосредственный участник событий. Видно, что он образован, интеллигентен, умеет критиковать, анализировать, делать выводы, обладает несомненными литературными способностями. Автор описывает путь в Эрец-Исраэль – через Одессу, Турцию, Египет, прибытие в Яффу на пароходе, первые шаги на новом месте, встречи с разными людьми, обычаи местных жителей, жизнь в Иерусалиме, взаимоотношения между различными группами евреев, между евреями – наемными работниками и работодателями, взаимоотношения с Центральным бюро организации Билу в Константинополе, со служащими барона Э. де Ротшильда. Описывает создание Ришон ле-Циона, Гедеры, Петах-Тиквы и др. Интересны его описания природы и климата древней страны. Рассказывает о тяжелом труде, неудачах и успехах первых поселенцев; много внимания уделяет сельскохозяйственной школе Микве Исраэль и ее создателю Ш.Неттеру. Немало добрых слов написано об И.Пинесе, которого уважали и любили.

Е.(Х.)Хисин начал вести дневник еще в России и продолжил в Палестине в 1882–1887 гг. Еврей-идеалист, честный и преданный выбранному пути, тяжело работал, но не отступил. Его записки увлекают так, что невозможно оторваться от чтения, ты словно становишься участником давно прошедших событий.

Дневник Хисин закончил в 1887 г., после пятилетнего пребывания в Эрец-Исраэль. В том же году уехал в Россию. Как известно, впоследствии он вернулся в Эрец-Исраэль и продолжал работать на благо своего народа.

Ниже приводим выдержки из его дневника.

* * *

Москва, 10 февраля 1882 г. Тяжелое время переживают евреи. Известия о новых погромах не только не возмущают никого, но еще пуще подзадоривают. <...> До сих пор мне не было никакого дела до моего происхождения; я чувствовал себя преданным сыном

России, которую я жил и дышал. Каждое открытие русского ученого, каждое выдающееся литературное произведение, каждый успех России как державы – наполняли гордостью мое сердце; я намеревался посвятить свои силы служению отечественным интересам и честно исполнять все обязанности доброго гражданина... И вдруг нам указывают на дверь и откровенно заявляют, что «западная граница открыта для нас [евреев]»¹.

2 марта 1882 г. Среди одной части нашего общества поднялось сильное движение в пользу колонизации Палестины. Я много размышлял об этом вопросе и пришел к заключению, что это единственный возможный исход для нашего народа. Мои сомнения рассеялись. Еврейство имеет еще великое будущее, грандиозную историческую цель, следовательно – есть еще благодарное и широкое поприще для честных, преданных сынов Израиля. Я нашел смысл в имени «еврей». Великая идея возрождения сбьит, чтобы для нее поработать.



Хаим (Ефим) Хсинн

Но отказаться от дальнейшего образования и в дикой стране приняться за плуг и заступ. <...> Я уже так сросся с мыслью о научной деятельности – и теперь, недалеко от цели, променять все это на тяжелый труд земледельца!.. Все время во мне происходила сильная борьба, я был как в жару, пока решился. Но теперь я спокоен, я знаю – чего хочу.

Яффа, на пароходе, 9-го августа 1882 г. Сегодня в 5 час. утра мы подошли к Яффе. Как и все почти приморские города, он очень красив с моря и имеет вид огромной усеченной пирамиды нагроможденных друг на друга зданий. Гавани нет, есть только небольшая каменная пристань для лодок, пароходы же останавливаются в отдалении.

¹ Слова министра внутренних дел России Н.Игнатъева. – *Ред.*

Яффа, 11 августа 1882 г. Мы вышли из Яффы по Иерусалимскому шоссе, носильщики несли за нами вещи. По обеим сторонам шоссе тянутся апельсиновые, лимонные, гранатовые и др. сады; в каждом саду каменный дом владельца. <...> Мы вошли в один двор, поднялись на каменный балкон, на который выходят две двери от двух комнат, занимаемых нашей партией. На балконе стояла девушка и готовила обед; увидя нас, она весело поспешила нам на встречу; мы сердечно поздоровались и вошли за ней в комнаты. <...> Вдруг до нас донеслось какое-то пение и стало слышаться все яснее и громче: то наши билуицы возвращались с работы. Они уже знали о нашем приезде и неизменно ему обрадовались. Все умылись, причесались, переменяли одежду и собрались на балконе. Мы обменялись новостями из России, Константинополя и Яффы; на всех лицах было написано живейшее удовольствие. Появилась хозяйка и пригласила нас к столу. <...> Ради гостей ужин состоял из двух блюд (обыкновенно только одно): суп из фасоли с картофелем и каша из рису. <...> Несмотря на всеобщую усталость, одних с работы, других с дороги, еще далеко за полночь велись разговоры. Это была первая ночь, которую я спал на Св. Земле.

Яффа, 21 августа 1882 г. Уже 10 дней я не писал. Нет никакой физической возможности, на руках пузыри, кровяные подтеки, не могу разжать пальцев. <...> Спину так ломит, устал страшно и, придя с работы, рад скорее поужинать да спать завалиться. Впрочем, это, вероятно, от непривычки. 12-го впервые я пошел на работу. <...> Мы встали в 5 час. с восходом солнца, ибо в 6 ч. уже начинается работа. Чаю мы утром не пьем. Убрав постель и захвативши под мышку по хлебу фунта в 1,5, мы отправились. <...> Минут через 20 мы были в Миквэ-Израиле. Ферму эту, по поручению Allianc'a, основал Неттер в 1870 г. <...> Главным образом здесь разводят бьяры² и виноградники, есть также небольшое скотоводство и птицеводство, словом, – богатое хозяйство. Ежедневно работают 40 и более арабов, не считая постоянных служащих и учеников около 60 чел. <...> Суровую школу нам приходится проходить. Легкой работы, как-то: проводить грядки, сажать, срывать плоды, поливать и т.п., – нам не дают, а назначают все пешить да пешить. Надсмотрщик гонит в шею, не дает отдыхать, ибо ему так приказано.

² Бьяры, т.е. плантации. – *Авт.*

18 сентября 1882 г. 13-го числа у нас была сходка, на которой после бурных споров решено было: не пить более чая и не курить табак. Но на деле это, конечно, исполняется только теми, которые работают. Делегаты же и кой-какие привилегированные не хотят отказаться от этих привычек, говоря, что покупают на *свои* деньги. Но кто их знает, ведь *они* распоряжаются нашими деньгами, никогда не дают нам отчета; да и какие у них *свои* деньги? Сегодня мы не завтракали, хлеба нет. <...> Все стали нервными, раздражительными. <...> Все эти люди ехали сюда с самыми лучшими намерениями, расстались с родными и близкими, отказались от всех удобств жизни, и все это, чтобы послужить здесь идее и начать трудовую и свободную жизнь, – и что же их здесь ожидало? Бессовестные делегаты превратили их в рабов, лишили человеческого достоинства.

25 сентября 1882 г. <...> Сегодня же Б. созвал сходку. <...> «Если вы решите остаться, то найдите источник для уплаты долгов». Некоторое время длилось тяжелое молчание; но вот один заговорил:

«Нам предлагают разъехаться. <...> Но, вопреки всем невзгодам, наша идея слишком дорога для нас. Собственно говоря, каждый из нас еще в России обрек себя на голод и страдания, не рассчитав только, что из них проистекнут раздоры... Не забудьте, господа, что никто нас не просил явиться спасителями нашего народа. Мы сами гордо схватили то знамя, которое, может быть, подняли бы более сильные люди. Теперь идет вопрос не о нас лично, а о великом деле возрождения, которое мы собою олицетворяем. <...> Я предлагаю прямо приступить к изысканию способа уплаты долгов». Слова эти вдохнули в нас новые силы.

Ришон-Лецион, 25 ноября 1882 г. <...> Колонисты выработали устав, по которому изгонялась роскошь, запрещалось открытое нарушение предписаний религии и проч. Но главное старание было обращено на организацию общественной жизни колонии. Земля должна была обрабатываться на общинных началах, так, чтобы каждый имел в урожае часть, соответствующую количеству его земли. <...> Колонисты жили как братья, ели, пили вместе, радость и горе делились всеми наравне, и каждый из всех сил старался спешествовать благу своей колонии.

Март 1883 года. <...> Положение нашей партии пока самое неопределенное; мы играем в колонии роль общественной артели рабочих. <...> Мы копаем канавы, фундаменты, засадили деревья вдоль колонии. Согласно обещанию, для нас строят три двухэтажных дома. Материальные наши обстоятельства значительно улучшились, так как мы стали получать довольно частые пожертвования; мы справили себе одежду, белье, обувь; начали позволять себе к завтраку сельди или яйца и даже иногда мясом лакомились. Трудились дружно, с песнями выходили на работу и с песнями возвращались. По вечерам устраивали беседы по истории нашего народа, агрономии и проч., изучали еврейский язык. Из освещенных окон нашей палатки постоянно раздавались оживленные речи, веселье, смех. Все нам завидовали и считали честью провести у нас вечер: мы были средоточием всей молодежи, в нашу палатку приходили душу отвести все усталые, павшие духом; ни одно празднество не обходилось без билуицев.

<...> Глядя на колонистов во время их стычек с арабами, я думаю часто: неужели это те самые евреи, которые на родине безропотно переносили всякие оскорбления и унижения? Где же их будто бы «прирожденная» трусость, которую даже многие евреи сами признают в своем народе. <...> Нет, трусость не была в характере наших предков, а у нас она будет до тех пор, пока мы не выйдем из угнетенного состояния, что мы видим на колонистах. Короткое время свободы и равноправия, сознание, что они не хуже других, — уже посеяли в них смелость, мужество, самоуверенность! Нет сомнения, что наше подрастающее поколение не будет уже иметь и понятия о робости своих отцов.

22 апреля 1884 г. Все прошедшее лето прошло в постройках, Для бедных семейств было выстроено восемь одноэтажных домов с конюшнями. Колодец был уже совершенно окончен. Вследствие его значительной глубины в 43 метра, обещано было прислать из Парижа паровой локомотив. <...>

15 февраля 1885 г. Настал день раздачи помощи.

— Для вас у меня нет денег, — злобно обратился ко мне директор. <...> Вы здесь не колонист больше!

Оссовецкий не имел, конечно, права исключить меня и хотел только напугать; но я принял его слова за чистую монету и на следующий день, несмотря на его намеки, чтобы я просил извинения, я

заявил ему, что, так как я исключен, мне остается только оставить колонию.

В этих обстоятельствах некоторые из билуйцев стали мне советовать, чтобы я примкнул к ним. <...> Половина партии Билу вернулась работать в М.-Израиль. Они предложили М.Пинесу быть их президентом, и он на некоторых условиях согласился. <...> Желая основать колонию, Пинес купил в расстоянии 30 верст от Яффы, к юго-востоку, участок земли в 250 дес., разделил ее на 25 частей, по 10 дес. на семейство. <...> Но так как не было денег для построек, то Пинес поставил из досок квадратный домик в 5х5 метр. и предложил пока билуйцам поселиться в нем. В ноябре прошлого года билуйцы в количестве девяти человек перешли на свою землю, чем и было положено основание новой колонии, названной Гедерой, так как в старину на этом месте, полагают, находился городок этого имени. <...>

Президент Пинес обходится с билуйцами с редким тактом. Не легкое дело управлять хоть десятком евреев, но справиться с партией горячих, необузданных молодых людей очень трудно. А между тем в течение почти двухлетнего президентства Пинеса между ним и билуйцами не было еще ни одного разлада; последние его глубоко уважают и любят как отца и учителя и готовы за него на все. Пред его солидной, несокрушимой логикой, пред его глубоким умом, пред обаянием его личности смирятся всякая строптивость, утихают страсти. Его мнение у них свято. <...> Когда Пинес приезжает в Гедеру, у билуйцев настоящий праздник. <...> Мысль устроиться в Гедере пришлось мне весьма по душе.

22 февраля 1885 года. Прибыли в Гедеру. <...> Пред домиком в густом дыму стоял дежурный и варил обед. Обыкновенно здесь готовят на деревянных углях, но билуйцы, жалея уголь, варят обед во дворе. Котел ставится на камни, а снизу зажигается мелкий, колючий кустарник, дико растущий на горах и называемый у колонистов курай. К домику пристроен навес, в котором обитает билуйский осел, кроме собак, единственный пока представитель четвероногого царства в Гедере. Несколько далее мы увидели какую-то яму: это печь, высеченная в камне, где билуйцы сами пекут свой хлеб. Мы вошли в домик; около двух стен устроены нары, заменяющие и кровати, и стулья; стол и несколько полок для посуды и провизии дополняли убранство. <...>

Все были очень рады моему возвращению в лоно билуйцев снова <...>.

2 мая 1886 г. Праздник Песах мы провели очень весело. Среди колонистов вошло в обыкновение в праздники совершать прогулки по колониям. На этот раз колония Экрон в полном своем составе сделала визит Гедере. С экронцами мы живем особенно дружно, так как они отличаются большой простотой и радушием. <...> Так беззаботно и искренне веселиться, как в Гедере, не могут ни в одной колонии. Заметив празднично разодетую, пеструю толпу экронцев на ослах, мулах и запряженных волами повозках, мы очень обрадовались и поспешили навстречу гостям, и с обеих сторон среди выстрелов раздались приветственные клики: «Да здравствует Экрон! Да здравствует Гедера! Ура!» Так как в домике не было для всех места, то на открытом воздухе были устроены столы и сиденья, зашипели самовары, появилось вино, и вскоре все уже пело, плясало, обнималось.

13-го октября 1886 г. В последнее лето во всех слоях еврейского населения в Яффе и колониях стала замечаться сильная заботливость об общественной жизни. <...> В конце мая, благодаря энергии нескольких молодых людей, в Яффе основалась «колонизальная библиотека». Многие охотно согласились, в виде дара или заимообразно, отдать свои книги в общую библиотеку, и вскоре в ней имелось уже свыше 400 томов. <...>

В конце июня в Яффе было основано общество «Esrath Israel». Начало оно свою деятельность с того, что сняло двухэтажный домик, в верхнем этаже которого была устроена больница, а в нижнем временное помещение для бедных проезжающих.

18 октября 1886 г. Всегда присущее евреям неутомимое стремление к общественности заговорило с особенною силой и прорвалось на этот раз в начале августа основанием интересного общества «Ревнителю мира» <...>, совершенно отличного от прежде бывавших союзов в том отношении, что здесь не было и следа политики и, по-видимому, преследовались исключительно высоко-моральные цели: мир, братство и любовь. Основателями этого общества были все колонисты вместе с администратором. <...> Был выработан и напечатан устав, по которому общество не носило местного характера и было чем-то вроде духовной секты, члены которой обязаны своею жизнью показывать пример высшей любви и проповедовать последнюю из всех сил. <...> «Ревнители мира» стали заботиться о нравственном облагораживании своих членов; каждую субботу вечером происходят у них собрания, в которых,

после разбора текущих дел, читаются проповеди, происходят духовные беседы. Здесь есть много материала для изучающего человеческое сердце.

14 октября 1887 года. Во время моих поездок в Иерусалим я из всех сил старался найти себе там какое-нибудь занятие, но, к сожалению, ничего не достиг. <...> Гедера все еще находится в самом жалком положении. <...> Я не унываю, я убежден, что не погибнет наша Гедера, будут в ней дома, прикуплена будет земля, только до тех пор, при скудных средствах «Друзей Сиона», еще немало воды утечет.

Но я уже не в силах более унижаться: пять лет я ел, пил, одевался на чужие деньги. Это ужасно! <...>

Я горжусь моим пребыванием в Святой Земле и желал бы всю остальную жизнь быть так же полезным, как в эти славные пять лет!

* * *

Память о билуйцах – это не только ныне процветающая Гедера; память хранится в названиях улиц многих городов Израиля (улица Билу), в названии мошава Кфар-Билу и перекрестка между Реховотом и Кирьят-Экроном, в названии современного торгового центра «Билу-центр» в промышленной зоне Кирьят-Экрона.

P.S. В 2004 г. Гедере исполнилось 120 лет. В честь этого события 23 августа 2004 г. в Харькове, где зародилась организация Билу, открылся музей, посвященный билуйцам. Музей Гедеры оказал помощь харьковчанам.

При участии музея также готовится книга, посвященная 120-летию Гедеры.

Эти сведения нам сообщил один из основателей музея, историк Герц Финкенберг. Мы долго беседовали с ним в библиотеке музея, в которой собраны все публикации о билуйцах и Гедере. Он рассказал нам об эмблемах и гербах билуйцев, а также показал подлинники протоколов заседаний, которые вели билуйцы. Под каждым протоколом стоят подписи всех присутствующих и печать. К сожалению, сохранились протоколы только начиная с № 162, под которым стоят 12 подписей.

Литература

1. Краткая еврейская энциклопедия. Общество по исследованию еврейских общин. Еврейский университет в Иерусалиме. 1976 – 2004 гг. тт. 1–11, доп.1–3.

2. *М.Фельдман-Меагер*. Святая Земля: Путеводитель по Израилю. Иерусалим: Изд-во ММТ LTD, 1997. 636 с.

3. *Е.Хисин*. Дневник билуйца. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1973. 176 с.

4. *Sh.Laskov*. The Biluim. Hassifriya Haziyonit. Publishing House of the World Zionist Organization. Jerusalem, 1981 (*иврит*). 14 (*иврит*) + 462 (*иврит*) + 8 (*англ.*) с.

Кроме источников, указанных в списке литературы, авторы использовали воспоминания старожилов, с которыми беседовали при посещении киббуца Дгания-алеф, усадьбы Дубровина и музея в Гедере.

Национальный историк: интеллектуальная биография Шмуэля Эттингера (1919–1988)¹

Дан Харув (Иерусалим)



Шмуэль Эттингер

Шмуэль Эттингер родился 24 июня 1919 г. в Киеве (тогда в руках большевиков) в семье хасида, по профессии слесаря, позже ставшего кустарем, чтобы не работать по субботам. До 1927 г. (по другим данным – до начала 30-х гг.) семья проживала в Киеве, а затем переехала в Ленинград. В семье соблюдались религиозные традиции, и Эттингер в юном возрасте начал изучать еврейские источники: в три года – иврит, в пять – Тору и в семь – Талмуд. Одновременно мальчик учился в советских школах в Киеве, в Ленинграде, однако не был членом комсомола, видимо, из-за социального («непролетарского») происхождения отца.

В декабре 1935 г., после того как дядя отца Эттингера заплатил советским властям 500 фунтов стерлингов (1000 дол. по тогдашнему курсу, или, по другому источнику, – 1000 фунтов, т. е. 2000 дол.), семья эмигрировала в Эрец-Исраэль и поселилась в Тель-Авиве. Так как у мальчика возникли трудности в абсорбции, он окончил среднюю школу экстерном. В 1936–1941 гг. он учился на первую степень (бакалавра) в Еврейском университете в Иерусалиме (официальное название Иерусалимского университета. Далее – Иерусалимский университет), изучая философию, историю и экономику сельского хозяйства, и одновременно занимался (видимо, по настоянию отца,

¹ Доклад на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

а затем из конспиративных соображений) в Хевронской йешиве в Иерусалиме.

1. Коммунистическая деятельность

Гражданская война в Испании (1936–1939 гг.) глубоко повлияла на юношу, и он принял коммунистическую идеологию. Приблизительно в 1936–1937 гг. Эттингер стал членом еврейской секции подпольной Палестинской коммунистической партии (ПКП), отличился активностью в объединении студентов (с 1937 г.) и был избран там секретарем «Блока трудовой Эрец-Исраэль»². Его деятельность в объединении студентов, так же как в молодежном движении «Бахарут социалистит» (социалистическая молодежь), близком к Мапай³, проходила в рамках операции «Троянский конь», организованной ПКП в 1938–1940 гг. с целью внедрения коммунистов в сионистские партии, в основном в Мапай. Студенты – псевдосторонники Мапай, возглавлявшие «Блок трудовой Эрец-Исраэль» в объединении студентов, включая Эттингера, делали все возможное, чтобы уменьшить влияние Мапай на студентов. Они пытались проникнуть в «Хагану»⁴ для получения информации, которую она собирала о коммунистах. Один из лидеров Мапай, Берл Каценельсон (Каценельсон, 1887–1944), назвал их «важной группой», и не исключено, что это горячие речи Эттингера и его друзей произвели на него такое впечатление. Группа Эттингера также пыталась завязать контакты с Шломо Капланским (1884–1950), возглавлявшим тогда Технион⁵ в Хайфе, – одним из горячих сторонников идеи двунационального государства в Палестине.

Эттингер был суперпропагандистом, использовавшим свой интеллект, знания (опираясь на соответствующие источники, например, БСЭ) и искусство убеждения для агитации колеблющихся студентов. Он не боялся объявлять себя коммунистом и антисионистом и лично участвовать в раздаче листовок (однако также надеялся на защиту профессоров университета). В 1940 г. он был

² Эрец-Исраэль – здесь: подмандатная Палестина (1923–1948).

³ Мапай (аббревиатура) – Рабочая партия Палестины – крупнейшая партия еврейского населения Палестины; с 1948 по 1977 г. – правящая партия Израиля.

⁴ «Хагана» – «Оборона» (*иврит*) – подпольные вооруженные силы еврейского населения Палестины, созданные в 1920 г. В 1948 г. преобразованы в Армию обороны Израиля.

⁵ Технион – Политехнический институт.

арестован за распространение листовок против «второй империалистической войны» и Еврейского агентства, которое планировало создание еврейской армии, однако несколько часов спустя его освободили по просьбе ректора Иерусалимского университета Иехуды Магнеса (1877–1948).

После роспуска еврейской секции ПКП (декабрь 1939 г.) был создан «Союз Спартака» (июнь 1940 г.), объявивший своей целью организацию народного фронта против «империалистической войны». Эттингер стал одним из руководителей «Союза». В августе 1940 г. была создана группа «Ха-эмет»⁶ – фактически продолжение еврейской секции ПКП; одним из ее руководителей также стал Эттингер. После начала германо-советской войны (22.6.1941) он, подобно другим коммунистам, изменил свое мнение о характере Второй мировой войны. Это выяснилось на «всепалестинском съезде» группы, состоявшемся в холь ха-мозд Песах⁷ 1942 г., на котором он отстаивал с более энергичных позиций, чем большинство руководства, право ишува⁸ и других евреев мира создать собственные вооруженные силы. К этому он добавил:

«Необходимо связать антифашистский фронт в ишув с еврейским национальным движением, которое заботится обо всем еврейском народе». После объединения группы «Ха-эмет» и ПКП (июнь 1942 г.) Эттингер стал членом ЦК комсомола.

В мае 1943 г. в ПКП произошел раскол. Эттингер выступил против ЦК, обвинив его в том, что партия оказалась в тупике и это может привести к изменению ее принципов. Он был выведен из ЦК комсомола и исключен из ПКП, но вскоре восстановлен на всех постах. В октябре 1943 г. Эттингер написал «Контртезисы: Палестина в период войны против фашизма», направленные в основном против одного из лидеров ПКП, Шмуэля Микуниса (1903–1982). В этих тезисах Эттингер дал свою версию марксизма, которая мало отличалась от официальной советской. По его мнению, «евреи не превратились в нацию», так как «отсталая еврейская буржуазия не смогла приобрести национальный рынок». Сионизм – это движение, созданное еврейской буржуазией накануне Первой мировой войны и сразу же получившее помощь от британского империализма, который использовал его как средство в борьбе с герман-

⁶ «Ха-эмет» – «Правда» (иврит).

⁷ Холь ха-мозд Песах – пасхальная неделя (иврит); в 1942 г. – 3–7 апреля.

⁸ Ишув – еврейское национально ориентированное население Палестины (иврит).

ским империализмом. Позже сионизм стал орудием британского империализма «против освободительного движения арабского народа»; «большинство буржуазии [в Палестине]... основывается на нерентабельном сельском хозяйстве... требующем проводить политику “автаркии” и еврейской работы» и «находится в остром столкновении с национально-освободительным движением арабского народа... Во главе [буржуазии] стоят представители монополистического капитала». Вступление Советского Союза во Вторую мировую войну изменило ее характер – она стала освободительной («рабочие – самый заинтересованный фактор в победе»), и Эттингер призывал евреев Палестины поддержать Советский Союз. Однако Эттингер, единственный среди палестинских коммунистов, позволил себе упомянуть Маккавеев, вслед за публикациями Еврейского антифашистского комитета (ЕАК).

В 1944 г. достаточно доступные и полные сведения о Катастрофе европейского еврейства достигли Эрец-Исраэль, и это послужило поворотным пунктом в жизни Эттингера. Катастрофа изменила многие его убеждения, привнеся национальные элементы в его самосознание и коммунистическую деятельность, стала одной из причин создания Эттингером коммунистической организации в национальном духе – Коммунистического просветительного союза. Не исключено, что на Эттингера повлияли также многочисленные публикации иностранных коммунистов, включая статьи советского еврейского журналиста Шахно Эпштейна (1883–1945), которые признавали возникновение еврейской нации в Палестине. Первые упоминания о «Союзе» появились в июле 1944 г., в «Тезисах к всепалестинскому съезду “Союза”», которые были более подробно освещены в документе, именуемом «Политические итоги» (февраль 1945 г.). Сам «Союз» был основан в апреле 1945 г. на учредительном съезде в Тель-Авиве. Идеи «Союза» были подробно описаны Эттингером в брошюре «О нашем национальном будущем» (Тель-Авив, 1945 г.). В ней утверждалось, что будущее еврейского народа невозможно вне союза с коммунизмом и следования по его пути; в этом была суть основанного им национального коммунизма. Эттингер признал существование ишува как окончательный факт, а также право всех евреев диаспоры на алию⁹ и на их связь с Эрец-Исраэль. Однако, по мнению Эттингера, евреи всего мира в целом не являются нацией. Нельзя также требовать массовой алии, которая приведет к национальной катастрофе, так как

⁹ Алия – репатриация (*иврит*).

будет способствовать антисемитизму, дискриминации, лишению прав евреев: «Насильственная эвакуация... приведет к Треблинке, не к Эрец-Исраэль». Будущее еврейского народа заключается в его единстве и в сотрудничестве между ЕАК, Всемирной сионистской организацией и Всемирным еврейским конгрессом. «Союз» берет на себя миссию служить катализатором «палестинского коммунизма» и займется «изучением условий страны в свете марксизма».

«Союз» выпускал свое периодическое издание «Ахдут»¹⁰ (1945–1947 гг.; в 1948–1949 гг. – приложение к коммунистической газете «Коль ха-ам»¹¹), в названии которого несомненно влияние органа ЕАК «Эйникайт» («Единство»). Эттингер был неофициальным редактором «Ахдут» и опубликовал в нем несколько статей. Он поднимал в них проблему будущего устройства Палестины как двунационального государства, близкого к идеям левых сионистов. Выступая на заседаниях совета Коммунистического союза (принял это название в декабре 1945 г.; был переименован в Еврейскую коммунистическую партию [ЕКП] в октябре 1947 г.), Эттингер призвал к «активизму нового типа... война должна вестись всеми евреями: на заводах, на улицах, в правительственных учреждениях; мы “убедим” Британию не посредством большого шума. Мы добьемся отмены [Белой книги 1939 г.]¹² только посредством расчетливой политической войны, которая усилит наши силы и проложит путь к национальной независимости во всех сферах жизни – экономической, политической и культурной...».

В мае–декабре 1946 г. Эттингер посетил в составе делегации «Союза» страны Восточной Европы (Польша, Югославия, Болгария, Румыния), из них первые четыре месяца находился в Польше. Целью делегации была мобилизация коммунистических партий Восточной Европы (и через них – влияние на Советский Союз) в поддержку борьбы ишува за полную государственную и национальную независимость, алию, свободу поселения, оборону и нормальное развитие. Второй целью делегации было повлиять на дебаты, которые происходили в мировом коммунистическом движении

¹⁰ «Ахдут» – «Единство» (*иврит*).

¹¹ «Коль ха-ам» – «Голос народа» (*иврит*).

¹² Белая книга 1939 г. – отчет о политических мероприятиях британского правительства, представленный парламенту, который ограничил алию, покупку земли евреями и практически выражал отказ Великобритании выполнять свои обязательства в отношении евреев, вытекавшие из декларации Бальфура и условий мандата.

по палестинской проблеме, и склонить его к поддержке политики Коммунистического союза.

В Восточной Европе Эттингер встретился с рядом лидеров коммунистических, правительственных и еврейских учреждений и организаций. Он опубликовал несколько статей о проблемах Эрец-Исраэль в коммунистической и еврейской печати и прочитал значительное число лекций для коммунистических функционеров, евреев и неевреев. Однако Эттингеру не удалось встретиться с главами коммунистического режима в Польше и через них проложить дорогу к сердцу Москвы.

Коммунистический режим, который установился в Польше, и положение в нем евреев – как глав режима, так и жертв погромов, убийств и кровавых наветов – открыли Эттингеру глаза на происходящее в коммунистическом мире и поколебали его коммунистические убеждения. Однако, с другой стороны, Эттингер понимал, что Советский Союз является центральным фактором в мировой политике, включая Ближний Восток, и связи с ним жизненно важны для еврейского народа. Поэтому было решено скрыть информацию о происходящем в коммунистическом мире от рядовых членов «Союза» и продолжить предыдущую линию по отношению к Советскому Союзу. Еще одной вехой на этом пути была поездка Эттингера на Первый всемирный фестиваль молодежи и студентов в Праге в июле-августе 1947 г.

После резолюции Генеральной ассамблеи ООН (29.11.1947) о разделе Эрец-Исраэль, положившей начало Войне за независимость, Эттингер призывал вести активную политику в этой войне против империализма (т. е. арабских правительств) в союзе с силами прогресса и мира во всем мире. В его позиции не было анти-арабских настроений, так как Эттингер считал арабские «феодалные» правительства посланцами империализма и, по его мнению, решающая израильская победа должна послужить усилению борьбы с реакцией. Однако умеренность правительства Израиля и его согласие на перерыв в военных действиях помешали этим планам и характеризовали политику Израиля, с точки зрения Эттингера, как конформистскую и капитулянтскую по отношению к западному империализму.

После основания Государства Израиль (14.5.1948) Эттингер написал тезисы (июнь 1948 г.), в которых призвал к единству коммунистического лагеря в стране против «конкретного врага» – Мапай. В этих тезисах он фактически принял сионистское мировоззрение. По мнению Эттингера, не существует *«альтернативы*

независимой национальной жизни евреев в изгнании (т.е. в диаспоре. – Д.Х.): у тех, кто не хочет или не может ассимилироваться, есть только один путь – сформироваться как нация, репатриироваться в Эрец-Исраэль и стать сыновьями “ивритской” (ивритоязычной) нации в Государстве Израиль». Эттингер утверждал в тезисах, что «Советский Союз многократно подчеркивал права еврейского народа – и не только евреев Эрец-Исраэль – на собственное государство. [Поэтому] Израиль не только государство евреев Эрец-Исраэль, но также государство всех евреев, желающих жить независимой государственной национальной жизнью. Национальное движение, выражающее процесс национальной кристаллизации, проходящей в еврейском народе, это сионистское движение».

Однако давление со стороны группы Микуниса–Вильнера, поставившей как условие для возобновления переговоров об объединении коммунистического лагеря в Израиле аннулирование этих высказываний, привело к капитуляции Эттингера. В специальном заявлении (октябрь 1948 г.) он восхищается «восстановлением еврейской национальной и культурной жизни в странах Европы, войной еврейских масс плечом к плечу с прогрессивными силами и коммунистическими партиями против остатков фашизма, реакции и антисемитизма». Эттингер отказался от своих слов о сионизме как национальном движении еврейского народа. Распуск Пальмаха¹³ он рассматривал как действие, направленное на превращение народной армии в буржуазную кадровую армию. Далее Эттингер предлагал создать в армии «солдатские советы» – по образцу большевиков. Хотя это предложение не было принято, видимо, из-за противодействия Мапам¹⁴, Эттингер считал, что сильная коммунистическая партия сможет сохранить народный характер армии. Предстоящие выборы в Учредительное собрание пробудили в Эттингере надежду, что объединенная коммунистическая партия, возглавляя рабочий класс и весь народ, сможет превратиться в ведущую политическую силу в Израиле. Причины, которые побудят массы избирателей голосовать за коммунистов, были, по мнению Эттингера, следующие: поставки оружия Чехословакией Израилю по указанию

¹³ Пальмах – ударные отряды, особые части «Хаганы», позднее – часть Армии обороны Израиля; существовал с мая 1941 г. до октября 1948 г.

¹⁴ Мапам (ивритская аббревиатура) – Объединенная рабочая партия – левосоциалистическая партия, образованная в 1948 г.

Советского Союза, недовольство в левых кругах в связи с роспуском Пальмаха и алия из стран Восточной Европы.

29.11.1948 г. была создана объединенная Коммунистическая партия Израиля (КПИ). Эттингер был утвержден членом редакции «Коль ха-ам» и членом ЦК. В предвыборной кампании в Учредительное собрание Эттингер участвовал в паре с Меиром Вильнером, и они оказались одним из самых популярных пропагандистских тандемов. Однако кризис между выходцами из двух групп был неизбежен, и одним из его признаков стало практическое отстранение Эттингера от редактирования «Коль ха-ам» еще до выборов. Сами выборы (25.1.1949) показали слабость коммунистов, получивших всего четыре мандата. Последовавшие за этим переговоры об объединении ЕКП и Лехи¹⁵ завершились неудачей. Попытка ограбить банк, предпринятая некоторыми молодыми сторонниками ЕКП (9.2.1949) для получения денежных средств на восстановление партии, была использована группой Микуниса–Вильнера для сведения счетов с ней. В специальном обращении ЦК КПИ были осуждены бывшие члены ЕКП, и девять ее выходцев были выведены из ЦК. Среди них был и Эттингер, который также был обвинен в следовании «социологическому анализу» «буржуазного» экономиста Якова Лецинского (1876–1966). Этими событиями фактически завершилась коммунистическая деятельность Эттингера. Последняя попытка обновить коммунистическое движение была предпринята Эттингером и его единомышленниками в 1956 г., после выступления Н.С.Хрущева на XX съезде КПСС. Однако основанная ими группа «гуманного коммунизма» просуществовала недолго.

2. Научная и общественно-политическая деятельность

Война за независимость и фиаско в коммунистической деятельности окончательно склонили Эттингера к возвращению к изучению истории, на этот раз истории еврейского народа. В 1951 г. он получил вторую степень по еврейской истории, написав магистерскую диссертацию о Генрихе (Цви-Гирше) Греце (1817–1891). В 1951–1952 гг. Эттингер находился в научной командировке в Институте славянских исследований (Лондонский университет) для работы над докторской диссертацией. С 1952 г. преподавал на

¹⁵ Лехи – Борцы за свободу Израиля, подпольная радикальная еврейская организация в Палестине, действовавшая в 1940–1948 гг.

кафедре еврейской истории Иерусалимского университета. В 1956 г. ученый защитил докторскую диссертацию «Еврейское население Украины от Люблинской унии до погромов 5408 г. (1569–1648)» под руководством Бенциона Динура (1884–1973). В 1965 г. Эттингер стал профессором еврейской истории нового времени Иерусалимского университета. Посвятив себя науке, Эттингер продолжал сочетать занятия ею с общественно-политической деятельностью. Он боролся за создание и укрепление современного светского и просвещенного общества в Государстве Израиль, за существование либеральной демократии, ставящей на первое место права человека и гражданина, борющейся с националистическим фанатизмом и видящей в нем смертельную опасность для нормального развития и самого существования Израиля.

В начале 60-х гг. Эттингер участвовал в движении интеллектуалов против увольнения Пинхаса Лавона (1904–1976) с должности генсека Хистадрута¹⁶ – так называемое «дело Лавона» и, в частности, подписал обращение профессоров в его защиту. После Шестидневной войны (1967 г.) Эттингер принял участие в дебатах об участии оккупированных территорий. В 1972 г. он встретился с Голдой Меир (1898–1978), чтобы убедить ее, что израильское правительство не исчерпало все возможности в переговорах с Египтом. В 1974 г. Эттингер участвовал в телевизионном диспуте «Мокед» с Менахемом Бегоном (1913–1992). Во время Ливанской войны (1982 г.) Эттингер организовал пресс-конференцию против бомбежек Бейрута, на которой, в частности, обвинил Бегина в вульгарном использовании Катастрофы. В 1986 г. Эттингер выступил против предоставления поста премьер-министра (в рамках ротации) Ицхаку Шамиру (р. 1915) и обвинил его в ответственности за так называемое «дело Шин-Бет (автобус №300)». В феврале 1988 г., после начала интифады¹⁷, Эттингер организовал петицию профессоров против оккупации и за достижение мира. В мае того же года Эттингер дал интервью газете «Иерушалаим», в котором высказал свои взгляды на израильское общество и его проблемы.

Другой важной сферой общественно-политической деятельности Эттингера было сотрудничество с «Бюро по связям» с целью

¹⁶ Хистадрут – Всеобщая федерация труда (*иврит*), израильские профсоюзы.

¹⁷ Интифада – выступления палестинцев в 1987–1993 гг. против израильского присутствия на Западном берегу Иордана и в Газе.

распространения еврейской культуры за «железным занавесом» и помощи в культурной интеграции в Израиле интеллигенции из Советского Союза. С началом алии 70-х гг. Эттингер самоотверженно, всем сердцем участвовал в абсорбции русско-еврейской интеллигенции в Израиле и видел в приобщении репатриантов к еврейской культуре свою миссию, в выполнение которой вкладывал много сил и души.

Эттингер был основоположником и активным членом многих научных учреждений: Израильского исторического общества и его ежегодных конференций, Центра по изучению еврейской истории им. Шазара, Центра по исследованию еврейской истории им. Динура, Центрального архива истории еврейского народа, Международного центра по исследованию антисемитизма, Израильской ассоциации фольклора.

Значительная часть научной инициативы Эттингера была обращена на исследование истории евреев Советского Союза. Среди созданных им учреждений выделяется Центр по исследованию и документации восточно-европейского еврейства, Краткая еврейская энциклопедия, издательство «Библиотека–Алия».

Эттингер был одним из создателей Центра по исследованию и документации восточно-европейского еврейства (1956 г.) и возглавлял его с 60-х гг. до 1988 г. Его деятельность в Центре была разносторонней и включала руководство систематическим сбором документов, книг и периодических изданий, составивших одно из самых больших собраний в мире по истории евреев Советского Союза. Под его научным руководством в Центре были организованы такие важные научные проекты, как «Национальное пробуждение среди евреев Советского Союза», «Сионистские активисты в СССР» и «Репатрианты из Советского Союза».

Один из наиболее важных проектов Центра – «Корни и последствия антисемитизма в Советском Союзе» – проводился в рамках одноименного семинара, в котором участвовали в основном репатрианты. Результаты семинара были опубликованы на английском в трех томах; был подготовлен к печати и четвертый том. Первый том был также опубликован по-русски, а выборка из трех томов – на иврите. Из Центра вышли в свет две книги на русском языке, которые были опубликованы после кончины Эттингера и посвящены его памяти: *Томас Манн. «О немцах и евреях»*. Составители: Людмила Дымерская-Цигельман (автор большого введения) и Евгения Фрадкина

(переводчик). Иерусалим, 1990; и *Савелий Дудаков*. «История одного мифа». М., 1993.

Шмуэль Эттингер был инициатором выхода в свет журнала Центра на русском и английском языках, редактором которого была Людмила Дымерская-Цигельман.

В Центре по исследованию и документации восточно-европейского еврейства он являлся не только профессором истории, но и духовным наставником группы ученых – репатриантов из Советского Союза (в середине 80-х гг. – двенадцать человек). Его авторитет как учителя и лидера в этой группе был неоспоримым, а он, со своей стороны, искренне любил своих подопечных и высоко оценивал их профессиональные и человеческие достоинства.

Одновременно с деятельностью Центра начал осуществляться проект издания Краткой еврейской энциклопедии (на русском языке) под эгидой Общества по исследованию еврейских общин, в руководстве которого состоял и Эттингер. В течение почти двадцати лет он оставался председателем редакционного совета Энциклопедии, ее душой и руководителем. С проектом Энциклопедии было связано издательство «Библиотека–Алия», выпустившее более 250 книг, в основном из области иудаики и иудаизма.

Эттингер был редактором многих научных публикаций, в том числе ежеквартальника по еврейской истории «Цион» (1960–1988 гг.). Под его редакцией вышли сборник статей (1960 г.) в честь 70-летия Ицхака Бера (1888–1980), сборник избранных статей Цви Греца «Пути еврейской истории» (1969 г.), книга памяти Ицхака Бера (1980 г.), сборники «Милет» (1983, 1985 гг.) и сборник «Нация и ее история», т. 2 (1984 г.).

Эттингер опубликовал более 200 статей, из них большинство на иврите (136), а также на английском (34) и русском (15). Кроме того, появились одиночные публикации на идиш, японском, итальянском, французском, испанском, португальском, голландском и немецком языках. Он был автором статей по общей и еврейской истории в «Энциклопедии Иврит» (т. 9–12, 14–17) и по еврейской истории в «Энциклопедии Иудаика» (1971 г.). Основными трудами Эттингера являются «История евреев в новое время» (1969 г., т. 3 «Истории еврейского народа» под ред. Хайма-Хиллеля Бен-Сассона [1914–1977]), сборник статей «Антисемитизм в новое время» (1978 г.) и вышедшие посмертно сборники «История и историки» (1992 г.), «Между Польшей и Россией» (1994 г.) и «Россия и евреи» (1993 г., на русском языке).

3. Между общей и еврейской историей

Эттингер пришел к изучению еврейской истории после глубокого штудирования всеобщей истории, и это чувствовалось во всем его творчестве. Это знание мировой истории проявилось в публикации школьного учебника «Диврей ха-ямим» (Летопись: В 5 т., 1966, разные издания выходили в 1958–1971 гг.). Примером исследования по общей истории является эссе Эттингера «Миграция и заселение» (1982 г.), где прослеживаются миграционные процессы от древнейших эпох до нашего времени.

Однако основная часть творчества Эттингера посвящена еврейской истории. В 70–80-х гг. он опубликовал несколько статей, касающихся явлений, характерных для всей истории еврейского народа. Первой статьей такого рода была «Еврейский народ и Эрец-Исраэль» (1967 – французский; 1978 – иврит). Эттингер видел в связи еврейского народа с Эрец-Исраэль «одну из самых удивительных черт в [его] длинной истории», получившей особое значение после образования диаспоры, когда тяга к Эрец-Исраэль стала признаком всех жизненных центростремительных сил в еврейском народе. Самое интенсивное выражение тяготения к Эрец-Исраэль и к освобождению от иноземного ига, самое яркое восстание против галута¹⁸ обнаруживается в мессианских движениях. Они понимаются рационалистами как политические движения (свобода еврейского народа, мир между народами, победа истинной веры), в то время как мистики понимали их как полное изменение законов природы и начало эпохи идеального совершенства. Возникновение еврейского национального движения во второй половине XIX в. усилило связь евреев с Эрец-Исраэль, однако успех движения и создание Государства Израиль не лишили остроты дискуссию между сторонниками теории «народ, как все народы» и сторонниками сохранения и углубления исторической уникальности еврейского народа.

Своеобразный итог размышлений Эттингера о еврейской истории можно найти в небольшой статье «Характерные черты истории еврейского народа» (1985 г.). В ней он перечисляет некоторые факторы, способствовавшие исторической уникальности еврейского народа. Большинство из них зародилось в библейский период – идея избранности и миссии, идея мессианского будущего

¹⁸ Галут – изгнание (*иврит*).

и концепция Эрец-Исраэль как Земли обетованной, стоящей в центре коллективного сознания. В период галута к ним добавились факторы общинной автономии и изменений в экономической деятельности евреев. Именно с них в XVII в. начался процесс модернизации еврейского общества. Появление еврейского национального движения и создание Государства Израиль привели, на первый взгляд к нормализации существования еврейского народа. Тем не менее еще сохраняются признаки его исторической уникальности: обширная диаспора, тесные связи между ней и Израилем, еврейское самосознание и осознание общей судьбы, в частности, понимание Катастрофы как важнейшего события, формирующего это самосознание. Все это сохраняет особую еврейскую самоидентификацию, несмотря на интенсификацию процессов включения евреев в нееврейскую среду.

4. Новая история еврейского народа

История еврейского народа в новое время была для Эттингера основным предметом преподавания еще с середины 50-х гг. До конца 1960-х гг. этой теме было посвящено шесть публикаций, в основном гектографированных изданий для студентов. В 1969 г. вышла в свет 3-томная «История еврейского народа», третьим томом которой являлся труд Эттингера «История евреев в новое время». Книга вскоре была переведена на английский, японский и немецкий языки. На русском языке она была издана в 1972 г., но еще до этого, видимо, в 1967 г., появилось издание в нескольких брошюрах для распространения в СССР, сыгравшее важную роль в национальном пробуждении советских евреев.

В предисловии к книге Эттингер указывает на внешние факторы, которые могли положить конец обособленному существованию евреев в новое время, а также на внутринациональные социальные и психологические факторы, способствовавшие расколу среди евреев. С одной стороны, действовали центростремительные тенденции, побуждающие евреев – как индивидуумов, так и различные группы – солидаризироваться с еврейским прошлым и со всеми евреями, а с другой – центробежные, отделяющие евреев как индивидуумов друг от друга и приближающие их к окружающей, нееврейской, среде. Правда, эти тенденции не являются порождением нового времени, они присущи всей еврейской истории, представляющей собой борьбу народа за свое существование и за право на независимое развитие. Ведь еврейский народ никогда не отгоражи-

вал себя китайской стеной от культурного влияния других народов, а отвечал на их вызов, одновременно принимая отдельные элементы этого влияния. В этом явлении, усилившемся в новое время, находят выражение как изменения, которые произошли в еврейской истории в течение жизни многих поколений, так и ее непрерывность, преемственность и постоянство. Сам этот факт делает евреев исключительным и удивительным явлением в мировой истории, которое нельзя втиснуть в обычные рамки различных рационалистических конструкций.

Период с конца XIX в. до Шестидневной войны (1967) был одним из самых драматических в еврейской истории. До 1939 г. происходит огромный рост численности еврейской нации, ее географическое распространение, которому не было precedентов в прошлом, и вхождение евреев в различные сферы жизни и влияния в странах Европы и Америки. В 1939–1945 гг. произошла Катастрофа европейского еврейства, самая страшная в истории евреев, а чуть позже было создано Государство Израиль. В это время потрясений, – когда угроза самому существованию народа была наибольшей за всю его историю, а его готовность к политической и социальной борьбе, готовность взять свою судьбу в собственные руки была наивысшей, – с удивительной силой проявилась жизненная стойкость еврейского народа в борьбе за выживание и независимость, превратившая рассеянную и пораженную нацию из пассивного объекта истории в ее активный и энергичный фактор.

Эттингер занимался также отдельными вопросами истории евреев в новое время. В статье «Экономическая деятельность евреев» (1985 г.), после краткого, но содержательного обзора этой деятельности в средние века и в новое время, Эттингер заключает: *«Нет смысла говорить о “еврейской экономике” ни в Европе и ни в Передней Азии и Африке. Евреи играли [определенную] роль в экономике стран, где они находились, однако формы экономики и ее пути... определялись большинством населения и властями этих стран. Евреи оставались меньшинством, которое в определенных условиях играло относительно важную роль в экономике страны, в которой они находились, однако их деятельность ограничивалась (или вообще прекращалась), когда изменялись условия или когда появлялась местная группа, которая могла играть ту же роль».*

Несколько статей Эттингера посвящены взаимоотношениям евреев и европейского общества. В статье «Начало изменения отношения европейского общества к евреям» (1961 г.) он приходит

к выводу, что в XVII в. «были положены идеологические основы и выработаны доводы, которые повлияли» на признание прав евреев участвовать в общественной жизни европейских стран. В статьях о позиции деистов по отношению к евреям в XVIII в. (1964, 1992 гг.) Эттингер показывает образ евреев в сочинениях английских, французских и немецких деистов, основанный на приверженности идее избранности и отделения от «гоев», сопротивления греко-римскому языческому влиянию, весьма почитаемому в глазах деистов, и слияния нации и религии. Все это привело деистов к критическому отношению к евреям, которое они передали различным кругам в европейском обществе XIX и даже XX в.

В статье «Евреи в период Просвещения» (1980 г.) Эттингер рассматривает этот период как переломный в истории евреев, ведущий к иллюзии эмансипации и ассимиляции, и даже считает его фактором, способствующим появлению современного антисемитизма. Однако одновременно Эттингер видит в Просвещении источник еврейского национального движения и модернизации еврейской жизни. В статье «Корни нового “ишува” в Эрец-Исраэль» (совместно с Исраэлем Барталем [р. 1947 г.], 1981 г.) исследуются корни первой алии в контексте еврейской истории XIX в. В конечном итоге, по своим национальным устремлениям первая алия не так уж далека от политической концепции Герцля. Что касается практического осуществления идей национального движения, то участники первой алии, в основном билуцы, проводили их в жизнь гораздо более последовательно, чем Герцль, который видел в них «инфильтрантов». Несмотря на сравнительно небольшие достижения, первая алия послужила началом нового, национального, периода в истории еврейского народа.

Эттингер посвятил ряд важных статей еврейскому национальному движению, в основном его сионистскому течению, определяя сионизм как радикальное приспособление к изменениям, наступившим в мире, которое позволяет сохранять еврейскую историческую непрерывность. В статье «Уникальность еврейского национального движения» (1978 г.) Эттингер указывает, что в начальный период движение встречало внутреннее (в еврейском обществе) и внешнее (в нееврейском обществе) неприятие, и в этом его отличие от, например, итальянского, польского или ирландского национальных движений. Опоздание в появлении еврейского национального движения привело к созданию еврейского государства уже

после Катастрофы, в которой было уничтожено подавляющее большинство евреев Европы.

В предисловии к сборнику С.М.Дубнова и Б.-Ц.Динура «Две концепции еврейского национального возрождения» (1981 г., русский) Эттингер утверждал, что *«возникновение современного антисемитизма и ответные реакции евреев послужили важным фактором в деле укрепления национального самосознания евреев. [Другим фактором были] национальное брожение в больших многонациональных империях – Австро-Венгрии, России и Турции»*. Дискусии и борьба между различными течениями еврейского национального движения продолжались вплоть до Катастрофы и создания Государства Израиль, символизировавшего победу сионизма над другими течениями. Касаясь перспектив сионизма, Эттингер высказал мнение, что еще есть надежда на обновление сионизма, так как в еврейском народе сохранились силы, поддерживающие эту идеологию (1990 г.).

Эттингер не занимался историей евреев в отдельных странах диаспоры (кроме России и Советского Союза, – см. ниже), однако в 70–80-е гг. уделил значительное внимание истории евреев мусульманских стран (в своих лекциях и в книге «История евреев в новое время») Эттингер не включил их историю в свой курс – в основном из-за отсутствия материалов и «культурной среды для исторического исследования»). В 70-е гг. Эттингер задумал издание истории евреев мусульманских стран, и в 80-е годы вышла в свет «История евреев в странах ислама» (т. 1–3, 1981–1986 гг.). В предисловиях к первому и второму томам Эттингер снова возвращается к идее единства еврейского народа, проявляющемуся и в истории евреев мусульманских стран. В новое время усиливаются связи между различными общинами и также их духовная и физическая связь с Эрец-Исраэль. Однако существует также уникальность истории евреев в странах ислама – как в культуре, так в социальной среде, в которой выделяются традиционные и гармонизирующие элементы.

В течение более чем тридцати лет Эттингер занимался исследованием антисемитизма. В 1961 г. он впервые прочитал серию лекций на эту тему. В 1969 г. была опубликована статья «Корни антисемитизма в новое время» и в 1978 г. – сборник «Антисемитизм в новое время». В 80-е гг. было опубликовано еще несколько статей об антисемитизме и его связях с антисиионизмом и различными национальными движениями. Несмотря на последовательное нежелание заниматься изучением нацизма и Катастрофы, именно последние послужили главной причиной исследования им

антисемитизма. Он не принял различные социологические и социопсихологические объяснения антисемитизма, а выдвинул свою теорию о постоянстве антиеврейского стереотипа в контексте исторической непрерывности с античных времен до наших дней. Одновременно он подчеркнул то амбивалентное, но центральное место, которое занимает еврейский элемент в культуре Запада как источник ее развития и как антагонистическая имманентная основа этой культуры.

Основой для антиеврейской идеологии в Европе XVII в. послужил процесс секуляризации, связанный с критикой еврейской религии. В позиции деистов XVIII в. намечается тот образ еврея, который позже был адаптирован радикальными кругами европейского общества (см. выше). В XIX в. возникают два новых течения в критике иудаизма – леворадикальное (младогегельянское) и праворадикальное (национально-романтическое). Позже эти течения слились в нацистском антисемитизме, в котором противостояние «еврейским ценностям» и их биологическому источнику – еврейскому народу – приобретает форму мессианско-политической борьбы, нашедшей свое завершение в «окончательном решении еврейского вопроса». Однако Эттингер не видел в антисемитизме единое и не меняющееся движение и отмечал в нем существенные изменения в послевоенный период. Тем не менее опасность антисемитизма существует и поныне, и невозможно уйти от его «имманентной логики» в истории отношений евреев и народов Запада и других стран.

Историография занимает большое место в творчестве Эттингера. Еще в своей ранней работе «Дискуссия Эмдена–Эйбекшуу в свете еврейской историографии» (написана в 1950-м, опубликована в 2003 г.) Эттингер высказал много интересных и зачастую острых мыслей об историках, занимавшихся этой проблемой. Особенно плодотворным было его замечание о необходимости исследования социальной сущности саббатизма и роли его носителей в жизни еврейского общества XVIII в. В ряде статей 80-х гг.: «Исследования истории евреев в последние поколения» (1986 г.), «Об истории и историках» (1984 г.), «“Цион” и исторические исследования в наше время» (1985 г.) – Эттингер обсуждал общие и частные проблемы еврейской историографии. В частности, в обзоре еврейской историографии XIX и XX вв. он проанализировал динамику ее развития и ее основные этапы, однако одновременно указал на опасности специализации и компьютеризации исторического исследования. В интервью «Об истории и историках»

Эттингер определил, что есть исторический факт, какова роль идеологии в истории, ответил на вопрос, повторяется ли история, и т. д. Ответы раскрыли его позицию как историка и общественного деятеля. В статье о «Ционе» раскрываются российские корни этого журнала и делается попытка оценить исследования по еврейской истории, опубликованные в нем за пятьдесят лет существования журнала.

В статьях, посвященных израильским историкам: Динуру (1978 г.), Беру (1980 г.), Бен-Сассону и Талю (1984 г.) – Эттингер дает их портреты. Первые два историка были его учителями, и их образы освещаются с любовью и преданностью. Бен-Сассон и Таль были друзьями и коллегами Эттингера, для отношений с которыми были характерны как духовное родство, так и плодотворные разногласия в исследовательской и в академической сфере. Единственный историк, который не принадлежал к израильскому поколению, был Грец. В двух статьях о нем (1962, 1969 гг.), основанных, видимо, на магистерской диссертации, Эттингер, близкий к исторической концепции Греца, определил его творчество как великую школу любви к евреям, к еврейским чувствам и к осознанию принадлежности к еврейству, однако отметил изменения в мировоззрении историка от национально-религиозного к рационально-религиозному подходу.

5. История евреев России и Советского Союза

Вторую часть творчества Эттингера составляют статьи и эссе по истории евреев Восточной Европы. Значительная часть их собрана в двух сборниках: «Между Польшей и Россией» (1994 г.) и «Россия и евреи» (1993 г.). Эттингер видел в истории евреев Польши и России органическую целостность, которую необходимо исследовать в полном объеме. В обзоре «Исследования истории евреев в Восточной Европе» (1994 г.) Эттингер дал широкую картину исследований еврейской истории в России и Советском Союзе на протяжении последних двухсот лет. В ряде обзоров, относящихся к 60–70-м гг., Эттингер дал краткое описание истории евреев России (и Польши), акцентируя внимание на антисемитском наследии России и его влиянии на отношение к евреям в этих странах. В особенности характерно для этого периода эссе «Россия и евреи – попытка исторического итога» (1971 г.).

В то же время Эттингер посвящает ряд статей первоначальной истории евреев в России – хазарам (1964 г.) и Киевской Руси (1966 г.).

Он критикует книгу Михаила Артамонова (1898–1972) «История хазар» (1962 г.) как написанную в антиеврейском духе и пытающуюся объяснить падение Хазарского царства вредным влиянием иудаизма и видит в присутствии евреев в Киевской Руси значительный фактор в ее культурной и религиозной жизни. Отношению к евреям в Московском государстве посвящен ряд статей (1953, 1960, 1994 гг.). Центральное место здесь отведено «ереси жидовствующих», которая во многом объясняет гнев и страх русской православной церкви и русского государства по отношению к евреям.

Основываясь на своей докторской диссертации (см. выше), Эттингер опубликовал три статьи о еврейском населении Украины в 1569–1648 гг. (1955, 1956, 1988 гг.), сыгравшем важную роль в польской колонизации Украины в этот период. Однако положение евреев между «молотом и наковальней» – между польскими магнатами и украинскими мещанами и крестьянами привело к трагическому исходу для евреев – погромам Хмельницкого. Примыкает к этой теме большая статья (1954 г.) Эттингера и Хоне Шмерука (1921–1997) об истории еврейского населения Кременца с XVI в. до 1917 г. Эттингер видел в хасидизме одно из важнейших социальных движений еврейского народа. В четырех статьях о хасидизме (1964, 1968, 1994 гг. – 2) Эттингер подчеркивал, что в хасидском движении проявилось социальное единство, которое помогло сохранить традиционный быт. Эттингер утверждал, что в местах власти хасидов в еврейском обществе было меньше конфликтов и в нем царила большая стабильность. Хасиды не меняли организацию общин, а стремились включиться в них. В целом хасидизм оценивался Эттингером как явление положительное, соответствующее национальным воззрениям, лежащим в основе его исторических концепций.

Еврейской истории периода Российской империи Эттингер посвятил девять больших статей, которые подразделяются на три группы: период формирования русской политики по отношению к евреям (1972, 1977 гг.), отношение русского общества к евреям (1970, 1978, 1979, 1988 гг.) и экономике и эмиграции евреев (1994 г. – 3). Во всех статьях красной нитью проходит мысль, что польское наследие, с одной стороны, и московское – с другой, сыграли решающую роль в формировании политики по отношению к евреям как высших, так и низших слоев русского общества. В статьях по экономике и эмиграции Эттингер выступает как историк-фактолог, подробно разбирающий сложные

экономические и эмиграционные еврейские реалии России конца XIX – начала XX в.

Советскому периоду посвящена значительная часть творчества Эттингера – примерно двадцать пять статей и эссе, в которых рассматриваются различные темы: антисемитизм, еврейское национальное возрождение, еврейская культура, Катастрофа и еврейское самосознание. Эттингер видел в усилении антисемитизма в Советском Союзе в 60–70-е гг. результат сложившихся тенденций в советском обществе, в основном в национальной сфере. Он сравнивает положение еврейского населения Советского Союза после 1967 г. с погромами 1881–1882 гг., но теперь, в отличие от 80-х гг. XIX в., Израиль стал реальным центром для национальных устремлений. Возрождение еврейской национальной культуры и ее связь с еврейским национальным движением говорят о полной победе последнего над официальной идеологией.

Новый, идеологический, антисемитизм, появившийся в Советском Союзе в 80-е гг., привлек внимание ученого. Он видел его уникальность в тотальном отрицании еврейства и евреев, еврейского наследия и любого положительного элемента в иудаизме. Этот антисемитизм вырос на почве влияний, исходивших из разнородных кругов власти и общества, задачей которых было воздействие на различные слои населения, чтобы обеспечить, в частности, интересы советской бюрократии. Эттингер видел будущее советских евреев тяжелым: они будут вынуждены «вернуться» к еврейству, в основном путем эмиграции, а оставшиеся – вести образ жизни марранов в Испании после изгнания евреев в 1492 г.

6. Историографическое наследие Эттингера

В 1987 г. Эттингер вышел на пенсию, после 35 лет преподавания на кафедре еврейской истории Иерусалимского университета. В честь этого события были опубликованы два юбилейных сборника «Изменения в новой еврейской истории» и «Между евреями и неевреями» (1987 г.). Редакторы сборников выразили искреннюю благодарность Эттингеру от имени его многочисленных друзей и учеников и пожелали ему успеха в преддверии нового этапа его научной деятельности. Эттингер был полон творческих планов и готовился завершить обширное исследование по истории евреев России в XIX в. В июне 1988 г. он посетил Лондон, где на научной конференции о хасидском движении прочитал доклад «История

хасидизма: современное состояние исследования». В сентябре 1988 г. Эттингер снова поехал в Лондон в научную командировку. 22 сентября он встретился в кафе с Исайей Берлином (1909–1997). Беседа велась на русском языке и длилась несколько часов. После нее Эттингер почувствовал себя плохо и вскоре скончался от инфаркта в доме своего друга профессора Шимона Абрамского (р. 1916 г.). Многочисленные похороны состоялись спустя три дня в Иерусалиме.

Поток статей, некрологов, речей, докладов и воспоминаний, которые были опубликованы после смерти Эттингера, наглядно отразили его роль как одного из важнейших израильских историков, одного из лучших преподавателей Иерусалимского университета и одного из оригинальнейших исследователей, обогатившего почти каждую область еврейской истории нового времени. Его выдающиеся способности и огромная эрудиция проявились в самых различных сферах исследования: истории евреев Западной и Восточной Европы, истории антисемитизма, истории еврейской эмиграции, хасидизма, отношения европейских обществ к евреям, еврейской историографии и философии еврейской истории. В каждой из этих областей вклад Эттингера, его влияние и оригинальность его исследований очевидны. Свои научные работы он стремился насытить фактами, одновременно пытаясь прийти к синтезу. Ведь Эттингер, как известно, был приверженцем больших схем и обобщающих концепций.

В этом плане он был продолжателем «иерусалимской школы» еврейской истории, учеником ее основателей Динура и Бера и одним из основных ее представителей в 60–80-е гг. Эттингер принял основные принципы этой школы: уникальность, непрерывность и единство еврейской истории, несмотря на рассеяние; Эрец-Исраэль как духовный и даже фактический центр истории еврейского народа, и др. Однако, в отличие от основателей «иерусалимской школы», Эттингер поставил в центр своих исследований борьбу между различными тенденциями в еврейской истории: ее единство и разделение на отдельные части, разрыв между различными общинами и попытки их объединения, уникальность истории еврейского народа и его приспособление к чужим влияниям – то, что было им названо, вслед за Семеном Дубновым (1860–1941), действием центробежных и центростремительных сил.

Эттингер был национальным историком, сочетавшим аксиому единства еврейской истории с научно-критическим подходом к

סוֹכּוּכּוּנּוּת פּאקטוֹרִים, דֵּיפּוּוּוּוּוּוּוּ וּדֵיפּוּוּוּוּוּ וּבִנּוּת. פּוֹ-זֶתוּמָה הוּנָה, זָנִימָאָה נָאֻכּוּנּוּתִים חִשְׁלֵיפּוּוּוּוּוּ, וּבִינָה בִּנְחָה חֵפּה סוּיָה אַכָּדֵמִיכֵסִי, אֲחֻשְׁתִּינִי וּפּוֹלִיטִיכֵסִי דֵּיפּטֵלְנוּתִי. תָּאֲכִי פּוֹדֵחֻשֵׁן הוּנָה רֻשְׁסִי-עִבְרִיכִי כּוֹרְנָיִם, הוּנָה בְּלִי-זוּשְׁתּוּתָה לִּסְתָרִי רֻשְׁסִי-עִבְרִיכִי חִנְטֵלִיגֵנְטִי, אֲכָזָה וּגְרוֹמָה וּבְלִינְטָה נָא הוּנָה חִנְטֵלְטוּאַלְנוּתִי וּכֻלְטוּרָנוּ דֵּיפּטֵלְנוּתִי. אֲטִינְגֵר בִּינְזָנָה לִידֵרֻם עִבְרִיכִי חִסְטוֹרִיגְרָפִי חִי חִיזְרָאֵל בִּי 60-80-הַ שָׁנִים. הוּנָה אֲכָזָה בִּי סָאֻחֻם רָאזִים חִסְטוֹרִיגְרָפִיכִים, אַכָּדֵמִיכִים וּבִיחֻשְׁתִּינִים פּרוֹיֵקְטִים, וּבִיחֻשְׁתִּינִים מִנְשֻׁחֻם אֲכָדֵמִיכִים. נָאֻכּוּנּוּת, אֲחֻשְׁתִּינִי וּנָאֻכּוּנּוּתִי חִיזְרָאֵל שְׁמוּזֵלִי אֲטִינְגֵרִי סָאֻה וָאֲכָה חִסְטוֹרִיגְרָפִי, וּבִיחֻשְׁתִּינִים בִּי חִיזְרָאֵל אֲכָה 1948 שָׁנָה.

בִּיבְלִיגְרָפִיָה לִמְאָמֵר שֶׁל דָן חֲרוֹב "שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר - חִסְטוֹרִיָה עִם יִשְׂרָאֵל"

כְּתָבִי שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר

- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, עַל עֵתִידוֹ הָאֲמִי, תֵּל-אָבִיב, 1945.
- יָאֵל וְגַר שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, רִשִׁימֹת חֲדוּשֵׁן, אֲחֻדֹת, מ. 1, אֲלוּל הַתִּשְׁבִּי - סֵפְטֵמְבֵּר, 1945, עֵמ' 7-2.
- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, 1. הַצֵּת הַחֲלוּקָה, אֲחֻדֹת, מ. 2, חֲשׁוֹן הַתִּשְׁבִּי - אֲקִסְטוֹבֵר, 1945, עֵמ' 7-5.
- ש. אֲטִינְגֵר, נָאֻם בְּמִתְעָזָה הָאֲרִצִּית הַרְבִּיעִית שֶׁל הָאֲגוּד הַקִּמּוֹנִיסְטִי בָּאֲרֶץ-יִשְׂרָאֵל, אֲחֻדֹת, מ. 4, טֵבֵת הַתִּשְׁבִּי - דִּצְמֵבֵר, 1945, עֵמ' 16-15.
- הָאֲגוּד הַקִּמּוֹנִיסְטִי בָּאֲרֶץ-יִשְׂרָאֵל = שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, מִתְּחִלָּה הַזִּכִּיר לְעֵדֻת הַחִקִּיָּה הָאֲנְגֵלו-אֲמֵרִיקָאִית, אֲחֻדֹת, מ. 4 (8), נִיסָן הַתִּשְׁבִּי - אֲפִרֵּל, 1946, עֵמ' 16-12.
- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, תְּקוּמָתָה וּסִימָה שֶׁל "הַתְּנוּעָה לְאֲחֻדֹת הָעִבְרִית", אֲחֻדֹת, מ. 5 (9), אֲיִיר הַתִּשְׁבִּי - מָאי, 1946, עֵמ' 9-6.
- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, נָרִים בְּנָאֻה אֵת דָּגֵל הַשְׁתּוֹרֹד הָאֲמִי שֶׁל עֵמֶנִי (מִתְּחִלָּה מִכְּתָב מִשְׁלִיחִי הָאֲגוּד הַקִּמּוֹנִיסְטִי בָּאֲרֶץ-יִשְׂרָאֵל בְּאִיחֻדָּה), תִּשְׁוֹכָה לְעוֹדֵךְ "דָּבָר" - מִשְׁלִיחִי בְּפִלִּי, תֵּל-אָבִיב, נּוֹבֵמְבֵּר, 1946, חֲשׁוֹן הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 15-7.
- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, בְּשִׁלְחוֹת הָעַם (מִתְּחִלָּה מִכְּתָבִי שְׁלִיחִי, אֲחֻדֹת, מ. 1 (17), 2 בִּינָאֵר, 1947, ר' טֵבֵת הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 8.
- שְׁמוּאֵל אֲטִינְגֵר, בְּשִׁלְחוֹת הָעַם בְּמִדְרָח אִיחֻדָּה, דִּרְצָאָה בְּפִתְחוֹת הַמִּתְעָזָה הָאֲרִצִּית הַשִּׁשִּׁית, לִיל שַׁבָּת, 31.1.1947, תִּיאֲסֻחֻךְ "מִגְרִיבִי", אֲחֻדֹת, מ. 3, 30 בִּינָאֵר, 1947, ט' שַׁבָּת הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 7; אֲחֻדֹת, מ. 4, 13 בִּפְבְּרָאֵר, 1947, כ"ג שַׁבָּת הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 8.
- ש. אֲטִינְגֵר, מֵאֲחֵרִי מִסָּךְ הַבְּרָל: רִשְׁמִי מִסַּע בִּיזוּסְלִכִּיָה, אֲחֻדֹת, מ. 4, 13 בִּפְבְּרָאֵר, 1947, כ"ג שַׁבָּת הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 3.
- ש. אֲטִינְגֵר, נָאֻם בְּאֲסַפָּה פּוֹמִבִּית מִסַּעֵן הָאֲגוּד הַקִּמּוֹנִיסְטִי בִּי 24.5.1947 - בְּקִלְנוֹעַ "אֲלֹנִי" תֵּל-אָבִיב; נָאֻם בְּאֲסַפָּה פּוֹמִבִּית מִסַּעֵן הָאֲגוּד הַקִּמּוֹנִיסְטִי בִּי 25.5.1947 - בְּאֻלֵם הַהִסְתַּדָּחֻת בִּירוּשָׁלַיִם, אֲחֻדֹת, מ. 11, 29 בְּמָאי, 1947, ר' סִיחֻן הַתִּשְׁבִּי, עֵמ' 8.

- ש. אטינגר, הממשית בין הבריחות: בשולי מאמרו של ז. ברנד "הבריחה הממשית" ("משמר", 18.7.1947), אחרות, מס. 16, 24 ביולי 1947 / ד באב התש"ז, עמ' 2.
- ש. אטינגר, כניעה או מאבק משוחרר (הוצאה באספה פרמבית, האגוד הקומוניסטית בא"י, סניף חיפה, בית פבוט, יום ה', 14.8.1947, בשעה 8.15, אחרות, מס. 19, 14 באוגוסט 1947, כ"ח באב התש"ז, עמ' 8.
- שמאל אטינגר, תפקיד המפלגה הקומוניסטית העברית, והוצאה כדעידת היסוד של המפלגה הקומוניסטית העברית, יום שבת, 4.10.1947, 8.15 כערב, אולם ישה חפץ, אחרות, מס. 24, 25 בספטמבר 1947, י"א תשרי התש"ז, עמ' 1; תפקידים אידיאולוגיים-פוליטיים (מתוך הרצאתו של הח' ש. אטינגר), אחרות, מס. 25, 9 באוקטובר 1947, כ"ה תשרי התש"ז, עמ' 11.
- שמאל אטינגר, השמאל לאן, אחרות, מס. 28, 30 באוקטובר 1947, ט"ז חשוון התש"ז, עמ' 2, 8.
- ש. א., נבצר מולדת וחופשית!, אחרות, 4 בדצמבר 1947, כ"א כסלו התש"ז, עמ' 8.
- מכתבים לפד"פ ריבנדג (דינר), 27.10.1951 - 14.7.1958, הארכיון המרכזי לתולדות העם היהודי (ירושלים), P-28.
- שמאל אטינגר, המורשת האנטישמית ברוסיה והשפעתה, גשר, 2-3 (47-48), תשכ"ז, 1966, עמ' 145-156.
- שמאל אטינגר, תולדות ישראל בעת החרושה (תולדות עם ישראל, כ' 3, בעריכת ח. ה. בן-ששון), תל אביב, תשכ"ט, 1969, 430 עמ'.
- שמאל אטינגר, שרשי האנטישמיות הסובייטית ומאבק היהודים, מולד, ג' (כ"ז), מארס 1971=אדר תשל"א, חוב' 18 (228), עמ' 610-619.
- שמאל אטינגר, התרבות הלאומית היהודית בבית-המועצות - סיכוייה דרכי התפתחותה, תרבות יהודית בבית המועצות, ירושלים תשל"ב - 1972, עמ' 145-155.
- שמאל אטינגר, ההיסטוריוגרפיה היהודית בעת החרושה, מקרא, ירושלים תשל"ר, 139 עמ'.
- פנינה מיליש, מה אפשר ללמוד מן העבר (שיחה עם ההיסטוריון פרופ' שמאל אטינגר), ידיעות אחרונות, כ"ה בתמוז תשל"ז, 23.7.1976.
- שמאל אטינגר, הגיגיו של יהודי סובייטי, בחינת, 7, תשל"ז, 1976, עמ' 151-160.
- שמאל אטינגר, האינטליגנציה היהודית-הסובייטית בעיני עצמה, האינטליגנציה היהודית בבית המועצות, [1], אדר ב' תשל"ז, מארס 1976, עמ' 3-8.
- שמאל אטינגר, האנטישמיות בעת-החרושה, תל אביב, תשל"ט, 1978, בא, 285 עמ'.
- שמאל אטינגר, לבחינת משמעות הציונות בימינו, בתפוצות הגולה, 84/83, חורף תשל"ח - 1978, עמ' 9-17.
- pp. - סיון תשל"ח, Shmuel Ettinger, Pamyati Khaima Gillelya Ben-Sassona, Menora, May 1978 (5738) 63-66.
- ש. אטינגר, על מהותה של האנטישמיות המודרנית דרכי המאבק נגדה, משואה, כך י, ניסן תשמ"ב - אפריל 1982, עמ' 66-73.
- שמאל אטינגר, ההתעוררות היהודית בבית המועצות, ירושלים, תשמ"ג, 1982, 45 עמ'.
- Samuel Ettinger, [Review of] David L. Goldstein, Dostoevsky and the Jews. (Austin and London, University of Texas Press, 1981). Pp. 281., Immigrants & Minorities, V. 2, March 1983, N 1, pp. 98-100.
- ש. אטינגר, אנטישמיות - רציפות היסטורית או הכללה טרמינולוגית (הוצאה, 24.3.1983, ראשי-פרקים).
- S. Ettinger, Introduction, Anti-Semitism in the Soviet Union, Vol. 3, Jerusalem, 1983, pp. 1-14 (roman).

שמאל אטינגר, האומיות והליקודוסיות והאנטישמיות האינטלקטואלית (הרצאה, 7.3.1984).

שמאל אטינגר, ראיון ברוסית (לפני 1985, רישום, 4 עמ').

שמאל אטינגר, הרחוקים על התרבות היהודית בבית-המעצות, יהודי ברית-המעצות, 2 (8), חנוכה תשמ"ה, דצמבר 1984, עמ' 13-18.

שמאל אטינגר, האנטישמיות הסובייטית לאחר מלחמת ששת הימים, ירושלים, תשמ"ה, 1985, 39 עמ'.

Shmuel Ettinger, The 'Jewish Question' in the USSR, Soviet Jewish Affairs, vol. 15 (1985), No 1, pp. 11-16.

S. Ettinger, Editorial Foreword, Jews and Jewish Topics in Soviet and East-European Publications, 1, September 1985, pp. 1-3.

שמאל אטינגר, יהודי בריה"מ - חשאים, זרים ומופלים לרעה, יהודי ברית-המעצות, 9, חנוכה תשמ"ז - דצמבר 1985, עמ' 17-18.

שמאל אטינגר, ראיון עם יצחק לבני, קול ישראל, 1985 או 1986 (בחיפוש).

יואל רפל, ההיסטוריה של היהודים היא גם ההיסטוריה של העם היהודי (ראיון עם פרופ' שמאל אטינגר על "תולדות היהודים בארצות האיסלאם"), ידיעות אחרונות, ה' באדר תשמ"ז, 6.3.1987, עמ' 20.

שמאל אטינגר, על השואה (ראיון ברוסית, 1987).

שמאל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, 333 עמ'.

Shmuel Ettinger, Rossiya I evrei: Sbornik statey, Jerusalem, 1993, 314 pp.

שמאל אטינגר, בין פולין לרוסיה, ירושלים, תשנ"ה, 1994, כד, עמ' 467.

זיכרונות ומחקרים על שמאל אטינגר ומשנתו

יעל אדמוני, אופטימי, למדת הכל, ירושלים, 27.5.1988, עמ' 30-31.

יעל אדמוני, ההסטוריה איברה את אטינגר, ירושלים, 30.9.1988, עמ' 6.

יצחק אורן (נרל), שמאל אטינגר ו"ל, יהודי ברית-המעצות, 12, תשמ"ט - 1989, עמ' 11-12.

יצחק אורן, יצרים וציציות, ירושלים, תשנ"ז, 1997, עמ' 255-256.

רינה אטינגר, ראיון על בעלה, שמאל אטינגר, (יחד עם מרק קיפניס, 31.1.2000, 2 עמ').

שמאל אלמוג, לאומיות, ציונות, אנטישמיות: מחקרים ומסות, ירושלים, תשנ"ב, 1992, עמ' 13-21 (= שמאל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, עמ' 319-37).

אלק אפשטיין, שמאל אטינגר וייעודו של חוקי העבר בחברה המתהווה - האומנם מתנגשות נאמנות למקצוע ונאמנות אחרת? (כתב יד, 1998), 8 עמ'.

יהושע אראלי, שמאל אטינגר האדם החבר, שמאל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, עמ' 19-22.

יהושע אראלי, ראיון על שמאל אטינגר, 9.7.2000, 4 עמ'.

אלוף בן, בשם הביטחון, הארץ, 28.12.1990.

יורם ברטובסקי, רמזים עבים להיסטוריה טוטאלית (עם מותו של הפרופ' שמאל אטינגר), הארץ, 30.9.1988.

- ישראל ברטל, לאומיות היסטוריה: שמאל אטינגר ז"ל, ידיעות האגוד העולמי למרעי היהדות, 29 (קיץ תשמ"ט, Summer 1989), עמ' 59-57.
- ישראל ברטל, מוחזק אירופה כמקד של תולדות היהודים בעת החדשה: עיון ראשון במשנתו של פרופסור שמאל אטינגר ז"ל, שמאל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, עמ' 30-27.
- ישראל ברטל וזנתן פרנקל, היסטוריה ושליו: שמאל אטינגר חוקר יהדות מוחזק אירופה, שמאל אטינגר, בין פולין לרוסיה, ירושלים, תשנ"ד, 1994, עמ' יא-כב.
- חיים ברעם, ימי בחורתי, כל העיד, 10.1.1986, עמ' 19, 21.
- חיים ברעם, בראש הבנויה, כל העיד, 4.7.1986, עמ' 23.
- דניאל גורדין, הרקליטיקה של ההיסטוריוגרפיה הציונית, קתדרה, 69, תשרי תשנ"ד, ספטמבר 1993, עמ' 115-121 (על אטינגר - עמ' 119-121).
- יוסף גרני, "ציונים" אינו "אורינטליזם" ואנטישמיות על רקע זמנה, הארץ, 22.9.2000.
- מיכאל גרין, היסטוריון כוזמאניסט: עם מחוץ של פרופ' שמאל אטינגר, מעריב, 30.9.1988.
- אריה דבורצקי, ראיון על שמאל אטינגר, 16.7.2000, עמ' 1.
- אלכס ורדין, הקומוניסטים חדרו לתוך מפא"י, מעריב, 7.6.1991, עמ' 10.
- שמאל ורדין, ראשיתו של קומוניזם לאומי יהודי בארץ-ישראל, הציונות, ב, תשל"א, 1971, עמ' 208-236 (אטינגר - עמ' 234, 236).
- שמאל ורדין, אודומים: המפלגה הקומוניסטית בארץ-ישראל, כפר-סבא, תשנ"א, 1991, עמ' 299, 346, 375, 384-382, 393-399, 412, 414, 420-422, 430, 431, 433, 441, 443-448, 449, 450-465, 471-470, 474, 475-508, 503, 519, 521, 523, 553, 565, 574, 575-577, 581, 582, 585, 586, 590, 591.
- ההיסטוריון פרופ' שמאל אטינגר התמוטט בבית מאורז בלונדון - ומת, דבר, 25.9.1988.
- הנרי וסמן, העדות להיסטוריוגרפיה יהודית במדינת ישראל בעקבות ספרו של ח. ה. בן-ששון - רצף ותמורה, כיוונים, 34, חורף התשמ"ז, פברואר 1987, עמ' 101-115.
- רן חורב, רישום 22.9.1988 - (דף אחד).
- רן חורב, ספרא וסיפא - שמאל אטינגר ויהודי בית-המועצות, מרעי היהדות, כ, 40, תש"ס, 2000, עמ' 179-184.
- נחמיה לבנת, הקוד: נתיב, תל אביב, תשנ"ז, 1995, עמ' 107, 328-329, 379.
- ולוזר של שמאל אטינגר ז"ל, יהודי בית-המועצות, 12, תשמ"ט - 1989, עמ' 10.
- נר ליבנה, האיש שהקים את הקומוניסטים העבריים, כותרת ראשית, 29.9.1988, עמ' 20-18.
- מתתיהו מינץ, פילם דרך לתפיסה מאחזת של ההיסטוריה היהודית החדשה, הארץ, 25.9.1988.
- יוסי מלמן, פרופסורים בשדות חשאי, הארץ, 19.1.1996.
- נילי מגרלר, ההסטוריונים שגו בכך שיחדו משקל מצומצם ליהדות המוחזק, הארץ, 28.11.1986, עמ' 4א.
- רבקה גיימן, מת הפרופסור שמאל אטינגר, ידיעות אחרונות, 25.9.1988.
- בנימין פינקוס, תחייה וחקומה לאומית: הציונות והתנועה הציונית בבית-המועצות, 1947-1987, קריית שדה בוקר, תשנ"ג, 1993, עמ' 364, 371, 508.

- אורטו רב קולקה, למשמעותה ההיסטורית של האנטישמיות המודרנית: עיונים במשנתו של שמואל אטינגר, בין ישראל לאומות: קובץ מאמרים - שי לשמואל אטינגר, ירושלים, תשמ"ח, 1987, עמ' 245-262.
- אורטו רב קולקה, שמואל אטינגר כחוקר האנטישמיות, שמואל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, עמ' 22-27.
- יצחק קנפארטי, על רציפות האנטישמיות המודרנית בהיסטוריוגרפיה היהודית, גשר, 139, קיץ תשנ"ט, Summer 1999, עמ' 23-38 (על אטינגר - עמ' 31, 32, 33).
- יעקב שביט, היסטוריון לאומי: עם פסידתו של פרופ' שמואל אטינגר, ידיעות אחרונות, 30.9.1988.
- יוסף שלמון, שמואל אטינגר ויהודי המזרח, מוסף הארץ, 17.12.1999.
- מנחם שטרן, שמואל אטינגר ותחומי ההיסטוריוגרפיה היהודית, שמואל אטינגר, היסטוריה היסטוריונים, ירושלים, תשנ"ג, 1992, עמ' 14-19.
- שליטנו, החבר שמואל אטינגר וחדר לארץ-ישראל, אחרות, מס. 2, 16 בינואר 1947, כ"ד טבת ה'תש"ז, עמ' 8.
- שמואל אטינגר בהיסטוריון ציוני, בין חזון לרוחיה: מאה שנות ההיסטוריוגרפיה הציונית, ירושלים, תשנ"ח, 1997, עמ' 49, 58, 59, 69-70, 77, 81, 136, 137, 138-140, 214, 360.
- נרב שרגאי, נפטר פרופ' שמואל אטינגר, הארץ, 25.9.1988.
- Jacob Barnai, Shmuel Ettinger - from Communism to Zionist Historiography [Manuscript, 2001?], 14 pp.
- I. Bartal, Predislovie, Shmuel Ettinger, Rossiya I evrei: Sbornik statey, Jerusalem, 1993, pp. 11-26.
- Alexander Feldman, Jewish Migration into Ukraine until 1648: Some Geographical Aspects (Manuscript, 199?), 10 pp., (Ettinger - pp. 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10)
- [Dan Haruv], Ettinger Shmuel, Kratkaya Evreyskaya Entsiklopediya, v. 10 (2001), pp. 748-753.
- In Memoriam: Professor Shmuel Ettinger, Jews and Jewish Topics in Soviet and East-European Publications, 7, Summer 1988, pp. 1-2.
- Michail Kheifets, Vspominaya uchitelya (Pamyati professora Sh. Ettingera), Krug, No 591, 21.11-27.11.1988, pp. 35-38.
- Michail Kheifets, Kniga moego uchitelya, Vesti, 13.3. 1994, p. 12.
- Itzhak Oren, Vstrecha v beskonechnosti, ili Svetskoe messianstvo Shmuelya Ettingera, Evrei v kul'ture Russkogo Zarubezh'ya, v. 3 (1994), pp. 297-309.
- Pamyati Shmuelya Ettingera: Lyudmila Dymerskaya-Zigelman, Michail Kheifets, Nafthali Prath, Maya Kaganskaya (1988), 2 pp.
- [Maya Ulanovskaya], Pochemu Kestler? (dlya prezentatsii knigi "Svoboda I dogma"), 5 pp. (Ettinger - p. 4)
- [M. Shklovskaya], Ot redaktsii, Shmuel Ettinger, Rossiya I evrei: Sbornik statey, Jerusalem, 1993, pp. 7-10.
- [Shmuel Ettinger], Narod I zemlya, No 8 (1988), p. 86

Письма из Иерусалима: Л.Б.Яффе – М.О.Гершензону¹

*Публикация, предисловие и комментарии
Бриана Хоровица (Новый Орлеан, США)*

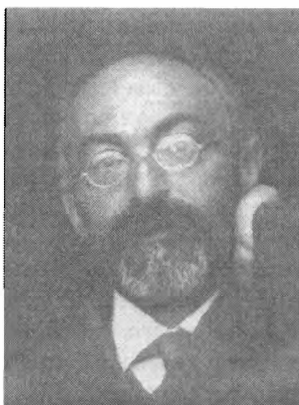


*Л.Б.Яффе. Портрет
работы Робчека. 1940*

Публикуемые письма Льва Борисовича Яффе Михаилу Осиповичу Гершензону из Эрец-Исраэль, находящиеся в Российской государственной библиотеке в Москве, в фонде Гершензона (Ф.746. Д.44. Ед. хр. 58), знакомят читателя с жизнью Яффе после того, как он приехал в Иерусалим.

Лейб (Лев Борисович) Яффе (1876 или 1876 – 1948) родился в Гродно, получил традиционное еврейское образование (в 1891–1892 гг. учился в Воложинской иешиве). В 1897–1901 гг. изучал философию в университетах Гейдельберга, Фрайбурга и Лейпцига. Свою дальнейшую жизнь и творчество Яффе посвятил осуществлению идеалов возрождения еврейского народа на земле отцов. Участвовал в первых трех сионистских конгрессах (1897–1899) как корреспондент газет. Делегат 4-го (1900) и 5-го (1901) Сионистских конгрессов. На последнем вступил в демократическую фракцию², был ее активным членом и идеологом; высказывался против проекта Уганды. В 1906 г. он был избран в Центральный комитет Российской сионистской организации. В 1914–16 гг. Яффе был одним из организаторов помощи еврейским беженцам (ЕКОПО), для чего встречался с Максимом Горьким, Леонидом Андреевым и др. В 1917 г. был избран председателем сионистской организации Москвы, а в 1918 стал делегатом на Всероссийском съезде еврейских общин. Решив уехать в Эрец-Исраэль, Яффе с семьей вначале переехал в Вильну, тогда занятую немецкими войсками. Вскоре он стал председателем сионистской организации Литвы и редактором газеты на идиш «Лецте найес», позже переименованную в «Идише цайтунг» и «Ха-шавуа». В 1919 г. был арестован поляками и спасся благодаря вмешательству

дипломатических кругов Великобритании и США. В начале 1920 г. Яффе прибыл в Палестину и стал редактором ведущей газеты «Ха-арец». С 1923 г. он, в качестве посланника Керен хай-Исод (Еврейский национальный фонд), активно занимался сбором денежных средств для нужд сионистского движения и Эрец-Исраэль в Южной Африке, затем в Польше и странах Прибалтики. С 1926 г. и до конца жизни занимал пост директора фонда в Иерусалиме. Погиб 11 марта 1948 г. при взрыве бомбы, подложенной арабскими террористами в здание Еврейского агентства в Иерусалиме.



М.О.Гершензон

Будучи юношей, Яффе писал стихи. В 1892 г. в журнале «Восток» была его первая публикация – стихотворение «Сион». В 1902 г. в Гродно вышел его первый сборник стихов – «Грядущее». Они полны романтики и любви к Земле Израиля. В 1925 г. опубликовал книгу стихов на идиш «Хейматс кланген» («Голоса родины», Варшава), в 1938 – на русском «Огни на высотах» (Рига). В 1915-17 гг. Яффе редактировал газету «Еврейская жизнь» (Москва), в 1917-19 был главным редактором издательства «Сафрут» в Москве, которое выпустило книгу «У рек вавилонских. Национально-еврейская лирика в мировой поэзии» (1917), литературно-общественные сборники «Сафрут» (тт. 1–3, 1918), «Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии» (1918), «Рассказы» Х.-Н.Бялика и др. Яффе переводил с иврита на русский стихи И.-Л.Гордона, И.Л.Переца, Х.-Н.Бялика и Ш.Черниковского. Он опубликовал множество статей по вопросам сионизма и на злобу дня. Часть из них собраны в книгах: «Ткуфот» («Времена», 1948), «Ктавим» («Сочинения», 1964), «Бе-шлихут ам» («Посланник народа», 1968). Библиография «Лев Борисович Яффе (1875?–1948): Поэт, писатель, сионист» (Иерусалим, 1977) включает около 800 названий произведений Яффе и публикаций о нем.

Михаил Осипович Гершензон (1869–1925) известен прежде всего как автор многочисленных работ о русской интеллигенции. Его перу принадлежат такие исторические исследования, как «История молодой России» (1908), «П.Я.Чаадаев» (1908) и «Образы

прошлого» (1912). Кроме того, он был редактором и одним из авторов сборника «Вехи» (1909), написал такие классические произведения, как «Мудрость Пушкина» (1919) «Мечта и мысль И.С.Тургенева» (1919) и «Грибоедовская Москва» (1914).

Гершензон родился в купеческой семье в Кишиневе. Хотя у него было очень сложное отношение к своему еврейскому происхождению, он не скрывал его и не крестился³. Особенно ярко проявились его национальные чувства в период дела Бейлиса и преследований евреев в годы Первой мировой войны⁴. Именно в это время он особенно интенсивно переписывался с Яффе. Переосмысливание связи со своими национальными корнями находит отражение в его предисловии к сборнику «Еврейская антология: сборник еврейских поэтов» (1918), в статьях о русско-еврейской прессе и его книгах «Ключ веры» (1921) и «Судьбы еврейского народа» (1922)⁵. Свои последние годы Гершензон прожил в Москве, терпя голод и лишения.

Было бы неправильно воспринимать Иерусалим и Москву только в их традиционном смысле. Иерусалим, древняя столица евреев, становится домом сиониста Яффе, и Москва, столица русского народа, – домом Гершензона, историка русской культуры. Можно на это посмотреть и иначе. Москва и Иерусалим здесь не совсем противоположны; как для Гершензона, так и для Яффе они неразрывно связаны и с российским еврейством. Москва была одним из центров сионистского движения в России, в то время как Иерусалим уже в 20-е годы стал одним из центров русско-еврейской культуры.

Последующие события нарушили это равновесие. Попытка большевиков уничтожить еврейское самосознание и основание Государства Израиль после Второй мировой войны совершенно изменили историческую ситуацию.

* * *

6.1.1921

Дорогой Михаил Осипович.

Пытаюсь писать Вам, может быть, письмо дойдет к Вам. Часто думаю о Вас и Марье Борисовне. Хотели бы знать, что с Вами, с Вашей семьей. Если получу от Вас отклик, напишу подробнее. Мы живем в Иерусалиме, уже год в Палестине, здоровы и довольны. Если для Вас не трудно, узнайте, что с матерью моей жены, Анной

Моисеевной Зельдович, и с ее семьей. Они жили на Нижней Кисловке д. 5, кв. 11.

Моя жена кланяется.

С любовью вспоминаем Вас,
напишите.

Ваш Л.Яффе

Адрес мой:

Jerusalem (Palestine) «Haaretz».

Писать можно через Еврейский комиссариат или, кажется, прямо по почте.

3.VII.1921

Дорогой Михаил Осипович.

Несколько месяцев т[ому] н[азад] писал Вам, но не получил ответа. Весьма возможно, что письмо мое не дошло к Вам. Пытаюсь еще раз послать Вам привет. Хочу очень знать, как живете Вы, Марья Борисовна и дети. Мы уже свыше полутора лет в Иерусалиме. Жизнь нелегка, но мы довольны.

Если откликнитесь, напишу подробнее.

Фрида Вениаминовна кланяется Вам и Марье Борисовне. Будьте здоровы. Где Вячеслав Иванович? Низкий поклон ему⁶. Здесь у подошвы Масличной горы, у древней стены Иерусалима, мимо которой ежедневно прохожу, часто читаю русские стихи и по-прежнему люблю их.

Жму сердечно Вашу руку. Очень кланяюсь Марье Борисовне.

Не могу Вам сказать, как буду рад вести от Вас.

Преданный Вам Л.Яффе

Адрес мой: L.Jaffe, Jerusalem (Palestine) «Haaretz».

8.I.1922

Дорогой Михаил Осипович.

Писал Вам, но не получил ответа. Передавали мне только устные поклоны от Вас. Часто думаю о Вас, очень хотел бы знать, что у Вас, как живете, как Ваше здоровье, как Марья Борисовна и дети, какими работами Вы заняты.

Читал где-то, что вышла Ваша книжка – переписка с Вячеславом Ивановичем⁷. Был бы очень благодарен Вам, если б Вы нашли возможность послать ее мне. Кажется, можно послать по почте. Мы здоровы. Работаем тяжело. Много забот личных и общественных. Недавно провел несколько месяцев в Европе. Заехал в Гродно –

повидаться со старушкой матерью – и в Вильну. Был по делу в Германии и Англии. Жить там легче и привольнее, но не променял бы на нее все наши тревоги и заботы.

Если откликнитесь, напишу подробнее. Где теперь Вячеслав Иванович?

Хотел бы заглянуть в Вашу тихую келью, видеть Вас за работой⁸. До сих пор с отрядным чувством вспоминаю о моих посещениях у Вас, о часах, проведенных в В[ашем] доме. Горячий привет Марье Борисовне от меня и Фриды Вениаминовны. Мы оба теперь читаем Герцена⁹ в новом издании. Стараемся не прервать связи с русской литературой.

Обнимаю Вас.

Любящий Вас Л.Яффе

Адрес мой: «Haaretz», Jerusalem. Мне.

6 мая 1922 г.

Дорогой Михаил Осипович.

Большой радостью было для нас Ваше письмо¹⁰. Мне стыдно, что я не ответил немедленно же. Много и часто думал о Вас, но было так много работы и забот в последнее время, что не мог засесть за письмо. Ограничиться несколькими словами не хотел. Через несколько дней после получения письма пришла Ваша книжка¹¹. С большим интересом читали ее. Искали в них Ваши мысли и переживания. Она была для нас также просветом в непроницаемой стене, отделившей нас до недавнего времени от России. В последнее время стали доходить к нам книги из России, получили даже на днях из Москвы подарок – «Anno Domini» Ахматовой. Появляются в Берлине издания, рассказывающие о России без политических тенденций. Особенно интересна была для нас статья Андрея Белого «О культуре в России», появившаяся в «Новой русской книге» библиографического журнала Яценко¹².

О нашей жизни не расскажешь в письме. Год пробыли в Вильне. Были тяжелые времена. Во время занятия Вильны поляками и жестокого польского погрома вытащили меня с двумя товарищами из дому, обвинили в стрельбе из окна, одного из нас, писателя Вайтера¹³, тут же расстреляли. Нас спасла случайность. Затем нас увели в Лиду¹⁴, там ждали 6 дней расстрела. Не было надежды на спасение. Спасло нас чудо. Самое ужасное было то, что дети видели погром, видели, как меня вытащили из дому. Только здесь они освободились от страха и нервной дрожи при виде солдата.

В Палестине мы уже два года и четыре месяца. Живем в Иерусалиме. Жизнь наша здесь была нелегкая. Условия жизни чуждые, непривычные, нелегко сразу акклиматизироваться во многих отношениях. Многие силы, которые должны уходить на цветение, уходят на мучительное вращение в почву. Чувствуется несоответствие между тем, что следует творить, и между тем, что мы в силах сделать. По тем уголкам, которые здесь создали, видно, каким культурным и цветущим уголком можно сделать Палестину, если бы были силы и средства. На каждом шагу чувствуем разрушение и обнищание восточноевропейского еврейства.

Здесь – если бы меня просили одним словом определить, как нам живется, – тяжело и светло. Недавно я объехал целый ряд стран и с большой ясностью увидел, что самые мучительные дни здесь не променял бы на блеск и радость других стран. Я редактирую еврейскую газету¹⁵. Условия работы и заработка трудные. Дети выросли, есть у меня хороший мальчонка одного года и четырех месяцев. Девочки учатся, говорят по-еврейски. Им здесь хорошо, как нигде.

Что у Вас, дорогой Михаил Осипович, расскажите подробнее о Вашей жизни, работе. Как себя чувствуют Марья Борисовна, дети. Писал в Лондон, чтобы через америк[анский] к[омитет] Вам прислали посылку.

На днях пошлю Вам и отсюда. Надеюсь, дойдут к Вам.

Бялик в Берлине, занимается большими издательскими делами. На днях печатал его перевод Вильгельма Телля.

Сердечно кланяется Вам Фрида Вениаминовна. Привет от нас обоим Марье Борисовне и детям.

Обнимаю Вас, Ваш Л.Яффе

L.Jaffe, Jerusalem «Haaretz».

10.11.1922

Дорогой Михаил Осипович.

Дошло ли к Вам мое предыдущее письмо, откликнулись ли Вы? Сюда аккуратно доходят письма из Москвы. Напишите. Отправил Вам небольшую посылочку. Если получится, пошлю еще одну. Как живете, как себя чувствуете. Как Марья Борисовна и дети. Моя жена сердечно кланяется Вам, сидит теперь над биографией Толстого – Бирюкова.

Не можете ли сообщить мне адрес Анны Ахматовой. Мы доныне внимательно следим за русской литературой, поскольку она нам доступна. Жму сердечно руку.

Преданный Вам Л.Яффе

Адрес: Newspaper «Haaretz», Jerusalem. L.Jaffe.

23.9/X/1922

Привет из Иерихона. Оторвался на день от работы. Купался в Мертвом море, катался в лодке по Иордану, были у открытых руин древнего Иерихона, у источника Элиши.

Жму руку Вам и Марье Борисовне.

Привет от доктора Вейсмана¹⁶.

Ваш Л.Яффе

¹ Письма Л.Б.Яффе М.О.Гершензону ряд лет находились в портфеле нашей редакции, но они не подходили для книг, издававшихся нами в эти годы. Все письма, охватывающие период 1897–1922 гг., были опубликованы в «Вестнике Еврейского университета в Москве», 1998. №2(18). С.210–225. В настоящей книге мы ограничились публикацией писем Л.Яффе из Иерусалима. Предисловие и комментарии автора были несколько расширены и уточнены редакцией (*Примеч. ред.*).

² В дни работы 5-го Сионистского конгресса сформировалась так называемая демократическая фракция, члены которой требовали демократизации руководства Всемирной сионистской организации и усиления культурной, воспитательной и поселенческой работы.

³ См. публикацию В.Кельнера «...Интимно понять русских я не в состоянии» // Вестник Еврейского университета в Москве. 1993. №4. С.230–232.

⁴ Подробнее об отношении Гершензона к еврейству и своим еврейским корням см.: докт. дисс.: *Horowitz Brian S. M.O.Gershenzon and intellectual life of Russia's Silver Age. University of California. Berkeley, 1993. P.463–521.*

⁵ Еврейская антология: Сборник молодой еврейской поэзии / Под ред. В.Ходасевича и Л.Яффе. М., 1918; некоторые статьи Гершензона, посвященные проблеме еврейства; «Народ, испытываемый огнем» (Еврейская неделя. 1916. 3 янв. С.26–28); «Ярмо и гений» (Еврейская жизнь. 1916. №14–15. С.13–14); «Шалом Аш» (Вестник Европы. 1907. 1 авг. С.787–790).

⁶ С 1920 по 1924 г. Вячеслав Иванов с дочерью и сыном жил в Баку, где преподавал классическую филологию в местном университете. О жизни Иванова в Баку и его научной деятельности см.: *Компелев Н.В. Вячеслав Иванов – профессор Бакинского университета// Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1968. Вып. 11. С.326–339.*

⁷ Имеется в виду книга Гершензона и Вячеслава Иванова «Переписка из двух углов» (Пг., 1921).

⁸ «Тихой кельей» называли кабинет Гершензона в мансарде его дома в Никольском переулке. Об этом кабинете многие известные люди эпохи писали в своих воспоминаниях. Андрей Белый, например, так пишет: «Надо было подняться по лестнице вверх; из передней – подняться вторично, чтобы очутиться в двух маленьких, чистых светелочках, где Гершензон совершал свои волшебства, опрыскивая мертвые музейные данные, им собираемые, живой водою; в этих действиях он мне казался каким-то Мерлином...» (*Белый А. Между двух революций*. Л., 1934. С.284).

⁹ Александр Иванович Герцен (1812–1870) – русский писатель, публицист, политический деятель.

¹⁰ Кроме одного письма (1916) и телеграммы, писем Гершензона к Яффе в фонде Яффе в Иерусалиме нет и место их нахождения неизвестно.

¹¹ О получении книги Гершензона Яффе упоминает в письме А.Соболю от 24.04.1922. См.: *Л.Яффе*. Бе-шлихут ам. 1968. С.68.

¹² Об истории «Новой русской книги» см.: *Русский Берлин. 1921–1923* / Под ред. Л.Флейшмана, Р.Хьюза и О.Раевской-Хьюз. Париж, 1983.

¹³ Вайтер (Арон Девенишский; 1878–1919) – журналист, драматург, член Бунда.

¹⁴ Лида – уездный город Виленской губернии.

¹⁵ Имеется в виду газета «Ха-арец».

¹⁶ Хаим Вейцман (1874–1952).

Историк латвийского еврейства Мендель Бобэ (1896–1973)¹

Батия Вальдман (Безр-Шева, Израиль)



Мендель Бобе

Третий том воспоминаний С.Дубнова «Книга жизни» (Рига, 1940) завершается 1933 годом. В этом году он уехал в Ригу из Берлина, где провел 11 лет². 31 июля, накануне 9 Ава, Дубнов писал: «...Атмосфера бегства. Приходят люди, уезжающие, прощающиеся навсегда или скорбящие о невозможности уехать... Палестина – главная цель бегущих...Нужно было собраться в одной из синагог Берлина, сесть на пол и оплакивать разрушение германского еврейства, которое только началось и будет продолжаться еще годы»³. А последняя запись сделана 26 августа 1933 г. в пригороде Риги, Межа-парке, где он посе-

лился: «Берлин покинут 23 августа вечером. Пережиты дни новой эмиграции, тяжелые, тревожные»⁴.

Дубнов прибыл в независимую демократическую Латвию, предоставившую культурную автономию национальным меньшинствам, в том числе и большой еврейской общине (в 1930-е годы – около 95 000), вобравшей в себя культурные традиции России и Западной Европы. В Риге была сеть разнообразных еврейских школ, насыщенная общественно-политическая жизнь. Сюда приезжали виднейшие еврейские политики, писатели, в их числе З.Жаботинский, Д.Бен-Гурион, Х.-Н.Бялик. Меньше чем через год после приезда Дубнова, 15 мая 1934 г., в Латвии произошел государственный переворот К.Ульманиса, после которого были запрещены сионистские организации и большинство еврейских газет. Начался массовый отъезд евреев из Латвии, в особенности в 1935 г. Эта алия дополнила немецкую, и многие евреи Латвии, прибывшие в 30-е гг., сыграли исключительную роль в развитии науки и культуры еврейского ишува в Эрец-Исраэль и в Государстве Израиль⁵. Их имена украшают книгу «Выдающиеся евреи Латвии», вышедшую

в Латвии осенью 2003 г.⁶ Среди них ученый Иешаягу Лейбович, правовед Макс Лазерсон, композитор и дирижер Марк Лаври, историк Хаим Бейнарт.

С этой алией, в которой было много студентов, учителей, юристов и др., в 1935 г. приехала в Эрец-Исраэль и семья Бобе. Мендель Бобе с женой Эстер-Ганой и дочерьми поселились в Тель-Авиве на улице Бен-Иехуда, 103, и их квартира стала своеобразным клубом выходцев из Латвии, а сам Бобе – одним из инициаторов и активным организатором, а затем и почетным секретарем основанного в 1942 г. общества евреев – выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле. Эстер-Гана Бобе до конца жизни (она умерла в 1951 г.) работала зубным врачом⁷. Эзра Тов (Гутман), один из добровольцев, работающих в архиве общества выходцев из Латвии и Эстонии в киббуце Шфаим, хорошо помнит ее, с большой теплотой говорил о ней во время нашей встречи в начале 2004 г. в Шфаим, где я знакомилась с архивом Менделя Бобе. Эзра жил в Риге в том же доме на улице Авоту, где за год до отъезда жила семья Бобе, а потом встретился с ней в Эрец-Исраэль⁸.

Мендель Бобе родился в Риге в 1896 г. Уже в юности стал участником сионистского движения, был членом организации «Цеирей Цион» с момента ее организации в Риге в 1912 г. Он учился на химическом факультете Рижского политехнического института, но в 1915 г., во время Первой мировой войны, занятия прекратились⁹. Бобе уехал в Москву, куда эвакуировали Рижский политехнический институт, разместившийся в помещении института Шанявского, где продолжил свои занятия. Бобе примкнул к сионистской организации студенческой молодежи «Ха-хавер» и некоторое время возглавлял ее московское отделение (центр этой организации был в Петрограде). Собрания организации проходили, в основном, в Большой московской синагоге¹⁰. В Москве Мендель познакомился с Эстер-Ганой Рабинер, на которой женился в 1917 г. Она родилась в небольшом латышском городке Пилтене. Ее дед со стороны матери был там одним из глав еврейской общины, а дед со стороны отца, Ихиезкиэль Рабинер, – главой еврейской общины в Бауске. Она, как и Мендель, участвовала в движении «Цеирей Цион». После окончания русской гимназии Штерн-Троцкой для еврейских девочек в Лиепае училась в Москве в зубо врачебном институте. В 1917–1919 гг., будучи студенткой, работала в издательстве «Сафрут», где главным редактором был Лейб Яффе¹¹.

Об этом периоде Бобе оставил воспоминания в статье «Москва накануне Февральской революции 1917 г. и после нее»¹².

Воспоминания интересны прежде всего рассказом о том, как Москва постепенно становилась центром еврейской литературы. После того как фронт приблизился к Петрограду, оттуда в Москву в 1915 г. переехала редакция закрытого цензурой еженедельника «Рассвет» (выходил под названием «Еврейская жизнь»). В Москве же в 1916 г. стал выходить журнал «Ха-ам» («Народ»), а в 1918 г. вышли три тома журнала «Ха-ткуфа» («Время») под ред. Д.Фришмана. Летом 1916 г. Бобе был на технической работе в обществе любителей иврита, которое в 1917 г. стало называться «Тарбут». С большой теплотой вспоминал Бобе о Шошане Персиц — называл ее душой общества — и ее отце Хиллеле Златопольском, сионисте, замечательном ораторе, филантропе¹³. Статья Бобе говорит о его большом интересе к еврейской литературе и периодике и изобилует множеством интересных фактов. Любопытен рассказ о выступлениях известных еврейских литераторов и общественных деятелей в Политехническом музее в Москве. Так, лекцию «Галаха и Агада» здесь читал поэт Хаим-Нахман Бялик. Поскольку в Политехническом музее можно было выступать только на русском языке, лекцию, прочитанную им на иврите, переводил Хаим Гринберг¹⁴. Иосиф Клаузнер, историк и литературовед, выступал там с лекцией об истории еврейского народа. Наибольшее воодушевление слушателей, особенно молодых, по воспоминаниям Бобе, вызвали лекторы Александр Гольдштейн¹⁵ и Хаим Гринберг¹⁶.

В 1919 г. Мендель с женой уехали из Москвы в Иваново-Вознесенск, где он продолжил свое образование и получил диплом инженера-технолога, в 1921 г. они вернулись в Ригу. Здесь он активно участвовал в «Цеирей Цион» и в идишской периодике: «Дер вег» («Дорога») (здесь также сотрудничал Ицхак Маор, с которым дружил Бобе, их семьи вместе уехали в Эрец-Исраэль), «Арбейтс-фольк» («Рабочий народ»), «Унзере вег» («Наша дорога»)¹⁷. В 1935 г. был делегатом XIX сионистского конгресса в Люцерне.

Как пишет Бобе в своей автобиографии, по приезде в Эрец-Исраэль ему не предложили работу в общественных организациях, и он устроился в частной фирме, где проработал около 30 лет. Однако главным делом его жизни стала работа в Обществе выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле, которое существует до сегодняшнего дня, и изучение истории евреев Латвии. Рассказать о еврейской общине Латвии, о еврейской общине Риги Бобе считал своей миссией.

Бобе сотрудничал в журнале «Хе-авар» («Прошлое»), посвященном истории евреев в России¹⁸, где, кроме воспоминаний о

Москве, были опубликованы его статьи о таких известных деятелях латышского еврейства, как Мордехай Дубин¹⁹ и Исраэль-Хаим Тевьев²⁰. Специальную статью он посвятил Реувену Вундербару, который был первым исследователем истории евреев Латвии²¹. А в 1953 г. Общество выходцев из Латвии и Эстонии издало в Тель-Авиве книгу воспоминаний «Яхадут Латвия» («Еврейство Латвии») под редакцией Б.Элиава, М.Бобе и А.Кремера. Она посвящена памяти латышских евреев, погибших в период Катастрофы. В письме жертвователям на издание книги, направленном в США, ЮАР и другие страны, отмечалась ее важность для увековечения истории, культуры, особенностей политической, социальной и экономической жизни еврейской общины Латвии и ее трагическом разрушении²². М.Бобе был в числе инициаторов издания книги, а затем ее редактором и автором нескольких статей. В основном все статьи посвящены истории евреев Латвии между двумя мировыми войнами и, прежде всего, периода независимой Латвии. Есть в ней и краткие биографии-некрологи известных людей еврейской общины Латвии, прибывших в 20–30-е гг. в Эрец-Исраэль.

Первый раздел книги «Государственная и экономическая жизнь» открывается статьей Бобе «Евреи Латвии в цифрах»²³, где имеется два десятка таблиц, охватывающих период с 1897 по 1935 г. Во втором разделе «Общественная и культурная жизнь» есть две статьи Бобе: «Еврейская журналистика в Латвии»²⁴ и «Еврейская больничная касса»²⁵.

Бобе начинает историю еврейской периодики в Латвии с газеты на идиш «Национал-цейтунг», которая выходила с 14 августа 1907 г. (всего было 11 выпусков). Самое примечательное в этом издании то, что ее инициатором был немецкий барон фон Боденберг. Вторая попытка выпустить еврейскую газету относится к 1910 г. Ее инициатором был общественный раввин Риги, известный журналист, в том числе и русско-еврейской прессы, Иегуда-Лейб Кантор²⁶. Группой филантропов были собраны деньги, и в августе 1910 г. появился первый выпуск нового издания «Ди идише штиме» («Еврейский голос»). Ее главным редактором был Баал-Махшовес (И.Эльясhev), помощниками – М.Лейзерович и М.Бен-Элиезер. Несмотря на высокий уровень газеты и с литературной (помимо статей, там публиковались произведения Шолом-Алейхема, Ан-ского, Залмана Шнеура и др.), и с полиграфической точек зрения, вышел только 51 номер. По мнению Бобе, столь короткий срок существования газеты объяснялся несколькими причинами: с одной стороны, еще не сформировался в Латвии достаточный круг читателей, а с

другой – издание было слишком серьезным; собранные деньги ушли на покупку оборудования, печать и т.п.; сыграли свою роль и доносы местной русской газеты, которая видела в еврейской газете конкурента²⁷. В короткий период советской власти в Латвии в 1919 г., с 4 января до 22 мая, в Риге выходила официальная газета на идиш «Дер ройтер эмес» («Красная правда»). С июля 1919 г., в независимой Латвии, выходила газета «Идише фолксштиме» («Голос еврейского народа»), которую издавали Я.Гельман, проф. А.Гулак, Р.Винник, Г.Мовшович (М.Герц). Бобе дает краткий обзор всех идишских изданий до конца 30-х гг., заканчивая ежедневной газетой «Хайнт» («Сегодня»). Главная ценность статьи – в его личных воспоминаниях об идишской периодике, в которой он сам принимал участие²⁸.

Статья М.Бобе «Еврейская больничная касса» также связана с личными воспоминаниями: в 1925 г. он был председателем правления больничной кассы в Риге. Это была вторая по величине в Латвии больничная касса работников промышленных и торговых предприятий, известная как еврейская больничная касса, поскольку евреи составляли большинство и в руководстве правления, и среди врачей. В Шфаимском архиве Бобе хранится письмо (от 18 февраля 1937 г.) бывшего секретаря этой кассы Авраама Вульфсона, которого, по его словам, «оттуда попросили убраться» после установления диктатуры К.Ульманиса²⁹. Письмо написано в связи с 15-летним юбилеем больничной кассы. А.Вульфсон пишет: «Я очень живо вспомнил речь (Бобе – в его защиту. – *Б.В.*), которую Вы произнесли на том заседании правления, на котором я был уволен»³⁰. В статье отмечен следующий факт: вечером 14 мая 1934 г. состоялось общее собрание кассы, которое из-за острого спора затянулось за полночь. И, возвращаясь домой, увидели необычную картину: на улицах было неожиданно много солдат. Наутро стало известно о перевороте Ульманиса, после которого многие работники кассы – евреи были уволены. Обстановка в больничной кассе не позволила Бобе там оставаться, и он лишился работы.

Переработанный и дополненный вариант книги «Яхадут Латвия» был опубликован в Тель-Авиве в 1971 г. на английском языке и стал доступен для многочисленных еврейских общин в диаспоре. Книга «The Jews in Latvia» вышла под редакцией М.Бобе, И.Маора, известного в Латвии и в Израиле педагога Звулуна Михаели (Михельсона) и Шнеора Левенберга, который во время выхода этой книги возглавлял Еврейское агентство Сохнут в Лондоне³¹. В предисловии к книге Ш.Левенберг говорит об

исключительной роли евреев Латвии в сионистском движении, а после алии – в создании киббуцев, в культурной, общественной, политической жизни ишува и в становлении Государства Израиль, называет многочисленные имена членов кнессета, судей, университетских профессоров, журналистов и издателей.

Вторая глава этой книги «Города и люди» посвящена истории еврейской общины Риги. Статью о ней написал М.Бобе. Показывая историю еврейской общины Риги, он акцентировал внимание на формировании типа «рижского еврея», предки которого пришли сюда из Курляндии и из черты оседлости, испытавшего влияние немецкой и русской культур³². И, пожалуй, наиболее интересная часть этой статьи – рассказы о известных семьях, личностях. Среди них Лейб Шалит – делегат 1-го Сионистского конгресса в Базеле, братья Исайя и Шломо Залман Берлины³³, семья Минцев, к которой принадлежали адвокат, ученый, общественный деятель Пауль Минц и известный врач Владимир Минц³⁴. Эти жизнеописания основаны на личных воспоминаниях, воспоминаниях родных и близких³⁵. Собственно, это и была главная задача Бобе – сохранить для следующих поколений биографии отдельных евреев Латвии и историю ее еврейской общины в целом.

Но еще до выхода книги «The Jews in Latvia» в Тель-Авиве в 1965 г. вышла книга М.Бобе «Праким бе-толдот яхадут Латвия» («Очерки истории евреев Латвии»). Книга охватывает период с начала заселения Латвии евреями в 1561 г. и до 1918 г. В ней использованы материалы первых историков еврейства Латвии Р.Вундербара, А.Бухгольца, И.Яффе и др. Им посвящено и специальное приложение. В вышеупомянутой автобиографии, говоря о начале своей творческой деятельности, Бобе прежде всего отмечал статью о Р.Вундербаре. Многочисленные материалы, письма в Национальную библиотеку в Иерусалиме, в Институт еврейских исследований в Нью-Йорке YIVO, хранящиеся в фонде Бобе в Шфаимском архиве, библиографический справочник к книге свидетельствуют об огромной подготовительной работе, которую он провел при написании книги. Надо учесть, что при этом он работал бухгалтером в частной компании. Книга находится в библиотеках многих стран. В фонде Бобе в Шфаим среди многочисленных писем благодарности за присылку книги хранится и благодарственное письмо из библиотеки Центра еврейской молодежи Брюсселя от 25 февраля 1968 г., подписанное И.Аронисом.

В 1972 г. вышла книга Бобе «Идн ин Летланд» («Евреи в Латвии») на идиш. Фактически она была продолжением его первой

книги. В предисловии Бобе объяснил, почему он написал вторую книгу на идиш. Ему было важно, чтобы ее прочли новые репатрианты из советской Латвии, прибывавшие в начале 70-х гг., которые иврит, по большей части, еще не знали. В частности, он писал: *«При выходе книги "Ион ин Летланд" я думал прежде всего о новых олим, которые уже среди нас, и о тех, кто еще приедет из Латвии. В тех условиях, в которых они жили, у них не было никакой возможности познакомиться с историей их родителей и дедов, с родословной еврейской общины в Латвии»*³⁶. Особенностью творческой манеры автора является выделение как больших разделов, так и небольших глав.

Бобе подробно рассматривает историю евреев в период независимой Латвии и диктатуры Ульманиса. Более схематично написаны последние разделы: «Советская аннексия» и «Аресты и эвакуация накануне германо-советской войны». В примечании к главе «Уничтожение», где говорится о гибели еврейской общины в период фашистской оккупации, Бобе указывает, что в книге приводятся факты, основанные на некоторых доступных публикациях. Однако история уничтожения евреев в Латвии, как латвийских, так и прибывших из других стран, требует научно-исследовательской работы, основанной на документах и материалах, находящихся в разных архивах³⁷. Недостаток исходных архивных материалов чувствуется и в главах «Евреи в латышской дивизии», «Еврейские партизаны», «Бриха». В разделе «Возрождение рижского еврейства (октябрь 1944 – сентябрь 1972)» дан краткий обзор жизни евреев в послевоенный период советской Латвии на фоне роста антисемитизма в Советском Союзе. Бобе отмечал, что пять лет Второй мировой войны на территории республики (1939–1944) не смогли уничтожить память о национальной деятельности в довоенной Латвии, в частности о сионистских молодежных организациях, о центре подготовки к алии в Эрец-Исраэль, который действовал в Риге (в его деятельности принимал участие и Бобе)³⁸. Отдельная глава посвящена национально-культурной деятельности рижских евреев в 1957–1962 гг., когда был подготовлен вечер еврейской самодеятельности в Риге, создан хор, который пел не только на русском и латышском языках, но и на идиш, появились первые группы по изучению иврита. Особую роль сыграли не разрешенные властями митинги евреев Латвии на кладбище в Румбуле, где в ноябре–декабре 1941 г. были уничтожены 38 тысяч евреев. Именно тогда создалось движение, которое Бобе называл «легендой о Румбуле», когда «память о погибших повлияла на возрождение еврейских чувств в сердцах

живых»³⁹. Румбула стала символом еврейского возрождения в Латвии. Усилиями еврейских активистов здесь было создано мемориальное кладбище, установлен памятный камень, и стали проходить митинги годовщины уничтожения евреев в Румбуле и восстания Варшавского гетто⁴⁰. О росте национальных настроений рижского еврейства Бобе рассказал в главе «Алия в Израиль после Шестидневной войны». Он обращает внимание на особенность этого периода: не просто ожидание разрешения на выезд, а активная борьба за него – протесты, требования и обращения в различные международные организации. Его интересовали все факты борьбы латышских евреев за алию в Израиль. В центре его внимания был ленинградский процесс по знаменитому «самолетному делу», в котором участвовало несколько рижан, а также многочисленные акции в 1970-72 гг. в Москве и Риге. Отдельная глава в книге – о демонстрации-голодовке в Москве в начале марта 1971 г. в приемной Президиума Верховного Совета СССР, в которой приняли участие 56 рижских евреев⁴¹. Последнюю главу «Новые репрессии, новые ограничения» Бобе заканчивал выражением уверенности в том, что никакие ограничения не остановят борьбу советских евреев за свое право на алию, и в этой борьбе латышским еврейством будет вписана героическая страница⁴².

В пятый раздел книги включены статьи о жизни и творчестве связанных с Латвией известных еврейских политических и общественных деятелей, а также интеллектуалов, ученых, художников, многие из которых начали свою деятельность в Российской империи. Для Бобе это – составная часть еврейской истории. Здесь есть главы об историках латышского еврейства, еврейских депутатах из Курляндии в Государственной думе и евреях в латышском парламенте; главы, посвященные известным раввинам, журналистам еврейских изданий в Латвии в период между двумя мировыми войнами. Заканчивается этот раздел сведениями о деятелях общества выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле Моше Лави, Залмане Ханутине, Максе Абрамсоне.

В разделе «Евреи в латышском парламенте» есть большая статья о раввине Мордехе Нуроке, который был депутатом сейма в Латвии в 1922–1934 гг. от религиозных сионистов⁴³. Бобе был одним из редакторов книги, посвященной памяти Нурока, вышедшей в Иерусалиме в 1967 г.⁴⁴ В этой книге опубликована статья Бобе о многообразной общественной и политической деятельности М.Нурока в Израиле, куда он приехал в 1947 г. и где с 1949 г. и до

смерти в 1962 г. был членом кнессета⁴⁵. Бобе подчеркивал роль Ну-рока в увековечении памяти погибших в Катастрофе.

Книги Бобе читаются легко, с большим интересом. Они не носят наукообразный характер. Бобе писал историю евреев Латвии как живой участник событий, даже когда обращался к далекому прошлому. Он тщательно и живо описывал известные ему факты. Его племянница Батья Гамза рассказывает, как он трудился над последней книгой о рижских евреях. Ежедневно, с раннего утра, Бобе, высокий, худой, работал за письменным столом, делая пере-рывы на еду в строго определенное время. Смутно помня своего дядю, когда его провожали из Риги в Эрец-Исраэль, а здесь узнав его поближе, она восхищалась его исключительной честностью, прямоотой, порядочностью, скромностью в быту, в жизни. *«Он был человеком бескорыстным, никогда не пользовался в личных целях своим положением в обществе выходцев из Латвии, – вспоминает Батья и добавляет, – это был истинный потомок еврейской аристократии»*⁴⁶. Эти же качества отмечал в своей статье, посвященной памяти М.Бобе⁴⁷, И.Маор. Маор писал и о его умении дружить: они дружили с момента, когда оба включились в сионистскую деятельность, и до смерти Бобе.

Закончив книгу «Идн ин Летланд» в сентябре 1972 г. (дата указана в конце книги), Бобе выполнил свой долг и достиг поставленной перед собой цели – оставил потомкам историю латвийского еврейства. Эта книга и сегодня вызывает исключительный интерес и сохраняет свою историческую ценность. Недаром ее уже перевели в Риге на русский язык, и теперь изыскиваются средства для публикации.

Мендель Бобе умер 7 июня 1973 г., его похоронили на тель-авивском кладбище Кирьят-Шауль.

¹ Данная статья продолжает тему, начатую в докладе на 5-й конференции «Евреи в меняющемся мире» (Рига, 16–17 сентября 2003 г.), в которой главное место заняла личность историка Ицхака Маора (Мейерсона; 1900–1993).

² См.: В.Кельнер. «Я теперь прикован к Берлину». С.М.Дубнов и его окружение в германской эмиграции 1922–1933 гг. // РЕВЗ. Т.1(6). 1998. С.377–389.

³ См.: Дубнов С. Книга жизни. Т.3. Издание Союза русских евреев: Н.-Й., 1957. С.120–121. Рижское издание «Книги жизни» было уничтожено

нацистами. Единственный экземпляр, по которому воспроизведен этот том, сохранился в Австралии у И.З.Штейнберга (см. предисловие к этой книге Софы Дубновой-Эрлих, с.VI-VIII). Дубнов погиб в Рижском гетто 8.12.1941.

⁴ Там же. С.121.

⁵ По данным Еврейского агентства Сохнут в 1935–1939 гг. в Эрец-Исраэль из Латвии прибыло 1715 человек (за предыдущее десятилетие – 2253). Цит. по предисловию С.Левенберг к книге: *Jew in Latvia*. Tel-Aviv, 1971. Р.14.

⁶ Всего в этом информационном издании 127 имен, от Леви Липмана, финансиста при дворе герцогини Анны Иоанновны в период ее правления в Курляндии, до наших дней. Есть там также редкие фотографии скрипачки Сарры Рашиной (1920–1941), погибшей в Рижском гетто, и статья о ней. Рассказы о Сарре я слышала от своих родителей – Хаима и Мэри Абкиных (до войны они жили в одном доме в Риге). Особенно часто о ее изумительном таланте (С.Рашина была дипломанткой конкурса в Брюсселе в 1937 г.) рассказывал отец, большой любитель музыки, скрипач-самоучка.

⁷ У М.Бобе и Эстер-Ганы были дочери Хана и Мифа и 7 внуков. Сын Ханы Иоав погиб в Ливане. Вторая жена Бобе (после смерти Эстер-Ганы) – Лидия Долгицер была спасена во время фашистской оккупации в Риге Жаном (Яном) Липке.

⁸ Эзра Тов (Гутман) был призван в Красную армию и, вернувшись в сентябре 1945 г. в Ригу, узнал, что вся семья погибла в гетто. В квартиру, откуда он ушел на войну, его не хотели пускать, и только после обращения к коменданту Риги и обнаружения в домовой книге его фамилии ему предложили одну комнату. Эзра решил уехать в Эрец-Исраэль, что ему удалось осуществить в 1947 г. с помощью организации «Бриха» после целого ряда приключений. Он поселился в кибуце Манара, на границе с Ливаном. В 2004 г. ему исполняется 80 лет, и его дети собираются вместе с ним съездить в Латвию.

⁹ Об этом М.Бобе сообщает в автобиографии, написанной 10.10.1967 г. Она хранится (машинописный текст) в его папке в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме в фонде А.Рафаели-Ценциппера (ф.30–992). В деле хранится карточка Бобе – делегата 19-го Сионистского конгресса в Люцерне в 1935 г. и его удостоверение студента Рижского политехнического института.

¹⁰ См.: там же, с.2 автобиографии. Кроме того, данные о пребывании Бобе в Москве взяты из его воспоминаний (Хе-авар. Т.15. 1968. Май. С.99–108).

¹¹ Сведения о Эстер-Гане Бобе почерпнуты из статьи о ней в книге памяти «Яхадут Латвия» («Еврейство Латвии»). Тель-Авив, 1953. С.440, и из беседы с ее дочерью Мифой (живет в кибуце Гиносар) в июне 2003 г.

¹² См. примеч. 10.

¹³ Шошана Персиц (1893–1969) – сионистский деятель, педагог, издатель. С 1925 г. в Израиле. См. о ней: КЕЭ. Т.6. Стб.449–450. Хиллель Златопольский (1868–1932) – сионистский деятель, публицист.

¹⁴ Эссе Х.-Н.Бялика «Халаха ве-Агада» было опубликовано в 1917 г. в лит. журнале «Кнессет». Хаим Гринберг (1889–1953) – журналист и сионистский деятель. Жил в Одессе, где познакомился с Бяликом, в начале Первой мировой войны переехал в Москву, редактировал «Еврейскую жизнь». С 1921 г. – в Берлине, где был редактором «Ха-олам»; с 1924 – в США, где редактировал различные сионистские издания и работал в Еврейском агентстве.

¹⁵ Александр Гольдштейн (1884–1949) – сионистский деятель, журналист (сотрудничал в «Еврейской жизни», «Рассвете»). В Эрец-Исраэль с 1933 г. (см.: *Judaica*. Vol.7. P.744–745).

¹⁶ См.: «Хе-авар». Май, 1968. С.104.

¹⁷ См.: Центральный сионистский архив в Иерусалиме, фонд А.Рафали-Ценциппера (ф.30–992).

¹⁸ Два тома журнала «Хе-авар» вышло в Петрограде в 1918 г., а с 1952 до 1976 г. журнал выходил в Тель-Авиве. В состав его редколлегии входил Ицхак Маор.

¹⁹ См.: Хе-авар. Т.14. 1967. С.250–261. Мордехай Дубин (1889–1956) – политический и общественный деятель, возглавлял Рижскую еврейскую общину.

²⁰ См.: Хе-авар. Т.16. 1969. С.141–163. Тевьев Исраэль Хаим (1858–1920) – писатель, редактировал «Ха-Зман» в Вильно, сотрудничал в журналах «Ха-Шилоах», «Ха-Ткуфа» и др.

²¹ См.: Хе-авар. Т.11. 1964. С.118–122. Вундербар Реувен (1812–1868) – деятель Гаскалы, родился в Митаве (Елгаве) Курляндской губернии. Посвятил истории евреев Курляндии и Лифляндии исследование: *Geschichte der Juden in den Provinzen Liv- und Kurland*. Mitau, 1853.

²² Копия письма (май, 1948 г.) хранится в упомянутом выше деле Бобе в Центральном сионистском архиве (Ф.30/992).

²³ См.: «Яхадут Латвия». (Примеч. 11). С.18–29.

²⁴ Там же. С.150–157.

²⁵ Там же. С.174–179.

²⁶ И.-Л.Кантор (1849–1915) – журналист, был редактором многих ивритских изданий, сотрудничал в рус.-евр. изданиях в Петербурге (в 1879–1874 гг. редактировал «Русский еврей», публиковал статьи в «Восходе» и «Еврейской библиотеке»). Был казенным раввином в Либаве (Лиенае) и в Риге (1909–1915).

²⁷ См.: «Яхадут Латвия». (Примеч. 11). С.151.

²⁸ Бобе отмечал, что, помимо воспоминаний, источниками для его статьи были: *Grossberg Jskar*. Die Presse Lettlands. Riga, 1927 и книга *Греца М.* «25 яр идише пресе ин летланд», Рига, 1933. В посл. время опубликованы статьи *Смирин Г.*: Еврейская периодическая печать в Латвии до Первой мировой войны // *Евреи в меняющемся мире*. Вып.1. Рига, 1996. С.236–243;

Еврейская периодическая печать в Латвии между двумя мировыми войнами // Там же. Вып.2. Рига, 1998.

²⁹ См. архив евреев – выходцев из Латвии и Эстонии в Израиле в кибуце Шфаим (Т.Бобе, ф.1–144).

³⁰ Там же.

³¹ См.: Jews in Latvia. P.90.

³² См.: Jews in Latvia. P.243–246.

³³ Там же. С.251–252. Потомком семьи Берлиных является известный философ и литературовед сэр Исайя Берлин (1909–1997).

³⁴ Там же. С.254–257.

³⁵ Там же. С.248.

³⁶ См.: «Идн ин Летланд». Тель-Авив: Решафим, 1972 г. С.9.

³⁷ Там же. С.194.

³⁸ Там же. С.246.

³⁹ Там же. С.260.

⁴⁰ Подробный рассказ обо всей эпопее, связанной с благоустройством Румбульского мемориального кладбища, о бесконечной борьбе с властями см.: *Цейтлин Шмуэль (Буби)* Документальная история евреев Риги. Израиль, 1989. С.333–424.

⁴¹ Бобе отмечал («Идн ин Летланд». С.269), что для написания этой главы использовал материалы участников голодовки: сообщение *Ицхака Гамза* (племянника Бобе) в обществе выходцев из Латвии и Эстонии; ст. *Геси Камайской* в газете «Давар» («Речь») от 1 окт. 1971 г.; ст. *Давида Зильбермана* в журнале «Ха-ума» («Нация»). 1971. №2.

⁴² См.: «Идн ин Летланд». С.280.

⁴³ Там же. С.301–302.

⁴⁴ См. кн.: «Зехер Мордехай» («Памяти Мордехая»), посв. жизни и деятельности р. Мордехая Нурика. Изд-во Мосад рава Кука: Иерусалим, 1967.

⁴⁵ Там же. С.74–84.

⁴⁶ Отец Батьи и Ицхака – Ахарон Бер Гамза (1886–1952) – один из руководителей еврейской общины г. Лудзы (Латвия), сионистский деятель, бейтаровец, участвовал в 17-ом Сионистском конгрессе. См. о нем: «Яхадут Латвия». С.296–298.

⁴⁷ См.: Хе-авар. Т.20. 1973. С.289–290.

Раввины из России и Советского Союза в Палестине и Израиле¹

Марина Туркинец (Иерусалим)

В Торе сказано: «Принеси первые плоды поля своего. При этом вспомни историю народа своего»². Разве не этим мы сегодня занимаемся? Я приношу плоды, которые вырастила на поле Бар-Иланского университета, на кафедре истории еврейского народа, в проекте «Раввины Советского Союза».

Раввин – это звание, которое присваивается имеющим высшее религиозное образование и которое дает право возглавлять общину, иешиву, синагогу, преподавать в иешиве, быть членом религиозного суда. Но раввин в России – больше чем раввин. Раввины принимали активное участие в политической, общественной, просветительской, культурной жизни. Среди них: депутаты Государственной думы, Учредительного собрания, Всемирных сионистских конгрессов, активные участники политических, национально-религиозных движений и партий. Сердца и души их были на Востоке, чтобы здесь заложить свои камни в здание сионизма. В течение XX века некоторым из них удалось репатрироваться на землю Израиля, внося значительный вклад в духовную культуру «ишува» и молодого государства.

1. О репатрировавшихся в первые десятилетия XX века



Раввин Авраам Кук

Раввин Жеймели (Ковенская губерния) и Бауска (Курляндская губерния) Авраам Ицхак ха-Коген Кук (1865–1935)

Учился в Воложинской иешиве. Приехал в Эрец-Исраэль в 1904 году. Стал раввином Яффо и всего ишува. В 1919 году назначен главным раввином Иерусалима. В 1921 году стал первым верховным ашкеназийским раввином в Эрец-Исраэль³. В 1924 году организовал иешиву в Иерусалиме «Мерказ

ха-Рав», широко известную и в наши дни⁴. Раввинский авторитет, мыслитель, автор многочисленных религиозно-философских и сионистских произведений, автор религиозных стихотворений⁵. Его труды пользуются и сейчас огромным авторитетом в религиозно-сионистских кругах⁶.

***Раввин Унгены (Бессарабская губерния)
Иегуда Лейб Маймон (1865–1962)***

Учился в литовских иешивах. Принимал участие в учредительном съезде «Мизрахи» в Вильне, в сионистских конгрессах. Член исполкома Всемирной Сионистской организации⁷.

В 1913 году поселился в Эрец-Исраэль и участвовал в основании школьной сети «Мизрахи». Совместно с раввином Куком стал инициатором создания института главного раввината в Палестине, разработал устав главного раввината и организовал учредительную церемонию. В 1936 году основал издательство «Мосад ха-Рав Кук» в Иерусалиме. Был сторонником сближения со светскими сионистскими партиями.



И.Л.Маймон

После создания Государства Израиль стал министром временного правительства, а затем правительства, избранного кнессетом первого созыва, – министром по делам религий и по делам жертв войны⁸.

Плодовитый писатель, публицист, автор многочисленных книг по вопросам Галахи, Аггады, еврейской философии. Ему принадлежит 6-томный труд «Сарей-гамеа» («Вожди своего века»), посвященный крупнейшим еврейским законоучителям⁹.

Учреждена премия имени Маймона, которую вручают ежегодно за лучшие произведения по литературе и исследованиям в области иудаизма. Первым лауреатом премии Маймона стал раввин Шломо Йосеф Зевин¹⁰, о котором пойдет речь ниже. А позже эта премия была присуждена тогдашнему главному сефардскому раввину Овадии Йосефу¹¹.

Раввин Бердичева Яков Берман (1878–1974)



Раввин Яков Берман

Один из талантливейших учеников иешивы «Телз». Изучал юриспруденцию в университетах Одессы и Петербурга. Один из преподавателей Большой одесской иешивы (в 1907–1909; короткое время заведовал иешивой)¹². После Февральской революции – главный военный раввин Русской армии. Он заботился и о воинах-евреях войск противника: доставал для них талиты, тфилины, молитвенники¹³. Репатриировался в 1921 году. Возглавлял сеть национально-религиозных школ «Нецах Исраэль» в Петах-Тикве, а затем руководил всей сетью школ «Мизрахи» в Израиле. Вскоре после хевронских событий 1929 года организовал и возглавил

Комитет помощи жертвам хевронского погрома и другим пострадавшим от арабского террора. Создал религиозный педагогический семинар по иудаизму в Иерусалиме, впоследствии переведенный в Реховот. После расширения программы семинар был присоединен к иешиве «Даром», дающей аттестат зрелости.

Написал множество книг по Галахе и по еврейскому праву¹⁴.

Раввин Подольска (Подмосковье) Элияху Велковский (1873–1962)

Учился в иешиве Слободка. В 20-е годы был членом московского раввинского суда. Репатриировался в 1931 году. После создания государства руководил отделом в главном раввинате Израиля¹⁵.

Раввин Новозыбкова (Черниговская губерния)

Шломо Йосеф Зевин (1890–1978)

Учился в иешиве «Мир». Раввин нескольких общин. Один из редакторов журнала «Ягдиль Тора», последнего раввинистического журнала в Советском Союзе. Репатриировался в 1934 году. Издавал еженедельное обозрение новой раввинистической литературы.

Первый редактор «Талмудической Энциклопедии». Внес значительный вклад в развитие талмудического стиля в современном иврите. Лауреат многочисленных литературных премий, в том числе Государственной премии Израиля. Член Верховного раввинского суда Израиля¹⁶.

Раввин Одессы Шимон-Яков Гликсберг (1870–1950)

Активный сионист, руководитель одесского отделения движения «Мизрахи»¹⁷. В первые годы советской власти не боялся защищать евреев, преследуемых Евсекцией, открыто высказывал религиозные взгляды. Он говорил: «...Кто защитит еврейскую религию? Гои, священники? А еврейские раввины будут отсиживаться по домам и не пойдут защищать иудаизм? Это и будет укреплением антисемитизма!» Репатриировался в 1937 году. Раввин тель-авивского района Нордия¹⁸.

Раввин Митавы (Курляндская губерния) Мордехай Нурок (1879–1962)

Один из руководителей московской еврейской общины в годы Первой мировой войны. В 20-е годы вернулся в Латвию, был избран в парламент. В 1941 году после оккупации Латвии Красной Армией его арестовали и выслали в Среднюю Азию. Под давлением мирового еврейства был освобожден¹⁹. Репатриировался в 1948 году и был избран членом кнессета первого созыва. В 1949 году потребовал принятия закона о суде над нацистскими преступниками²⁰. Был одним из самых активных сторонников установления в 1951 году Дня Катастрофы и героизма, принятия в 1953 году Закона памяти о Катастрофе и героизме²¹. Активно участвовал в деятельности Общества спасшихся в годы Катастрофы, в работе «Магена» (Общества помощи советским евреям – узникам Сиона)²², был членом Совета «Мосад ха-Рав Кук». Участвовал в создании сельскохозяйственной иешивы в Кфар-Гароз²³.

2. О тех, кто навсегда остался за «железным занавесом»

Раввин Москвы Яков Исаевич Мазе (1859–1924)

Один из старейших русских сионистов. Прославился своим выступлением в защиту иудаизма во время «дела Бейлиса» в 1913 году в Киеве²⁴. В 1890 году Яков Мазе вместе с Ахад-ха-Амом и

Менахемом Усышкиным посетил страну Израиля для оказания помощи халуцим и для покупки земель. С 1893 г. казенный раввин Москвы. Сразу же после провозглашения декларации Бальфура организовал в Москве общество «Еврейское право» для разработки правовых основ в будущем еврейском государстве²⁵, активно поддерживал создание еврейского спортивного общества «Маккаби». Один из инициаторов создания театра на иврите «Габима». После установления Советской власти не смог уехать в Эрец-Исраэль, считая себя как бы капитаном тонущего корабля, который не имеет права оставить свою команду в беде²⁶. Когда Троцкий отказался помочь предотвратить закрытие Центральной синагоги, ссылаясь на то, что он «революционер-интернационалист», Мазе произнес свою знаменитую фразу, ставшую летучей: «Ах, господин Троцкий! Делают революцию Троцкие, а платят по счетам Бронштейны!»²⁷

Раввин Они, Ахалциха и Цхинвали (Грузия)
Давид Баазов (1883–1947)

Учился в Слуцкой и Виленской иешивах. Глашатай сионистских идей среди грузинского еврейства. Участвовал в основании сионистской газеты «Голос еврея», еврейско-грузинской газеты «Макавеели». Организовывал еврейские школы. В 1925 году добился разрешения властей на выезд группы грузинских евреев в Эрец-Исраэль, которую он посетил с целью подготовки алии, сумев получить у британских мандатных властей сотни сертификатов на въезд в страну. Однако после отъезда первых пятидесяти семей советские власти аннулировали разрешения всем остальным²⁸. Во второй половине 20–30-х годов продолжал поддерживать тесные контакты с легальными, а затем с ушедшими в подполье сионистскими организациями центра России. В 1938 году был арестован и приговорен к расстрелу, замененному ссылкой в Сибирь²⁹.

3. О прибывших в Израиль после Шестидневной войны

Прежде всего это ***Ицхак Зильбер*** (1917–2004), как его называют, «главный раввин русской алии». Он никогда не учился в советской школе. Получил традиционное еврейское образование. Его учителем был отец, казанский раввин Бен-Цион Зильбер.

Своего сына, названного в честь деда, Бен-Цион также учил дома по единственному трактату Талмуда и небольшому, уцелевшему молитвеннику.

В 1972 году получил разрешение на выезд в Израиль.

Интересно, когда плачут раввины? Когда Ицхак Зильбер увидел здесь, в Иерусалиме, библиотеку в синагоге, он заплакал, так как много лет и не мечтал о таком богатстве. Молодой Бен-Цион Зильбер поразил синагогального раввина своим глубоким знанием и пониманием того единственного сохранившегося трактата. На этот раз синагогальный раввин не мог сдержать слез.

Никогда не учась в иешиве, Ицхак Зильбер за свои глубокие, всесторонние знания получил смиху (присвоение звания раввина) от выдающегося американского раввина Моше Файнштейна. Раввин Зильбер преподает во многих иешивах, читает публичные лекции, пишет книги, проводит огромную практическую работу по возвращению советских евреев к вере.

Сын раввина Зильбера, Бен-Цион Зильбер учился в иерусалимской иешиве «Мир» и в бней-браковской иешиве «Слободка»³⁰. Эти иешивы, так же как и иешива «Поневеж» в Бней-Браке, «Телз» и другие, напоминают о иешивах в одноименных городах Литвы и Белоруссии, уничтоженных нацистами и Советской властью и возрожденных в Израиле. Но это уже отдельная тема.

В 70-е годы в Израиле возникает группа еврейских активистов, изучающих Тору на русском языке при иешиве «Итри». Когда возникла идея создать иешиву для русских евреев и назвать ее «Швут Ами» («Возвращение народа»), Ицхак Зильбер поддержал ее. В 1978 году иешива была создана, ее возглавил раввин Элиэзер Кугель, ученик раввина Ицхака Зеэва Соловейчика, брестского раввина. Это была одна из первых иешив для русскоязычных евреев. Раввин Ицхак Зильбер стал ее преподавателем. Из ее стен вышли его ученики, его духовные внуки, молодые русскоязычные раввины, преподаватели иешив в Израиле, а в настоящее время в России, Украине и т.д.³¹

Среди них: Моше Пантелят, Хаим Бурштейн, Цви Патлас, Шимон Грилюс и многие другие. Их лекции, книги, кассеты на русском языке очень популярны.

Исследование только разворачивается. И наша задача, задача историков, четко сформулирована в словах раввина Ицхака Зильбера: «Не запишем – согрешим!» Я приглашаю к сотворчеству. Вспомните, кого из ваших предков, соседей, земляков называли «раввин», «ребе», «рав», «рабин», «рабинер» или «ребецене», «рабанит», «рабинша». Согрешим, если не запишем, если не сохраним отголоски той великой ашкеназийской культуры, которую мы почти растеряли по дороге сюда.

¹ Доклад на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

² Второзаконие, гл. 26, стих 2.

³ Otsarot: leket maamarim shel' harav Avraham Itskhak hakohen Kuk, haorekh harav Tsvi Iehuda hakohen Kyk. Jerusalem, 1979. P.27.

⁴ См.: Otsarot. P.32.

⁵ Менора. 1973. №3. С.116. (Журнал издавался на русском языке в Иерусалиме издательством «Амана».)

⁶ См.: Otsarot. P.33. Biografia khronologit shel harav Kuk. Jerusalem [1981?]. P.1.

⁷ Шпитальник С. Евреи Молдовы, деятельность евреев в культуре, науке, экономике Молдовы в XX веке. Кишинев, 2000. С.10.

⁸ Bat-Iehuda G. Harav Maimon bedorotav. Jerusalem, 1979. P.575.

⁹ Шпитальник С. Евреи Молдовы... С.11. См. также: Lazar D. Rashim balIsrael, sefer sheni. Tel-Aviv, 1955. P.119.

¹⁰ Pras harav Maimon. Eser shanim. Jerusalem, 1978. P.6.

¹¹ Idem. P.39.

¹² Heavar. 1975. V.21. P.255–256. (Журнал издавался на иврите в 1953–1977 гг. в Иерусалиме.)

¹³ Idem. P.256.

¹⁴ Idem. P.257–258.

¹⁵ Gershuni A. Yehudim veYahadut beRussia haSovetit. Jerusalem, 1961. P.76. См. также: Areshat. 1966. №4. P.557. (Журнал издавался на иврите в 1959–1981 гг. в Иерусалиме.)

¹⁶ Or Hamizrakh, tishrei 1963. P.53–58. (Журнал издается на иврите с 1954 г. в Нью-Йорке.)

¹⁷ Heavar. 1972. V.19. P.120.

¹⁸ Idem. P. 121.

¹⁹ *Bobe M. Belsrael // Zekher Mordekhai / Editors: I. Rafael, A. Tartakover, M. Bobe. Jerusalem, 1967. P.74–75.*

²⁰ *Norok M. Pirkei autobiografia // Zekher Mordekhai. P.41.*

²¹ *Bobe M. Belsrael // Zekher Mordekhai. P. 80.*

²² *Vest B. Darko hatsiburit // Zekher Mordekhai. P.68.*

²³ *Bobe M. Belsrael // Zekher Mordekhai. P.83.*

²⁴ *Turkiniets M. Jakob Mazeh – the Last Zionist Leader of Jewish Community in Moscow. Ramat-Gan, 2003. P.38. Исследование на звание магистра, Бар-Иланский университет.*

²⁵ Там же. С.55, 88.

²⁶ *Туркинец М. Сионистская деятельность раввина Якова Мазе в Москве // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиогр. альманах. М., 2003. С. 79–86.*

²⁷ *Недава Й. Вечный революционер. М.–Иерусалим, 1989. С.134.*

²⁸ *Heavar.1975. V.21. P.245–246.*

²⁹ *Idem. P.247.*

³⁰ *Записано со слов раввина Бенциона Зильбера, сына раввина Ицхака Зильбера. См. также: Зильбер И. Чтобы ты остался евреем / Ред. К.Райз. Иерусалим, 2003.*

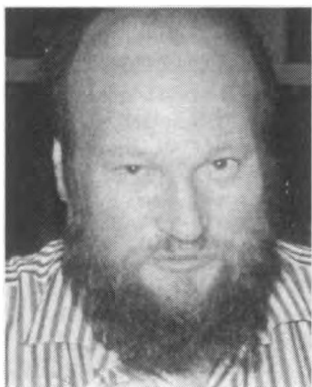
³¹ *Записано со слов раввина Бенциона Зильбера, сына раввина Ицхака Зильбера.*

Савелий Дудаков: портрет на фоне избранных мест творчества¹

Арон Черняк (Хайфа)

В «мягком» варианте отец Мень сказал, что в Израиле живет человек, лучше всех осведомленный о «Протоколах», но он... крайний русский националист. Подлинные слова Меня были грубее и обиднее. Лично я с ним никогда не был знаком. Думаю, что знакомые знакомых, сообщившие информацию обо мне, были лишены юмора.

Савелий Дудаков



Савелий Юрьевич Дудаков

Сквозь толщу многих десятилетий прорвалось в мою память высказывание одного крупного английского ученого о великом физике Уильяме Томсоне (ставшем за научные заслуги бароном Кельвином). Выступая с торжественной речью, оратор сказал: «Сэр Уильям был не только великим ученым, но и умным человеком». Конечно, подобное сочетание не является исключением, но, тем не менее, приведенное высказывание нельзя считать парадоксом. Настоящая статья относится к человеку, который сочетает в себе талант ученого – историка со статусом, безусловно, умного человека.

Что такое умный историк? Это, прежде всего, человек, наделенный историческим мышлением. Именно историческое мышление есть проявление ума историка. Но разве

¹ Доклад, представленный на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

есть историки, лишенные этого качества? – можем услышать вопрос. К сожалению, есть, и не так уж мало.

Итак, поговорим о Савелии Юрьевиче Дудакове, докторе исторических наук, видном израильском специалисте по истории российского еврейства. Интересно, что он сам думает о себе в этом статусе? Цитирую: *«А теперь об историке Савве Дудакове. Как Вы понимаете, писать о себе неблагоприятно. Во-первых, все время хочется покрасоваться, посмотреть в зеркало, блеснуть эрудицией и пр. С другой стороны, непрерывно оглядываться и скороговоркой произносить: “Я не хвастаюсь, а это есть подлинная истина”. Прибегнем к помощи моего тезки – Савелия Григорьевича Тартакова, шахматиста и журналиста, выдумавшего восточную притчу в духе Ницше и Толстого: “Есть игроки, играющие слабо и не знающие, что они играют слабо: это невежды – избегай их! Есть игроки, играющие слабо и знающие, что играют слабо: это разумные – помоги им! Есть игроки, играющие сильно и не знающие, что играют сильно: это скромные – уважай их! ЕСТЬ ИГРОКИ, ИГРАЮЩИЕ СИЛЬНО И ЗНАЮЩИЕ, ЧТО ИГРАЮТ СИЛЬНО: ЭТО ШАХМАТНЫЕ МУДРЕЦЫ – СЛЕДУЙ ИМ!” Непросто вычислить, к какой группе аз грешный относит себя»* (С.Дудаков. Письмо С.А.Могилевскому и А.Я.Черняку. Март–апрель 2003 г. Рукопись). Здесь нет ни капли преувеличения – и именно поэтому я позволил себе процитировать это яркое высказывание. Постараюсь убедить в этом же читателя.

Источниковая база настоящего очерка – произведения С.Дудакова, многочисленные печатные рецензии и отзывы на них, а также неопубликованные материалы различных жанров. Широкое использование именно рукописных материалов и составляет исключительную особенность очерка, так как именно они вносят особый колорит в повествование.

Кратко о происхождении и жизненном пути С.Дудакова. Он родился 28 июля 1939 г. в Ленинграде. Путь его не был усеян розами. Ранняя смерть отца, и с 18 лет Савва кормит семью из 5 человек; он – чернорабочий, грузчик и т.п. *«С ранней юности, – пишет он, – я твердо решил не играть с Советской властью в поддавки. Посему я никогда не был комсомольцем, а тем паче партийцем... Никогда не ходил на демонстрации... С середины 60-х гг. я активно принял участие в сионистском движении. Я – один из авторов т.н. “Первого ленинградского письма” – обращения к советской власти с просьбой о свободной эмиграции в Израиль... Пепел Освенцима стучал в моем сердце. Это не пошлая фраза. Есть семейная*

фотография, сделанная в Белостоке в 38 г. Из 60 членов маминей семьи уцелел один. Его призвали в Красную Армию». Это из письма С.Дудакова Н.Горенштейну от 22 августа 2000 г. (Рукопись. Личный архив А.Я.Черняка). В мае 1971 г. Савву вызвали в Большой дом: предложили немедленно покинуть СССР – или... И вот он с женой Инной в Израиле. Здесь ему повезло. После «некоторых приключений» он стал учеником выдающегося историка и прекрасного человека проф. Шмуэля Эттингера. Так началась его карьера историка. В 1993 г. С.Дудаков получил звание доктора истории; позже был удостоен премии имени проф. И.Клаузнера, а также литературной премии имени Леи Гольдберг.

Как-то в очередной раз я посетил своего научного руководителя и старшего друга, крупнейшего историка России П.А.Зайончковского и застал его в некотором возбуждении. *«Ароша, – вдруг сказал он, – а ведь барон Шафиров объездил всю русскую аристократию».* – *«Вас это тоже коснулось?»* – спросил я его. – *«Нет, к сожалению, нет, – ответил мне этот столбовой дворянин. – Иначе я был бы умнее».* Конечно, то была шутка, но в каждой шутке... Богатыми познаниями обладал профессор, автор капитальных работ, создатель крупнейшей исторической школы в СССР и большой школы американских славистов, но все же многое оставалось ему неизвестным. В этом я убедился, прочитав книгу С.Дудакова «Петр Шафиров» (Иерусалим, 1989). Уже в этом раннем исследовании проявились основные черты творчества историка. Это, прежде всего, научная добросовестность. Для написания сравнительно небольшой книги (117 с.) автор использовал широкий круг источников: 176 ссылок находим мы в их перечне – практически все более или менее значимое для раскрытия темы. Следующая особенность авторского подхода – его широта: основное повествование – жизнь и деятельность выдающегося государственного деятеля эпохи Петра I – оказалось в обрамлении своеобразных «до» и «после». Фигура П.Шафирова, во всем блеске его разносторонних талантов, как бы предваряется чрезвычайно интересным экскурсом в «еврейское» прошлое допетровской Руси. Подчас перед изумленным читателем обнаруживается, нежданно-негаданно, еврейское происхождение известных исторических личностей. Скажем, креститель Руси князь Владимир – сын еврейки Малуши, Добрыня Никитич, ее брат, – сын Малка из Любеча; царь Лжедмитрий II – еврейский учитель из Шклова; видимо, евреем был знаменитый деятель русской культуры Симеон Полоцкий; по мнению проф. В.А.Пархоменко, «Киевская Русь как государство явилась в известной мере модификацией

и преемницей Хазарского государства», в котором исповедовался иудаизм; особенно много евреев появилось на Руси в XVII веке, в частности, в Смоленске – здесь жили богатые еврейские купцы и предприниматели: Шафиры, Веселовские, Евреиновы, Копьевы и т.д. Пять дочерей Шафирова и его еврейской жены вышли замуж за титулованных представителей аристократии, и потомство П.Шафирова впоследствии составило около тысячи человек. В книге имеется родословное древо потомков Шафировых. Первая же монография – о Шафирове – ввела Савву Дудакова в число известных израильских историков. Впереди были более широкие проблемы и более значительные свершения. А многие российские государственные деятели и публицисты, военачальники и поэты, ученые и музыканты, богословы и филологи, археологи и нумизматы и др. обрели для читателей книги С.Дудакова статус потомков П.Шафирова. Среди них: князь Долгорукий, Гагарины, Хованские, Вяземские, в том числе поэт П.А.Вяземский, Трубецкие, Юсуповы; граф С.Ю.Витте, премьер-министр России; Строгановы; граф А.Н.Толстой, писатель; Н.М.Карамзин; Е.А.Арсеньева, бабушка Лермонтова, его дядя П.Евреинов; нарком иностранных дел СССР Г.В.Чичерин и др. А также проф. Еврейского университета в Иерусалиме Елена Толстая, внучка писателя. Обобщающую оценку книге Дудакова дал крупнейший французский историк Л.Поляков: *«Это "источник сногшибательный", – пишет он, – поскольку он опровергает все трафаретные представления о роли еврейства и в государственной, и в культурной жизни России».*

В 1993 г. в Москве вышел в свет новый труд С.Дудакова – «История одного мифа: Очерки русской литературы XIX–XX вв.», посвященный истории «Протоколов сионских мудрецов». Нет никакой нужды объяснять читателю значимость темы: все знают, что такое «Протоколы сионских мудрецов», многим известно, как была разоблачена эта печально знаменитая фальшивка. Даже юдофоб Николай II, поначалу с восторгом принявший это «произведение», под давлением фактов вынужден был запретить его использование и распространение. И, тем не менее, «Протоколы» живы и до сих пор активно используются антисемитами. Поэтому необходимы новые разоблачения, требуется окончательно выбить это отравленное оружие из рук врагов еврейства, образно выражаясь, надо бить оруженосцев «до смерти». Именно такова была задача, вставшая перед С.Дудаковым, – и он ее выполнил, причем на высшем уровне. «Протоколы сионских мудрецов»: происхождение – бытование – нокаут – таков был лейтмотив моей рецензии на книгу

С.Дудакова в одном из израильских изданий. Основные идеи этой рецензии, в первую очередь о нокауте «Протоколов», отражены в другом моем выступлении – на страницах ведущего российского исторического журнала (Вопросы истории. 1995. №8. С.162–168). Несколько ранее в израильском еженедельнике было опубликовано пространное интервью с С.Дудаковым. Редакционная врезка содержала вопрос: «Возможно ли сегодня настоящее чудо? Может ли, например, докторская диссертация стать бестселлером?» Газета как в воду глядела. Успех монографии С.Дудакова превзошел все ожидания: как из рога изобилия в разных странах посыпались рецензии на книгу. По подсчетам Дудакова, напечатано около ста рецензий, отзывов, заметок, цитирований. Он особо отмечает роман Ф.Горенштейна «Товарищ Маца», где вся четвертая глава – «пересказ Саввы Дудакова», и сборник «Оккультные силы России» (СПб., 1998) с обильным цитированием Дудакова. Однако А.Солженицын в книге «Двести лет вместе» Дудакова и не «приметил». Удивляться не следует: Солженицын отбирал литературу по своим «принципам».

Впечатляет презентация книги, проведенная в Москве в апреле 1994 г. в Литературном музее. Собрался московский бомонд, человек 120. Был и правнук Л.Толстого академик Никита Толстой, критик Лев Аннинский, историк академик Сигурд Шмидт (сын О.Ю.Шмидта), писатели Наталья Иванова, Алла Гербер, Г.Померанц и др.; присутствовал секретарь посольства Израиля. Пришли и делегаты «Памяти», записывали, тихо удалились. Вместо двух часов презентация шла пять, а неофициально продолжалась допоздна. *«Я был в ударе, – вспоминает Дудаков, – и теперь, когда мне грустно или вообще плохо, я с радостью вспоминаю незабвенный вечер, и настроение исправляется»* (С.Дудаков. Воспоминания о Д.А.Черняховском. Рукопись, с.8 // Личный архив А.Черняка). Чем объяснить такой, почти фантастический успех научной книги? Конечно, темой, но не только. Есть еще два обстоятельства. Это важные фактографические открытия ученого, которые позволили ему прийти к новым выводам, и это боевой, публицистический тон повествования. Так явилась подлинно научная историческая публицистика, строгая и эмоциональная одновременно, способная дойти до ума и сердца читателя. Прекрасно сказал об этом историк профессор Натан Шпигель, лауреат Государственной премии Израиля: *«Глубокоуважаемый г-н Дудаков, – писал он, – Вы обладаете индивидуальным и красочным слогом... мало кто может сравниться с Вами в этой области. Я, разумеется, читал слова (это – наше*

оружие), но видел то, что Вы хотели показать, слышал то, что Вы хотели, чтобы было услышано, думал и пережил то, что хотели передать читателю» (перевод с иврита // Личный архив С.Дудакова). Конечно, подобный успех окрылил С.Дудакова, подвигнул его на новые свершения.

И вот результат: в 2000 г. появилась его монография «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России. Очерки» объемом в 640 стр. Занимаясь историей еврейства в России, С.Дудаков пришел к выводу: «практически нет отображения в научной литературе отношения русского общества к моему народу». Отмечу: мысль чрезвычайно интересная, хотя и не абсолютно точная. Так, еще в 1891 г. в Петербурге вышел в свет сборник «Русские люди о евреях», в котором приведены высказывания отдельных деятелей и выступления прессы (есть немецкое издание – «Die Juden in Rußland». Berlin, 1900). Но все же это – лишь материал для научных обобщений, которых практически не было. Предстоял титанический труд. Вот как характеризует его С.Дудаков: «Я вошел в крестьянскую избу, в концертную залу, в картинную галерею, в университетскую аудиторию, в монастыри и церкви, в тюрьмы, в военные казармы, в Английский клуб и Шахматный клуб, в дворцовые покои. Я опустился на дно общества и поднялся в приемные аристократии. И когда я увидел перед собой весь этот калейдоскоп – я не испугался и составил гигантский том, который в первую очередь потряс меня самого» (С.Дудаков. Письмо А.Я.Черняку. 22 апреля 2003 г. // Личный архив А.Черняка). Что же так потрясло историка? Он увидел переплетение русского общества с судьбой еврейства, увидел, что еврейская кровь (да позволено мне будет перефразировать знаменитое высказывание Юлиана Тувима. – А.Ч.) лилась не только ИЗ ЖИЛ (в погромах), но и В ЖИЛЫ значительной части русского общества. Это в известной мере, действительно, его обьевреивание. Самый общий и ответственный итог своей работы Дудаков видит в формуле: «Я охватил русское общество в целом и, в частности, в его отношении к еврейству, что до меня никем не было сделано» (там же). Видимо, здесь напрашивается сравнение с книгой А.Солженицына «Двести лет вместе». Однако подобное сопоставление носит чисто формальный характер, ибо опус Солженицына явно тенденциозен и не является научно обоснованным произведением. Полагаю, что книгу С.Дудакова можно назвать (воскрешая терминологическую традицию русской литературы 40–50-х гг. XIX века) научным физиологическим очерком России. В ней, действительно, имело место соотношение между

антисемитизмом и филосемитизмом, но оно никогда не было равновесным. Все же и неустойчивый баланс, постоянно нарушаемый политикой государственного антисемитизма, проявлениями антисемитизма бытового и религиозного, играл свою роль, нередко парадоксальную и причудливую. В этой связи просматривается и значимость еврейского элемента в ряде областей жизни российского общества. Давно подмечено стремление С.Дудакова к этому сюжету. *«Поразительно историческое чутье Дудакова, – пишет академик М.Голубовский, – в “выуживании” в этой сфере этногенетических следов еврейства. И поразителен раскрываемый им диапазон вовлеченности крещеных евреев в российскую аристократию и культуру»* (М.Голубовский. Еврейство и Россия в новой книге Савелия Дудакова // «Вестник» (Балтимор). 2001. №23). Совершенно с этим согласен. А ведь некоторые наши евреи кричат в таких случаях о «национализме», «шовинизме» и пр. Такие заклинания неначунны и неумны. Почему большим народам можно быть подобными «шовинистами», а малым нельзя? Вот один из многих примеров. В 1952 г. в бостонской газете появилась открытое письмо Сталину, где было написано: «Вы изобрели Слонимского». То был протест, защита Эдисона от российского еврея – математика и изобретателя Хаима-Зелига Слонимского, который на самом деле изобрел телеграф на 15 лет раньше Эдисона (Евреи в культуре Русского Зарубежья. Т.4. Иерусалим, 1995. С.473; КЕЭ. Т.8. 1996. С.48). Так большой народ защищал свой приоритет перед малым. А малому сам Бог велел...

Итак, С.Дудаков как бы формирует корпус выдающихся деятелей России – евреев и тех, в чьих жилах течет еврейская кровь. Корпус этот весьма внушителен. Вот министры иностранных дел К.Нессельроде и Н.Гирс, министр финансов Е.Канкрин, министр двора В.Фредерикс, гос. секретарь Е.Перетц; знаменитый географ П.Семенов-Тянь-Шанский; выдающиеся врачи: Г.Захарьин, Г.Гирш, Л.Гиршман, лауреат Нобелевской премии И.Мечников, И.Цион; изобретатели: Б.Якоби, Х.-З.Слонимский, М.Фрейденберг, Б.Розинг; ряд высших генералов и генерал-губернаторов; крупные финансисты, железнодорожные короли И.Блиох, тайные советники братья Л., С., Я. Поляковы и пр.

Последняя монография С.Дудакова – серьезный научный труд, обладающий научной добротностью и убедительностью положений и выводов, значительной новизной. Это и хорошая популяризация, обеспечивающая доступность и интересность изложения. А также – справочное пособие, преимущественно биографическое (в ука-

зателе около двух тысяч имен). Ни один исследователь и ни один интересующийся читатель не пройдет мимо этого фундаментального сочинения.

Однако Савва Дудаков неутомим и неисчерпаем – он органически не может остановиться. И вот в Москве в 2004 г. вышла четвертая его книга. Сюжет книги, так сказать, свободный – «Этюды любви и ненависти». Перед нами воплощение уникального и сложного замысла: собрание психологических эссе, преимущественно о деятелях литературы и искусства. Здесь Антокольский, Тургенев, Некрасов, Надсон, Фет, Мамин-Сибиряк, Станюкович и др. Сборник открывается некрологом – воспоминаниями о Давиде Черняховском, близком друге автора, много сделавшем для издания и пропаганды произведений Дудакова. Значительный интерес представляет малоизученная тема – евреи в Первой мировой войне. Автора интересует также развитие музыкального искусства и судьбы вундеркиндов; он пытается представить эталон русской женщины – в личном и общественном плане. Особый интерес вызывает дневник автора – подневная запись чтений и размышлений – это сугубо личное, то, что поверяется бумаге. Не следует представлять себе эту книгу как некую сумму эссе. Все содержание пронизано, вернее сказано, сцементировано ведущими идеями автора. Это – гуманизм, свобода, демократия, справедливость, еврейство в его интересах и правах. В целом книга отражает кредо автора.

Так выглядит портрет Саввы Дудакова, историка и человека, который я пытаюсь представить читателю на основе его произведений и опыта личного общения в течение ряда лет. Но есть еще один документ, без которого портрет этот не полон. В моем архиве хранится копия письма С.Дудакова Ф.Н.Горенштейну от 22 августа 2000 г. С любезного разрешения автора приведу некоторые фрагменты из него. Фридрих Наумович Горенштейн – выдающийся российский писатель, еврей, с 1980 г. жил в Германии. Он враг антисемитизма, но и резкий критик еврейства. В письме Дудакову писатель выразил основную мысль: надо писать об уродствах еврейства, возросших на патологической ниве еврейской истории. Дудаков отвечает: *«Дело не в уродстве нашей истории. Будьте справедливы: уродства русской истории неизмеримо ужаснее»* – он ссылается на свою книгу, посланную писателю. И добавляет: *«Редакция выбросила у меня самые страшные строки, когда-либо писанные о России: “Мне даже страшно назвать имя ее. Свирепое имя моей Родины”»*. Уродства свойственны не только истории России, но и истории Польши, Англии, Франции, Германии, Италии,

США – соответствующие примеры Дудаков привел. По мнению Горенштейна, евреи не сумели наладить «важнейшую область – отношения с другими нациями». На это Дудаков ответил: а как быть с тем, что «шесть миллионов евреев, НЕ СУМЕВ НАЛАДИТЬ ОТНОШЕНИЯ С СОСЕДЯМИ, сгорели в газовых камерах?» – Это что – тоже уродства евреев?

Я не могу останавливаться на дальнейшей полемике. Приведу лишь заключение Дудакова: *«Ваша критика еврейства болезненна. Это называется САМОНЕНАВИСТЬ, и наша история знает такие случаи... Все они – безусловные отщепенцы, люди с надрывом. Антисемитизм был всегда прибежищем негодяев... Не Вам становиться в их ряды».*

В этом – весь Дудаков, крупный ученый, человек с тонким музыкальным и поэтическим слухом, с большим эмоциональным накатом, и при всем этом – историк объективный и справедливый.

И еще, и самое главное: ПЕПЕЛ ОСВЕНЦИМА НЕИЗБЕЖНО, НЕИССЯКАЕМО СТУЧИТ В ЕГО СЕРДЦЕ...

Краткая еврейская энциклопедия – коллективный труд ученых – выходцев из СССР/СНГ¹

Марина Гутгарц (Иерусалим)

В 1957 году была основана Ассоциация по изучению еврейских общин. В ее рамках в 1973 году начало работать книжное издательство «Библиотека–Алия». Первыми изданиями были брошюры и журналы, посвященные Государству Израиль, в том числе знаменитый роман американского писателя Л.Юриса «Экзодус», книги по истории еврейского народа, а также календарисправочники, учебники и учебные пособия по ивриту. Эти издания нелегально переправлялись в Советский Союз, в основном с помощью организации «Натив».

Наиболее фундаментальным проектом Ассоциации стала Краткая еврейская энциклопедия на русском языке (КЕЭ), которая охватывает весь комплекс понятий, связанных с еврейской цивилизацией. План издания КЕЭ возник в 1972 году у группы израильских ученых и общественных деятелей во главе с Шмуэлем Эттингером на базе англоязычной «Энциклопедии Иудаика». Предполагалось значительно сократить текст последней, перевести сокращенный вариант на русский язык и издать в шести томах (общее количество слов не должно было по плану превышать 1,5 млн). У истоков КЕЭ стояли выдающиеся общественные деятели Израиля и ученые: Шмуэль Эттингер, Хаим Тадмор, Ицхак Орен (Надель) и др.

В каком-то смысле это был, несомненно, провидческий проект, который заложил фундамент развития русско-еврейской культуры в Израиле. Недостатки издания – неровный уровень подготовки томов, отсутствие указаний на авторство статей и постатейной библиографии – следствие того, что можно было бы охарактеризовать фразой, вынесенной в название книги Элизэра Смоли – «Они были первыми» (издана в «Библиотеке–Алия»).

Одним из инициаторов и бессменным руководителем КЕЭ на протяжении долгих лет была Элла Исаевна Сливкина. Она

¹ Доклад на Всеизраильской научной конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

родилась в Даугавпилсе (Латвия) в семье владельца импортно-экспортной фирмы. Училась в еврейской школе. В июне 1941 году члены семьи были арестованы советскими властями и вместе с тысячами граждан Латвии высланы как «политически и социально опасный элемент».

В 1966-м Элла Исаевна уехала в Израиль. В том же году стала работать в Институте научных переводов (Иерусалим). После его объединения с издательством «Кетер» работала в издательстве. В 1972–2002 годах занимала пост заведующей редакцией КЕЭ и сыграла большую роль в расширении первоначального замысла издания и в осуществлении проекта. В 1976–1986 годах также возглавляла издательство «Библиотека–Алия».

В 1976-м в издательстве «Кетер» вышел первый том КЕЭ. В связи со сменой издателя (со второго тома /издан в 1982 г./ – Общество по исследованию еврейских общин, к которому с третьего тома /1986/ присоединился Еврейский университет в Иерусалиме) работа над КЕЭ была приостановлена (возобновлена в 1979). Фактически энциклопедия перестала быть краткой, объем томов значительно увеличился, а их количество достигло 11, не считая трех дополнений и брошюры «Еврейский календарь в сопоставлении с григорианским на 1948–2048 гг.» (1988). Число словарных статей КЕЭ превышает 5300, а общее количество слов в ней выросло в четыре раза против запланированного и составляет более 6 млн.

В КЕЭ сформировался коллектив редакторов, которые готовили статьи при участии приглашенных специалистов, а также научных консультантов, в том числе таких известных ученых и общественных деятелей, как профессора Ш.Абрамсон, М.Альтшулер, Ш.Пинес, Х.Тадмор, Х.Шмерук, Х.Ширман, М.Штерн, Я.Цур, Я.Ландау, И.Барталь, М.Либман. Председателями редакционного совета КЕЭ были Ш.Эттингер (1–4 тт.) и Х.Бейнарт (с 5-го тома; он был также главным научным консультантом), главными редакторами – И.Орен (Надель) (1–9 тт., с 10-го тома – главный научный консультант), М.Занд (1–2 тт.; с 3-го тома – главный научный консультант), Н.Прат (с 4-го тома), А.Авнер (с 10-го тома, 8–9 тт. – заместитель главного редактора); старшие научные редакторы: П.Хейн (1–5 тт.), И.Глозман (2–7 тт.), А.Гинзай (4–8 тт.), М.Кипнис (с 6-го тома).

Каждый из ученых, составивших первое поколение энциклопедистов, заслуживает отдельного рассказа, однако я остановлюсь только на нескольких биографиях (более подробные сведения об этих людях содержатся в статьях КЕЭ).

Шмуэль Эттингер² – один из крупнейших израильских историков XX века, автор фундаментальных трудов по истории евреев в новое время, политический и общественный деятель.

Ицхак Орен – писатель, автор многих романов, опередивший в литературе на иврите эпоху постмодернизма.

Хаим Тадмор – крупнейший исследователь истории Ближнего Востока и библейской литературы.

Хаим Бейнарт – выдающийся израильский историк, специалист по истории евреев средневековой Испании, автор «Атласа по истории еврейского народа».

Все эти люди так или иначе по происхождению связаны с Россией, точнее с русскоязычным пространством: Эттингер родился в Киеве, до 1935 жил в Ленинграде; Тадмор и Орен (Надель) – из Харбина. Х.Бейнарт родился в Пскове, учился в еврейской гимназии в Риге, в двадцатилетнем возрасте приехал в Эрец-Исраэль. Будучи людьми ивритской культуры, обладая знанием русского языка и невероятной широтой кругозора и научного видения, они сумели основать проект, который стал краеугольным камнем возрождения иудаистики (в России – иудаики) на русском языке.

Среди других ученых, стоявших у истоков КЕЭ, следует упомянуть Ари Авнера – журналиста, общественного деятеля, одного из создателей электронных СМИ в Израиле, члена Академии языка иврит. Он родился в Каунасе, приехал в Эрец-Исраэль в десятилетнем возрасте.

П.Хейн, сын раввина из Нежина, погибшего при погроме во время Гражданской войны в



² См. о нем статью в наст. книге.

России, был научным редактором «Энциклопедии Иудаика», с тем участвовал в издании КЕЭ.

Первое поколение энциклопедистов создало академическую основу издания, разработало термины и принципы их написания, что было необходимо для исследования еврейской цивилизации на русском языке, подготовило базу для публикаций по иудаистике (иудаике) на русском языке. Примером оригинального (непереводного) энциклопедического творчества может служить статья «Бог», написанная И.Наделем для первого тома КЕЭ.

Особняком в списке основателей КЕЭ стоит д-р Нафтали Прат (Анатолий Михайлович Парташников), родившийся в Киеве, приехавший в 1971-м в возрасте 35 лет и представляющий следующее поколение представителей алии 1970-х, – ученых, сформировавшихся в Советском Союзе и продолживших научную карьеру в Израиле.

Фактически более или менее значимая в количественном отношении алия из Советского Союза началась в 1970-е годы, тогда же впервые возникла достаточно широкая русскоязычная читательская аудитория. По времени это совпало с политическими переменами в Израиле, кризисом, наступившим после войны Судного дня, приходом к власти правительства Бегина. Сочетание этих факторов привело к изменению концепции плавильного котла и переходу к полиэтнической модели общества на базе объединяющей выходцев из разных стран еврейской традиции и культуры. Русскоязычная община в этом «лоскутном одеяле» заняла значительное место.

В это время в редакции КЕЭ появились сотрудники, которые приехали в Израиль с уже сформировавшимся глубоким научным интересом к еврейской теме. Так, с именем М.Кипниса связан расцвет русско-еврейской темы в «Энциклопедии», его статьи цитируются в некоторых российских энциклопедиях. Ряд его статей о русско-еврейских деятелях XIX века содержат научные открытия (еврейское происхождение балерины Анны Павловой, желто-черный цвет в поэзии С.Парнок³ до О.Мандельштама и т.д.).

Амнон Гинзай (Газов-Гинзберг) начал заниматься гебраистикой еще в Советском Союзе, исследовал кумранские тексты. Ему принадлежат печатные труды по семитологии, статьи о еврейских языках. В КЕЭ занимался также проверкой терминов и текста на иврите, создавал основы перекрестного индекса, который готовится сейчас к изданию.

³ См. КЕЭ. Т.6. Стлб. 337–339.

Иосиф Глозман был в прошлом старшим редактором Большой советской энциклопедии, в КЕЭ написал статьи «Кино», «Искусства пластические» и многие другие.

Для этих редакторов характерен строгий академический подход к текстам, стремление к информационной насыщенности, тщательная проверка материала.

Следующий этап развития русско-еврейской культуры в Израиле – с начала 80-х до начала 90-х годов. В общественной жизни этот период ознаменован поддержкой евреев Советского Союза, которых известный еврейский писатель и общественный деятель Эли Визель назвал «евреями молчания», углублением критической самооценки, связанным с Ливанской войной и началом интифады, политическим размежеванием общества.

Уровень и тематика издаваемых книг изменились. Первичный голод был утолен, сложился круг высокоинтеллектуальных читателей, в том числе группы евреев, прошедших серьезную подготовку в области еврейских традиций еще в Советском Союзе (группа «Маханаим» из Москвы, группы Г.Вассермана и И.Когана в Ленинграде).

Прибытие значительной группы людей с хорошей еврейской подготовкой и выраженной мотивацией привело к тому, что издательская деятельность получила свежий приток сил.

В Израиль приезжали люди, занимавшиеся еврейской деятельностью в России, и они быстро вливались в культурный процесс в Израиле. Список сотрудников КЕЭ в это время пополнился именами Л.Прайсмана, историка, который еще в Советском Союзе вел подпольный семинар по еврейской истории, А.Торпусмана, занимавшегося историей еврейских фамилий и идишистской культурой. В КЕЭ Л.Прайсман вел тему «Еврейские общины», он написал такие обзорные статьи, как «Польша», «Франция», «Россия», «Советский Союз» и др. А.Торпусман написал и отредактировал множество статей по литературе на идиш, а также написал оригинальную статью «Самиздат», подобной которой нет ни в одном энциклопедическом издании, и др.

Изменения в издательском деле произошли с началом Большой алии 90-х годов. Впервые сложился читатель действительно массовый, но у массовости был и другой аспект – полная неподготовленность читателя. Поэтому значение КЕЭ как источника еврейских знаний резко возросло.

Сотрудники КЕЭ – представители Большой алии – занимались исследовательской деятельностью еще в Советском Союзе, однако

сфера их научных интересов, как правило, не соприкасалась с наукой о еврействе. В Израиле, начав работать в редакции КЕЭ, они обратились к еврейским исследованиям, в результате чего появились такие статьи, как «Сионизм», «США» (автор – д-р С.Фролов), «Социология», «Этнология» (д-р Н.Дараган). В работе над КЕЭ участвовал в роли консультанта приехавший в 90-е годы выдающийся ученый-искусствовед проф. М.Я.Либман (см. статью о нем в КЕЭ).

Во многом благодаря неоднородному по жизненному опыту и разностороннему по научным интересам авторскому коллективу КЕЭ получилась изданием, в котором присутствует своеобразная тематическая биполярность. Главные темы (полюса) – Эрец-Исраэль, особенно Государство Израиль, с одной стороны, и российское еврейство – с другой, что, однако, не исключает широкого охвата аспектов жизни и истории евреев во всех странах диаспоры.

Использованные материалы

Краткая еврейская энциклопедия. Тома 1–11. Иерусалим, 1976–2004.

Архив Ассоциации по изучению еврейских общин. Иерусалим.

**ИСКУССТВО
ЛИТЕРАТУРА
РАДИОВЕЩАНИЕ**

Яков Перемен и его коллекция одесского художественного авангарда¹

Алеся Войскун (Тель-Авив)

Яков Абрамович Перемен (1881, Житомир – 1960, Тель-Авив) – сионистский и общественный деятель, меценат и коллекционер, ученый-ассириолог и издатель – явился одним из главных организаторов репатриации на корабле «Руслан» из Одессы. В Эрец-Исраэль корабль прибыл 18 декабря 1919 г., в дни Хануки. В числе пассажиров находились Яков Перемен с семьей, его друзья и зна-



Портрет Я.Перемена.
Одесса, 1919. По эскизу
А.Нюрнберга и группы
художников (Гуашь, бе-
лила, бумага, 103х70,5 см).

Надписи на картине:
вверху: «Музей Я.Пере-
мена»; внизу: «Переме-
ны в живописи. Прода-
но». Коллекция Дани и
Ницы Перемен

комые: Иосиф Клаузнер – исследова-
тель еврейской литературы, доктор
философии, близкий друг Перемена (в
будущем проф. Иерусалимского уни-
верситета, дядя писателя Амоса Оза),
архитектор Иуда Магидович (станет
первым городским архитектором
Тель-Авива, автором проектов многих
известных зданий, в том числе Боль-
шой синагоги на ул. Алленби), д-р
Моше Гликсон – журналист, ученик
философа Германа Козна, (в 1922 ста-
нет главным редактором газеты «Ха-
Арец»), художники Ицхак Френкель,
Арье Навон, Йосеф и Иудит (Ида)
Константиновские, поэтесса Рахель,
танцовщик Барух Агадати² (в будущем
автор легендарных пуримских карна-
валов «Адлояда» в Тель-Авиве, один
из основателей израильского кино) и
др. Перемен вывез с собой архив одес-
ской партии «Радикал Поалей Цион»
(он был одним из ее организаторов и
председателем центрального комите-
та), обширное книжное собрание и ху-
дожественную коллекцию из двухсот
двадцати картин «независимых»

одесских художников-евреев, представителей новых течений в искусстве начала XX в.

Благодаря своей подвижнической общественной, просветительской и научной деятельности, о которой пойдет речь, Перемен за годы жизни в Израиле стал известным человеком. Объем и важность сделанного им столь велики, что хватило бы на жизнь нескольких человек. По словам дочери Я.Перемена, Хавы Чернов-Перемен (р. 1918, Одесса), проф. И.Клаузнер говорил, что его фамилия должна звучать не Перемен, а Феномен. О деятельности Перемена в стране писали израильские историки и искусствоведы³. Сам коллекционер оставил мемуары⁴. Сохранился и его личный архив, который включает документы на иврите и русском языке, письма, периодику. В то же время о Я.Перемене не было публикаций на русском языке, и его имя русскоязычному читателю практически неизвестно.

Яков Абрамович Перемен родился в религиозной семье, получил традиционное еврейское образование и диплом раввина. В конце 1890-х гг. он переехал в Одессу и начал свою политическую и общественную деятельность, войдя в интеллектуальную среду сионистского движения в Одессе, которое возглавлял Менахем Шенкин. Посещал вечерние уроки еврейской истории и литературы и, как он пишет в своих воспоминаниях, «в течение 1899–1900 гг. посвящал несколько дней в неделю самоусовершенствованию в науках: истории, философии и социологии», занимаясь в читальном зале одесской научной библиотеки. Он отмечал, что работа с книгой была для него «единственным жизненным удовольствием»⁵.

Перемен был среди первых членов партии «Рабочие Сиона» (Поалей Цион), одним из организаторов и председателем центрального комитета одесской еврейской радикал-социалистической рабочей партии («Радикал Поалей Цион»). На VII Всероссийском сионистском съезде в Петрограде он выступил с декларацией своей партии («Единая нация, единая страна, единый язык». Книжка с текстом его речи хранится в семейном архиве). Перемен стал одним из организаторов еврейской «Хаганы» («Самооборона») в Одессе, взяв себе псевдоним Атид – «будущее» (*иврит*). Родившейся уже в Эрец-Исраэль младшей дочери он дал имя Атида⁶.

В середине 1900-х гг. Перемен открыл в центре Одессы, на ул. Преображенской, 41, Дом книжной торговли «Культура», который одновременно служил библиотекой и был своеобразным «собранием мудрецов» (по выражению архитектора И.Магидовича). Магазин

посещали известные представители еврейской интеллигенции, в том числе историк Давид Кахана – исследователь мистических течений в Израиле; И.Х.Равницкий – публицист и редактор, основатель журнала «Пардес», в котором печатался Ахад-ха-Ам; среди покупателей были молодой Х.-Н.Бялик, а также студенты одесского Художественного училища (оно находилось по соседству, на ул. Преображенской, 14) и молодые еврейские поэты⁷.

Спустя почти сорок лет Перемен в своих мемуарах описал, как в 1907 г. собрал вокруг себя группы творческой молодежи, объединившейся в товарищество «независимых». В их число входили «корифеи молодой поэзии» Э.Багрицкий, Я.Блюмкин, А.Соболь, В.Финк, др. и около двадцати художников, среди которых были Амшей Нюрнберг, Теофил Фраерман, Сандро Фазини, Сигизмунд Олесевич, Исаак Малик, Израиль Мексин, Михаил Гершенфельд, Н.Соболь (почти все выпускники Одесского художественного училища), стремясь «заразить» их идеями духовного еврейского возрождения и «спасти от ассимиляции»⁸.

Кружок «литературной богемы», как писал в мемуарах Перемен, по разным причинам быстро распался, но его сотрудничество с художниками оказалось плодотворным и продолжалось до самой эмиграции мецената.

Несмотря на значительное количество источников о Я.Перемене, в Израиле до настоящего времени не было возможности узнать, что представляют собой авторы произведений, входящих в состав его коллекции, каковы их место и роль в творческой жизни Одессы начала XX века, отсутствовали биографические данные. Традиционно считалось, что за давностью лет информация безвозвратно утеряна.

Начав исследование, через своих петербургских друзей я связалась с одесской исследовательницей Ольгой Барковской, одним из авторов статей в сборнике «Черный квадрат над Черным морем»⁹, где впервые были опубликованы архивные материалы из фондов Одесской научной библиотеки (ОГНБ им. Горького) и частных коллекций, воссоздающих историю культурных событий города первых десятилетий XX века. Благодаря этим материалам, выяснилось, что авторы картин, сохранившихся в израильской коллекции, принадлежали к ведущим творческим силам, которые шли по пути эксперимента и противостояли консервативному Товариществу южно-русских художников (ТЮРХ – местное отделение передвижников).

Имена Нюрнберга, Гершенфельда, Фраермана, Фазини и Олесеви́ча, Мексина и Малика, чьи работы находятся в коллекции Перемена, упоминаются во многих рецензиях в одесской периодике, посвященных ежегодным Осенним и Весенним выставкам: в «Южной мысли», «Южном огоньке», «Одесских новостях», «Фигаро», «Одесском листке», в киевском журнале «Музы», в петербургском «Аполлоне»¹⁰. Как отмечает О.Барковская, все критики дружно выделяли эту группу молодых художников как наиболее талантливых живописцев, составлявших «самый живой, самый свежий элемент, примкнувший к новейшим модернистским течениям»¹¹. Их новаторские произведения потрясли и изменили спокойное течение художественной жизни приморского города. На разных этапах критика именовала их «одесские парижане», «объединенные», «весенники», «независимые». При всем разнообразии направлений, отмечались две основные тенденции в их творчестве: *«тяготение к чистой живописи <...> и стремление к пластической передаче мира <...>. Два великих имени современности – Гоген и Сезанн, являясь истоком этих двух начал, предопределили собой все эти идущие вплоть до парадоксальности искания»*¹².

Выставка 1914-го прошла при участии художников Москвы, Петербурга, мюнхенской группы В.Кандинского и др. Из одесситов участвовали художники «левого направления», в том числе М.Гершенфельд, А.Нюрнберг, С.Олесеви́ч: *«Отрадно видеть столько ярких, свежих дарований, выступающих столь сплоченной массой. И тем более отрадно, что ядро выставки составляют произведения группы местных молодых художников, по степени интереса ничуть не уступающих группе “Бубнового валета” и иностранным участникам выставки»*¹³.

Осенняя выставка 1917 г. уже официально называлась Выставкой Общества независимых художников. *«Искания – доминирующий лозунг Общества»*, – писалось в одной из рецензий и также отмечалось, что главенствующим был *«отдел разнovidных художественных устремлений: декоративное письмо (гг. Фраерман, Милеев), импрессионизм, постимпрессионизм (импрессионизм формы), пуантилизм (М.Гершенфельд), модернизм (И.Мексин), вплоть до кубизма включительно (С.Олесеви́ч, <...> Фазини). Успеху выставки в значительной мере содействовали предпринятые обществом по типу парижских [и одесских!] салонов утреники, посвященные новой поэзии, новой музыке, сопровождаемые лекциями и концертным отделением»*¹⁴.

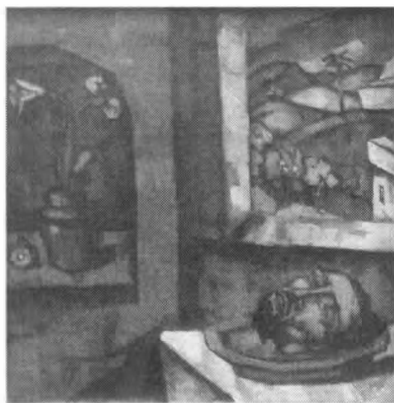
В июне-июле 1918 г. состоялась выставка Общества изящных искусств – совместное участие Товарищества южно-русских художников и Общества независимых художников в помещении Одесского художественного училища. В отзывах упоминаются вновь Фраерман, Малик, Гершенфельд, Фазини, Нюрнберг, Олесевич.

Приведу биографические сведения о некоторых художниках, основанные на материалах книги «Черный квадрат»¹⁵, дополненные информацией из мемуаров Я.Перемена и составленного им каталога произведений коллекции.

Амшей Нюрнберг (1887–1979), учился в частных академиях в Париже, участвовал в выставках Весеннего салона и Салона независимых. В 1918–1919 гг. заведовал отделом искусств и губкомиссии музеев. Осенью 1919 г. уехал в Москву и работал в «Окнах РОСТА» под руководством Маяковского. В конце 1920-х был командирован в Париж для чтения лекций о советском искусстве и изучения французского. В годы советской власти до последних лет активно участвовал в выставках. В 1969 г. в Москве вышла его книга «Воспоминания. Встречи. Мысли об искусстве», из которой цензура вырезала все упоминания об одесских «независимых». Перемен писал, что Нюрнберг был одним из самых близких друзей коллекционера, «братом и членом семьи» на протяжении десяти лет, но потом их пути разошлись. В коллекции сохранилось значитель-

ное количество произведений художника того периода, несущие следы влияния стиля Сезанна и Матисса.

Теофил Фраерман (1883–1957) учился в Париже, дружил с А.Матиссом. Его работы экспонировались в Осеннем салоне и Салоне независимых. В конце Первой мировой войны вернулся в Одессу. Вместе с Нюрнбергом, Маликом и Переменом входил в комитет группы и намеревался ехать с ними, как пишет коллекционер, в Эрец-Исраэль для создания Академии пластических искусств. В советский период Фраерман был



Т.Фраерман. Голова Иоанна Крестителя
(Масло, холст, 68х68 см) Коллекция Хавы Чернов-Перемен

профессором Одесского художественного института. В сталинское время его обвинили в формализме и отстранили от преподавания. Одним из его знаменитых учеников был график Евгений Кибрик. В составе коллекции Перемена находятся 12 ранних полотен художника, выполненных в стиле «Бубнового валета». Среди них – «Голова Христа», «Пророк», «Голова Иоанна» и др.

«Душою, кистью и пером Фазини ультрасовременный...», – писал один из одесских поэтов о художнике Сандро Фазини. Так именовал себя Александр Файнзильберг (1892–1942/43)¹⁶, старший брат писателя Ильи Ильфа, книжный график и театральный художник. Он расписывал кабаре, в 1918–1919 гг. принимал участие в ЮгРОСТА вместе с И.Бабелем, Ю.Олешей, В.Кольцовым, В.Катаевым и Э.Багрицким.

В 1922 г. Фазини эмигрировал во Францию. Выставлялся в парижских салонах – Осеннем, Тюильри, независимых. Занимался художественной фотографией. В 1937-м его фотоработы экспонировались на Международной выставке в Париже. 20 июля 1942 г. был арестован вместе с женой и отправлен в лагерь Дранси. Погиб в Освенциме. В коллекции Перемена, согласно его каталогу, находилось 24 работы Фазини.

Единственным неевреем в группе был друг Фазини кубист Сигизмунд Олесевич – график, живописец и театральный художник. Вместе с С.Фазини и В.Предаевичем организовал ателье декоративной живописи «ФОП». Они расписали кабаре «Ко всем чертям!» и стену во дворе «Театра интермедий» (совместно с Багрицким). В коллекции Перемена было 20 работ Олесевича, в том числе уникальная карикатура «Журналист», черты которого напоминают И.Ильфа. Преподавал в организованной в этом же году Свободной академии изящных искусств. Эмигрировал в начале 1920-х. Работал успешно во Франции в области дизайна интерьеров, детской книги, занимался живописью.

Михаил Гершенфельд (1880–1939) – живописец, график, театральный художник, критик. Учился во Франции и Германии. Впервые представил свои работы в Одессе на выставках Салона В.Издебского. Наряду с Д.Бурлюком, Л.Гроссманом, Н.Инбером, С.Юшкевичем, принимал участие в вечерах и лекциях в рамках программы Салона. В 1913 г. вместе с В.Издебским организовал экспериментальный театр «новой драмы» и сделал эскизы декораций для несостоявшегося спектакля «Фауст». С 1917 по 1920 г. – лидер Общества независимых художников. Автор программной статьи

«Об искусстве и радости» и обзоров одесской художественной жизни в 1913–1917 гг. для петербургского журнала «Аполлон». Был преподавателем Свободной академии изящных искусств, организованной Обществом независимых художников в сентябре 1918 г. Весной 1919 г. после установления советской власти в Одессе участвовал, наряду с А.Экстер, Фазини, Фраерманом, Нюрнбергом, в оформлении города к Первомайскому празднику.

В процессе исследования выяснилось, что в самой Одессе работы «независимых» почти не сохранились. Таким образом, собрание Перемена в настоящее время является единственным, где живопись и графика одесских новаторов представлены столь значительно. В этом контексте израильская коллекция одесского авангарда приобретает особую уникальную значимость.

Не сохранилась в Одессе и память об общественной и меценатской деятельности Я.Перемена. На мой вопрос, известно ли что-нибудь о ней, О.Барковская писала: *«О помощи Перемена молодым поэтам и художникам в Одессе ничего не известно. Первая выставка молодых состоялась в 1909 году, последняя “независимых” – в 1919, но ни в одной информации, ни в прессе, ни в архиве не упомянут Перемен»* (письмо от 18.02.03). Позднее Ольга Михайловна прислала мне справку о Перемене, найденную в Одесском областном государственном архиве краеведом Мироном Бельским.

Из воспоминаний коллекционера стало известно, что в течение десяти лет он помогал в организации ежегодных и ставших знаменитыми в Одессе Весенних и Осенних художественных выставок Товарищества независимых художников. *«Из года в год я выполнял важную роль в этом деле, – писал Перемен в одном из документов, – приобретая картины и доставая денежную помощь для этого товарищества»*¹⁷. Таким образом он собрал более двухсот произведений, уже тогда задумав перевезти их в Эрец-Исраэль.

В мемуарах Перемена упоминается статья художественного критика Михаила Радвига в журнале «Еврейская мысль», посвященная декабрьской выставке 1918 г. в Городском музее изящных искусств¹⁸. *«Картины, которые разбирались в этой статье, – писал Перемен, – в большей части, если не все, из моей галереи, которую привез с собой в страну»*. Заканчивалась публикация Радвига призывом к художникам объединяться вокруг Палестинской лиги пластических искусств.

В 1918 г. Я.Перемен принял активное участие в ее создании (в дальнейшем была переименована в «Эрец-Исраэльскую Лигу за про-

цветание искусства»). Согласно рукописному варианту устава «Лиги» (рукопись хранится в архиве семьи Перемена), в нее могли входить художники-евреи разных направлений, объединенные общими принципами чистого искусства, и культурно-общественные деятели. Основной целью Лиги было создание благоприятных условий в Палестине для зарождения и развития пластических искусств и создание Еврейской академии пластических искусств с преподаванием станковой живописи, скульптуры и архитектуры, а также открытие мастерской декоративного искусства. Окончательным пунктом стояла эмиграция.

Для разработки манифеста Лиги в Одессе был создан «комитет пяти». В его в состав вошли Х.-Н.Бялик (заседание проходило в его доме), Яков Фихман (поэт, критик и редактор), преподаватель Шломо Цемах, сам Перемен и, как он написал в мемуарах, журналист Имбер¹⁹. В Израиле считалось, что Перемен имел в виду поэта Якова Имбера. Однако среди документов семейного архива я нашла письмо известного публициста Ната Инбера²⁰ к Перемелу и отредактированный им рукописный текст Обращения к художникам. В эти годы критик был активным участником заседаний «Литературки», инициатором кружка «Среда», в который входили молодые участники газеты Э.Багрицкий, Ю.Олеша, В.Катаев. Инбер входил в Исполнительное бюро кружка, наряду с Ал. Толстым, Габриэлем Гершенкройном и А.Биском. В этих заседаниях, наряду с уже упомянутыми, а также с М.Волошиным, А.Соболевым, И.Эренбургом, К.Миклашевским, принимали участие и художники, в том числе Филипп Гозиасон²¹, чье имя фигурирует в списках, хранящихся в архиве Перемена. Инбер также выступал в «Одесских новостях» с рецензиями на художественные выставки «независимых».

В письме к Перемелу Инбер писал: *«Многоуважаемый Яков Абрамович, посылаю Вам проект Устава и Обращение к художникам, мною переработанные. Я стремился быть более близким к существу задуманного дела, чем к чисто внешнему проповедничеству. Насколько это мне удалось, — я не судья.*

Примите уверения в моем уважении.

Нат Инбер

22 декабря 1918 г.

Тел. 22/16»

В желании Инбера уйти «от чисто внешнего проповедничества» слышны отголоски идей борьбы против «адвокатского красноречия», которую провозгласили участники «Среды».

Весной 1919 г. Инбер выехал в Константинополь, в конце того же года эмигрировал и Перемен, и, очевидно, текст Обращения на русском языке так и не увидел свет. Поэтому приведу его полностью:

«В настоящий исторический момент реализации заветных идеалов еврейской нации все живые элементы народа проявляют глубокий интерес к национальному творчеству.

Уже на первых порах палестинской работы заботы о развитии национально-хозяйственной жизни шли рука об руку с различными начинаниями духовно культурного характера. Благодаря этому, Палестине, совершенно очевидно для всех, предстояло стать духовным центром нации. Гимназии в Иерусалиме и Яффе, учительские семинарии, консерватории, хозяйственно-промышленные школы были тому живым и убедительным свидетельством. Венцом всей этой работы должен был явиться недавно основанный в Иерусалиме университет.

Мысль созидателей национально-государственного единства еврейского народа устремляется ныне к иным, еще более горным высотам. Дух постижения, дух научного исследования уже обрел для себя более или менее прочную базу. Не пора ли теперь обратиться к созданию условий, благоприятных чистому, отвлеченному творчеству, и в первую очередь, творчеству изобразительному?

Группа художников-евреев, которая задала себе этот вопрос, ответила на него положительно. Группа эта полагает, что пора вспомнить о пластических искусствах. Быть может, все дело в том, что художники-евреи, лишенные благодатного влияния национальной атмосферы, фактически не могли обнаружить свое национальное лицо? Быть может, что черты отдельных индивидуальных дарований точно также не могли быть проявлены с достаточной интенсивностью по условиям вековых скитаний по мастерским и академиям различных наций всего земного шара?

Красота, вселенская или национальная, не возникает по велеанию [нрзб.] программ. Нам, художникам, это ведомо больше, чем кому бы то ни было. И если, все же, мы, вместе с нашими друзьями, основываем настоящую лигу, то нами при этом руководят иные побуждения. Не национальное искусство тишимся мы создать, но центры, где это искусство могло бы самопроизвольно быть вызвано к жизни. Не отмежевания себя от Европы, которой мы обязаны всем, не разрыва с художественными традициями и исканиями Запада ищем мы, но открытия истинных глубин своего

духа в еще неведомом, но, мы верим, счастливом сочетании романской ясности и семитической эмоциональности.

Таковы наши отдаленные цели. Наши ближайшие задачи еще более скромны. Мы предполагаем собирать уцелевшие обломки старинного еврейского искусства. Объединить вокруг «Лиги» художников-евреев современных; устраивать выставки их произведений, пробудить в еврейских народных массах интерес и влечение к искусству; положить основание художественной жизни в Палестине путем учреждения Академии, вольных мастерских, музеев и т.п.

Всех, кому милы и дороги эти заветы и устремления, мы зовем в свои ряды.

Организационное Бюро «П. Л. П. И.»»

Вариант текста манифеста впервые был опубликован Переменом уже в Эрец-Исраэль на иврите в каталоге выставки первой Постоянной палестинской художественной галереи в 1921 г., а затем в книге мемуаров Перемена.

В сентябре 1918 г. по инициативе Общества независимых была создана Свободная академия пластических искусств (в Манифесте написано о намерении ее создать) в художественной школе Ю.Бершадского с тремя отделениями: станковой живописи, декоративной живописи и скульптуры. Лекции читали: А.Нюрнберг, Ф.Гозиасон, М.Гершенфельд, С.Олесевиц²².

В декабре 1919 г. состоялась последняя для Перемена выставка Общества независимых художников. Вот как он вспоминал о прощальной вечеринке после десятой юбилейной выставки: «В знак признательности за многолетнюю помощь и чтобы выразить чувство признательности за особый труд, который был посвящен мною для успеха выставки вообще и для каждого в отдельности, художники решили преподнести мне оригинальный подарок на память: написали мой портрет в форме шаржа, который отмечал мою преданность искусству. Картину сделали по



С.Олесевиц. Журналист
Карикатура (предполагаемый
портрет И.Ильфа; гуашь, тушь,
бумага, 20х34 см). Коллекция
Дани и Ницы Перемен

этюду-экспромту Амиеля Нюрнберга в совместной работе всех художников, которые участвовали в вечеринке, около двадцати человек. Работа была закончена с быстротой молнии, и она сохранилась в моей галерее до сегодняшнего дня»²³. В шуточных надписях на картине художники связали его имя с поддержкой новаторских «перемен в живописи» и намекали на мечту Перемена организовать музей в Эрец-Исраэль. В настоящее время надписи плохо сохранились, но их удалось восстановить, благодаря репродукции портрета в мемуарах Перемена, где они отчетливо видны.

Деятельность Перемена в Израиле

В Эрец-Исраэль Я.Перемен приехал переполненный планами, которые вынашивал в течение десяти лет до своей эмиграции, еще в Одессе: основать библиотеку и книжное издательство, а также открыть художественную галерею еврейских художников, создать свободную Академию пластических искусств в Эрец-Исраэль. Из Одессы он привез идеи «свободного творчества» и дух борьбы между консервативным, «традиционным» и «модернистским» искусством, дух поисков и смелых экспериментов, дерзких манифестов, новаторских программ, наполнявших культурное пространство приморского города в первые десятилетия XX века.

В архивном документе «О моей затее» Перемен писал: *«Как давнишний коллекционер еврейской живописи и графики, я без ущерба для своей общественной сионистской работы, поставил себе цель создания в Палестине еврейской выставки лучших еврейских художников. Помимо непосредственной задачи этой выставки, развития художественно-настроенной в палестинском населении молодежи, выставка должна стать основанием для ближайшего создания в стране национальной Академии и Музея изящных искусств»²⁴.*

Уже через полгода, в дни Песаха 1920 г., Перемен представил картины одесситов перед тель-авивской публикой на выставке в гимназии «Герцлия», где учились его сыновья Нахман и Натан. Она стала первой художественной экспозицией современного искусства в «первом еврейском городе». Перемен создал кооператив «Хатомер» вместе с приехавшими с ним Йосефом и Идой Константиновскими, Ицхаком Френкелем, скульптором Львом Гальпериным и яффской художницей Мирьям Хад-Гадья (одной из первых учениц «Бецалеля» перед Первой мировой войной) и студию, где пре-

подавали живопись и скульптуру, читали лекции по современному еврейскому искусству.

10 декабря 1921 г. он открыл первую в Тель-Авиве Палестинскую постоянную художественную галерею в снятом им зале «Неве-Шаанан» около Коммерческой школы (сейчас ул. Нахалат-Беньямин). Коллекция одесских «независимых» стала частью экспозиции выставки в галерее, наряду с произведениями членов кооператива «Ха-томер» и преподавателей «Бецалеля» – Бориса Шаца и Зеэва Рабана, и была выставлена не для продажи, а для «удовольствия и образования» публики. Несмотря на отрицательное отношение Перемена к искусству академического натурализма, господствовавшего в Иерусалиме, на выставке в тель-авивской галерее он представляет «все тенденции современного искусства», как указывалось в приглашении на иврите, арабском и английском языках. Впервые в Эрец-Исраэль Перемён использовал новый демократический принцип одновременного экспонирования разных художественных групп, в чем, безусловно, сказалось влияние одесских выставок и в первую очередь знаменитых Салонов В.Издебского²⁵. Широкая просветительская программа в рамках выставки – лекции и концерты, формирующие вкусы публики, а также идея устроить передвижную экспозицию с показом в Иерусалиме, Каире, Александрии, возможно, в Бейруте, Порт-Саиде и Константинополе – также были привезены из Одессы.

В то же время, несмотря на плюрализм концепции, в предисловии к каталогам первых выставок он выразил свою позицию, полемизируя со взглядами «Бецалеля»: *«Истинный талант обнаруживается во всей полноте и широте только тогда, когда он освобождается от принятой традиции и предубеждений и дает свободу духу искать новые формы, новые горизонты и новые типы творчества. <...> Что касается понятий техники и тем творчества, путь самый подходящий – это путь синтеза между прошлым и будущим»*²⁶.

Картины одесских «независимых» были первыми произведениями авангардного искусства, не виданного прежде в стране. Для простой публики и темы, и пластический язык их выражения: обнаженные купальщицы Нюрнберга в манере П.Сезанна и А.Матисса, уличные женщины в «Красном фонаре» и сцены в кафе Мексина, выполненные в манере П.Сезанна, «Адам и Ева» Малика, в которых соединялись кубистическое построение фигур с гогеновским декоративизмом райского сада, «Маскарад в Венеции» и

«Маски в Версале» с явным влиянием ретроспекций мири-
скусников К.Сомова и А.Бенуа, «Вид Бретани» М.Гершенфельда,
созданный в технике пуантилиста Ж.Сера, кубистические работы
Н.Соболя и карикатуры Олесевиича, «Пророк» Т.Фраермана, где
архетип древнерусской иконы был переведен на язык «Бубнового
валета», и даже еврейские «Уличные музыканты» Малика, решен-
ные в примитивистско-декоративном стиле, оказались слишком
радикальными и непонятными.

В конце 1922 г. галерея Перемена закрылась. *«Наш опыт за-
кончился неудачей. Общее отношение к кооперативу и галерее бы-
ло равнодушным, — с горечью писал Перемен в воспоминаниях. —
Единственным был проф. Б.Шац, который посвятил свое время и
лучшие силы, чтобы поддержать предприятие. Но, очевидно, то-
гда еще не пришло время».* Как пишет Г.Баллас, *«только ближе к
концу 1925 г., после того как в Тель-Авиве поселились поэты, писа-
тели третьей и четвертой алии, постепенно центр переместился
в молодой и живой город. Здесь создалось объединение писателей,
где первым президентом был Хаим-Нахман Бялик; здесь поселились
молодые поэты — новаторы еврейской поэзии, здесь открылись
первые еврейские театры и сюда влились молодые художники.
Значительная часть из них были в прошлом ученики “Бецаля”,
которые переселились в Тель-Авив из-за закрытия школы и, в ос-
новном, потому что ощущали, как отмечал много позднее Стема-
цкий, что “Тель-Авив становится художественным центром, сле-
дующим изменениям в большом мире”.* Но если говорить по правде,
— отмечает далее Г.Баллас, — *ростки модернизма расцвели в Тель-
Авиве еще в 1920–1922 гг. с созданием кооператива художников
под названием “Ха-томер” и в представлении выставок современ-*



**А.Нюрнберг. Пир Саломея. Одесса, 1915. (Масло, холст,
50х129 см). Коллекция Гидона Перемена**

ного искусства, благодаря инициативе и предприимчивости Якова Перемена, который был их организатором и куратором»²⁷.

Кроме галереи, Перемен открывает на ул. Герцль, также в начале 1920-х гг., библиотеку с четырьмя отделениями: беллетристика, научные издания, детская литература и книги по искусству на пяти языках: иврит, идиш, русский, английский и французский. Затем библиотека открылась в его доме на ул. Микве-Исраэль, 18, в квартале Неве-Шаанан, который он основал вместе с Ицхаком Хьютменом после погромов в Яффо в мае 1921, покупая земли у арабов, чтобы на ней могли поселиться новые репатрианты (современный район центральной автобусной станции Тель-Авива. На углу улиц Левински и Глуд ха-иври стоял первый дом Перемена. Сейчас на этом месте висит мраморная табличка с его именем: «Яков Перемен, основатель квартала Неве-Шаанан»).

Как и в Одессе, библиотека превратилась в интеллектуальный центр Тель-Авива, и среди посетителей были писатель, поэт и сценарист Авигдор Ха-Меири, проф. Иосиф Клаузнер, проф. Нахум Слошиц – специалист по семитским языкам и еврейской литературе, а также поэт, переводчик и редактор Авраам Шленский, архитектор Иуда Магидович, Барух Агадати и многие другие.

В 1930-е гг. Перемен осуществляет мечту своей молодости и выполняет зарок, данный себе много лет назад еще в Одессе, посвятить себя изучению ассирийской клинописи и расшифровке древних текстов семитской литературы. В мемуарах Перемен описывает случай, как случайно приобрел «по дешевке» у одесского антиквара Швагера, владельца книжного магазина «Наука» на ул. Ришельевской, комплект сборников ассиролога Фридриха Делитча и других ученых, которые выступали за и против его концепции (эта книга до сих пор хранится у его дочери Хавы Чернов-Перемен). Стараясь понять, кто же прав в этом споре, Перемен *«пришел к заключению, что из-за отсутствия знаний клинописи невозможно проверить тексты, на которые опирается Д[елитч], а в душе подумал: “Если бы мог достигнуть этих знаний, был бы счастлив!”*, дав себе зарок по приезду в Э[рец]-И[сраэль] посвятить свою жизнь интересующей его науке»²⁸.

В начале 1930-х гг. коллекционер покупает в Лейпциге уникальную библиотеку по ассирологии, оставшуюся после смерти одного из специалистов, спасая ее от уничтожения пришедшими к власти нацистами. В 1954 г. он подарил свое редчайшее научное

собрание в составе 20 тысяч книг открывавшейся тогда библиотеке Тель-Авивского университета. Перемен составляет ассирийско-ивритский словарь (остался в рукописи, хранится у его дочери Хавы Чернов-Перемен), а в 1947 г. издает свою книгу «Басни Ассирии и Вавилона». Профессор Тур-Синай, президент Академии языка иврит, считал его пионером ассириологии в Эрец-Исраэль.

Среди бумаг Перемена хранится маленькая записка, вероятно, написанная в 1954 г.: *«Я осуществил целый ряд моих “идеализмов”: я отдал Университету города Телавива (так! – А.В.) свою Библиотеку около 20.000 научных книг <...> Теперь у меня на очереди вопрос о моей Галерее – около 200 оригиналов и Два Шкафа дорогих книг по искусству»*²⁹. Вторая мечта коллекционера так и осталась неосуществленной.

В 1932 г. мэр Тель-Авива Меир Дизенгоф обратился с письмом к Перемени с просьбой передать его собрание в открывавшийся тогда художественный музей. Но коллекционер ответил отказом из-за опасения, что коллекция может быть разрознена. Спустя 16 лет после закрытия организованной им первой художественной галереи, в начале 1938 г., Перемен вновь предпринимает попытки возродить выставку коллекции, пытаясь привлечь к своей затее местных художников, писателей, журналистов, которых приглашал на собрание в своей библиотеке на ул. Микве-Исраэль, 18.

Последним местом обитания произведений одесситов при жизни Перемена была его квартира на бульваре Ротшильд, 129 в Тель-Авиве, открывая по желанию Перемена для свободного посещения публики. В настоящее время картины коллекции хранятся у его родственников.

Значение деятельности Перемена на художественном поприще состоит в том, что он явился организатором первых выставок современного искусства в Эрец-Исраэль и автором *«тенденции, отметившей модернизм как значительный элемент на художественной карте Эрец-Исраэль»*³⁰. Незадолго до смерти Яков Перемен писал, что наполняется радостью, видя значительное развитие израильского искусства, сотни и тысячи посетителей, приходящих на выставки, и испытывал удовлетворение, *«что был одним из первых, кто культивировал знакомство с художественными ценностями в нашей стране»*.

¹ Статья является переработанным и дополненным вариантом публикации в журнале «Еврейский книгоноша». Москва–Иерусалим, 2002. №2(3). С.46–54. От всей души благодарю Хаву Чернов-Перемен и Ницу Дрори-Перемен за предоставленные ими уникальные материалы из семейного архива и устные воспоминания. Статья доложена на Всеизраильской конференции в Кирьят-Экроне 17 сентября 2003 г.

² См. о нем статью Шуламит Шалит в наст. книге (*примеч. ред.*).

³ Дикман А. Человек перемен – набросок портрета (*иврит*) // Между коллекцией и музеем. Тель-Авивский художественный музей. Тель-Авив, 2002; Доннер Б. От коллекции к музею (*ивр., англ.*) // Там же; Баллас Г. Коллекция Перемена и начало модернизма в израильской живописи. Тель-Авив, 1920–1922 (*иврит*) // Там же; Тидхар Давид. Энциклопедия о первопроходцах ишува и его строителях (Энциклопедия ле-халуцей ха-ишув ве-бонав; *иврит*). Йуд-хет. С.5457–5460. Здесь и далее – пер. авт. статьи.

⁴ Перемен Я. Юбилейная книга партии Радикал Поалей Цион. Тель-Авив, 1942 (*иврит*).

⁵ То же. С.66.

⁶ Атида Мехлис (урожд. Перемен, р. 1920, Тель-Авив), живет в Рамат-Гане.

⁷ Эти сведения приводит И.Магидович в речи «О человеке и его деятельности» на юбилее Я.Перемена в 1956 г. Рукопись (*иврит*) // Архив семьи Я.Перемена.

⁸ Перемен Я. Цит. изд. С.82. Согласно данным одесских исследователей, «Кружок молодых художников» возник в 1909 г., название «Общество независимых» появилось только в 1916, а официально оформилось в 1917 г. См.: Барковская О., Богуславская Г. Одесские «независимые» // Черный квадрат над Черным морем. Материалы к истории авангардного искусства Одессы XX века. Одесса: Друк, 2001. С. 100, 103, а также Барковская О. Одесса, 1901–1941: выставки, зрелища, концерты // Цит. изд. С.34.

⁹ Черный квадрат над Черным морем // Цит. изд. Когда статья уже была написана, в Одессе вышла книга О.Барковской «Общество Независимых художников в Одессе: Библиограф. указатель» (Одесса, 2004).

¹⁰ М.Г. [Гершенфельд М.] Письмо из Одессы // Аполлон (СПб.), 1914. №1–2, а также: Гершенфельд М. Письмо из Одессы: Весенняя выставка картин // Аполлон. 1914. № 5.

¹¹ Райский Б. Выставка объединенных // Одесский листок. 1913. 27 апр.

¹² Барковская О. Цит. изд. С.34.

¹³ Симонович М. Письмо из Одессы: (Весенняя выставка картин) // Музы (Киев). 1914.

¹⁴ И.М. Е.О. Выставки и художественные дела // Южный огонек (Одесса). 1918. №3. С.15.

¹⁵ Информация извлечена из статей: Абрамов В. В.Кандинский и «Весенняя выставка картин» 1914 г. в Одессе; Барковская О., Богуславская Г. Одесские «независимые» // Цит. изд., а также Лейкинд О, Махров К. Северюхин Д. Художники русского зарубежья. СПб., 1999.

¹⁶ О нем см.: *Генкина М.* Художники Русского Зарубежья – жертвы Катастрофы // *ЕВКРЗ*. Т.3. С.24–32. (*Примеч. ред.*). А также: *Яворская А.* Независимый Фазини // *Мория: Альманах*. Одесса, 2004. №1. С.134–152; *Ильф А.* Путешествие в Одессу. Илья Ильф в Одессе. 1897–1922. Одесса, 2004. С.63–71.

¹⁷ Приглашение на собрание в библиотеку Перемена на ул. Микве-Исраэль, 18. 1938 г. (*иврит*) // Архив семьи Перемена.

¹⁸ См.: *Еврейская мысль*. 1918. №51–52 и 1919. №1–2.

¹⁹ *Перемен Я.* Цит. изд. С.82.

²⁰ Инбер Натан Осипович (Иосифович; Исидорович), литературное имя Нат Инбер. В начале 1910-х гг. жил в Париже, возглавлял кружок русских журналистов в Париже. Первый муж Веры Инбер и отец их дочери (впоследствии писательницы) Жанны Гаузнер (1912–1962).

²¹ Его имя упоминает К.Азадовский. См.: *Азадовский К.* Александр Биск и одесская «Литературка» // *Дiaspora I*. Новые материалы. Париж–СПб., 2001. С.95–141. Гозиасон Филипп Осипович (1898, Одесса – 1978, Париж) – живописец, график, племянник (по матери) Л.О.Пастернака. Учился в Одесском художественном училище, в 1916–1918 гг. участвовал в выставках Об-ва независимых художников. В ноябре 1919 г. с женой О.Билинской эмигрировал в Италию, в 1922 переехал в Берлин. См.: *Лейкинд О., Махров К., Северюхин Д.* Цит. изд. С.228–229.

²² См. подробно об этом: *Луцик С.З.* Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество: В 2 т. Одесса, 2004. Т.II. С.420–433; *Барковская О.* Общество независимых художников // Цит. изд. С.46–48.

²³ *Перемен Я.* Цит. изд. С.83.

²⁴ Архив семьи Перемена.

²⁵ Две большие международные выставки современного искусства, которые состоялись в Одессе в 1909–1910 и в 1911 г., получили название по имени их организатора – скульптора Владимира Алексеевича Издебского (1881, Одесса – 1965, Нью-Йорк). Содействие в организации выставки оказали Д.Бурлюк и В.Кандинский. Целью организаторов было дать общую картину современного искусства, представив разные творческие направления, независимо от их принадлежности к той или иной художественной группе, устройство лекций и концертов, организации передвижной экспозиции с последовательным открытием в Киеве, Москве, Варшаве и др. городах. Критик П.Пильский отмечал, что в России это был первый опыт такой внепартийной выставки. Благодаря Салонам, Одесса приобщилась к мировому искусству. См.: *Луцик С.* Салоны Издебского и их организатор // *Черный квадрат над Черным морем*. Цит. изд. С.63–82.

²⁶ Каталог постоянной художественной выставки. Палестинская постоянная художественная галерея. Яффо–Тель-Авив, 1921. С.2. (*иврит*) // Архив семьи Перемена.

²⁷ *Баллас Г.* Цит. изд. С.35.

²⁸ *Перемен Я.* Цит. изд. С.74.

²⁹ Рукописный документ // Архив семьи Перемена.

³⁰ *Доннер Б.* Цит. изд. С.122.

Барух легендарный: Четыре творческих lika Баруха Агадати (1895–1976)¹

Шуламит Шалит (Тель-Авив)

На это странное имя «Барух Агадати» я набрела в поисках материала на тему израильского танца «хора»². Откуда, когда появился этот танец, веселый, задорный, без которого немыслим никакой еврейский праздник – ни свадьба, ни фестиваль народного танца... Рожденные в Израиле говорят: танго или вальсу можно научиться, а хоре и учиться не надо, с ней на этой земле рождаются...

И что же оказалось? Первую «хору» создал на земле Израиля бывший одессит, человек не только одаренный природой многими талантами, но и большой труженик. Она так и называется – «Хора Агадати» (слова З.Хавацелет, музыка А.Босковича).

Чем больше я узнавала об этом человеке, тем больше он привлекал меня своей мощью, разноликостью и какой-то иступленной жадой служения этой стране и ее культуре.

Барух Каушанский родился в 1895 году, и не в Одессе, а в Бендерах, в Бессарабии. Отца звали Арье, а мать – Батей. Были в семье еще дети: брат Ицхак и сестра Шошана. Барух учился и в хедере, и в светской школе, но когда он исчезал из дому, то чаще всего мальчика находили на берегу Днестра, в цыганском таборе. Он обожал цыганские песни и пляски... Вскоре семья переехала в Одессу. Первое же посещение оперного театра определило его путь



Барух Агадати

¹ Первая версия этого эссе доложена на конференции в ознаменование открытия НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» 28–29 дек. 1997 г.

² Хора (на иврите произносится *hora*), евр. национ. танец времен 3-й алии. Происходит от румынско-молдавской хоры (восходит к греч. «хорос»).

в жизни – по крайней мере, первый ее этап. Он был увлечен буквально всем, но больше всего – классическим балетом. Все в доме закружилось – и брат и сестра, и мама, и тарелки и стулья... Отец был против этого «дикого» увлечения: еврей – балерун? Его сын – танцор? Но когда Барух поступил в балетное училище, очаровав всех преподавателей уже на приемных экзаменах, делать было нечего – отец смирился. Тем более что очень скоро Барух стал подрабатывать участием в спектаклях.

В это время в Одессе появился экзотический гигант с пышной бородой – профессор Борис Шац приехал собирать талантливую еврейскую молодежь для учебы в своей школе – будущей академии «Бецалель» в Иерусалиме. Умел ли тогда юный Барух рисовать, какие работы показывал – неизвестно, только не на шутку загорелся идеей поехать в Эрец-Исраэль и учебой в Иерусалиме. Отец снова метал громы и молнии. Но мать украдкой сунула в карман свернутый полотняный лоскуток, а в нем – немножко денег.

Пятнадцатилетний Барух Каушанский проделал длинную и долгую дорогу в Иерусалим и явился в «Бецалель» с корзиной из тростника, подбитой железными скобами. Представ пред очи Мастера, он открыл корзину. На внутренней стороне крышки красовался чуть помятый от странствий большой портрет великой драматической актрисы Сары Бернар. Он перерисовал его с открытки и отретушировал углем. Это для вступительного экзамена. А для новой жизни он выбрал новое имя – Барух Бен-Иегуда.

Профессор, без особого восторга рассматривая портрет Сары Бернар, спросил, на какие средства будущий художник собирается жить. Барух об этом как-то не подумал. Борис Шац выдал ему ученический билет и, сказав: «Месяц будешь работать, месяц учиться у меня», – дал письмо к некоему господину Авиви, распределителю работ в поселении Петах-Тиква, и отпустил. У Авиви оказалась красавица жена, к тому же художница, Ривка Старк. «Видение» Ривки, пусть изредка, уравнивало тяжелые голодные будни подростка. В местной кооперативной лавке ему открыли «конто», т.е. карточку, по которой отпускали продукты в счет оплаты с заработка. Свой трудовой путь он начал с цитрусовой плантации. Месяц прошел, а ехать в Иерусалим он не может – нет денег. «Рабочий – не художник, ему питаться надо», – скажет Агадати, вспоминая свою юность. Вот он и «съел» свою зарплату. И остался в Петах-Тикве. Вскоре его поставили «менеджером» (так он именовал свою должность) на строительство шоссе Петах-Тиква–Тель-Авив (не забудем, что Тель-Авив тогда, в 1910 году, был годовалым младен-

цем). Рабочие, выходя из Йемена, вскоре заметили, что их «менеджера» трясет тропическая лихорадка. Авиви перевел его на более легкую работу – на строительство дома. Когда до Арье и Батьи Каушанских в Одессе дошла весть, что у их мальчика малярия, на строительной площадке, возле ямы, где Барух ногами месил глину с соломенной трухой, появился Ханина Крачевский (известный в будущем композитор), только что из Одессы, с требованием от родителей возвращаться домой. Барух отказался и... был вознагражден. Крачевский выдал ему пять наполеондоров и объявил, что эта сумма теперь будет его месячной стипендией от родителей (они, как видно, и не надеялись на его возвращение). Барух, счастливый и почти здоровый, вылез из ямы и отправился к профессору Шацу продолжать образование. Три года он учился в «Бецалеле», а летом, на каникулы, уезжал в Одессу, как и другие ученики и «Бецалеля» и гимназии «Герцлия»...

Он учился живописи, но мысли его занимал балет, художественный танец. В начале 1914 года в газете «Ха-ахдут» появилось объявление: *«Уроки танца дает Барух Бен-Иегуда. Стоимость первого курса, из 10 уроков, включая самые необходимые (бальные) танцы, в том числе вальс, – 25 франков. Подробности можно узнать у Каушанского в школе Бецалель с часу до пяти»*. Критик и друг «учителя танцев» Ицхак Кац писал, что в пору учебы в «Бецалеле» Барух перемежал эскизы портретов и пейзажей хореографическими рисунками – записью танцевальных движений... Абель Пан, временно замещавший Шаца на посту директора «Бецалеля», заметил эту «деятельность» студента и попросил его помочь в организации первого пуримского карнавала. Мирьям Гольдберг с удовольствием согласилась помочь. И вот она сидит за инструментом, играет, а Барух выплывает в темно-сиреневой греческой тунике...

Интеллигентная и доброжелательная публика настроилась лирически, и пока ничего не предвещало бури.

«Я играла Шопена с большим чувством, особенно “Полонезы”, но этот оригинальный юноша выбрал “Похоронный марш”, – вспоминала спустя пятьдесят с лишним лет Мирьям. – Пока он танцевал Шопена, в зале стояла тишина, но при первых же звуках “Мефисто” Листа я слышу какой-то шум в зале. Не понимая причины, чуть поворачиваю голову посмотреть, как у него получается вальс “Мефисто”, и вижу: встает из кресла благородной осанки дама и, шумно повторяя: “Безобразие, безобразие!”, демонстративно покидает зал...»

А Барух продолжал свой танец.

Можно ли описать танец? Вспоминают, что его походка отличалась неувлимыми нюансами, все казалось импровизацией: движение плеча, взмах руки, особенный поворот головы – однако все было выверено и рассчитано до мельчайших подробностей. Он двигался легко и изящно. Но одевание оказалось довольно прозрачным. А ему и в голову не пришло надеть что-нибудь под тунику. Аля Айседора Дункан. Он бредил ею. Впрочем, публика не раз удивляла его своей незрелостью, неготовностью принимать его идеи. Или он намного опережал время?

И вот он – на сцене, выходит босиком и в греческой тунике и танцует, и первая леди Иерусалима – Хемда Бен-Иегуда, а это была именно она – жена Элизера Бен-Иегуды, пионера возрождения иврита как разговорного языка, – встает посреди его выступления и выходит из зала. Юный хореограф был обескуражен, обижен, но как истинный художник, которого не поняли современники и соплеменники, твердо решил: он добьется своего, добьется признания, вот и Айседору Дункан тоже не понимали, а ведь это она сказала: разве надевают перчатки, когда садятся за рояль? – и танцевала босиком. Он, видите ли, оскорбляет честь Иерусалима (!)... Из протеста он перестал называться фамилией Бен-Иегуда.

Как-то в Одессе, рассказывал он впоследствии, актер Варди из будущего театра «Габима» передал, что его хочет видеть поэт Яков Фихман. Они встретились. И Фихман, в свой черед, познакомил юношу с поэтом Бяликом. Тот написал детскую книжку о корове, которая носит очки, и искал художника. Фихман представил его так: «А вот и наш легендарный Барух!» На иврите это Барух Агадати (от «агада» – сказка, легенда). Так он нашел свое имя, только переставил ударение – с последнего на предпоследний – Барух Агадати.

Барух Агадати... Его имя вписано в историю культуры Израиля и сохранится в ней навсегда. Был он человек увлекающийся и талантливый и проявил себя во многих и разных областях. Застрыв в Одессе в последний свой приезд, в 1914 году, когда началась Первая мировая война, он вернется в страну Израиля только 19 декабря 1919 года на знаменитом корабле «Руслан»... Они плыли больше месяца. Среди пассажиров были и доктор Иосиф Клаузнер, и поэтесса Рахель, и архитекторы Иегуда Магидович, Зеэв Рихтер и отец актера Одеда Тэоми – Меир, и его дядя Ян Тэоми – актер «Мататэ», и художники Литвиновский, Френкель и Навон, и врачи, и Роза Коген, мать Ицхака Рабина, и десятилетняя тогда девочка

Сарра, будущая жена композитора Мордехая Зеиры (тогда его звали Митя Гребень).

«Великий корабль “Руслан”, открывший третью алию в Эрец-Исраэль, – был просто поломанным корытом, – говорит она. – Мы заходили и в Турцию, и Грецию, но не для того, чтобы полюбоваться красотами, а чтобы... помыться. Первым делом искали баню. А потом, умытые, обновленные, в хорошем расположении духа, мы возвращались в наш большущий трюм, и нередко взрослые раздвигали поклажу по сторонам, освобождая площадку в центре, и по следам моря-океана для нас танцевал высокий, гибкий как змея, пластичный, – таким она запомнила его с детства, – Барух Агадати».

Потом он получил от будущего мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа цриф³... и прожил в нем пятьдесят с лишним лет. Все знали, где находится цриф Агадати, домишко с красной дверью, – на улице Ицхака Алхонена, 13-алеф, в шхуне⁴ Бренера, южнее рынка Кармель.

Известно, что Барух Агадати никогда не женился. Был у него один серьезный роман. Ее звали Циля. Но, решив посвятить себя Эрец-Исраэль, ее искусству и культуре, он так и не нашел времени для личной жизни, для «нормальной», по его словам, семьи. Циля, одна из первых знаменитых воспитательниц детских садов Тель-Авива, вышла замуж за его брата Ицхака. В их доме он всегда находил тепло и радушие, сюда приходил в канун субботы. А его сестру Шошану, в замужестве Пинкас, старожилы помнили как юную даму Баруха, в паре с которой он открывал роскошные пуримские карнавалы в 20–30-е годы в Тель-Авиве.

Писатель Шимон Самэт вспоминал: перед муниципальными выборами в Тель-Авиве он сказал тогдашнему мэру города Исраэлю Рокаху, что по результатам опроса



**Агадати
в классическом танце**
Рисунок П.Литвиновского

³ Барак (иврит).

⁴ Район (иврит).

– тот очень популярен и любим населением приморской столицы, так что ему нечего беспокоиться, на что мэр ответил: «Куда моей популярности до популярности Баруха Агадати, его знает не только весь Израиль, на его карнавалы съезжается весь мир!». Шимон Самэт имел случай убедиться в этом сам: как-то в Нью-Йорке один профессор, нееврей, кстати, на вопрос о впечатлениях от поездки в Израиль ответил ему: *«О, меня поразило многое, но главное – Еврейский университет и его профессор Магнес, это в Иерусалиме, а в Тель-Авиве, разумеется, карнавал вашего Агадати...»*

Но успех придет позже. А пока...

...1919 год. Барух вернулся в Эрец-Исраэль. Спустя некоторое время он уже давал концерт в зале кинотеатра «Эден». Какую же музыку он выбрал на этот раз? Впервые звучащих здесь композиторов Бартока и Шенберга. О нем сразу заговорили, как о чем-то невиданном и неслыханном. *«Здесь и тогда, – скажет он, – я начал создавать и шлифовать израильский балет, много экспериментировал. Например, сделал хореографию балета “Авраам и трое ангелов” и танцевал соло, без партнеров».*

Он составил большую сольную программу и отправился с ней в Европу. Успех был ошеломляющий. Агадати танцевал и свой «Похоронный марш» Шопена и «Мефисто» Листа... «Я выступал на сценах, куда не ступала дотоле нога еврея», – скажет он. Париж, Вена, Варшава. В Польше кассы вообще не открывали. Билеты на все 40 представлений были раскуплены. Но после первых десяти ему прислали официальное требование: в 24 часа покинуть пределы Польши. Это были происки союза польских актеров. Позволить чужеземцу такой оглушительный успех?!.. В Париже он выступал на сцене «Комеди шан-з-элизэ». После концерта за кулисы зашел Мане Кац: «Господин Агадати, я хочу сделать Ваш портрет на фоне плаката, который вывешен снаружи. Купите полотно 100 на 80 и приходите в мою студию». Впоследствии, в Тель-Авиве, в минуту вдохновения, когда под рукой не оказалось холста, Барух разрежет этот портрет на пять частей, чтобы сделать свои пять рисунков. О, беспечная молодость!

Веселые, талантливые, зачем ссориться из-за пустяков? Они стали друзьями. Мане Кац приедет в Тель-Авив и попросит Баруха сняться с ним, знаменитостью, на память. «Ну зачем тебе эта карикатура?» (Агадати намекал на разницу в росте.) Но художник настаивал. И они снялись в дружеской позе. Вид у Мане был геройский. «Он доставал мне до пояса», – рассказывал Агадати. В кафе «Дом» Барух знакомится с художником Моисеем (Барух называл

его Моше) Кислингом. Тот настолько влюбился в его танцевальное искусство, что купил билеты на все представления. И пригласил к себе. В доме у него собиралась замечательная компания: Хана Орлова, Мане Кац, супруги Наталья Гончарова и Михаил Ларионов. Барух всех очаровал. Сохранились портрет Агадати работы Кислинга, цветные акварели Ларионова «Агадати танцует», «Агадати в танце», «Ора Галилейская», эскиз костюма старого хасида – работа Гончаровой, ее же – «Танец Агадати». Все это 1925 год. Триумфальные выступления в Париже... Он вошел в их среду, но его тянуло домой. Он любил страну Израиля беззаветно и только для нее хотел работать.

Вспоминая ту пору, 20–30-е годы, и дом Кислингов, Агадати иронизировал: *«У жены Кислинга, поэтессы, рот был – от ушей до ушей, одним словом, красавица. Ее отец относился к крайне правым, а Кислинг был левый, богатый коммунист; кто хотел купить его работу, приходил к нему в студию»*. Но и их дружбе ничто не помешало. Она продолжалась многие годы. Кислинг присылал ему открытки: *«Барух, топ аті (мой друг – франц.), как дела? Когда к нам – в Париж? Не с кем без тебя выпить!»* Агадати комментировал: *«Чепуха, ему было с кем выпить в Париже. Это был просто его стиль...»*

Барух вернулся домой. И здешние художники любили и ценили его творчество, и охотно писали его, и создавали для него эскизы костюмов. Как хороши эскизы Реувена Рубина к упомянутому уже балету «Авраам и три ангела», работа Литвиновского «Агадати в хасидском танце», Лубина и других художников! Сохранился плакат 20-х годов «Балет иври оманути» (что означает «Еврейский художественный балет»). И ниже: «Концерт танцовщика Баруха Агадати, солиста Одесского городского театра. Подробности – в специальном сообщении» и конструктивистское изображение двух хасидов с поднятыми в танце руками.

Он поэтически обобщал этническое своеобразие русского, украинского, бухарского, арабского, йеменского еврея, но платформа была одна – это был еврейский народный танец, еврейская душа... Говорили, что у него безупречный вкус. В зрелые годы Барух Агадати признавался, что в молодости считался с мнением о себе других. Помнившие его молодым, отмечали его оригинальность, доходившую нередко до эпатажа. Случай с греческой туникой был не единственным. То же повторилось, когда он выступил без музыкального сопровождения и, как он выразился, «без ансамбля козочек в белых пачках». Его не поняли. Через много лет, когда Джером

Роббинс поставит без музыки балетный номер в ансамбле «Бат-Шева», его примут на ура! Будут аплодировать стоя. А Агадати в 1936-м году скажет: «Моя публика кончилась» – и навсегда оставит сцену. Его оригинальные идеи широкой публикой были приняты прохладно. Агадати слишком дерзко опережал время.

Он возвращался из Вены, из Парижа, из Берлина одетый как денди, мог «прошвырнуться» по бульвару в начищенных штиблетах, наверняка элегантно в костюме, при шелковом ярком галстуке и с тросточкой в руке. Иногда странности его одежды вызывали еще большее удивление, и его называли футуристом. Но чудил он недолго и редко – за внешней экстравагантностью скрывался серьезный художник.

В 1925 году, в период его всеевропейского триумфа, вышло в свет необыкновенное издание: «Барух Агадати. Художник еврейского танца» (Издательство «Хедим»)⁵. Книга издана тиражом в 101 (!) экземпляр. У нее было три автора: писатель Ашер Бараш (статья «Танец и танцор. Художественный образ Б.Агадати»), критик Ицхак Кац («Искусство Баруха Агадати») и Менаше Рабинович, будущий Менаше Равина, композитор, музыковед, преподаватель, один из пионеров музыкальной жизни Израиля. Его статья называлась просто – «Танец Агадати». Текст не набран типографским способом, а написан – буква за буквой, за абзацем абзац – черными и красными буквами переписчиком Торы и по подобию старинных раритетов – и шрифт, и вензеля, и растяжка слова, чтобы не переносить на другую строку.

А как же иллюстрации? Агадати в рисунках, акварелях, графике, фотографиях – в жизни, на сцене... Их перефотографировали и вклеили на чистые страницы в каждый экземпляр отдельно, накрывая тонкими прозрачными листочками... Частично представление об этом издании можно получить, если полистать вышедшую в 1986 году книгу под редакцией Гиоры Манора, которая называется «Агадати – халуц а-махол а-хадаш бе-Эрец-Исраэль» («Пионер современного танца в Эрец-Исраэль»). К сожалению, она вышла с опозданием в 10, а может быть и в 20, в 30 лет. Агадати ее не увидел. Он умер 18 января 1976 года. Еще ждут своего издания книги с такими, примерно, названиями: «Агадати – создатель первого звукового фильма в Эрец-Исраэль», «Агадати как организатор пуримских карнавалов в Тель-Авиве в 20–30-е годы», «Агадати – художник», «Агадати как зеркало тель-авивской богемной жизни до и после создания Государства Израиль». Какую бы область израильской культуры мы не начали сегодня изучать – балет, характерный

⁵ Хедим – от «хед» – эхо, отзвук, отклик (*иврит*).

танец с музыкой и без музыкального сопровождения, народный танец, театр, кино, живопись, тель-авивские массовые карнавалы – мы встретим это имя – «Барух Агадати». Все, что он делал, удачно или не очень, – было ново, оригинально, одних увлекало, других шокировало.

Он был в центре всех диспутов о литературе и искусстве, в центре художественной богемы. Собирались и у него, но чаще в доме у Бат-Шевы и Ицхака Кацева, его соседей и друзей. Он вспоминал имена – позже почти все они стали знаменитыми – художников, писателей, артистов: Гутман, Рубин, Лубин, Пальди, Ха-Меири, Ури Цви Гринберг... Когда в Тель-Авиве приехал Перец Маркиш, он спросил: «А где тут ваш Монпарнас?» И его отвели к Кацам. Журналист Адам Барух записал такой монолог Агадати: *«Однажды двое – Пальди и Френкель отдубасили друг друга, потому, что один сделал на другого карикатуру. И самые красивые девушки Эрец-Исраэль были с нами. Сегодня тогдашняя молодежь представляется наивной и чуть ли не инфантильной. Но все возвращается на круги своя, и про вас скажут то же самое, что говорит каждый генерал: “Это солдаты? Вот в наше время были солдаты!”. В маленьком и сонном Тель-Авиве мы были маленьким авангардом, активными романтиками...»*



Агадати, танцующий
галилейскую хору
Акварель М.Ларионова.
Париж. 1925

У А.Тарковского есть такие строчки:

Я сделал для грядущего так мало,
Но только по грядущему тоскую
И не желаю начинать сначала:
Быть может, я работал не впусую...

О прошлом Агадати вспоминал без тоски, если вспоминал, то шутливо, он всегда был в настоящем, а еще больше – в грядущем...

Он пришел в кино, не боясь соперничества с такими асами, как Яков Бен-Дов и Натан Аксельрод. Сначала делал киножурналы, которые демонстрировал перед сеансами. А в 1935 году создал свое главное детище – первый звуковой израильский фильм «Вот она, наша земля», полуигровой-полудокументальный. В главных ролях снимались Рафаэль Клячкин и Шмуэль Роденский (сценарий А.Ха-Меири). К середине 30-х годов кино интересовало многих – и как самый молодой вид искусства, и как симбиоз искусства и промышленного производства. Студии открывались одна за другой и так же быстро закрывались. Все стремились к быстрому и легкому обогащению. Не было ни опыта, ни знаний. Агадати же никогда не стремился обеспечить свою старость. Он был художником, меняющим мир, и талант его проявлялся во всем, за что только он ни брался. Умел учиться. Понимал толк в разных видах искусства, отдаваясь тому, что он делал в настоящий момент, целиком. Он «заразился» кино еще в России. Свою студию «АГА» (от «Агадати») он открыл вместе с братом Ицхаком в 1931 году. Еще в 1924 году он по дешевке купил архив мастера немного кино Яакова Бен-Дова, а в 1927-м немного работал с Натаном Аксельродом, помогая ему и учась у него. В 1932-м Агадати удалось недорого купить у одной разорившейся фирмы отличное кинооборудование. Таким образом приблизилась его мечта создать полнометражный игровой фильм.

Яков Гросс, писатель, коллекционер фильмов по еврейской тематике и автор нескольких книг о кинематографе Израиля⁶, отмечает, что Барух Агадати использовал позднее несколько важных фрагментов из архива Бен-Дова⁷, «не потрудившись, однако, выразить в титрах благодарность их автору». Это, что и говорить, при-
скорбно. Вот что пишет Гросс (кстати, ошибочно называющий Баруха Каужинский вместо Каушанский): *«Когда Барух Агадати решил всерьез заняться киноискусством, он был уже известным артистом, снискавшим славу в Эрец-Исраэль и за рубежом. Достаточно сказать, что снятый им киножурнал представлял публике Меир Дизенгоф, первый мэтр города Тель-Авива...»* Ицхак был администратор и специалист по технике. Они стали конкурентами с Натаном Аксельродом. Киножурнал «Дневник Родины» выпускали

⁶ См. также его статью «Пионеры израильского кино» // *ЕВКРЗ*. Т.2. Иерусалим, 1993. С.392–418.

⁷ Ныне «коллекция Агадати» вместе с архивом Бен-Дова находится в Национальной библиотеке, в Иерусалиме.

Аксельрод и Сегал, киножурнал «АГА» – братья Агадати. Братья делали эти журналы четыре года.

Успех, большой, международный и заслуженный, пришел в 1937-м. Тема фильма «Зот хи арцейну» («Вот она, наша земля») – 50 лет поселенческой деятельности – от самих билуйцев⁸ (первая алия), строительство Ришон ле-Циона и Тель-Авива. Была попытка показать сложный процесс вживания в новую среду – несмотря на малярию, отчаяние, идеологические споры, преодоление тяжелого климата, болот, пустыни, – торжество человеческого духа. Съемки велись с учетом современных технических достижений мирового кино. Тут были реализация идей Маяковского (Агадати вообще долгое время находился под его влиянием как футурист – и в танцах, и в кино, и в изобразительном искусстве), и Сергея Эйзенштейна – киномонтаж, и Эдуарда Тиссе (операторская техника).

Фильм начинался с панорамы страны Израиля. Это были пейзажи и конвенциональный коллаж: исторические места, связанные с Танахом (библией) перемежаются с экзотикой бедуинских поселений... На этом фоне еврейские парни, халуцим первой алии⁹, спускающиеся с необозримого песчаного пространства. Сначала мы видим только пески и утопающие в них ноги... Все это – крупно. И вот уже видны сильные фигуры загорелых людей, поющих «Эль рош ха-ар» («К горной вершине»). Идущий впереди несет табличку – для тех, кто не понимает – «БИЛУ» – «Бейт Яаков леху ве-нелеха» – «Дом Якова: вставайте и пойдем!». В следующем кадре – первая виноградная лоза в Ришон ле-Ционе – это кадр игровой, разумеется, но соединение его с документальными кадрами юбилея города волнует необычайно. Так сделан весь фильм. На стыковке документального и игрового, исторических событий и сегодняшнего дня высекается волнение. Все в нем соединилось, благодаря воле и таланту Баруха Агадати, в одно целое – профессиональная экспрессивная съемка, жесткая редакция, удачная сюжетная канва и музыка. Агадати использовал достижения и советского (диалектический монтаж) и немецкого кино (несколько картинок в разной геометрической пропорции в одном кадре). Фильм поражал экспрессией, динамикой и закадровым текстом. *«Это был тот уровень, – говорит преподаватель Тель-Авивского университета Моше Циммерман, – до которого немногие сумели дотянуться после*

⁸ Члены организации «БИЛУ» – еврейской молодежи в России, призывавшей к переселению в Эрец-Исраэль.

⁹ Пионеры иммиграции первой волны.

Агадати». Он добавляет: «Временные переходы между одним событием и другим делали осязаемыми достижения сионизма – закладка краеугольного камня одного из первых зданий Тель-Авива и тут же – 25-летие Тель-Авива, когда Дизенгоф сообщает, что мечта о 25 тысячах жителей превзошла самое себя – в Тель-Авиве уже 100 тысяч жителей». Это впечатляло тогда и еще больше впечатляет сегодня.

Утопия? Разумеется. Дань времени. Фильм звал оставить город, ехать в деревню, возделывать землю. Об этом фильме можно говорить много. Как прекрасны одухотворенные лица! Забываешь, где актер, где статист. «Вы сделали великое дело», – писал Меир Дизенгоф братьям Агадати. У фильма был кассовый успех во всем мире. Он заражал мужеством, оптимизмом и распалял воображение.

Фильм сопровождался авторским манифестом: *«Это не представление, не остросюжетный рассказ с драматическими перипетиями, а сгусток жизни, в высшей степени драматичной, чьи герои решили преобразовать застывшую, мертвую природу в цветущую, животворящую, в мощном взаимодействии души и тела – по следам великанов духа – навстречу новой судьбе народа, рассеянного и изнуренного, насчитывающего 17 миллионов во всем мире...»* Все это и было показано и потому волновало; невозможное, казалось, стало возможным. *«Улыбающаяся надежда мира, – сказал Барух Агадати, – обращена к вечному народу»*. Это не казалось преувеличением. Он в это верил. Он был одним из них. Отчаивался и снова надеялся, все бросал и все начинал заново. Его талант был буйным, бьющим через край. Вскоре он понял, что построить настоящий кинопавильон для съемок, настоящую кинолабораторию он не в состоянии – не пришло еще время, пока это просто неосуществимо, и, не желая тратить времени и ломать копыя, он все бросает и возвращается к изобразительному искусству. В 60-е годы он еще сделает 3-ю версию фильма (вторая была в 50-е годы), но публика несколько остыла к прошлому. Зато к 50-летию Государства Израиль мы снова увидели его фильм, ибо у ностальгии общества есть своя цикличность. И кадры из его фильмов – уже других, современных. Непередаваемое ощущение: как будто и мы были вместе с ними, здесь и тогда...

В 1985 году ансамбль «Инбаль» под руководством Сарры Леви-Танай сделал хореографическую постановку, посвященную Баруху Агадати. Сарра «повстречалась» с одним из ста экземпляров книги о Барухе Агадати (фантастика!)... в Бразилии, в городе Белу-

Горизонто! Книга была громоздкой, везти ее в Израиль не хотелось. Но она вытащила все фотографии, и с тех пор образ Агадати был с нею, и появилась мечта поставить на сцене историю его жизни и деятельности, которую она и осуществила. *«Он, – сказала Сарра, – один изобразил целую галерею типов, мы же все танцевали одного его, разноликого Агадати».* В 1986 году в галерее имени Реувена Рубина состоялась выставка «Четыре лика Баруха Агадати». Кино-работа Агадати, как и его деятельность в других областях искусства: в создании художественного танца, в классическом балете, в организации красочных карнавалов, в изобразительном искусстве – все это история Израиля. И все нашло свое выражение в экспозиции.

Авангардист, новатор, он был первым в разных сферах творчества. Не кичился славой, но знал себе цену. Перед смертью с ним успели записать интервью, он еще мог говорить (это было за неделю до кончины): *«Как художник я всегда оставался в стороне, хотя являюсь одним из первых членов Союза художников Израиля. Разумеется, художников в мире полно. Однако подобного тому, что делаю, нет. Не скажу, что я гений, но 40 лет поисков – это серьезно, это не игра, а самовыражение. Я хочу, чтобы это поняли. Но не знаю, существует ли еще публика, которой это нужно...»*

«Он был аристократ духа, – говорит художница Циона Таджер, – высокий, стройный, одет по последней моде, всегда недоволен собой, хотел совершенства. Карнавал – значит, в нем должны участвовать все. На афишах его концертов последняя строка звучала так: “Мужчин просят прийти в черном или белом”. Он не уточнял, в костюме или просто в рубашке и брюках, но воспитывал в зрителе уважение к искусству, эстетический вкус. Черно-белый зал – в этих строгих рамках будут бушевать страсти на сцене. Он любил и ассоциативность, и контраст».

В последний период своей жизни Агадати целиком посвятил себя живописи. Он писал акварели по шелку... Искал, импровизировал... На склоне лет чувствовал обиду, что именно его живопись и акварели по шелку – а он отдал им столько сил и любил их – не заслужили того внимания, которого, как ему казалось, они были достойны. Мир менялся. Уже разрушили здание прославленной гимназии «Герцлия». Чуть не выгнали его самого, уже немолодого, из старенького (он предпочитал говорить «старинного») домика. Кому-то кто-то продал участок земли, где стоял его криф. За целую жизнь – подумать только! – этот человек не удосужился оформить

документы на свою «нѣдвижимость». Но Барух Агадати был прочно скроен и устоял – он дожил свою долгую и удивительную жизнь творца где хотел – в Израиле, и как хотел – как художник... И всегда рядом были книги, всегда звучала музыка.

Он вспоминал (рассказ этот забавен не только по содержанию, но и по форме, ибо в нем переплетены иврит и идиш): *«Мне было лет 25, и я приехал с группой молодых художников в Хайфу – на этюды. Сажу я на площади, делаю эскиз Персидского парка. Останавливается за спиной старый еврей и спрашивает:*

– Реб ид!.. Говорит господин на идиш?

– Да.

– Кама зман ата ба-Арец? (Сколько лет ты в стране?)

– Да скоро десять.

– Десять лет! – вскричал старый еврей. Ментш! Цен ер ин ланд (Человек! Десять лет в стране), и тебе все еще приходится сидеть и жариться на солнце?..

Вот это внимательный критик, – резюмировал Барух, – а сколько тепла и человечности...» В тот вечер в его бараке так сладостно звучал Шопен. Он слушал музыку, может, видел себя на сцене «Бецалеля», или на карнавале в Тель-Авиве, или на сценах Парижа и Варшавы, а, может, улыбался, вспоминая дорогого старика из Хайфы.

Раскат импровизаций нес
Ночь, пламя, гром пожарных бочек,
Бульвар под ливнем, стук колес,
Жизнь улиц, участь одиночек.

Так ночью, при свечах, взамен
Былой наивности нехитрой,
Свой сон записывал Шопен
На черной выпилке пюпитра.¹⁰

¹⁰ Из стихотворения Б.Пастернака «Музыка».

Библиография

Ямим вз лейлот: Приложение к газете «Маарив» за 26 февр. 1971 г.

Газит: Журнал по вопросам искусства. 1985. Т.31. С.1–4.

Ха-арец: Газета. Статьи разных лет.

Ме-широн ха-махон: Сб. статей / Ханох Рон. 1963. №2.

Наор Мордехай. Из рассказов о стране моей любви. 1985.

Барух Агадати. Ха-аман ха-рикуд ха-иври (Мастер нового еврейского танца). Тель-Авив: Хедим, 1925.

Агадати. Пионер нового танца в Эрец Исраэль / Ред. Гиора Манора. Тель-Авив: Сифрият ха-поалим, 1986.

Этмоль: Журнал. 1983.

Бама: Журнал. 1992.

Синематек: Журнал. 1988.

Общие и тематические энциклопедии на иврите, русском, английском.

Махол бэ-Исраэль (Танец в Израиле): Журнал. 1994.

Гросс Яков. Пионеры израильского кино // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Сб. статей / Сост., гл. ред. и издатель М.Пархомовский. Т.2. 1993. С.392–418.

Выходцы из России у колыбели Иерусалимской академии музыки¹

Белла Бергинер-Тавгер (Иерусалим)

В последние годы не только в шутку, но и в некоторых серьезных исследованиях алии 90-х годов из России приводится один и тот же анекдот: *В аэропорт «Бен-Гурион» прибыл рейс из России. Каждый из спускающихся по трапу самолета держит в руках музыкальный инструмент. Почему у двух олим его нет? Они – пианисты.*

Действительно, число музыкантов в последней русской алии велико – как абсолютно, так и по отношению к другим специальностям. И потому сегодня нам представляется вполне естественным, что в стране вряд ли можно найти учреждение, так или иначе связанное с музыкой (оркестр, клуб, школа, камерный ансамбль, опера, Академия музыки и т.п.), в котором бы не было олим из России. И как-то невольно, подсознательно мы начинаем думать, что так было всегда. А потому, само собой разумеется, что следует только «копнуть» историю Иерусалимской академии музыки, и тут же «посыпятся» русские имена.

В действительности дело обстоит не совсем так.

Иерусалимская академия музыки и балета (до недавнего времени – им. Рубина) отметила свой 50-летний юбилей в 1997 году, т.е. счет ее годам ведется с 1947 года. К этому можно добавить еще 13 лет ее «предыстории» (подробнее об этом будет сказано позже). В те годы – тридцатые, сороковые – тон в музыкальном искусстве задавали выходцы из Западной и Центральной Европы, прежде всего из Германии и Австрии, затем из Венгрии, Чехии и др. И подобно тому, как сегодня в Иерусалимской академии музыки отовсюду слышится русская речь, в те годы среди музыкантов преобладал немецкий язык².

¹ Первый вариант статьи был доложен на конференции Научно-исследовательского центра «Русское еврейство в зарубежье» 17.06.98 г. в Бейт-Шемеше.

² Music in Time. A Publication of the Jerusalem Rubin Academy of Music and Dance. 1988/89. P.42.

«Докопаться» до музыкантов – выходцев из России в истории Иерусалимской академии музыки оказывается не так уж просто, тем более что печатных материалов на эту тему почти нет³. Поэтому будет правильным рассматривать настоящую работу в качестве начального этапа исследования, которое можно будет в дальнейшем углубить, дополнить и уточнить.

Результаты данного, начального, этапа можно сгруппировать вокруг двух основных направлений. Первое – «воспроизведение» имен и биографических сведений о музыкантах – выходцах из России, которые внесли свою лепту в создание Иерусалимской академии музыки (к сожалению, некоторые из этих имен уже начинают забываться). Второе – сбор материалов о личностях, которые, не будучи музыкантами, тем не менее сыграли важную роль в открытии Иерусалимской академии. Позже можно будет осветить деятельность евреев – выходцев из России в исторической перспективе, т.е. представить различные ее этапы.

В 1934 году в Иерусалиме была открыта первая Школа музыки и движения. У школы не было своего здания, и первое время она существовала в помещении Школы торговли, на улице Гилель. Официальное название школы было «Израильская консерватория и Академия музыки». Различие между этими двумя направлениями обучения, существовавшими параллельно в Первой школе, состояло в основном в том, что ученики Консерватории получали индивидуальные уроки игры на выбранном ими музыкальном инструменте и один раз в неделю – одночасовой групповой урок теории музыки. Занятия в Академии предполагали, наряду с обучением игре на инструменте, более развитую,



Арье Авилев

³ Добавлю, что получить доступ к официальному архиву первых лет Академии очень трудно, и не всегда можно полагаться на его данные (охват материалов, уровень их систематизации и т.п.). Поэтому главными источниками становятся интервью с участниками событий (к сожалению, некоторых из них уже нет в живых). Ситуация при этом становится очень и очень деликатной: увы, как обычно, обнажаются противоречивые мнения и трактовки, старые «счеты», обиды, деления на «лагеря» и т.п.

серьезную и обязательную программу музыкально-теоретических предметов (музыкальная литература, история музыки, гармония, полифония, музыкальная форма и т.п.). Кроме того, ученики Академии обычно были старше по возрасту.

В 1946/47 учебном году на фоне многочисленных (прежде всего, финансовых) проблем Первой школы усилились трения между педагогами и администрацией, и встал вопрос, сможет ли вообще школа продолжить свое существование. В качестве реакции на эту завуалированную угрозу администрации большая группа преподавателей (около 30) отделилась от Первой музыкальной школы и решила собственными силами, организовав своего рода кооператив, открыть новую школу⁴. Эта, Вторая музыкальная школа, назвавшая себя «Новая Иерусалимская консерватория и Академия музыки», и является предшественницей теперешней Иерусалимской академии музыки и балета. Сегодня под эгидой Академии как высшего учебного заведения функционируют еще два отдельных и самостоятельных учебных учреждения – Консерватория и Средняя школа (Тихон) с музыкальным уклоном.

Из преподавателей Первой музыкальной школы – выходцев из России необходимо упомянуть два имени, которые теперь уже, к сожалению, почти забыты. Это пианист **Арье Ави́леа** и композитор **Соломон Розовский** (1878–1962)⁵. Розовский преподавал полифонию для специальной группы из лучших студентов (в которой обычно было не больше 8–9 человек), основываясь, как он всегда подчеркивал, на системе Танеева⁶. По воспоминаниям Я.Шило, С.Розовский неоднократно с волнением рассказывал, как в годы Второй мировой войны впервые в Израиле услышал исполнение музыки Шостаковича, и впечатление было настолько сильным, что он не спал всю ночь. Любопытный факт из профессиональной биографии Розовского – наряду с академическими занятиями полифонией, он усиленно интересовался Таамей а-Микра⁷, «пере-

⁴ Первая музыкальная школа «протянула» недолго после открытия Второй. Позже на ее основе была открыта музыкальная школа в Тель-Авиве, которая со временем превратилась в Академию музыки и стала частью Тель-Авивского университета.

⁵ Хорошо известная преподавательница фортепиано Това Берлин работала только в рамках Консерватории с детьми, которых она готовила для поступления в Академию.

⁶ С.И.Танеев (1856–1915) – известный рус. композитор, муз. теоретик и пианист, педагог и директор Московской консерватории.

⁷ Система обозначения различных интонаций при чтении Танаха.

вел» их на нотную запись и преподавал в качестве отдельного предмета⁸.

Арье Авилеа был в первую очередь концертирующим пианистом-виртуозом, педагогическая работа была для него источником заработка. Коллекция фортепианных нот из его наследия находится в библиотеке Иерусалимской академии музыки.

Одной из центральных фигур в создании как Первой, так и, в особенности, Второй музыкальной школы-академии в Иерусалиме, была **Йохевед Достровская-Коперник**⁹. Она родилась в 1910 году в Вене, где ее отец учился на медицинском факультете Венского университета. После окончания университета он с женой и маленькой дочерью вернулся в Россию, и доктор Достровский стал врачом в царской армии. В декабре 1919 года семья Достровских прибыла в Израиль на пароходе «Руслан» с так называемой третьей алией (1919–1923)¹⁰. Вот как описывает пассажиров «Руслана» профессор Браха Эден: *«...Они прибыли в Израиль после длинного и трудного плавания из Одессы в Яффо на пароходе “Руслан”. <...> Это была группа людей очень высокого уровня, идеалисты, полные стремления отдать все свои силы созданию еврейского ишува на Земле Израиля. Каждый из них оставил значительный след в своей профессиональной области, а также в общественной жизни тех лет. Среди них были профессор Достровский, профессор Клаузнер¹¹, поэтесса Рахель, адвокат Хаим Лучинский (Ор) и другие»*¹².

По приезду в Израиль доктор Арье Достровский (? – 1975) был приглашен на работу в больницу «Хадасса Хар ха-Цофим») и стал одним из основателей медицинского факультета Еврейского университета в Иерусалиме. Семья доктора Достровского встретила с его братом Яковом Достровским (1899–1973), который приехал в

⁸ Интервью с Яковом Шило от 14.05.98.

⁹ Материалы о г-же Й. Достровской-Коперник почерпнуты из архивов Академии, книги «50 лет Академии музыки и балета им. Рубина в Иерусалиме» (издание Академии, 1998; иврит), интервью с ее сестрой Рут Загхер, книги Товы Берлин-Папиш «Звуки, которые не забыты. От Могилева до Иерусалима» (Тель-Авив, 1988; иврит), бесед с настоящими и бывшими педагогами и др. сотрудниками Академии.

¹⁰ КЕЭ. Т.1. Иерусалим, 1976. Стлб.84–85.

¹¹ Клаузнер Иосиф Гдалия (1874–1958) – один из инициаторов возрождения национальной культуры на иврите – литературовед, историк, лингвист, сионистский деятель. См. о нем: КЕЭ. Т.4, Иерусалим, 1988. Стлб.341–343.

¹² Браха Эден. Йохевед Достровская – личность и деятельность // Юбилейная книга Академии. С.39.

Израиль еще в 1906 г. Инженер Яков Достровский, известный в Израиле как Яков Дори, был первым начальником Генерального штаба Армии обороны Израиля во время Войны за независимость, а позже, в 1951–1965 гг., – президентом Политехнического института (Техниона) в Хайфе¹³.

Такова была среда, в которой росла и воспитывалась Йохевед Достровская. В доме родителей говорили по-русски, мать рассказывала детям истории и сказки, читала им книги на русском¹⁴. Музыке – игре на фортепиано Йохевед начала учиться с 8 лет. После окончания гимназии Рехавия в Иерусалиме Йохевед уехала в Вену, где поступила сразу на четвертый курс Академии музыки и драматического искусства.

Она вернулась в Иерусалим в 1932 году. Здесь она вышла замуж, стала матерью двух сыновей, преподавала музыку, выпускала газету «Цилим» («Звуки») – в свое время единственную в мире музыкальную газету, организовывала лекции-концерты для детей, участвовала в музыкальных передачах по радио и была в группе энтузиастов, которые основали Первую музыкальную школу в Иерусалиме. В эти же годы Йохевед Достровская-Коперник была командиром роты в Хагане.

В 1947 г. группа преподавателей, основавшая «Новую Иерусалимскую консерваторию и Академию музыки», выбрала Йохвед Достровскую-Коперник на пост главы Академии. В этой должности она оставалась до ухода на пенсию в 1979 году. Сегодня г-жа Достровская-Коперник Почетный президент Академии – звание, специально учрежденное в ее честь. В 1986 году она была удостоена звания Почетного гражданина Иерусалима.

Вся история Иерусалимской академии музыки в течение 32 лет была связана с деятельностью Йохевед Достровской. С ее непосредственным участием росло количество педагогов Академии, к которым присоединялись лучшие из выпускников, а также музыканты-олим, прибывшие в страну с разными волнами послевоенной алии. У г-жи Достровской было много связей – семейных, дружеских, идеологических, и она успешно использовала их для развития Академии. В 1954 году, при непосредственном участии

¹³ КЕЭ. Т.2. Иерусалим, 1982. Стлб.373–374.

¹⁴ Брат Йохевед, Израэль Достровский – видный израильский ученый. Был генеральным директором Израильской комиссии по атомной энергии (1965–1971) и президентом Института им. Вейцмана (1973–1976). См. о нем: КЕЭ. Т.2. Иерусалим, 1982. Стлб.376–377.

жены тогдашнего президента Израиля, видной общественной и культурной деятельницы г-жи Рахель Янаит Бен-Цви¹⁵, был образован Круг друзей Академии в стране и за ее пределами¹⁶. Своим энтузиазмом г-жа Достровская сумела «заразить» президента Культурного фонда Америка–Израэль г-на Сэма Рубина, и благодаря его материальной помощи в 1958 году удалось купить для Академии оригинальное по архитектуре здание – дом Шокен на улице Смоленский, – которое стало одним из центров музыкальной жизни Иерусалима (с тех пор академия стала носить имя Рубина). Академия оставалась в этом здании (соседнем с резиденцией премьер-министра) до 1985 года, вместе с Консерваторией и Тихоном, после чего Академия-вуз переехала в другое помещение – в университетском кампусе в Гиват-Раме. (Кстати, сам факт создания Тихона при Академии, как и кафедры музыкальной педагогики в Академии, – тоже плоды многосторонней деятельности Йохевед Достровской.)



Йохевед Достровская-Коперник

Г-жа Достровская принимала участие в создании музыкальной библиотеки Академии. По ее инициативе и благодаря ее активности и личным связям в министерстве иностранных дел и в дипломатических кругах (а также поддержке Иерусалимского муниципалитета и канцелярии премьер-министра) в Академии был основан музей музыкальных инструментов, в коллекции которого сейчас примерно 500 инструментов со всего мира¹⁷.

В 1955 году г-жа Достровская провела полгода в командировке в США. За это время она изучила учебные программы двадцати музыкальных факультетов различных зарубежных университетов

¹⁵ О Рахель Янаит Бен-Цви, приехавшей в Израиль из Украины, см.: КЕЭ.Т.1. Иерусалим, 1976. Стлб.352–353.

¹⁶ Для Иерусалимской академии музыки поддержка частных лиц и общественных организаций была и осталась жизненно необходимой, так как она (Академия) является автономным вузом (в отличие от Академии музыки в Тель-Авиве, существующей в рамках университета), что значительно обостряет ее финансовые проблемы.

¹⁷ Постоянно действующая выставка музыкальных инструментов в Академии музыки носит имя Йохевед Достровской-Коперник.

и представила сравнительную таблицу этих программ и академических степеней, которыми они наделяют своих выпускников. Само собой разумеется, что эти и последующие ее исследования имели в конце концов одну главную цель – повысить уровень музыкального образования в Израиле и приравнять его к аналогичному в ведущих вузах Европы и Америки¹⁸. Вообще, г-жа Достровская уделяла много внимания установлению и развитию международных связей Иерусалимской академии музыки. Так, она сумела наладить постоянные контакты с Нью-Йоркским университетом, и выпускники Иерусалимской академии музыки смогли продолжать там свое образование для получения второй и третьей академических степеней. Г-жа Достровская, вместе с педагогическим коллективом Академии, ввела в практику приглашение выдающихся музыкантов международного уровня, таких, как Иехуди Менухин, Леонард Бернштейн, Айзик Стерн, Мстислав Ростропович и многие другие на летние курсы или на специальные семинары. Иерусалимская академия музыки получила широкое признание за рубежом, и по сей день имя и авторитет Академии в культурном мире настоящего велики.

Несмотря на международное признание Иерусалимской академии, внутри страны она долгое время не имела официального статуса высшего учебного заведения. В этом направлении г-жа Достровская вела настоящую борьбу – многолетнюю, упорную, бескомпромиссную, и в конце концов вышла из нее победительницей: в мае 1975 года Академия была признана вузом, и все ее выпускники ретроспективно, начиная с 1961 года, получили право на академическую степень.

Таков «сухой» перечень начинаний и достижений Йохевед Достровской в развитии Иерусалимской академии музыки (с 1980 г. – и балета), за которым стоят многие годы напряженной работы, нередко – сложных человеческих отношений, постоянных тревог и забот (в первую очередь – о материальном положении вуза) и одновременно – радостей и гордости за превращение Академии в ведущий центр музыкального образования и концертно-культурной жизни Израиля.

¹⁸ В письме к секретарю Совета по высшему образованию при министерстве просвещения и культуры от 26.05.70 г-жа Достровская-Коперник пишет: *«Сравнение различных учебных программ с программой нашей Академии выявило “преувеличение” в программах определенных предметов у нас, но ни в коем случае не отставание»* (Архив Академии).

Среди немусыкантов, так или иначе связанных с начальным периодом существования Академии в Иерусалиме, необходимо прежде всего назвать **Елену Каган**¹⁹, широко известного иерусалимского врача-педиатра, супруги скрипача Эмиля Хаузера, всегда участвовавшей вместе с ним во всех «музыкальных делах». Она организовывала камерные концерты в своем доме, а главное – фактически была административным руководителем (и больше того – «живой душой») Первой Иерусалимской музыкальной школы.

В то время Еврейский университет выдавал определенное число сертификатов студентам-евреям из разных стран с правом въезда в Палестину. Благодаря своей известности г-жа Каган и ее муж сумели «выбить» у английской администрации подобные сертификаты и для студентов-мусыкантов. Э.Хаузер выезжал в Европу и отбирал там студентов. Эти сертификаты не только привели в страну будущих видных деятелей израильской музыкальной культуры (например, композитора Хаима Александра, пианиста Яакова Шило), но главное – попросту спасли им жизнь, дав возможность вовремя вырваться из предвоенной Европы после прихода Гитлера к власти в Германии.

Елена Каган привлекла к работе в Первой музыкальной школе лучших педагогов. «Раскол» в 1946/47 учебном году, приведший к открытию Второй музыкальной школы и Академии в Иерусалиме во главе с Й.Достровской, был фактически «бунтом» преподавателей против жесткой, на их взгляд, административной политики г-жи Каган²⁰.



Хаим Ор (Лучинский)

¹⁹ Материалы о Елене Каган собраны из публикаций Иерусалимской академии музыки «Music in Time» (1986/87, 1988/89), из юбилейной книги Академии (статьи М.Змора, В.Хауциг, Я.Шило и А.Бар-Эйтан) из биографической книги Т.Берлин-Папиш, из интервью с Я.Шило, Х.Александром, М.Змора-Козн и др.

²⁰ Для понимания противоречивости «русского» характера г-жи Е.Каган интересно привести несколько строк из воспоминаний М.Змора (в юбилейной книге Академии): «Мы воспринимали дом Каган как прямое и естественное продолжение комнат и залов Академии»; «Каган была среди первых детских врачей в городе и одним из краугольных

Со Второй музыкальной школой и Академией связано имя другого немусыканта, преданно занимавшегося ее делами, – видного иерусалимского адвоката Хаима Ора (Лучинского)²¹. Он родился в 1892 году в Богуславе, учился в гимназии в Москве и там же – игре на скрипке²². Хаим Лучинский с супругой прибыли в Израиль на том же пароходе «Руслан», что и семья Достровских, и с тех пор обе семьи были дружны. В подмандатной Палестине он получил юридическое образование. Хаим Ор возглавлял иерусалимское отделение Объединения юристов и был одним из первых в городе адвокатов, кто в годы мандата принципиально выступал в суде на иврите.

Хаим Ор стал добровольным «юридическим советником» г-жи Достровской и педагогов Второй музыкальной школы. Он был среди тех, кто зарегистрировал группу педагогов как отдельный кооператив для организации новой школы. Именно Хаим Ор «открыл» существование заброшенного дома Шокена на улице Смоленский и рассказал о нем Йохевед Достровской. Некоторое время он был главой административного Совета, руководившего работой Академии. Хаим Ор активно участвовал, вместе с г-жой Достровской, в создании Круга друзей Академии и мобилизации денежных средств в ее поддержку.

Таковы центральные фигуры выходцев из России, стоявших у истоков Иерусалимской академии музыки и балета. Впоследствии, в течение всей истории Академии, в ней работали и работают многие видные композиторы, исполнители, теоретики, дирижеры и деятели балета, приехавшие в разное время в Израиль из бывшего СССР. Так, долгие годы заместителем Й. Достровской был Шмуэль Бернштейн, преподававший скрипку и альт. Большую роль в развитии Академии сыграл работавший в ней с начала 70-х годов композитор Марк Копытман. О них, как и о многих других, надо писать

камней иерусалимского общества; женщина деятельная, с многочисленными связями, находчивость; при всей ее жесткости, независимости и практичности, ее сердце было теплым и мягким. В ней была какая-то особая чувствительная сентиментальность к звукам музыки, которой отличаются только женщины России...».

²¹ Сведения о Хаиме Лучинском (Оре) получены из статьи его дочери, проф. Брахи Эден в юбилейной книге Академии, интервью с Б.Эден, архивов Академии.

²² Свою скрипку Хаим привез в Палестину и впоследствии подарил ее Иерусалимской академии музыки.

отдельно²³. Хочется надеяться, что такое исследование будет проделано вовремя, пока их имена еще не забыты, а среди нас немало людей, которые могут многое рассказать²⁴.

²³ Автор, музыковед Белла Бергинер-Тавгер, сама также является «живой иллюстрацией» возможному продолжению статьи – она преподает в Иерусалимской академии с 1976 г.

²⁴ В работе над статьей я использовала материалы своих интервью с Роной Шмидт, Шулой Кахани, Хаимом Александром, Рут Загхер, Яаковом Шило, Шмуэлем Бернштейном, Талией Козн, Давидом Хеном, Ноа Хен, Сарой Абарбаиель, Михалем Змора-Козном, Брахой Эден.

Еврейская песня – её судьба (О певице Нехаме Лифшиц)

Шуламит Шалит (Тель-Авив)

Микрофонов на сцене не было. Певец мог рассчитывать только на самого себя, на свой голос, на свой артистический талант. И голос твой должен быть слышен и в самых последних рядах и на галёрке, иначе зачем ты вышел на подмостки?

Когда Нехам Лифшиц начинала петь, сидевшие в зале замирали, не просто слушали и слышали её, они приникали к ней слухом, зрением, душой. Да, на сцене микрофонов не было, но они были в стенах её квартиры и в домах многих её друзей. Узнавали об этом иногда слишком поздно. И за ней следили работники Комитета госбезопасности. (В Израиле ей долго не верилось, что она ушла «от их всевидящего глаза, от их всеслышащих ушей».) Репертуар менялся, цензура свирепствовала, а она делала своё дело – тонко и артистично. Иногда шла по острию ножа. Выйти на сцену и произнести всего лишь три слова из библейской «Песни песней» царя Соломона на иврите – для этого в те годы нужно было великое мужество.

И так она начинала: «Инах яфа рааяти» («Ты прекрасна, моя подруга»), а потом продолжала этот текст на идиш по «Песне песней» Шолом-Алейхема, по спектаклю, который С.Михоэлс ставил в своём ГОСЕТе на музыку Льва Пульвера:

Как хороша ты, подруга моя,
Глаза твои, как голуби,
Волосы подобны козочкам, скользящим с гор,
Зубки, как белоснежные ягнята, вышедшие из реки,
Один в один, будто одна мать родила их.
Алая нить – твои губы, Бузи,
И речь твоя слаще мёда,
Бузи, Бузи...

Бузи и Шимек – так звали героев Шолом-Алейхема. Шимек видел в своей Бузи библейскую героиню... Нехам едва успевала произнести «Бузи, Бузи», ещё звучал аккомпанемент, а зал обрушивался аплодисментами.

И тогда она переходила к песне «Шпил же мир а лиделэ ин идиш» («Сыграй мне песенку на идиш»), мелодия которой казалась

всем знакомой. И действительно, когда-то это было просто «Танго на идиш». Кем написана мелодия – неизвестно. Это танго привезли в Литву в начале Второй мировой войны беженцы из Польши. Затем его стали петь и в гетто Вильнюса и Каунаса. Знали эту мелодию и отец Нехамы – Иегуда Цви Иегуда (Юдл) Лифшиц, её первый учитель музыки, и еврейский поэт Иосиф Котляр. И вот по просьбе отца поэт написал новые слова:

Спой же мне песенку на идиш.
Играй, играй, музыкант, для меня,
С чувством, задушевно,
Сыграй мне, музыкант, песню на идиш,
Чтоб и взрослые, и дети её понимали,
Чтоб она переходила из уст в уста,
Чтоб она была без вздохов и слёз.
Спой, чтоб всем было слышно,
Чтоб все видели, что я жива
И способна петь ещё лучше, чем раньше.
Играй, музыкант, ты ведь знаешь,
О чём я думаю и чего хочу.

При этих словах выражение её глаз и движения рук были таковы, что каждый понимал истинный смысл сказанного, тот, который она вкладывала в эту песню: я хочу, чтобы моя песня звучала на равных с другими, чтобы живы были наш язык, наша культура, наш народ, – этот пароль был понятен её публике. А для цензуры песня называлась стерильно: «За мир и дружбу», вполне в духе времени. Настоящее название – «Шпил же мир а лиделэ ин идиш» – вернулось к ней позже.

Она пела еврейские песни, как человек, который впитал еврейскую речь с молоком матери, с первым звуком, услышанным ещё в колыбели. Она вышла из самых недр национальной традиции. Как-то высшая воля выбрала Нехаму Лифшиц стать символом русского еврейства, его голосом и совестью. Еврейская песня стала поистине ее судьбой.

Нехама родилась в 1927 году в Каунасе. Семья матери была большой – сёстры, братья; отец же был единственным ребёнком. Он расскажет девочке, как её бабушка, его мама, ранней весной, когда по реке Неман ещё плавали огромные льдины, для него – айсберги, усаживала его в лодку и так, лавируя между льдинами, они перебирались на другой берег, чтобы ее мальчик, не дай Б-г, не пропустил занятий у учителя, меламеда. Одновременно его обучали игре на скрипке. Учительницу звали Ванда Богушевич, она была

ученицей Леопольда Ауэра. Это она вызволила Лифшица из тюрьмы в 1919 году, где его, тогда уже преподавателя еврейского учительского семинара, сильно избили польские жандармы, сломав ключицу. Тем не менее он всю жизнь, даже став врачом, играл на скрипке...

И у Нехама была скрипочка. У них в доме царил культ еврейской культуры, культ знаний вообще. С 1921 по 1928 год Иегуда Цви Лифшиц был директором школы в сети «Тарбут» и одновременно изучал медицину в университете. Мама тоже занималась музыкой, любила петь и играть, но её учёба оказалась недолгой. Семья была большая, а средств мало. Первый подарок отца матери – огромный ящик с книгами, среди них еврейские классики: Менделе Мойхер-Сфорим, Шолом-Алейхем, Залман Шнеур, Бялик в русском переводе Жаботинского, Грец, Дубнов, библейские сказания, Танах – на иврите и в переводе на идиш. Но были и Шиллер и Шекспир, Гейне и Гёте, Толстой и Достоевский, Тургенев и Гоголь. Нехама помнит, что её тётя продырявила «Тараса Бульбу» во всех местах, где было слово «жид». Но, в общем, евреи в эпоху между двумя мировыми войнами жили в Литве вполне автономно и, кроме синагог, были у них свои школы, и газеты и театры, и разные политические партии. И они очень любили свою Литву и её природу. В доме царила атмосфера тепла и сердечности. О тепле еврейского дома она будет петь лет через тридцать, в другом, недетском, мире, где еврейский дух и еврейское слово будут почти задушены.

У маленькой Нехамале были большие беспричинно грустные глазёнки, и петь она начала раньше, чем говорить. Всё, что отец играл, она пела, но о карьере певицы никогда и речи не было, а мечтала, когда вырастет, играть на скрипке, как Яша Хейфец, как Миша Эльман, как Губерман...

В 1932 году мамина сестра Хеня уехала в Палестину. Она ждала семью сестры всю жизнь и умерла накануне их приезда. Среди родных и близких, встречавших в Лоде, находился сын тётки Хени, огромный детина, полицейский. Потом в газетах напишут, что, сойдя с трапа, знаменитая еврейская певица Нехама Лифшиц от радости бросилась на шею «первому израильскому полицейскому». Хорошо сделала тётка Хеня, что уехала, потому что другие мамини сёстры при немцах погибли. Берту убили, и мужа её, и детей их. Тётка Соня оказалась удачливее – она умерла в гетто на операционном столе... Мало кто остался в живых из большой родни.

А их семье повезло. Эвакуация была ужасной, но они выжили. Где-то под Минском начался ад – взрывы бомб, огонь, крики бегу-

щих и падающих людей. Мать тащила единственный баул с вещами, на котором отец, уже в Смоленске, написал: Батья Лифшиц, ул. Сосновская 18, Каунас. Вдруг потеряет – чтоб добрые люди вернули. Логика честного и наивного человека. А надписал он баул потому, что в Смоленске расстался с семьёй – его мобилизовали. А скрипочка потерялась. Сгорела, наверное, в пламени под Минском.

Повезло Нехама. И с детством, и с семьёй, и, хоть без скрипки, но и от гетто и от смерти убежала. И в том, что в Узбекистан попала, в Янги-Курган, тоже повезло. Выучила узбекский, пела, плясала, научилась двигать шейными позвонками. Это было очень важно, тоже часть культуры, как в ином месте надо уметь пользоваться вилкой и ножом. Верхом на лошади, как отец к больным, развезжала и она по колхозам, собирая комсомольские членские взносы.

Впитывала чужие традиции, уклад жизни, историю, изучала людей, их психологию. В 1943 году впервые оказалась на профессиональной сцене в Намангане. Беженец из Польши, зубной врач Давид Нахимсон приходил к ним домой, и они устраивали концерт: Давид играл на скрипке, отец – на балалайке, мать на ударных, то есть на кастрюльных крышках, Фейгеле (младшая сестра) на расчёске, а Нехама – пела... И на русском – «Тёмную ночь», «Дан приказ ему на Запад», и на иврите, и на идиш, и на узбекском... «Они никогда не уберутся отсюда, – судачили соседи, – им тут хорошо, всё время поют». А у семьи Лифшиц на столе сухари – лакомство, а в редкие дни – картошка и лук. Но они и впрямь были счастливы – молоды, вместе... И жили надеждой.

За один присест Давид Нахимсон научил ее какой-то польской песне, она добавила ещё одну, узбекскую и, что греха таить, сама была ошеломлена успехом в Намангане. Ну, просто необыкновенный успех. А тайком горевала о своей скрипочке.



Нехама Лифшиц с Голдой Меир
Тель-Авив, 1969

Между тем она всё чаще выступала перед публикой. Все свои чувства вкладывала в песни, и люди любили её пение. И плакали.

9 мая 1945 года. Все вокруг смеются, поют, пьют пиво из поллитровых банок. Кроме узбечки Фатимы, была у Нехамы ещё одна подруга – беженка из Риги. Молчаливая, брат её на фронте. Нехаме прибежала к ней, а та лежит на полу и кричит: никого у меня нет, ничего нет, для чего мне победа?! Все-все у нее погибли. В тот день, когда люди смеялись от радости, подруга открыла Нехаме страшную тайну: нет больше евреев, Нехамале! Всех поубивали! Нечего нам радоваться! Нет у нас дома!

Отец Нехамы добивался возвращения в Литву. Тогда, в 1945, когда ей было 18 лет, она впервые в жизни столкнулась с явным антисемитизмом. Абдуразакова, первого секретаря партии, перевели в Ташкент, прислали нового, и тогда некто Комиссаров, второй секретарь, заорал ей в лицо: «Знаю я вашу породу, ты у меня сгниёшь в тюрьме, а в Литву не уедешь». Вызов из Литовского министерства здравоохранения на имя доктора Лифшица пролежал в Министерстве внутренних дел Узбекистана ровно год! И тут помогло ее знание узбекского языка. И кое-что еще. Да, дерзость. Её часто спасала дерзость: «или пан – или пропал». Добилась, отдали вызов. Начались сборы в дорогу.

Грустным было прощание с людьми. Доктора и его семью полюбили. Дурных людей было всё-таки меньше. Или им не попадались. Как только Нехаму ни называли в этом захолустном милом городке: и Накима, и Накама-Хан, и даже Нахимов! Да будут благословенны твои люди, Янги-Курган, простые и добрые, которые помогли в трудную минуту. Она не учила многих предметов, ни химию, ни физику, но так многому научили её университеты жизни... Приехала девочкой-подростком, уезжала взрослым человеком. Мира тебе, шептала она, моя зелёная деревня, и прощай... В первые же гастроли по Средней Азии и потом она сделает крюк, чтобы повидаться с Фатимой и другими друзьями...

На привокзальной площади в Каунасе их встречал чужой человек. Оставшись в живых, этот одинокий еврей приходил встречать поезда – других живых евреев... Потом устраивал их как мог. По крупинкам, по капелькам набиралась кровавая чаша – где, кто и как был замучен, расстрелян, сожжён. Все родные, все учителя, все друзья. На Аллее свободы, тогда это уже был Сталинский проспект, когда-то магнитом собиравшей еврейскую молодёжь, – ни одного знакомого лица. Исчезли еврейские лица. Где вы все – Ривка,

Мирэле, Иосефа, Рая, Яков, Израиль, Давид, Додик? Почему она никого не видит, не встречает? И спросить некого.

На пороге дома управляющего мельницей Миллера их встретила его пожилая служанка. Мама ещё в дверях потеряла сознание. Скатерть тёти Берты, её же ваза для цветов, в буфете – незабываемый кофейный сервиз, почти игрушечные чашечки, блюдца... Нехама с трудом вывела мать на улицу, а сама вернулась, поднялась на чердак – новая хозяйка ей не препятствовала, смутилась, и тут Нехама нашла старую порванную фотографию тётиной семьи: вот Берта, её муж дядя Мотл, дети – Мирэле и Додик, младшенький...

Возвращались молча, она и мама. Как выглядели улицы, по которым они шли, не помнит. Для них улицы были мертвы. Их город умер. Но он ведь не умер. Он убит! Убит! Как выплакать эту боль? О, она найдёт способ. После одного из концертов в Москве она добиралась на метро в гостиницу. Ей показалось, что за ней слежка. Кто-то явно шел за ней: Нехама встала, и он встал. И двинулся за ней до эскалатора. Нехама резко повернулась (о, такое будет ещё не раз!) и спросила: «Что вам от меня надо, товарищ?» Он ответил: «Я был на вашем концерте. Я – еврейский поэт, мне кажется, у меня есть для вас песня». Это был Овсей Дриз, Шике Дриз. Он рассказал ей о родном Киеве, о трагедии Бабьего Яра и познакомил с другой бывшей киевлянкой, композитором Ривкой Боярской. Парализованная Ривка уже не могла сама записывать ноты, она их шептала. Диктовала шепотом, а студентка консерватории записывала. Так появилась великая и трагическая «Колыбельная Бабьему Яру», которую долгие годы объявляли как «Песню матери». Это был Плач Матери:

Я повесила бы колыбельку под притолоку
И качала бы, качала своего мальчика, своего Янкеле.
Но дом сгорел в пламени, дом исчез в пламени пожара.
Как же мне качать моего мальчика?

Я повесила бы колыбельку на дерево
И качала бы, качала бы своего мальчика Шлоймеле,
Но у меня не осталось ни одной ниточки от наволочки
И не осталось даже шнурка от ботинка.

Я бы срезала свои длинные косы
И на них повесила бы колыбельку,
Но я не знаю, где теперь косточки обоих моих деточек.

(В этом месте у неё прорывался крик... И зал холодел.)

Помогите мне, матери, выплакать мой напев,
Помогите мне убаюкать Бабий Яр...
Люленьки-люлю...

Голосом, словом, сдержанными движениями рук она создавала этот страшный образ: Бабий Яр как огромная, безмерная колыбель – здесь не тысячи, здесь шесть миллионов жертв! Она стоит такая маленькая, и какая сила, какое страдание! И любовь, и такая чистота слова и звука! В Киеве – петь колыбельную Бабьему Яру? Тишина. Никто не аплодирует. Зал оцепенел. И вдруг чей-то крик: «Что же вы, люди, встаньте!» Зал встал. И дали занавес.

Стойки с микрофоном не было. Не за что было ухватиться рукой.

На что тебе скрипка,
Обнажённая вся, без футляра,
Когда струны натянуты,
И готова уже зарыдать...

(Д.Тейтельбаум. Пер. Л.Беринского)

Нехама сама стала скрипкой. И всё умела, смогла, сказала, сыграла и спела. Никакая цензура, никакая сила не могла оторвать от неё еврейскую песню, и её – от еврейской песни, как от своей судьбы. Она пела, и казалось, что, как и в словах одной из её любимых песен «Весёлый портняжка» (слова И.Котляра), каждая косточка поёт в ней самой. (Тут, чтобы продолжать, надо отдышаться.)

«Ах, какую мелодию я слышал сегодня – пальчики оближешь». И так же, как у неё, и у всех слушателей «пели все косточки», когда песня была весёлая. Хотя некоторым под задорную мелодию плакать легче. Сам звук её голоса диктовал настрой зала, ведь у неё всегда была особая публика: люди, потерявшие дорогих и близких, живущие в постоянном напряжении, в подозрительности и недоверии, изголодавшиеся по звуку собственной речи, потрясённые самой возможностью окунуться в еврейское слово, возникающее в воздухе и сладко тающее во рту под еврейскую мелодию. Люди оживали, плакали, улыбались.

Не было еврейской семьи, сохранившейся целиком, не потерявшей части родственников или всей родни. Дети-сироты и взрослые-сироты. Сиротство тянуло к себе подобным. Для них просто собраться в этом наэлектризованном зале было пробуждением от оцепенения после всего перенесённого, самой действительности, вызволением души от гнёта... Но были в зале и молодые, и совсем юные... Молодёжи не с кем и не с чем было её сравнивать. Нехама Лифшицайте (так ее звали на литовский лад) ударила в них как молния. Пожилые, знавшие язык, слышавшие до войны и других превосходных певцов, говорили, что Нехама – явление незаурядное. На молодых она действовала гипнотически: знайте, говорила

она, это было, нас убивали несправедливо, но мы живы, наш язык прекрасен, музыка наша сердечна, мы начнём всё сначала. Нельзя жить сложа руки...

Поэт и композитор Мордехай Гебиртиг, убитый нацистами в Кракове, в самом огне написал потрясающую душу песню «Сбрент, бридерлех, сбрент» – наш город горит, всё вокруг горит, а вы стойте и смотрите на этот ужас, сложа руки, может настать момент, когда и мы сгорим в этом пламени... Если вам дороги ваш город и ваша жизнь, вставайте гасить пожар, даже собственной кровью... Не стойте сложа руки.

Этот призыв вдохновлял и вильнюсских партизан Абы Ковнера, и они брали в руки оружие, на эту тему написал картину художник Иосиф Кузьковский, к нему тоже тянулись молодые. Послевоенная молодёжь, слушавшая Нехаму Лифшиц, воспринимала это как призыв, прямо обращённый к ним. После гастролей Нехамы во многих городах создавались еврейские театральные кружки, ансамбли народной песни, хоры, открывались ульпаны, тогда же появился и самиздат. Нехама стояла у истоков еврейского движения конца 50-х и 60-х годов XX века. Кто-нибудь сосчитал, сколько певцов исполняли вслед за Нехамой ее песни?

Доктор Саша Бланк, давний и верный друг, не дождавшись помощи официальных организаций, на свои средства выпустил к 70-летию певицы компакт-диск «Нехама Лифшиц поёт на идиш». Он говорит: *«Она сама не понимала высокого смысла своего творчества и своего влияния на судьбы людей, на еврейское движение в целом, на рост национального самосознания и энтузиазма...»* Он прав. Она и в самом деле не осознавала, не умела оценить своей роли в этом процессе.

Когда она, молодая женщина маленького роста, хрупкая и страшная, стояла на сцене и пела, люди думали: если она не боится, если она сумела побороть страх, смогу и я, обязан и я. Молодёжь начинала думать, а думающие обретали силу действовать. Спросить у неё, понимает ли она это? Но разве Нехама скажет: да, я вела сионистскую пропаганду, несла людям еврейское слово, рискуя, бросала в зал запрещённые имена, была «лучом света»? Скажите это вы, те, кто знает и помнит, детям расскажите, нет, уже внукам, заставьте послушать себя, чтобы оценили свою свободу, свою раскованность, смех, право жить в свободном мире, право вернуться на родину... Да, я впадаю в пафос. Простите меня. Но я говорю не просто о певице, я говорю о Явлении, о человеке, чьё имя вошло в историю русского еврейства. Пусть одной страничкой. И это немало.

Как же начинался ее путь еврейской певицы, после войны, когда она вернулась в Литву из Узбекистана?

Всё началось в тот миг, когда выпускница Вильнюсской консерватории после арий Розины в «Севильском цирюльнике», после Джильды в «Риголетто» и Виолетты в «Травиате», после удачных выступлений со вполне сложившимся репертуаром сделала решительный и бесповоротный шаг – наряду с ариями из опер и народными песнями, русскими, литовскими, узбекскими, – начала петь на идиш. Тут совпало многое: само время – смерть Сталина, расстрел Берия, краткая оттепель после речи Никиты Хрущёва на XX съезде КПСС, возвращение из лагерей писателей, музыкантов, узников совести... Вернулись певцы Зиновий Шульман, Мойше Эппельбаум, Шауль Любимов, приехали на гастроли в Литву певицы из Риги Клара Вага и Хаяле Ритова... Когда Мойше Эппельбаум пел, его удивительный голос проникал ей под самую кожу, она была как во сне, впитывала каждый звук. Тогда она поняла смысл фразы, которую часто повторяла её строгая и требовательная учительница, бывшая генеральская дочка и аристократка из Петербурга, вышедшая замуж за литовца и жившая в Литве Нина Марковна Карнавичене-Воротникова: «Всегда думай – кому это нужно?» Нехама поняла и приняла: мало умения хорошо держаться на сцене, мало обладать хорошим голосом. То, что делает Эппельбаум, отдавая всего



*Слева направо: Э.Рубин, А.Суцкевер, Р.Рубин,
А.Ковнер, Н.Лифшиц, И.Башевис-Зингер*

себя, пропуская звук и слово через собственное сердце, – вот что нужно людям, и в этом истинное искусство.

Затем приехала Сиди Таль. Скорее актриса, чем певица, но сколько волшебства было в её игре, в её речи, движениях, мимике. Нехам стояла за кулисами и плакала. Кто-то коснулся её плеча: «Мейделе, почему такие слёзы?» Это был поэт Иосиф Котляр, вскоре он станет её большим другом и будет писать стихи для её песен. Однажды после её выступления в паре с Ино Топером – они несколько лет пели дуэтом, к ним подошёл Марк Браудо – до войны он работал в Еврейском театре в Одессе и в театре «Фрай-кунст», а теперь был заместителем директора в Вильнюсском русском театре. Он спросил, знает ли она идиш?

«Вы знаете идиш?» Как часто ей задавали этот вопрос. Молодая – и знает идиш?! Так было положено начало еврейской концертной бригаде артистов Литовской филармонии, состав которой будет меняться. Ино Топер через Польшу уедет в Израиль, придут Надя Дукстульская – пианистка, солист Беньямин Хайтаускас, а артист еврейской драмы Марк Браудо будет читать Шолом-Алейхема, конферировать и во всём помогать своим молодым коллегам. Он познакомит Нехаму с московскими композиторами Шмуэлем Сендереем и Львом Пульвером. Позднее она встретит композитора Льва Когана. Сколько замечательной музыки они напишут, обработают, адаптируют специально для Нехамы.

Ну, например, песня «Больной портной» в аранжировке Льва Пульвера (слова драматурга и этнографа С.Ан-ского, автора «Диббука»). Сама мелодия, как и многие-многие другие, существует только потому, что появилась на свет еврейская певица Нехам Лифшиц. Она разыскивала, собирала редкие публикации еврейских поэтов. Для неё писали или переделывали старые тексты, она находила композиторов, читала им стихи; за музыку, чаще всего, сама и платила... А песни, разлетевшись по всему миру, то есть абсолютно по всему миру, вошли в репертуар и других исполнителей. Забудется история создания самой песни, забудется, что жизнь ей дала Нехам Лифшиц, лишь бы осталась песня...

Дом стар и мал, в нём – темень и холод.

Больной портной сидит и шьёт.

Как велика нужда, нет даже хлеба...

Нет просвета. Проклятая бедность!

– Что же ты делаешь на свете, портной?

– Я живу...

Но если это жизнь, то что такое смерть?

Портной шьёт, игла бежит, а хлеба нет как нет...

Когда группа Марка Браудо начинала репетиции и все слетались посмотреть и послушать, потому что, кто его знает, может, завтра запретят этот еврейский эксперимент, Нехаме сияла от счастья – неужели она споёт со сцены то, что всегда пела её мама для своих, близких, и подпевали только они – папа, она сама, Фейгеле... Например, песню Марка Варшавского «Ди йонтевдике тэг». Кто помнит этого киевского адвоката, песни которого так очаровали Шолом-Алейхема? Какая в этих песнях сладость для еврейского уха, «цукер зис» и только:

Когда приходят праздничные дни,
Я бросаю все дела – ножницы, утюг, иголки...
Куда приятнее выпить рюмочку праздничного вина,
Чем накладывать заплаты...
Перед едой я делаю киддуш,
Беру свою Хану и наших детишек,
И мы отправляемся на прогулку.
Но праздничный день истекает.
И снова шить, резать и класть заплаты.
Ой, Ханеле, душа моя,
Не осталось ли еды от праздника?

Нехама пела, играла в песне все роли, пританцовывала, создавала на сцене атмосферу еврейского праздника, и очень скоро в Вильнюсе, Каунасе, а потом и в Риге, Двинске, Ленинграде, Москве ей будут говорить одно и то же – лишь бы этот праздник продолжался. Какое счастье петь и говорить по-еврейски, казалось, язык, как живая ртуть, бежит по всем её жилочкам. Да, она почувствовала себя нужной. И как когда-то Римский-Корсаков благословил своих учеников-евреев, так и Нина Марковна Карнавичене благословила Нехаму – это твой путь, девочка, иди по нему... Через два года, 6 марта 1958 года, на 3-м Всесоюзном конкурсе артистов эстрады Нехаме Лифшиц станет его лауреатом, получит золотую медаль, и начнётся её большое, но нелёгкое плавание... Перед ней откроется новый мир, в её жизнь войдут замечательные люди...

Нина Марковна, такая скупая на похвалу, придёт на её концерт в зал Госфилармонии, а через несколько дней в газете «Советская Литва» появится её статья. Нина Марковна писала: *«Помню, как 15 лет назад ко мне пришла девушка с довольно скромными голосовыми данными. Но в её манере пения, в её голосе что-то понравилось мне».* (Милая Нина Марковна не могла знать, что на иврите это «что-то» называется словом «хен» – обаяние, очарование). *«Должна сказать, я не ошиблась. За всю мою многолетнюю педагогическую деятельность я впервые встретила с ученицей, которая с*

удивительной волей и упорством добивалась намеченной цели... Голос её звучит чисто и хорошо, богат красками и интонациями. Но, пожалуй, главное ее достоинство – в удивительном умении раскрыть содержание песни. Очень скупыми, сдержанными, но весьма выразительными жестами, мимикой создаёт артистка своеобразные и яркие драматические, лирические и комедийные миниатюры. Популярность Нехамы растёт, она дала уже сотни концертов. Даже тех, кто не понимает языка, на котором поёт Нехама, глубоко волнуют и привлекают исполняемые ею песни. Я безгранично горда ею...».

Впрочем, в советской прессе отзывов было немного. Её успех замалчивали. Как сказал Нехаме директор консерватории: «Для Москвы твоё имя не подходит, ни имя Нехама, ни фамилия Лифшиц, даже если к нему добавлено литовское окончание “айте”»... А для еврейского мира её имя было приемлемо и более чем понятно: Нехама – утешение, но она стала не только нашим Утешением, но и гордостью: весь мир выучил это имя – Нехама.

Прошёл всего год со дня фантастического взлёта её популярности. В Союзе, и в Москве, и в Ленинграде, уже не говоря о Риге, её носили на руках. Стояли в очереди, чтобы попасть за кулисы. Но выступала она не одна, а со своей концертной бригадой. Однажды, в Ленинграде, ей сказали, что в зале находится Михаил Александрович. Эта встреча с замечательным музыкантом, прекрасным тенором, дала новый виток в её судьбе. М.Александрович сказал ей: «Ты молода и талантлива. У тебя особенный голос, и к тебе пришёл твой шанс, непусти его, тебе нужно сделать сольный репертуар и – никаких дуэтов, никаких концертных бригад». Решение было не из лёгких. И хотя внутренне она и сама чувствовала, что рамки их концертной деятельности сковывают её, без помощи М.Александровича она едва ли решилась бы оставить товарищей. В мире искусства свои, подчас жёсткие правила. Она оперилась, она готова была к самостоятельному лёту. Простите, друзья мои. И спасибо вам.

В Москве зал бушевал, как вспененное море. Аплодировали стоя. На ее втором концерте негде было стоять, сцена – вся целиком – была покрыта цветами. Пришёл на концерт чудесный еврейский поэт Самуил Галкин (1897–1960), уцелевший после разгрома Еврейского антифашистского комитета. Нехама бросилась к нему навстречу. Иногда год может вместить столько, что хватит на всю жизнь. Куда бы ни забрасывали её гастроли, она умудрялась хоть на день, на полдня оказаться в Москве, только бы повидать друзей, посидеть с ним, Галкиным. Он был очень болен,

она не входила – влетала, как сама жизнь, и глаза его оживали. Она садилась подле него на скамеечку для ног и слушала, слушала его чтение. Кто мог подумать, что и его скоро не станет?

А как не сказать о преданном разбойнике Марике Брудном – он ведь сломал в её квартире почти всю мебель. Все разбил и разъял, но нашёл-таки упрятанные микрофоны для прослушивания, а какие мудрые советы давал, например, как держаться в Комитете госбезопасности, куда её таскали чуть ли не до самого их отъезда из Союза.

Нехама обязана назвать Хавуню, Хаву Эйдельман, бывшую актрису «Габимы», ученицу Вахтангова. Она тайком обучала еврейскую молодёжь ивриту. Когда учебник «Элеф милим» («1000 слов») был пройден, Хава написала собственный учебник...

Необыкновенная жизнь, необычные люди, встречи. Она не всегда знала, кто из знаменитых людей сегодня пришел на ее выступление. Вот Нехама запела еврейскую песню «Зог нит кейн мол аз ду гейст дем лецтн вег» («Никогда не говори: иду в последний путь»). Кто не любил популярных песен «Дан приказ: ему на запад...», «Три танкиста», «Если завтра война»? Их автор, Дмитрий Покрасс, уж такой «осовеченный» композитор, мало кто знал, что он вообще еврей, находился в тот вечер в зале. Грузный, огромный мужчина встает, поднимается на сцену и обнимает Нехаму. По лицу его текут слезы. Он понятия не имел, что его песня «То не тучи – гроззовые облака» переведена на идиш (Г.Глик) и стала гимном еврейских партизан.

Что ни встреча – поэма! На концерты Нехамы приходили знаменитые на всю страну певицы Валерия Барсова, Ирма Яунзем; ее любил хорошо знавший идиш Леонид Утесов.

После знакомства с Натальей и Ниной, дочерьми великого Солломона Михозлса, с жёнами и детьми погибших поэтов Гофштейна, Маркиша, Бергельсона – она везде и всюду будет произносить их имена, рассказывать о них, читать их стихи. Мало реабилитировать их, надо вернуть их еврейскому народу...

Нехама пишет свою автобиографию на иврите. Зная её характер, можно быть уверенным, что она ничего не забудет, она воскресит каждое имя, точно так же, как вернула нам наши песни... Если в Союзе её имя замалчивали, то в Париже, где она пела на вечерах, посвященных 100-летию со дня рождения Шолом-Алейхема, газеты каждый день выходили с шапками о её триумфальном успехе. Париж, Лион, Нанси, потом Вена, через год снова Париж...

Профессор З.Черфас, бывший рижанин, рассказал мне: *«Я помню, она выступала в Риге в чёрном платье, а на платье у неё*

был белый талес... Это было непередаваемое зрелище». «Вы знаете, милый профессор, – ответила я, – Нехаме рассказала мне об этой истории: это был не талес, в Париже ей подарили длинный белый шарф с поперечными прозрачными полосками на обоих концах. На фоне чёрного платья он казался, только казался талесом, или, как мы говорим на иврите, талитом... Это было маленькое чудо, к которому невозможно придаться... Цензура вычёркивала слова, меняла названия песен, но мимика, жест и вот такая мелочь, как прозрачный шарфик, – тут цензура была бессильна».

В зале сидели работники посольства Израиля. Нехаме пела песню Яшки из спектакля «Именем Революции» М.Шатрова на музыку Д.Покрасса. Это было в Зале имени П.И.Чайковского. Нехаме замечает знакомое лицо. Это посол Израиля Арье Харэль. Она подходит к краю рампы и, произнося: «Жаркие страны, жаркие страны, / Я ведь не сбился с пути...» – раскрывает руки в сторону посла и его команды. Над жестами нет цензуры... А публика уже все понимает. Пока только в воображении и певича, и ее слушатели переносятся далеко-далеко... Спустя годы профессор А.Харэль рассказал, что боялся инфаркта, так ему стало страшно...

А как она бросала в зал: «Шма Исраэль, а-шем элокейну...» Или «Эли-эли, лама азавтани...» («Почему ты нас оставил, Всевышний?»). Её спрашивали, на каком языке текст? Она невинно отвечала: на арамейском. Это звучало непонятно, но приемлемо.

Она пела в больших городах и больших залах, она пела в маленьких городках и посёлках, она пела в клубах, где люди всё ещё боялись аплодировать еврейской песне, еврейской певиче. Она пела... Поэт Сара Погреб рассказала мне об одном из таких концертов. Сара работала в Днепропетровске учительницей. Прошёл слух, что приезжает певича, будет петь на идиш. Афиш не было. Захудалый клуб швейников. Зал человек на сто: «Она меня поразила, – вспоминает Сара, – она не только пела, она проявляла несгибаемое еврейское достоинство, несклонённость, расправленность, уверенность в своей правоте. Она была насыщена национальным чувством. Какое мужество! Нехаме была продолжением восстания в Варшавском гетто»...

Первое выступление в Израиле, 1969 год. Долгоиграющие пластинки. Гастроли во всех концах света. Она не говорит, что под влиянием ее выступлений и Александр Галич обратился к еврейской теме, но подтверждает, что первой вывезла его записи за рубеж. В Уругвае она, кажется, не побывала. Ривка Каплан, репатриантка из Монтевидео, с грустью говорит мне, что её муж (они оба

родом из Польши), узник Освенцима, до сегодняшнего дня не ска- зал ни слова о том, что он перенес в концлагере. После войны ни- кто не принимал, а Уругвай их принял. «Нас, евреев, было там примерно 40 тысяч человек. О, даже патефон был еще редкостью. В начале 60-х годов на уругвайском радио существовала двухчасо- вая передача на идиш. И я вас уверяю, – говорит Ривка, – что 40 тысяч евреев знали имя Нехамы Лифшиц. Мой муж никогда ничего не рассказывает. Ни мне, ни детям. Но когда Нехамы пела, он пла- кал. А я выучила тогда слова всех её песен: и “Рейзеле”, и “Янке- ле”, и “Катерина-молодица”. Вы можете ей это пере- дать?» – «Могу, – говорю я Ривке. – Правда, сейчас она в Санкт- Петербурге. Вот вернется, мы сможем вместе сходить на кон- церт в ее студию, ее мастер-класс. Она ведь ведет его в тель- авивской музыкальной библиотеке, которой отдала много лет сво- ей жизни в Израиле. Послушаете и ее чудесную ученицу, новую звезду еврейской песни Светлану Кундыш».

Нехама никогда не сидит без дела. В Израиле нет такого меро- приятия на идиш, где бы не считали честью видеть ее. То, что она говорит или читает, всегда умно и талантливо. 12 августа, ежегодно, она приезжает из Тель-Авива в Иерусалим и приходит в сквер имени погибших деятелей Еврейского антифашистского комитета. Вот па- мятник с их именами. Вокруг него дети и родственники великих лю- дей – дочери С.Михозлса, дочь Д.Гофштейна, дочь В.Зускина, дочь убитого еще в 1937 году поэта М.Кульбака, сын Д.Бергельсона, пле- мянница Л.Квитко... И все мы, кому дорога еврейская культура. Вы еще услышите имена ее питомцев – среди них много молодых лю- дей. Одно имя я уже назвала. Это совсем юная Светлана Кундыш. Она красива, артистична, у нее хороший голос, она понимает, что поет, и знает, как подать песню. Учитель, воспитай ученика! В руках Нехамы любители становятся профессионалами.

Пока Нехамы в отъезде, встречаюсь с родственницей моего мужа, Тальмой. Психолог, вдова прославленного генерала Дадо, Давида Элазара, начальника Генерального штаба в войну Судного дня, вспоминает, что Дадо, родившийся в Югославии, любил песни Нехамы Лифшиц. По дороге на северный фронт он приезжал к лю- бимой певице, забирал ее в свой джип и вез в Галилею, чтобы пела для солдат. «Он считал, что ее пение поднимает дух молодых из- раильтян», – говорит Тальма.

И вот Нехамы вернулась из Питера. Рассказывает, что еще в 2001 году Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга издал сборник песен из ее репертуара, с нотами, составили его Евгений

Хаждан и Александр Френкель, предисловие написала Маша Рольникайте. Со всеми встретилаь снова. Центр организовал потрясающий концерт. А репетиции вылились в мастер-класс. На сей раз в гостинице были и горячая вода, и приличная еда, по ее словам, «почти домашняя». «Я стояла у окна и смотрела на город, потом глянула вниз, на улицу, а там гололедица, и старушки с палками, с авоськами, еле-еле двигаются, то и дело поскальзываются, едва не падают... Сердце сжималось». Ну, а концерт? Она раскатывает большую афишу, сообщающую, что «творческий вечер с участием легендарной еврейской певицы Нехамы Лифшицайте» состоится 24 декабря 2003 года во Дворце Белосельских-Белозерских, на Невском проспекте, 14. Среди участников – исполнители еврейской песни из Санкт-Петербурга, Кишинева, Харькова. А с Нехамой были Светлана Кундыш («“майн мейделе” – моя девочка – была в ударе, просто восхитительна») и верная, преданная пианистка и композитор Регина Дрикер. Принимали их радушно: «чуть ли не с трапа самолета нас все время снимали на пленку, и репетиции, и концерт». Надеюсь, мы увидим этот фильм.

И мне она когда-то сказала это слово «мейделе». Лет пятнадцать назад я была на выступлении Нехамы Лифшиц вместе с другом, поэтом Гершоном Люксембургом. Странно было видеть в его руках большой букет. «Пойдем, отдадим Нехаме цветы». Я смутилась, да нет, пусть он сам, я ведь с ней не знакома. Прошло несколько лет. Я начала вести на радио передачу «Литературные страницы». Одним субботним утром, кажется, сразу после передачи «Песни, воскресшие из пепла», раздается звонок: «Мейделе, – говорит незнакомая женщина, – спасибо». Это была Нехаме. А я к ней подойти стеснялась. Моя мама простаивала часами в очереди, чтобы «достать» билет на концерт Нехамы Лифшиц. А тут мое 55-летие, и Нехаме приходит вместе с Левией Гофштейн и с Шошаной Камин, дочерью упомянутой выше актрисы Хавы Эйдельман. Представляю их маме. «Мама, это Нехаме». Она по-детски всплескивает руками, обнимает Нехаму, целует и повторяет: «Майн тайере, майн тайере (дорогая моя), сколько слез я пролила на твоих концертах, я знаю все твои песни наизусть, они у меня записаны в тетрадках».

Эти тетрадки я храню и передам своим детям.

«Приезд в Израиль расширил мои музыкальные горизонты» (Беседа с пианистом и педагогом Евгением Шендеровичем)

Алек Эпштейн (Иерусалим)



Е.М.Шендерович

Наша беседа состоялась в Иерусалиме 8 июня 1999 года. Я впервые попал в дом профессора Евгения Шендеровича и его супруги, скрипачки Сусанны Сапожниковой, в иерусалимском квартале Кирыт-Йовель. Дело в том, что с ноября 1998 года я оказался вовлеченным в социально-культурологическое исследование о крупнейших деятелях культуры и общественной жизни, приехавших в Израиль из бывшего СССР. Проведя серию из десяти независимых опросов общественного мнения, участники исследования составили список «великолепной двадцатки» живущих в Израиле деятелей российской еврейской гуманитарной интеллигенции.

Естественным образом в числе наиболее почитаемых деятелей культуры был назван и Евгений Михайлович Шендерович.

Один из самых блистательных концертмейстеров второй половины XX века, Евгений Михайлович Шендерович родился в 1918 году в Ростове-на-Дону. В 1945 году окончил Ленинградскую консерваторию; годом ранее был приглашен стать солистом Ленинградской филармонии. Работая на протяжении многих лет как аккомпаниатор с известнейшими вокалистами страны (среди них такие прославленные звезды, как Елена Образцова, Евгений Нестеренко и Белла Руденко), Шендерович выступал и как пианист-солист, и в камерных трио и квартетах. В 1966 году Шендерович становится доцентом Ленинградской, а в 1968 году – доцентом,

а затем и профессором Московской консерватории. Основатель, составитель и редактор выходившей в середине семидесятых годов серии книг «Певец и аккомпаниатор», заслуженный артист Российской Федерации, Шендерович гастролитировал в США и Японии, в Германии и в Италии, во Франции и в Англии... В 1992 г. Евгений Шендерович переселился в Израиль, где продолжил плодотворную исполнительскую и педагогическую деятельность.

Дмитрий Шостакович об Евгении Шендеровиче: *«Евгений Михайлович Шендерович, обладающий ярким пианистическим дарованием, является замечательным интерпретатором и пропагандистом классической камерной музыки. В искусстве камерного ансамбля он достиг высокой степени художественного совершенства. Будучи превосходным ансамблистом, Е.М.Шендерович оказывает неоценимую помощь нашим лучшим вокалистам в трактовке новых сложных программ, не имеющих исполнительских традиций. Е.М.Шендеровичу свойственно глубокое проникновение в замысел композитора, безупречный вкус, тонкое ощущение стиля исполняемого произведения...»* (Москва, 12 февраля 1975 года).

В середине ноября 1999 года, открыв очередной номер «Вес-тей», я с горечью прочитал, что профессора Шендеровича не стало. Мне бесконечно жаль, что я никогда не смогу послать этому артистичному в его аристократизме человеку это интервью, которое выходит посмертно. Может статься, это было его последнее интервью.

Мир его памяти.

* * *

— Евгений Михайлович, в вашей книге воспоминаний «С певцом на концертной эстраде» подробно и увлекательно описывается Ваша работа как профессора Ленинградской и Московской консерваторий и как пианиста-аккомпаниатора. Существование этой книги, написанной в Москве в 1990 году и изданной Иерусалимским издательским центром семью годами позднее, избавляет меня от необходимости спрашивать вас о многочисленных фестивалях, конкурсах и гастролях, в которых вы принимали участие до эмиграции. Я хотел бы поговорить с вами о ваших израильских трудах, о том, как вы ощущаете себя в Израиле, работая в Тель-Авиве преподавателем истории и теории русской музыки. Видите ли вы себя пропагандистом русской музыки в Израиле? Когда вы выступаете в Израиле на концертах с певцами-солистами или как солист-исполнитель, возникает ли у вас ощущение некоего особого предназначения пропагандиста русской музыки, или же для вас не

столь важна национальность композитора, написавшего музыку, важней ее качество?

– Конечно же, музыка интернациональна, и я едва ли особенно стремился вести в Музыкальной академии именно курс русской музыки. Мне предложили в Тель-Авивской академии вести вокальный курс, ибо основной своей деятельностью я считаю камерно-вокальную музыку и работу с инструменталистами. Двадцать пять лет я работал со скрипачом Виктором Либерманом, он получил премию на Первом конкурсе Чайковского. Мы сотрудничали с певцом Валерием Малышевым и получили первую премию на конкурсе имени Глинки в Москве. Более 25 лет я работал с Евгением Нестеренко, и с ним была получена первая премия на конкурсе им. Чайковского.

Из этого вы можете составить впечатление, что для меня совместное музицирование – самый привлекательный вид искусства. Не потому, что я не могу играть соло, а потому, что беззаветно люблю вокальную музыку. Не секрет, что большинство певцов находится на значительно более низкой стадии музыкального образования, чем любой пианист-концертмейстер, имеющий за плечами большой опыт, – ведь у певца голос появляется в двадцать–двадцать три года: к этому времени пианист играет уже лет пятнадцать и умеет все то, чему вокалист только учится. Конечно, опытный, вдумчивый концертмейстер может быть очень полезным помощником певцу, что я и стараюсь делать не с позиций превосходства, а с позиций помощи. Стараюсь по возможности внушить певцу основные художественные свойства и качества произведения. Привожу примеры великих исполнителей, которые трактовали то же музыкальное произведение по-разному: например, одни это делали в трагическом ключе, другие – в более доступном – эстрадном.

Во всяком случае, у пианиста в руках большое количество знаний, которые он передает своему партнеру... Когда, например, Неждановой аккомпанировал Рахманинов, мало говорили о певице, больше – об аккомпаниаторе. Солист – это парус, аккомпаниатор – руль; лишенная одного из этих компонентов, лодка потеряет ориентир и не причалит к желаемому берегу. Умные партнеры это прекрасно понимают, неумные иногда начинают сопротивляться, полагая, что им достаточно собственных знаний и эмоций. И потом возникают ошибки, на которые обращают внимание в рецензиях...

Когда меня пригласили в Тель-Авивскую музыкальную академию (кстати, раньше, чем в Иерусалимскую), мне хотели поручить именно такой класс начинающих вокалистов. Но тут возникло

препятствие – язык. Декан отделения сказала: «Понимаете, вам же надо общаться с ними на иврите, а иврита у вас нет. Вам по ходу деятельности придется ставить акцент: итальянский, английский, французский, немецкий и т.д.» И тут мне очень повезло: буквально девяносто процентов моих студентов говорят по-русски и в одной, и в другой академиях. В Тель-Авивской академии я проработал пять лет, но в последние два года я там не преподаю. А в Иерусалиме у меня семь студентов по специальности, из них шесть говорят по-русски, а одна студентка – нет. Я стараюсь обращаться к ней в более размеренном темпе, с тем, чтобы ребята успевали ей перевести. Кроме того, я всегда готов организовать для этой студентки дополнительные занятия. С другой стороны, хотя я и не специалист в немецком языке, имея большой опыт аккомпанирования, скажем, вокальных циклов Шумана, я представляю себе, как они звучат на немецком языке.

И все-таки, когда возник этот разговор в Тель-Авивской академии, я скромно сказал: «Я считаю себя более оснащенным специалистом в области русской музыки, я больше ею занимался, я воспитан на этом. С детства мой репертуар имел крен в сторону русской музыки, и я ее лучше знаю». Мои собеседники обещали подумать и перезвонить, и с тем я и уехал в Иерусалим. Через две недели раздается звонок: «Евгений Михайлович, мы только сейчас отдали себе отчет в том, какой огромный пробел в нашем вокальном воспитании существует потому, что наши студенты не знают русской музыки – ни оперной, ни тем более камерной. Не возьметесь ли вы вести класс русской вокальной музыки?» Я с радостью согласился.

Во-первых, мне это близко, и я очень хорошо знаю репертуар, примерно половину которого могу сыграть по памяти, без нот. И хотя преподаю я русскую вокальную музыку, рассказываю и о собственно фортепьянной музыке, и о симфонической... В своей обычной работе с вокалистами я занимаюсь и русской, и западной музыкой – крена в ту или иную сторону я, как правило, не делаю, а если и делаю, то потому, что меня просили больше знакомить студентов с русской музыкой. Но когда я увидел горящие глаза скрипачки, коренной израильтянки, которая не знала ни слова по-русски, и, пройдя со мной две пьесы Чайковского, пришла, уже, кстати, не будучи обязанной ходить в мой класс, и сказала: «Евгений Михайлович, я хочу играть с Вами музыку Чайковского», – я понял, что делаю правильное, хорошее дело.

И поэтому получилось так, что по программе, которую мне предложили вести, я делал естественный акцент на русскую

музыку, не считая при этом русскую музыку величайшей. Не думайте, что я настолько односторонен. Я стараюсь соединять все виды музыки, акцентируя внимание студентов на взаимном влиянии различных композиторов, показывая им, как Шуберт влиял на Чайковского, как Чайковский влиял, предположим, на композиторов XIX века. Чайковский, Лист, Вагнер, частично Бизе, Григ... – у них были общие корни... Я не могу рассказывать, предположим, о Бизе, не говоря о том, как повлияла, скажем, его «Кармен» на «Пиковую даму». Я не могу рассуждать об отдельно взятой опере, к примеру, о «Фаусте» Гуно, не говоря о тех корнях, которые роднят ее с творчеством Чайковского.

– Евгений Михайлович, знакомы ли вы с израильскими композиторами?

– Немножко знаком. Я много слушал их диски, пластинки. Немножко знаю эту музыку и даже могу кое-что сопоставить, хотя специалистом в ней себя не считаю. Я надеюсь, что со временем произведения израильских композиторов войдут в мой репертуар. Я играю еврейскую музыку – сделал концертную обработку пьесы Блоха «Баал Шем» для фортепьяно и почти в каждом концерте играю ее. Играю «Коль нидрей» Бруха... Был когда-то в России скрипач Михаил Эрденко¹, профессор Московской и Киевской консерваторий. Я был очень молодым человеком, а он – уже известным концертирующим музыкантом. Он меня впервые познакомил с этим произведением. С тех пор я пытался достать ноты, но мне это не удавалось, и только здесь я их, наконец, нашел. В Музее Израиля в Иерусалиме прошел мой вечер на тему «Еврейская тема в русской музыке». Надо вам сказать, что я очень заинтересованно отношусь к новой музыке, и рад, что приезд в Израиль расширил мои музыкальные горизонты.

– Елена Образцова с которой вы работали и в России, и уже здесь, в Израиле, шокировала в свое время, видимо, не только меня, сказав, что «додекафония – от бедности духа». Как вы относитесь к музыке XX века?

– Бывают творческие индивидуальности, которым близко нечто определенное. Например, есть много типичных итальянских

¹ Эрденко Михаил Гаврилович (1885–1940) – советский скрипач и композитор, педагог. В 1910 г. был удостоен второй премии на Московском конкурсе скрипачей. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1934). Один из первых советских исполнителей, гастролировавших за рубежом. В 1910–1919 гг. – профессор Киевской консерватории, с 1935 г. – профессор Московской консерватории.

певцов: их репертуар основан не только на итальянской музыке, но и на итальянском звуковедении. И когда этот «итальянец» начинает петь немецкую музыку, волосы дыбом встают, потому что он абсолютно ничего не понимает в стиле, в произношении, в масштабах, в которых это нужно петь. Образцова не поет, например, Шостаковича только по случайности: она поет очень много сочинений Свиридова. А вот Нестеренко поет Шостаковича очень много. К сожалению, вещи многих современных авторов настолько неудобны для вокалистов, что вокалисты неохотно включают их в свой репертуар. Это одна из причин того, почему вокалисты мало знают и мало исполняют современную музыку. Она даже технологически неудобна. Оперы Прокофьева, например, написаны современным языком, который наши вокалисты сегодня плохо знают. Получается не очень органично...

А отдельные музыканты-исполнители играют много произведений современных композиторов, как, например, Гидон Кремер. Ойстрах был первым исполнителем концерта Хачатуряна, первым исполнителем концертов Шостаковича, Ростропович исполнил двадцать семь произведений современных авторов, ему посвященных. Могу с полной ответственностью за свои слова сказать, что мало кто из этих композиторов не обошелся без советов исполнителей. И Чайковский советовался. Представьте себе, «Пиковая дама» кончалась тем, что Герман накладывал на себя руки. Исполнитель партии Германа ходил за Чайковским со словами: «Я тебя умоляю, припиши, пожалуйста, кусочек. Я не могу, лежа, взять такую-то ноту». И сдался Чайковский! Теперь никому в голову не приходит, что когда-то происходило нечто подобное, а я держал в руках партитуру в подлиннике, и слова там другие совершенно – многое перечеркнуто. Не может не быть взаимовлияния композитора и исполнителя, внимания композитора к специфике исполнительского дарования...

– Евгений Михайлович, не мне вам говорить, что часто музыка выходит за рамки собственно музыкальных задач: вспомним, например, квартеты Шостаковича, его Тринадцатую симфонию, цикл на стихи Саши Черного. Это музыка с достаточно большим идеологическим зарядом... С другой стороны, люди, с которыми вы выступали в России, и о которых вы рассказываете в своей книге, – наиболее признанные в России исполнители, плоть от плоти, кровь от крови того, что социологи называют «кисеблешизмом». Ни Образцову, ни Марию Биешу, ни Нестеренку, никто никогда не заподозрил в диссидентских настроениях. Галина Вишневская

в своей книге рассказывала, как порой было трудно найти солистов, которые хотели бы петь вещи Шостаковича...

– Правильно. До тех пор, пока кто-то не спел это убедительно, настолько художественно высоко, чтобы у человека возникало желание тоже попробовать.

– *Вряд ли это объяснялось только причинами музыкального характера.*

– Нет, это не совсем так: именно музыкального характера. Новые интонации доходили до исполнителей с некоторым опозданием. Вокальная музыка Шостаковича – не самая сильная сторона его творчества. Он, прежде всего, – инструменталист и симфонист. Для вокала он писал очень неохотно и очень мало. Если бы вы знали, какое количество мелких изменений делал Дмитрий Дмитриевич, когда я сидел у него в кабинете, прямо на ходу спрашивая меня, удобен ли тот или иной фрагмент для исполнения. Я объяснял, что никакого сомнения нет, что исполнитель возьмет эту ноту физически, но она будет неудобна в данном контексте. «Давайте дождемся, когда придет певец», – говорил я ему. И вот пришел певец. Одну ноту, которую Дмитрий Дмитриевич умолял его спеть, мы воспроизвели только на записи. «А вы не можете сделать остановку и отдельно взять эту ноту? – спросил Дмитрий Дмитриевич. – А мы ее потом присоединим. Я понимаю, что вам неудобно, но мне очень хочется, чтобы эта нота звучала в произведении». И мы пошли на это. Если автор просит...

У каждого композитора есть определенные стилистические особенности. Например, есть композиторы, которые пишут очень удобно для вокалистов, а есть композиторы, которые пишут музыку не хуже, но исполнять ее трудно. Что будет петь певец? То, что ему удобно петь. Если музыка написана здравствующим композитором, то с ним можно как-то договориться, и Шостакович, гениальный художник, шел навстречу исполнителям. Свиридов, кстати, – нет. Если Нестеренко или другой исполнитель просил Шостаковича: «А можно внести изменения в партитуру?», – он всегда разрешал. Прихожу как-то к Дмитрию Дмитриевичу и говорю: «Сейчас должен прийти Нестеренко. Он у меня был и просил прояснить те вопросы, которые у нас накопились». После этого приходит Нестеренко и исполняет в более сдержанном темпе, и получается содержание другое, смысл другой. Шостакович говорит: «Все, о чем я вам говорил в прошлый раз, забудьте. Именно так и надо». Исполнители часто композиторов убеждают. С Шостаковичем же было необычайно приятно работать еще и потому, что не было ни одного

концерта, перед которым Дмитрий Дмитриевич не позвонил бы по телефону или не дал бы телеграмму с благодарностью всем исполнителям и пожеланиями успеха в выступлении.

– Евгений Михайлович, меня больше интересует проблема социальная. В 1920-е годы крупнейший социолог музыки Теодор Адорно сформулировал вопрос: может ли музыка Бетховена передать борьбу, страдание, переживания человека в индустриальную эпоху? Адорно был склонен ответить на этот вопрос отрицательно; он считал, что музыка должна быть адекватной веку, в котором мы живем...

– Непростая тема. Дело в том, что музыка – эмоциональное воплощение жизненных впечатлений личности. Эмоциональное воплощение может быть просто глупым. Например, когда я был совсем молодым, существовала так называемая Ассоциация пролетарских музыкантов, которая запрещала нам играть Шопена, потому что это была якобы музыка «мелкобуржуазного хлюпика». Кстати, и музыку Чайковского было тоже запрещено исполнять – как «певца разлагающегося дворянства». Из классиков разрешался Бетховен, поскольку у него были «революционные тенденции», и Мусоргский как «создатель народных драм». Что нужно было играть на зачетах, чтобы получить оценку? Я мучил рояль пьесой Дешевова² «Рельсы» и пьесой Мосолова³ «Завод». Это – современная музыка? Это ерунда, а не современная музыка! Это обыкновенное звукоподражание современным ритмам, современным интонациям, в которых мы живем, а не их глубокое осмысление.

– Ну, взять, к примеру, Уильяма Уолтона, Эдуарда Эльгара, Рихарда Штрауса, Альбана Берга или Арнольда Шенберга... Едва ли кому-то придет в голову сказать, что эти люди недостаточно глубоко осмысливали современную действительность.

– Конечно, названные вами композиторы – гордость мировой музыкальной культуры. Но, вместе с тем, у Бетховена и Брамса есть такие произведения, которые не менее современны, чем музыка Эльгара или Шенберга. Человек не может писать в этом веке с

² Дешевов Владимир Михайлович (1889–1955) – советский композитор, в 1920–1921 гг. – зав. музыкальной секцией Отдела народного образования, автор ряда произведений на революционную тематику: балета «Красный вихрь», оперы «Лед и сталь» и др.

³ Мосолов Александр Васильевич (1900–1973) – советский композитор, в 1927–1929 гг. – музыкальный редактор Центрального радио, автор балета «Сталь» (эпизод «Завод. Музыка машин» является его частью), опер «Плоти́на», «Сигнал» и других. Собирал северный русский фольклор.

чувством, с которым писали в XVIII веке. Но глубина выражения... Назовите мне концерт лучше скрипичного концерта Брамса!?! И потом, на концерты всегда приходит новая публика, которая впервые слышит симфонии Брамса и Чайковского. И если вы сделаете программу только из произведений современных композиторов, будет полупустой зал.

Вместе с тем мы не по своей воле не играли современных западных композиторов. Советские музыканты, которые учились в то время, когда учились мы, были отлучены от Шенберга и Берга. Когда приехала немецкая опера и привезла оперу Берга «Воцек», для нас это было открытием. Кроме того, меня часто сковывали рамки конкурсных требований. Я не мог от них никуда уйти, иначе бы мы напрасно ехали, нас бы оттуда попросту выкинули... Более того, когда Елена Образцова на каком-то конкурсе пела «Колокол» Салманова⁴, был такой ленинградский композитор, нам заявили, что публика этого не поймет.

– В своей книжке вы рассказываете и о члене жюри, впервые услышавшем фамилию Даргомыжского...

– Да, но этот член жюри ставит оценку! Что делать? Петь ему назло и уехать домой после первого же тура? Хотя Нестеренко именно на конкурсах спел все, что Дмитрий Дмитриевич Шостакович написал для баса и фортепиано.

– Евгений Михайлович, кажется ли вам, что когда вы исполняете музыку, не будучи скованным рамками конкурса, то эта музыка должна нести какую-то идею, идеологию, некие осязаемые нравственные принципы?

– Принципы – обязательно. Но дело в том, что музыка – искусство эмоциональное. Если она трогает человека, то она попадает прямо в сердце. Это – степень таланта композитора, а не его стиля. Баха никто не превзошел, а писал он обыкновенные темы, интонационных сложностей там никаких нет. Не забудьте еще об одной вещи: инструментальная музыка и музыка вокальная имеют принципиальные отличия: в основе инструментальной музыки не лежит конкретный текст, в вокальной же музыке он есть. Были комиссии, которые утверждали или не утверждали программы. Когда Иван

⁴ Салманов Вадим Николаевич (1912–1978) – советский композитор, педагог, народный артист РСФСР (1972). Автор четырех симфоний, двух скрипичных концертов, поэмы-оратории «Двенадцать» по поэме А.Блока, кантат «Скифы» (по поэме А.Блока) и «Ода Ленину» (на слова П.Неруды), других произведений. Преподавал в Ленинградской консерватории (с 1965 г. – профессор).

Козловский спел произведение Рахманинова «Христос воскрес», вызвали на ковер директора филармонии и такое с ним сделали, что он пришел домой и умер.

– *Есть ли в вас сегодня чувство неудовлетворенности, неовещности творческих намерений?*

– Нет, пожалуй. Я никогда за всю свою жизнь не играл столько соло. И я здесь свободен – играю, что хочу. Мы же ехали нянчить внуков; если бы видели меня, когда мы упаковывали фрак и смокинг! Что мы знали об Израиле, живя в Москве? Что Израиль – «агрессор»? Так же, как, да простят меня израильтяне, они не знают русскую алию. Мы понимали: если в стране такое количество музыкантов, предпочтение отдадут молодому человеку. Я счастлив, что оказался в Израиле востребован и как педагог, и как пианист-аккомпаниатор, и как солист.

– *Вы не думали поехать в Америку или в Германию?*

– В Германию – точно нет.

– *А если бы вы поехали в Соединенные Штаты, ваша музыкальная биография сложилась бы иначе?*

– Трудно сказать. Не думал об этом никогда... Ни в одной стране мира не было бы такого, когда вместо положенных десяти студентов на моих занятиях сидят сорок пять и почти все знают русский язык. У нас здесь появилось ощущение дома.

Памяти Шимона Маркиша

Михаил Пархомовский (Бейт-Шемеш, Израиль)



Пятого декабря 2003 года в своей жене́вской квартире скончался видный ученый, гражданин Израи́ля, обаятельный человек, большой и давний друг нашего издания Шимон Маркиш.

Шимон Маркиш родился 6 марта 1931 года в Баку в семье еврейского писателя Переца Маркиша, расстрелянного в 1952 г. По образованию филолог-классик, Шимон (Симон Перецович) Маркиш в СССР занимался литературным тру-

дом: делал переводы и пересказы, главным образом с латинского и древнегреческого; писал статьи – по истории литературы, теории и практике перевода; героями его книг стали Апулей (1959), Ульрих фон Гуттен (1959), Плутарх (1961–1964), Гомер (1962), Эразм Роттердамский (1966).

В 1970-м Шимон Маркиш эмигрировал в Венгрию, оттуда – в Швейцарию. Преподавал в Женевском университете русский язык и литературу. Продолжая прежние (до эмиграции) занятия, был переводчиком, автором предисловий, редактором; написал книги «Сумерки в полдень» (Тель-Авив, 1988) – о греческой цивилизации времен Пелопоннесской войны – и «Эразм и еврейство»¹.

Последние четверть века Ш.Маркиш занимался русско-еврейской литературой. Совместно с Е.Эткиндо́м подготовил к изданию роман В.Гроссмана «Жизнь и судьба» (Лозанна, 1980). Вышли книги «Пример Василия Гроссмана»², «Бабель и другие»

¹ На фр. яз. издана в Лозанне в 1979 г., в переводе на англ. – в Чикаго в 1986.

² На фр. яз. вышла в Париже в 1983 г., на рус. яз. – в кн.: Василий Гроссман. На еврейские темы: Избранное: В 2-х т. Иерусалим, 1985. Т.2. С.341–532.

(Киев, 1996; 2-е изд. М.–Иерусалим, 1997), «Родной голос: Страницы русско-еврейской литературы конца XIX – начала XX в.: книга для чтения» (Киев, 2001) и несколько десятков статей на разных языках. В 80-х годах вел рубрику в еврейской программе радиостанции «Свобода». В 1991-93 годах редактировал вместе с Эйтаном Финкельштейном «Еврейский журнал».

Мы чрезвычайно благодарны ученому за его труды о Василии Гроссмане, Исааке Бабеле, за сформированные им критерии русско-еврейской литературы. И отдельно – за его высказывания о Илье Эренбурге. Я был счастлив узнать, что мы с Шимоном сходимся в глубоком уважении к Илье Григорьевичу и положительной оценке его творчества и деятельности – увы, мне слишком часто приходилось сталкиваться с людьми, которые не могут простить Эренбургу, что он ~~выжил~~ при Сталине (себе они этот грех легко прощают).

Считаю своим долгом вкратце повторить в этом очерке основные положения Маркиша о творцах русско-еврейской словесности³.

1. Еврейское самосознание, полное и органическое ощущение своей национально-культурной принадлежности;
2. Основательное знакомство с еврейской цивилизацией и органическая связь с ней;
3. Социальная репрезентативность, иными словами – способность и обязанность писателя быть голосом общины в целом или существенной ее части;
4. Двойная (т.е. русская и еврейская) и равно необходимая в обеих своих половинах цивилизационная принадлежность.

* * *

Приведенные ниже воспоминания основаны на отношении Шимона Маркиша к руководимому мной изданию и поэтому последнее, как и я сам, занимают в них большее место, чем хотелось бы. Тем не менее, надеюсь, они будут небезынтересны читателям и могут быть использованы будущим биографом Шимона Маркиша.

К осени 1990 года, когда проект книги о евреях в русской эмиграции⁴ начал реализовываться, я, по рекомендации покойного

³ *Ш.Маркиш. Бабель и другие.* М.–Иерусалим, 1997. С.185–186.

⁴ Книга «Евреи в культуре Русского Зарубежья», т.1, вышла в Иерусалиме в 1992 г.

Михаила Агурского, написал в Женеву тогда совсем не известному мне Шимону Маркишу с просьбой принять участие в подготавливаемой книге. Началась наша переписка и, позволю себе сказать, наша дружба. Во всяком случае, Шимон так неоднократно называл наши отношения, хотя у меня в этом плане остаются сомнения – дружба предполагает большее или меньшее равенство, я же, во всяком случае, в первые годы смотрел на Маркиша снизу вверх, восторгаясь его эрудицией, общей культурой Европейца с большой буквы, его замечательными человеческими качествами, его стилем, ответственным отношением к научному, да и к любому другому тексту.

Маркиш, познакомившись с моей книгой о З.Пешкове и статьей о евреях-редакторах «Современных записок», согласился выполнить мою просьбу о рекомендации в Memorial Foundation: *«Поллагая необходимым оказывать содействие российским евреям, поселившимся в Израиле, я – повторяю – готов написать в Мемориэл Фаундэйшн, если Вы примете те оговорки, о которых сказано выше»*⁵.

Основное замечание Ш.Маркиша формулировалось так: *«Вы занимаетесь не еврейской культурой, а русской»*⁶. На что я отвечал: *«Моя задача доказать, что русская зарубежная культура в значительно степени дело евреев, которые не могли на нее не влиять. <...> Что-нибудь изменять и фальшивить в этом принципиальном вопросе я не буду»*⁷.

На протяжении всех лет выхода в свет сборников серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (1992–1996) Маркиш – в ответ на мои повторные просьбы принять участие в наших книгах – не менял своей позиции: *«Я Вам уже говорил, что, хотя я всячески ценю Ваши сборники, мои интересы иные – не русское зарубежье, а русские евреи. Так что я остаюсь читателем, благожелательным, внимательным и благодарным»*⁸.

Отчасти под влиянием мнения Ш.Маркиша мы изменили название (и, соответственно, направленность) нашего издания на «Русское еврейство в зарубежье». И тогда уже на призыв участвовать в следующих томах Маркиш ответил: *«Ваше предложение я*

⁵ Ш.Маркиш. Письмо от 6.09.91 // Архив М.Пархомовского (Далее: А.П.). Здесь уместно сказать, что ни тогда, ни позже ни один из еврейских фондов не только не помог нам, но и не считал нужным ответить.

⁶ Он же // Там же.

⁷ М.Пархомовский. Письмо от 23.09.91 // Там же.

⁸ Ш.Маркиш. Письмо от 17.01.96 // Там же.

принимаю с благодарностью, но только в принципе: если отыщу фигуру (тему) по своему вкусу. Надеюсь, что найду»⁹.

В 1997 г. большим подарком для только что созданного НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» стало согласие Ш.Маркиша участвовать в конференции, посвященной открытию Центра. Он вел вечернее заседание 28 декабря. В качестве председателя этот интеллигентнейший и, казалось бы, мягкий человек проявил решительность и резкость, когда выступил один из любителей покрасоваться и показать свой поставленный голос. «Если у Вас нет замечаний по поводу прозвучавших выступлений и ведения заседания, прошу Вас занять свое место!» – осадил Ш.Маркиш говоруна.

На этом же заседании Маркиш выступил с интереснейшим сообщением: «Русское еврейство: культурологический аспект». Сам доклад нам не удалось записать, и я приведу его аннотацию: «Практически любой аспект теории культуры может найти интересное освещение в рамках истории культуры российского еврейства. Приводится несколько примеров: роль интеллектуальной элиты; еврейская культура и локальные еврейские цивилизации; проблема билингвизма до и после начала еврейского Просвещения (Хаскалы). Подробно рассматривается вопрос о читательском восприятии в зависимости от общего культурного фона и укорененности в нем того или иного индивидуума или социальной группы (на примере рассказа Давида Айзмана “Сердце Бытия”)»¹⁰.

Познакомившись с нами очно, Маркиш, приезжая в Израиль (здесь живут его мать и брат – писатель Давид Маркиш), бывал у нас в гостях. И эти встречи, по-видимому, были приятны не только нам с женой. «С любовью вспоминаю Вас и Вашу супругу Рену, – писал он, – и надеюсь на встречу осенью (брату исполняется 60 лет)»¹¹. А 4 апреля 2002 г.: «Вы один из немногих близких мне бывших советских в Израиле, поверьте!»

Полностью приведу письмо Ш.Маркиша от 7 августа 1998 г., так как оно в основном содержит информацию о нем самом:

«Дорогой Михаил (реб Михозл)!

Зная Вашу чувствительность к регулярности переписки (и одобряя ее!), хочу ответить на письмо от 23 июня (!): я опять слоняюсь по Европе и не мог отреагировать в срок.

⁹ Он же. Письмо от 24.07.97 // А.П.

¹⁰ Он же. Письмо от 4.02.98 // Там же; Иерусалимский русско-еврейский вестник. 1998. №2. С.4–5.

¹¹ Он же. Письмо от 16.05.98 // А.П.

У меня все по-прежнему (пока!), готовлюсь к семинару по проблемам художественного (литературного) перевода в Стокгольме, который состоится в конце месяца. А потом... – потом посмотрим, что будет.

Возможно, окажусь в Израиле осенью – надо побыть с матерью, это дело святое и освященное Писанием, а я после нашей встречи в конце декабря в Израиле не был. Если приеду, тут же дам знать о себе и появлюсь.

Всего самого лучшего!

Ваш Ш.М.

Супруге (Рене) горячий привет»¹².

В один из своих визитов к нам Маркиш сделал подарок: комплект «Еврейского журнала», который он издавал совместно с Эйтаном Финкельштейном.

Для нашей второй серии книг Шимон Маркиш написал прекрасную статью «Жаботинский в парижском “Рассвете”» и «Открытое письмо М.А.Пархомовскому», которое вызвало горячую дискуссию. В числе прочего Ш.Маркиш в своем письме обсуждает проблему принадлежности к еврейству и сомневается в наличии общности «русское еврейство в зарубежье». Обе работы напечатаны в нашем 8-м томе (2001, с.30–43, 406–409), «Письмо» – вместе с многочисленными откликами.

За что еще нам нужно поблагодарить покойного? Шимон Маркиш не скупясь давал нам координаты своих коллег, ставших впоследствии нашими авторами. Есть в числе последних ученики и последователи ученого. Назову первоклассные работы итальянского автора Лауры Салмон («Вечный эмигрант: Бен-Ами, русско-еврейский писатель за рубежом» *ПЕВЗ*. Т.6/) и французского ученого Бориса Черного – «“Смеюсь я мало...”: Последнее десятилетие в литературной карьере С.Юшкевича: 1917–1927» (*ПЕВЗ*. Т.8).

В список благодарностей должна быть включена еще одна – за предложенные темы. Одна из последних – в письме от 6.01.03:

«В Венгрии жил и умер великий (говорят специалисты) физик-теоретик Владимир Грибов¹³. Если бы Вы нашли в Израиле (среди физиков), кто его знал или хотя бы знал о нем, дело было бы в

¹² Он же // Там же.

¹³ Статья о В.Грибове была написана К.Кикоином и опубликована в 10-м томе *ПЕВЗ*.

шляпе. Увы, тот, кто знал его по Ленинграду (Грибов был ленинградец), – это Борис Рубинштейн, но он сам недавно умер. А про меня, ради всего святого, не надо: и не хочу, и не достоин».

Последнее письмо, полученное от Шимона Маркиша, было особенно теплым и мне особенно дорого. Оно было написано менее чем за месяц до его кончины.

«10 ноября 03

Женева

Дорогой Михаил Аронич!

<...>

Во-первых, примите поздравление с юбилеем. Очень жалею, что не был сам среди вас вечером 30 октября, тем более, что и организатор торжества, т.е. Юниверг, мне очень симпатичен. А уж про виновника торжества – и говорить нечего. <...>

Рад, что потрафил Вам Ионой Гальпериным¹⁴, и буду еще больше рад, если имя Аарона Штейнберга прозвучит еще раз благодаря Вашей неиссякаемой энергии. Но участвовать в немецком томе не смогу. Рекомендовать же могу... [следует адрес очередного потенциального автора].

Обнимаю Вас с Реной самым дружеским образом».

В последнюю нашу встречу (это, по-видимому, было осенью 2003 года) я, как обычно, пытался увлечь его очередным проектом. И больно было слушать, когда он, мило улыбаясь, повторял: «Нет, Михаил Аронович, наша жизнь уже кончилась!». Думаю, что эта внутренняя установка помешала ему вовремя обратиться к врачу, ведь стенокардию (а он умер от инфаркта) сейчас хорошо лечат...

¹⁴ Друг Аарона Штейнберга и издатель его книги «Друзья моих ранних лет».

Буква за буквой, строчка за строчкой (О поэтессе Рахель Кольберг)

Майя Басс (Балтимор, США)

...Божественная сила появилась в ней, как ни в ком другом... Стихи? В них много искренности, они напоминают стихи Ш.Фруга и стихи сионистов, которые писали на русском языке для «Восхода» и «Рассвета».

Авраам Шленский



Рахель Кольберг

На свете много талантов, много героев. Раша Гальперина (Рахель Кольберг) и талант, и герой. Я благодарна друзьям из Израиля, которые прислали мне книгу ее стихов. Я прочла стихи и не могла не рассказать о ней.

Раша (Рахель) Гальперина родилась в Харбине (Китай), куда ее родители – еврей-интеллигенты уехали еще из царской России от кошмарных еврейских погромов. Многие уезжали в Китай, где антисемитизма не было. Видимо, китайцы не завидовали евреям и не считали их умнее себя. Некоторые евреи эмигрировали, завербовавшись на стройку, а потом на работу на КВЖД (Китайская восточная железная дорога), строительство которой было начато в 1897 году. Первым городом, построенным на пути новой дороги, был Харбин. Раньше это была рыбацкая деревушка.

В Харбине еврей-эмигранты организовали еврейскую общину, построили первую синагогу, которая и сегодня украшает этот город. Постепенно были построены частная гимназия, столовая, начали выходить еврейские газеты и журналы.

В этом городе в 1916 году и родилась Раша Гальперина.

Девочка росла живым, веселым ребенком, в школе она была лучшей спортсменкой. Ее любили за добрый нрав, за необыкновенные лучистые голубые глаза и за ее стихи.

Раша начала писать стихи в восемь лет. В одиннадцать ее стихи уже публиковались в журналах «Юность», «Журавли», «Рубеж», «Гадегел» (организация «Брит Трумпельдор»).

Ее отец был двоюродным братом еврейского поэта Шимона Фруга. Впоследствии Раша напишет: «Думаю, что моя любовь к поэзии связана с этим родством».

Стихи были боевыми, мажорными, даже воинственными:

Спины согбенные бодро расправим!
Дело евреев святое и правое...

Эхо борьбы за правое дело, за родную землю отдавалось в сердце Рахели.

О наших скитаньях писать мы устали.
Устали печалиться и тосковать.
Дайте нам лучше железа и стали,
Чтоб новую жизнь могли мы ковать.

Сердце Раши не знает покоя. Душой она живет там, на Земле обетованной, ночами ей снится Израиль. В стихотворении «Памяти вождя», посвященном Жаботинскому, она пишет:

Он научил меня ходить
С поднятой гордо головой.
Он научил меня ценить
Свободу личности живой...

Ей хотелось уехать в Израиль, жить там, на своей Родине.

Евреи уезжали из России не только в Китай, но и в Японию. В 22 года (в 1938 году) Раша вышла замуж за Якова Кольберга, который жил в Японии в городе Кобе. В это время, помимо патриотической темы, в ее творчестве зазвучали стихи лирические, любовные, в них осмысление, изображение тончайших переливов этих человеческих чувств.

У вас в глазах смеется нежность.
Вокруг все сковано зимой,
Но мне влюбиться неизбежно –
Май в феврале владеет мной.

На счастье, на радость она родила двух сыновей, сначала Моше, потом Ицхака. Это было счастливое время.

Но однажды, в горах Кулинь, где она отдыхала с детьми, Раша почувствовала «что-то неладное в левой руке». Через несколько дней, после обследования, она услышала свой приговор-диагноз: поражение двигательных центров позвоночника. Тогда Раша еще не знала, что это означает общий паралич и потерю речи. Как жизнь бывает незаслуженно жестока! Паралич охватывал ее постепенно и навсегда.

Люди ходят, двигают руками,
Говорят, не видя в том чудес,
Только мы, немые, понимаем,
Как чудесен этот дар небес...
Я усну, быть может, мне приснится,
Что болезни не было и нет.

Через четыре года Раша была уже полным инвалидом. В начале 60-х уезжает в Израиль ее старший сын.

Но недаром жизнь моя прошла...
Сына я моей стране дала,
Я стране работника дала...
И даст Бог, и года не пройдет,
Сын второй туда свой путь найдет...

В 1969 году после года тяжелых переживаний Раша с матерью и младшим сыном приезжают в Израиль.

Она пишет мужу:

...И любили мы просто молчать,
Мы друг друга до косточек знали,
Мы друг друга без слов понимали
И любили мы вместе молчать.
Так давай помолчим и теперь
О несбывшихся наших надеждах.
Пусть за тем, за далеким, за прежним,
Потихоньку закроется дверь.

Паралич полностью сковал Рашу. Не двигается ни один мускул. Из всех органов чувств у нее остались только слух и зрение. Но она не сдается. Каждый день продолжается сражение человека с болезнью.

Велик и волен белый свет,
Но мне туда дороги нет...
Мой мир – мозаика стихов,
Созвучье многогранных слов.

Ее ясный ум и мужественное сердце продолжают жить и творить. Она пишет новые стихи. Вот что она сама об этом рассказывает: *«Я употребляю термин “писать”, хотя вся работа проходит в моей голове. Сперва начерно, а затем надо было отшлифовывать каждое слово, пока стихотворение не будет отвечать моим требованиям. Такая работа требует хорошей памяти и большого напряжения».*

Много стихов посвятила Раша Израилю, ее любимой древней Родине.

Кто любит Темзу, кто Оку,
Кто море, кто залив,
А я люблю Яркон-реку
И город Тель-Авив.
На берегу реки Яркон,
Пески остановив,
Как символ жизни вырос он,
Мой город Тель-Авив...

Стихи Раши появляются в разных изданиях Израиля. Но ее мечта – издать книжку стихов на русском языке с переводом на иврит.

Мир не без добрых людей. Раше повезло. Когда она уже лежала в госпитале, скорее, в доме для больных и престарелых, она познакомилась с Региной Брудингер. Дальше цитирую Рашу: *«В моей жизни произошло большое событие. Группа медсестер проходила курс по уходу за престарелыми, и, случайно узнав, что я понимаю по-русски, Регина бомбой ворвалась в мою комнату и сразу начала петь русские песни. Потом предложила продеklamировать “На смерть поэта” и... споткнулась. Я засмеялась, так как знала это стихотворение наизусть, как и бесчисленное множество других. С тех пор Регина посвятила все свое время делу популяризации моих стихов».*

В одну из редакций израильских газет было послано стихотворение Раши «Ту би-Шват». Оно понравилось, но подпись заинтриговала: «Секретарша поэтессы». Заинтриговала потому, что всем было известно: на доходы от своего творчества поэты и писатели в Израиле жить не могут.

Журналистка И.Белопольская решила поехать к поэтессе, познакомиться с ней и ее «секретаршей». Она готовилась к обычной светской беседе и традиционному угощению – кофе с тортом. Правда, в адресе почему-то не был указан номер дома и квартиры, и она не знала, что значит «малбен». Но все, кого она спрашивала, тут же показывали, куда идти.

Позже И.Белопольская писала: *«Раша спала, но ее разбудили. Она открыла свои лучистые необыкновенные глаза и... словно светлее стало в комнате и... вместо лекарств запахло цветами. Я была потрясена увиденным. Не могла понять, как человек в таком состоянии может писать, может создавать стихи!.. Я с удивлением увидела, что стихов очень много. Стихи были обо всем, о чем пишут обыкновенные здоровые люди. Эта женщина, прикованная к постели, обреченная страшной болезнью на неподвижность и безмолвие, сумела жить полноценной жизнью».*

Стихи Раши знакомили читателя с глубоко чувствующей и мыслящей личностью. Они были разными по темам, проблемам и стилю. Одни привлекали читателя душевной открытостью и непосредственностью чувств, другие глубиной и подлинностью душевных переживаний. И еще такие, в которых выплескивался протест и гнев автора. Стихи «Мюнхен», «Ленинград», «Враги», «Катюша» можно сравнить со взрывчаткой, со снарядом.

В стране людей полуголодных
И полурабского труда
Горит, горит огнем холодным
Над старым зданием суда
Пятиконечная звезда.

Там властью своры оголтелой
Полулюдей, полузверья,
Выносят приговор к расстрелу,
На каторгу, в концлагеря.

.....
Не запугает нас багровый
Огонь над зданием суда –
Еврей рабом не станет снова,
Ни у кого и никогда.

(Из стихотворения «Ленинград»)

24 года пролежала Раша неподвижно. 24 года она не могла повернуть голову, поднять руку, произнести хотя бы одно слово. Но процесс творчества продолжался. Она слушала мир благодаря радио. Слушала друзей, приходивших ее навестить. Она была в курсе всего, что происходило в мире, в Израиле.

Нас разделяет узкая граница,
И через пограничные столбы
Мне видны человеческие лица –
Полны нечеловеческой злобы...
Нас разделяет узкая граница
Как пропасть между миром и войной...

Как же создавались стихи поэтом, который не мог ни говорить, ни писать? Весь алфавит был разделен на три части на картонных табличках. На нужной таблице Раша прикрывала ресницами глаза. Затем указывались буквы, и на нужной букве Раша снова подавала знак глазами.

И так – буква за буквой, слово за словом, строчка за строчкой. Долгий утомительный труд. Но когда стихотворение было записано и помощница Раши могла прочесть его вслух, счастьем сияли глаза поэтессы.

В автобиографии Раша написала: *«Хочу сказать, что я глубоко убеждена в том, что на свете мало кто мог бы сравниться с моей матерью. ...Я продолжала писать новые стихи и диктовать их маме. ...Когда мамино зрение ухудшилось, я лишилась возможности записывать стихи».*

Она просила, чтобы секретарша из малбена работала с ней по 6–8 часов в день. Когда Регина сказала: «Рашенька, это не по твоим силам», – она упрямо закрыла глаза. Мол, силы есть и мне много нужно успеть.

Я была когда-то молода,
Милый мой, хороший мой,
Трудно мне поверить иногда,
Что была я тоже молода,
Милый мой, хороший мой.
Гибкая, как веточка весной,
Легкая, как ветерок лесной.

Она была права, ей еще много нужно сделать. Но болезнь невозможно остановить.

Раша Гальперина умерла в 1973 году, ночью, во сне. «Очень тихо и спокойно», – сказал санитар Моше.

Сколько планов неосуществленных,
Сколько не записанных стихов...
(Из стихотворения «Идеал»)

И.Белопольская способствовала созданию фонда для публикации сборника стихов поэтессы, собрала и отредактировала стихи, участвовала в проведении вечеров ее памяти.

Книга стихов Раши с воспоминаниями о ней издана комитетом Фонда увековечения памяти Рахель Кольберг (Раши Гальпериной) в 1984 году в Израиле под названием «Свой маленький след...»

«Говорит Иерусалим...»

Михаил Абир (Йосеф Дан; Тель-Авив)

Впервые я обратил внимание на эту радиостанцию где-то в конце апреля 1967 года. До этого несколько раз выходил на её позывные, когда сквозь вой и грохот глушилок, отчаиваясь что-либо разобрать, пытался найти мои любимые Би-Би-Си и «Свободу». И, поскольку это всё-таки было зарубежное радио, да к тому же еврейское, да к тому же без глушения – даже несколько раз слушал. Не могу сказать, что передачи «Голоса Израиля» меня тогда как-то трогали или завлекали. Не были они для меня тем глотком свободы, как передачи Би-Би-Си или «Голоса Америки», не говоря уже о «Свободу». До того и в то время Израиль воспринимался мною как что-то на Ближнем Востоке, и не больше.

Синайская кампания 1956 года прошла мимо меня, 13-летнего, не затронув ничего еврейского в моей душе.

Всё как-то разом изменилось в мае 1967-го. Я ещё ничего не понимал, конечно, ничего не знал, но мне уже передалась какая-та тревога. Её ещё не слышалось в тоне дикторов из Иерусалима, но какое-то ожидание опасности уже ощущалось сквозь тысячи километров. И так, по восходящей, изо дня в день, росла тревога. А тут уж советская пропаганда совершила свою первую ошибку – вместо того чтобы тщательно замалчивать всё, что связано с Израилем, в чём она так преуспевала на протяжении всех лет его существования, – советские газеты стали подливать бензин в костёр. Изо дня в день заголовки и фотографии в советских газетах сообщали, что арабы готовятся «достойно встретить израильскую военную провокацию». И эти фото с нескончаемыми рядами египетских танков. И тут же – любопытство, уже тревожное, а что же делают евреи? Об этом – в советских газетах не было ничего.

Так я стал слушателем «Кол Исраэль» – «Голоса Израиля». А тут ещё произошло то, чего я уж тогда никак не ожидал, – один из моих русских приятелей, с которым я обменивался информацией об услышанном по западным «голосам», спросил: «...а этих ты зачем слушаешь?» И я вдруг понял, что происходившее с Израилем для него не только было неинтересно, но – каким-то странным и непонятным моим увлечением. «Да брось ты это слушать – переведи

лучше на Би-Би-Си». И тут я неожиданно для самого себя ответил: «А меня как раз это и интересует».

А спустя год по «Голосу Израиля» я услышал репортаж Аркадия Тимора с парада в Иерусалиме. Он, сам танкист, прошедший с боями до Берлина всю войну с первого её дня, вопрошал: что делали на границах Израиля трофейные арабские «Т-34», которых ковали для победы над гитлеровской Германией? И вот тогда я впервые почувствовал, что здесь, в стране, которая посылала арабам не только эти танки, но и те «МиГи», которые я, за год до Шестидневной войны, готовил к полётам в 55-м истребительном гвардейском авиаполку, здесь – мне делать нечего. И я должен быть *там*.

Я мало верил, что мне повезёт. И всё-таки спустя три года – был уже в Израиле. Но если сбылась одна мечта, почему не сбыться и другой? В декабре 1971 года я узнал, что редакция передач «Кол Израэль» на русском языке набирает новых сотрудников, подумал, – может быть, и здесь повезёт.

История еврейского радио в еврейской стране начинается почти одновременно с британским радио. Созданная в 1922 году как частная компания, радиостанция Би-Би-Си, по указанию английского короля, была в 1927 году преобразована в Британскую национальную общественную радиокорпорацию, политически независимую и ответственную лишь перед парламентом. А спустя 9 лет, по её подобию, в подмандатной Палестине была создана местная государственная радиостанция – *Пи-Би-Си – Палестиниэн Бродкастинг Сервис*.

Радиостанция вещала на английском языке, иврите и арабском. И с первого же дня её существования начались трудности. Непросто было выбрать даже название радиостанции. Арабы хотели именовать её «Радио Палестины», евреи – «Радио Страны Израиля». В итоге радио стало компромиссно именоваться «*Радио Иерусалима*» и под этим именем вело передачи вплоть до 15 мая 1948 года – дня провозглашения Государства Израиль. Кстати, иерусалимская редакция «Радио РЭКА» и сегодня располагается в тех же помещениях, в которых тогда находились студии «Радио Иерусалима». Транслировались же передачи из Рамаллы.

И вот 14 мая 1948 года «Голос Иерусалима», а точнее уже «*Голос Израиля из Иерусалима*» – «*Кол Израэль ми-Йерушалайм*» передал из обстреливаемого арабами города на трёх языках: иврите, английском и французском – провозглашенную Бен-Гурионом

декларацию о создании еврейского государства, Государства Израиль.

Так возникло Израильское государственное радио. И в том же 1948 году были начаты передачи для новых репатриантов на самом распространённом языке европейских евреев – идише и на самом распространённом языке североафриканских, балканских и турецких евреев – ладино. А спустя год для репатриантов стали передавать и на лёгком иврите.

В 1950 году, в рамках «Голоса Израиля», начала свои передачи на коротких волнах радиостанция «*Кол Цион ла-Гола*» – голос Сиона, обращённый к евреям диаспоры. Так Государственное радио Израиля стало вещать на еврейскую диаспору. Передачи для евреев во всём мире велись на *коротких* волнах – сначала на английском, французском и на языке идиш. С 1952 – на испанском, а с 1953 – на румынском и венгерском языках.

И тут, естественно, возникает вопрос: а что с передачами на русском языке? После завершения Второй мировой войны и уничтожения 6 миллионов европейских евреев основным резервуаром сионизма оставались 3 миллиона советских евреев. В них так нуждалось будущее еврейское государство. Но попытки заполучить советских евреев обернулись бы тогда не просто конфликтом, но полным разрывом с Москвой. А для создания еврейского государства поддержка Советского Союза, одного из пяти постоянных членов Совета Безопасности только что созданной ООН, победителя гитлеровской Германии и лидера всех левых сил в мире, – была сразу после завершения Второй мировой войны – судьбоносной. Не говоря уже о том, что Советский Союз был и единственной тогда мировой державой, готовой оружием помочь Израилю. И потому тогда руководителями Израиля и был сделан выбор – создание еврейского государства и его **выживание** в данный исторический момент важнее алии из Советского Союза.

9-го сентября 1949 года Вальтер Эйтан, тогда – генеральный директор министерства иностранных дел Израиля – в беседе с будущим директором «*Кол Цион ла-Гола*» Мордехаем Злотником объяснял ему: «...русские относятся к нам дружески, пока мы не затрагиваем советских евреев». И рекомендовал сделать выводы – отложить начало передач на русском языке на неопределённое время. А пока вести подготовку к организации передач на румынском и венгерском языках. Это неопределённое время затянулось на 9 лет. Политику израильского руководства по отношению к Советскому Союзу и ко всему, что было связано с ним в те времена,

определяли и опасения испортить отношения с Москвой, и страх за судьбу советских евреев. Израильское правительство в те годы остерегалось превращения «Голоса Израиля» в ещё один из «голо-сов», которые советскими властями определялись как «антисоветские» и нещадно глушились. (Глушение передач «Голоса Израиля» началось лишь летом 1972 года.) Впервые «Кол Исраэль» («Голос Израиля») зазвучал на русском языке в десятую годовщину государства Израиль – 15 мая 1958 года. Но это было странное начало – в передачах не упоминались ни название радиостанции, ни её принадлежность, ни место, откуда они велись. Продолжительность передач была всего 15 минут, и транслировались они два раза в неделю.

Не было ни сводок новостей, ни радиожурналов актуальных событий, никакой политики – ни внешней, ни внутренней. Лишь анонимные материалы общего характера о еврейском государстве, да главы из Танаха и беседы по истории Израиля. Здесь следует упомянуть, что подобные материалы «Голоса Израиля» передавались на Советский Союз и до этого, правда, нерегулярно и не из Иерусалима. Они записывались на магнитофонную плёнку в студиях в Иерусалиме и отсылались затем на зарубежные радиостанции, которые и транслировали их на Советский Союз в своих передачах на русском языке на коротких волнах.

Атмосфера глубокой секретности окружала передачи на русском языке и в самом Израиле. Кроме руководства «Кол Исраэль» и непосредственно занятых подготовкой передач и их трансляцией, никто на радио не знал, чем занимаются те, кто работает в «особых передачах», – так они именовались. Почти подпольный характер передач на русском языке обязывал и самих журналистов выступать в эфире лишь под псевдонимами. Это было сделано из-за того, что израильские власти опасались шантажа проживавших в Советском Союзе родственников журналистов, если бы последние выходили в эфир под своими именами.

Драматические изменения в этой политике передач произошли в начале 60-х, когда редактором вещания «Кол Исраэль» на русском языке был назначен Виктор Граевский – профессиональный радиожурналист из Варшавы, репатриировавшийся за несколько лет до того в Израиль при особых обстоятельствах. Граевский был тем самым человеком, который передал на Запад, через Израиль, текст «секретного» доклада Хрущёва на XX съезде КПСС, в котором советская власть впервые признавалась в преступлениях, совершённых советским режимом при Сталине. Именно тогда и было

принято решение о том, что передачи израильского радио на Советский Союз будут открываться позывными: *Вы слушаете «Голос Израиля» из Иерусалима*. Тем самым радиостанция обрела не только имя, но и свои координаты. Тогда же была введена и регулярность передач – три раза в неделю по полчаса каждая. Но подлинный перелом в работе радиостанции произошёл весной 1964 года, когда передачи стали ежедневными, и в них появились регулярные сводки новостей и журналы актуальных событий.

Следующий, по важности, этап в работе радиостанции наступил в 1965 году, когда кнессет принял закон о государственном радиовещании – «Хок решут ха-шидур», который *обязывал* «Кол Исраэль» вести передачи для евреев диаспоры и отражать жизнь всех общин в стране. «Кол Цион ла-Гола» – голос Сиона, обращённый к евреям диаспоры, – превратился в «*Управление передач на заграницу*» государственного радио. В 1967 году, накануне Шестидневной войны, радиостанция уже вела передачи на русском языке два часа в день. Дополнительные передачи транслировались по воскресеньям и в дни советских праздников, дабы увеличить аудиторию радиослушателей. Финансирование передач осуществлялось из бюджета трёх организаций: Еврейского агентства («Сохнут»), «Бюро по связям с евреями Советского Союза» («Натив») и Государственного радиовещания («Кол Исраэль»). Передачи накануне и в дни Шестидневной войны вызвали колоссальный эмоциональный отклик у евреев Советского Союза – взрыв пробуждения национального самосознания, желание у многих приехать сюда, помочь.

И уже в 1971 году началось то, о чём мечтали ещё создатели государства, – репатриация советских евреев. И тут же было принято решение: расширить вещание на Советский Союз. «Голос Израиля» получил дополнительные средства, было расширено эфирное время, и начался набор сотрудников из числа новых репатриантов, прибывших в страну.

Вот тогда я и был принят на «Кол Исраэль». Всё произошло случайно – я приехал в студенческое общежитие Еврейского университета – навестить друзей. А там в это время была гостя – она тоже училась в этом университете и подрабатывала диктором в «русской» редакции «Голоса Израиля». *«Знаете, ребята, – сказала она, – а у нас сейчас расширение, набирают новых работников. Нужно будет пройти конкурс. Я вот ношу с собой анкеты – давайте заполнять»*.

Потом был конкурс – собеседование, просьба написать на свободную тему и зачитать написанный текст на плёнку. «Ответ получите в течение двух недель». Когда поздно вечером я вернулся из Иерусалима домой в Тель-Авив, меня ждала записка: завтра утром позвоните на радио по телефону... И это было уже второе моё везение в жизни.



Йосеф Дан в радиостудии

В Тель-Авиве тогда был создан филиал редакции, которая начала готовить к эфиру, а затем и транслировать журнал актуальных событий – «С микрофоном по стране», сообщавший о новостях и повседневной жизни в Израиле. Поскольку передачи на Советский Союз должны были не только информировать о происходящем в Израиле, но и вызывать интерес к еврейскому государству, с тем чтобы затем этот интерес, в свою очередь, пробудил у евреев СССР желание репатрироваться сюда, – в этом и был, выражаясь сегодняшним языком, «государственный заказ».

Была и ещё одна особенность в работе редакции передач на русском языке – по особо «щепетильным» вопросам нас курировало «Бюро по связям с евреями Советского Союза» («Натив»), которое отвечало – отвечает оно и сегодня – за всё, что связано с репатриацией евреев из Советского Союза

Какие же темы были «щепетильными»? Всё, что касалось преследований евреев в Советском Союзе, помощи им из Израиля или помощи, оказывавшейся еврейскими общинами диаспоры; всё, что было связано с прямым вооружённым советским вмешательством на Ближнем Востоке или касалось негласных дипломатических контактов между Израилем и Советским Союзом... Но зачастую это курирование приобретало и форму политической цензуры. Например, проверялись и урезались материалы о еврейских поселенцах и поселениях в Иудее и Самарии, об истории оппозиционных тогда партий и движений, ныне входящих в Ликуд, и даже – биография такой личности, как Жаботинский. Но эта опека-цензура начала ослабевать после войны Судного дня и полностью прекратилась за

три месяца до парламентских выборов в мае 1977 года, на которых правящая в то время коалиция социалистических партий проиграла коалиции правых и центристских партий, возглавлявшейся Ликудом.

Там же, в Тель-Авиве, начали тогда работать и редакции передач на грузинском и бухарском языках и на языке горских евреев. Редакционная точка отдела передач на русском языке возникла и в Хайфе. Теперь «Голос Израиля» уже вёл свои передачи для евреев Советского Союза на пяти языках, ибо к упомянутым следует добавить и трансляцию на идиш.

Были определены цели вещания на Советский Союз:

- информация об Израиле и происходящем в стране, дабы противодействовать лживой советской антиизраильской пропаганде;

- ознакомление с еврейской и израильской культурой, с тем чтобы не дать угаснуть еврейской жизни в Советском Союзе;

- передача информации о борьбе советских евреев за право репатриации в Израиль и за освобождение «узников Сиона».

Но на расширение вещания на русском языке на СССР советские власти ответили своим самым убедительным аргументом – началом, летом 1972 года, глушения всех передач «Голоса Израиля». И тогда было принято одно из самых важных решений в истории вещания израильского радио на русском языке – передачи будут продолжаться, несмотря на глушение. Это было не простое решение, тем более для восьми журналистов. Ведь что может быть хуже ощущения передачи в пустоту, отсутствия даже мысленной обратной связи с радиослушателями. Но это было и самое верное решение, подтверждённое многолетним опытом других радиостанций, десятилетиями вещавших на Советский Союз сквозь, казалось бы, непробиваемое глушение.

16 лет «Голос Израиля» звучал для евреев Советского Союза сквозь вой глушилок. И лишь в 1988 году, когда до начала нынешней алии оставался год и три года до развала самого СССР, – глушение прекратилось. Но за эти годы радиостанция *выполнила* свою задачу – став мостом, связавшим евреев Советского Союза с Государством Израиль. Этим, конечно, не ограничивается достигнутое за 30 лет работы редакцией передач на русском языке. Сколько человеческих судеб было спасено благодаря борьбе в эфире за всех, кого преследовали советские власти! Сколько людей не потеряли надежды, будь то в лагерях или в «отказе», на то, что и они сюда придут! Как важно было многим евреям в Советском Союзе

знать, что теперь не пройдёт, как в прошлом, незамеченной и без последствий, очередная государственная антисемитская кампания...

А затем, после того как начиная с 1989 года сюда стали прибывать сотни тысяч евреев, столь же естественным стало превращение радиостанции и в мост, связавший их с израильской действительностью. И этим мостом стала радиостанция «РЭКА» – «Решет клитат алия» – *Израильское радио на русском языке*.

Не знаю, как и когда была бы создана она и была ли бы вообще создана, если бы не война в Персидском заливе. Ведь, хотя передачи «Голоса Израиля», направленные на Советский Союз, принимались и у нас в стране, – вся их направленность, тематика и даже форма подачи материалов были рассчитаны на тех, кто живёт не здесь, кому многое, иногда самое элементарное, надо не только рассказать, но и объяснить.

И вдруг – война, ракеты падают на Тель-Авив, и тут надо прежде всего сообщать, рассказывать: что происходит, что надо делать, как и когда. В дни той войны журналисты «Голоса Израиля» впервые напрямую обратились к своим слушателям в стране на их родном языке, и тут же выяснилось, как необходимо новым репатриантам, находившимся из-за незнания иврита в настоящей информационной блокаде, своё, понятное им радио.

Тогда-то, по инициативе министра образования Звулуна Хаммера, правительство Ицхака Шамира приняло решение о создании в «Управлении передач на границу» редакции передач для новых репатриантов. Она и была создана – на основе тель-авивского филиала «Голоса Израиля».

26 мая 1991 года радиостанция впервые вышла в эфир. И хотя её журналисты до того систематически не работали в прямом эфире, большинство передач «РЭКА», и прежде всего журнал актуальных событий «Хроника дня», пошли в эфир в *прямой трансляции*.

1 апреля 1996 года обе редакции «Голоса Израиля» на русском языке: тель-авивская – передач на страну и иерусалимская – передач на границу, были объединены.

Сегодня радиостанция «РЭКА» передаёт на русском языке в Израиле 12 часов в сутки и на страны, входившие в Советский Союз, четыре часа ежедневно.

Из опроса, проведённого в октябре 2003 года институтом исследования общественного мнения по заказу «Управления государственного радио- и телевидения» – «Решут ха-шидур», следует, что 83% репатриантов из СНГ *регулярно* слушают передачи радиостанции. Из них 15,1% – это молодёжь в возрасте до 24 лет, 13,6% –

молодые люди в возрасте 25–34 года, 52,6% – в возрастной группе с 35 до 44 лет, 71% среди тех, кому 55–64 года, а в группе людей старше 65 лет число радиослушателей достигает 87,3%.

Вспомним, с чего всё начиналось в 1958 году: две 15-минутные анонимные передачи в неделю, а сегодня – 12 часов ежедневных передач.

Таков долгий путь, пройденный редакцией передач на русском языке израильского государственного радио – «Кол Исразль» за 45 лет её существования.

Голос жизни (диктор Далия Шавит /Маша Котляр-Штарк/)

Лев Фрухтман (Лод, Израиль)

*Мне голос был, он звал утешно...
(Анна Ахматова)*

«Говорит Иерусалим! Вы слушаете голос Израиля!» – так обычно начинала Маша Штарк (1926–2003; да благословенна будет ее память!), замечательный диктор «Коль Исраэль» («Голос Израиля»); и воспоминание о ее голосе уже длительное время сопровождает меня, как звуки Реквиема, черным симфоническим наплывом, затухающим органным гулом, сквозь который прорывается глубокий, мягкий, интеллигентный женский голос – сразу берущий в полон, серьезно-настойчивый, но не навязчивый. Голос жизни. Не буднично-постылой, а жизни романтически-прекрасной, жизни нашей обетованной земли. Нет, я



Маша Котляр-Штарк

не слышал голоса Маши Штарк из-за «железного занавеса», во всяком случае, не могу этого утверждать, хотя сразу же после Шестидневной войны прикинул тайком к приемнику, ловя далекий тревожащий и завораживающий «Коль Исраэль» – голос всех русских дикторов израильского радио. Мне посчастливилось даже больше, чем обычному радиослушателю: я несколько раз разговаривал с Машей Штарк по телефону. В связи с тем, что я собирал материал для статьи о поэте Иосифе Котляре, одной из дочерей которого была Маша.

Прежде об отце. Следует напомнить русскому читателю, что Иосиф Котляр (1908–1962) был прекрасным еврейским поэтом (на идиш) середины прошлого века, автором многих еврейских песен, вошедших в репертуар таких выдающихся певцов, как Нехама Лифшиц, Анна Гузик, Сиди Таль, Зиновий Шульман,

Эмиль Горовец; автором многих детских книг, занявших место в литературе наряду с творчеством Льва Квитко и Овсея Дриза, автором, наконец, десятка лирических сборников на идиш, русском и др. языках. Ранняя смерть поэта (в 54 года) подвигла дочь Машу сделать все, чтобы творчество отца не было предано забвению. Это ли не благородная человеческая миссия!.. И если ныне, в начале нового века, когда поэзия на идиш неумолимо уходит в предание, мы открываем увесистый том Иосифа Котляра «Майн велт» («Мой мир»), изданный в 1993 году в Тель-Авиве (с предисловием Гирша Ошеровича и портретом работы парижского художника Рефозла Хволеса), том, вобравший значительную часть творческого наследия Котляра, – то надо помнить, что это деяние, совершенное незабвенной Марией Иосифовной Котляр-Штарк.

Говорят, что природа, созидающая таланты, отдыхает на детях. Это не всегда так. Во всяком случае, Маша Котляр отцовский дар лирического поэта перевоплотила в свое призвание – она стала талантливым высокопрофессиональным диктором Израильского радио, посвятив этому важному делу двадцать лет – с 1972 по 1992 год. Мы, сотни тысяч русских израильтян, услышавшие ее ГОЛОС, откликнувшиеся на него и приехавшие в Израиль, просто обязаны знать ее творческую биографию, которая ясна, как песнь поэта.

Маша Котляр родилась в Паневежисе (Литва), на родине мамы, в 1926 г. Отец же был родом из Бердичева, затем переехал в Харьков, где и прошли детские годы Маши. К началу 1930-х годов отец, выпустивший три стихотворные книги, был уже известен в кругу еврейских писателей и занимал квартиру в харьковском Доме писателей. По свидетельству семьи Штарков, *«дом Котляра был открытый, сюда приходили еврейские писатели, артисты, люди искусства. В основном говорили и пели песни на идиш. Иногда кто-нибудь из писателей знакомил своих друзей с новыми творческими работами. Обсуждались изданные книги и статьи в газетах. Особенно близкими друзьями отца были Эммануил Казакевич, Авром Гонтарь, Ицик Фефер, артисты Соломон Михоэлс и Вениамин Зускин и др. Эта литературно-художественная среда значительно повлияла на мировоззрение юной Маши»* (из архива семьи Штарк).

Ситуация на Украине сложилась так, что Маша в середине 1930-х начала учиться в школе с преподаванием на украинском языке. Закончила школу в 1944-м, уже в Ташкенте, куда эвакуи-

ровалась с мамой Рахилью и сестрой Этей. В том же году Маша поступает в Московский университет, мечтая стать филологом и литератором. Раннее замужество (Маша была исключительно красивой и обаятельной девушкой) поначалу нарушило учебные планы – Маша с мужем, молодым доктором Евгением Штарком¹, переезжает в Вильнюс (Литва), в его дом. Но целеустремленность взяла верх: Маша поступила опять же на филологический факультет Вильнюсского госуниверситета. Совмещая домашние хлопоты с учебной в весьма серьезном вузе, Маша заканчивает его так успешно, что ее оставляют работать на кафедре русского языка и литературы в качестве старшего преподавателя.

Машу, дочь поэта, притягивает мир литературы. Но тут Судьба благосклонно берет ее за руку и приводит на Вильнюсское радио – и в Литовском радиокомитете появляется диктор с нежным и сочным голосом, под псевдонимом Снежина. Беря во внимание неоспоримый факт, что и в советской Литве коренная национальность была предпочтительней, можно представить, какими творческими данными должна была обладать еврейская женщина-диктор, дочь еврейского поэта. Бесспорно, однако, что к этому времени Маша чувствовала себя легко и в литовской культуре. К тому моменту, в конце 1940-х – начале 1950-х, отец Иосиф Котляр уже прочно обосновался в Вильнюсе, совершив, как пишет о нем коренной вильнюсчанин поэт Гирш Ошерович, «свою Алию в Ерушалаим де Лите (Литовский Иерусалим)» – так называли Вильнюс, в котором кипела еврейская общинная и культурная жизнь.

В доме Штарков в Вильнюсе часто бывали друзья и знакомые из круга творческой интеллигенции. Среди них литовские писатели: А.Венцлова, П.Цвирка, Ю.Балтушис, Э.Межелайтис, Г.Канович, И.Мерас и др. Желанными гостями были также и еврейские писатели, как правило, друзья отца: поэты Авром Гонтарь, Гирш Ошерович, писатель Йокубас Иосаде, многие деятели искусства, художники, певцы – все они ценили обширные глубокие познания в литературе Маши Штарк, высокую степень интеллигентности, ее тонкий юмор, гостеприимство, умение внимательно выслушать новое произведение писателя, новую песню исполнителя. Среди гостей блистали Эмиль Горовец, обаятельнейшая Нехاما Лифшицайте, литовский певец Биньомин Хайтаускас и др. Выставлял картины художник Хволес.

¹ См. статью о нем в настоящей книге.

Мне думается, что литературно-художественные домашние вечера и встречи в доме Штарков неизменно происходили на фоне «идише нигуним» («еврейских напевов»), о которых Иосиф Котляр так замечательно написал в своем одноименном стихотворении 1940-х годов:

Идише нигуним
Дарфн нит кейн вертер.
«Ву майн гелибтер?
Ву из из майн башертер?»
Трахт а идиш мейдл,
Зингендик а нигн,

Ун арум дем мейдл
Штикер лайвнт лигн –
Вайсе штикер лайвнт,
Фрише менерхемдер.
Эйнс вет эфшер онтон
Эйнер нит кейн фремдер.

Еврейские напевы / Не требуют слов. / «Где ты, мой любимый? / Суженый мой, где ты?» / – Так думает еврейская девушка, / Распевая песню, / А вокруг нее лежат / Куски белого полотна / – Белые полотна, / Свежие рубашки. / Одну из них наденет / Тот, кто не чужой ей... *(Подстр. пер. автора очерка.)*

Эта, исполненная в народном духе лирическая песнь Котляра в его книге «Майн велт», наводит на мысль, что, может, он написал ее для Машеньки и напророчил ей суженого, который стал для нее на всю жизнь кровным, близким человеком – и был так под стать, что их (уже в Израиле) называли «барон и баронесса».

Таким образом, вильнюсский период, вплоть до начала 1970-х был для Снежины наполнен любимым творческим трудом, семейными заботами, воспитанием дочери, чтением еврейской литературы (Маша в совершенстве владела языком идиш, как впоследствии и ивритом), классической русской литературы, собиранием и изучением живописи – словом, увлечением всем тем, что делает человека интеллигентным, духовно богатым. Оказалось, что все духовное богатство Маши, накопленное к 46 годам жизни, пригодилось, не могло не пригодиться – в Земле обетованной, приникнуть к которой давно мечтали Штарки, немало испытав огорчений и обид в советском «Литовском Иерусалиме». Память доктора Е.М.Штарка возвращает собеседника к 1952 г., к «делу врачей», не обошедшего и вильнюсских евреев-медиков. И к эпохе Шестидневной войны, когда ему не утвердили докторат, и многое другое, что было для советских евреев всеобщим «государственным ужасом».

Подав документы на выезд в Израиль в начале 1970-х, Маша и Евгений Штарки вскоре получили отказ. Тогда это было в новинку.

Штарки пошли на прием к замначальника Министерства внутренних дел Литвы. С удивлением услышали из его уст тираду о прелестях советской жизни, о том, что они нужные люди в Литве, что им будут предоставлены все льготы, чтобы видиться с дочерью, уже уехавшей в Израиль. Но тут Маша не выдержала и произнесла твердым и непреклонным голосом:

– Напрасны ваши уговоры. Мы давно не хотим здесь жить!

Голос Маши прозвучал убедительно.

Вскоре, а именно в июне 1972 г., Штарки сошли с трапа самолета в аэропорту Бен-Гурион в объятия родной дочери. Поначалу судьба забросила их в «город развития» Сдерот в 14 км к югу от Ашкелона. До моря – рукой подать. До Иерусалима, настоящего, автобус тащится полтора часа. Большая страна. Скоро голос Маши Штарк станет голосом страны.

О начале ее карьеры радиодиктора вспоминает сотрудница Коля Исраэль Дина Фиалковская (Даниэлла Линор) в часовой передаче «Корни» на радио «РЭКА», посвященной памяти Маши Штарк-Котляр (дек. 2003):

«Когда Маша пришла к нам в редакцию, стройная, красивая женщина, царица, с доброй улыбкой, – мы были сразу очарованы ею. Не только я, но и все наши сотрудники. От нее веяло каким-то особым теплом, доброжелательностью. А какой голос! Дыхание перехватило – мягкий, бархатный; а какая культура речи! Мы поняли, что перед нами профессиональный диктор... Позже когда я слышала ее начальную фразу в передачах: “Говорит Иерусалим. Радиовещательная станция Израиля” – дрожь проходила по телу. И я полагаю, что такая же дрожь брала и репатриантов 1970-80-х годов. Машенька стала “Далией Шавит”. Она неизменно читала последние известия. И не только. Голос ее звучал в сотнях программ-передач».

Так Снежина превратилась под лучами родного ослепительного солнца – в Далию Шавит.

Одна из старейших дикторов «Коля Исраэль» Сима Каминская (псевдоним Сара Маор) также с восхищением вспоминает о ней:

«Хочется говорить и говорить о ней, потому что это была удивительная женщина. Так вдохновенно, так притягательно она читала свой текст. Хотелось ее слушать всегда. А работать с ней было легко, просто великолепно. Если я давала ей в руки текст, я знала, что он не только будет прочитан, но и отредактирован, что это будет как бы новое произведение,

созданное Далией Шавит. А голос ее был такой бархатный, притягательный, и сама она была очаровательна. Конечно, были и курьезы, один из которых я помню. Однажды она взяла микрофон и сказала: "Говорит Вильнюс". Хорошо, что не сразу пошло в эфир, она бы себе этой оговорки не простила. В работе она была незаменима, безотказна, исключительно старательная, делавшая все с сознанием долга. Была готова прийти на Радио в любое время дня и ночи» (Из записи вечера памяти Маши на РЭКА, дек. 2003).

Листаю буклет, изданный Радиокomiteетом «Коль Исразль» несколько лет назад. На 17-й странице фотоиллюстрация: «Диктор и ведущая радиожурнала Далия Шавит». Видно, как уютно, по-хозяйски, уверенно и прочно сидит Маша в своей студии: в руках телефонная трубка, слева большой диск проигрывателя; лицо сосредоточенное, но мягкое, улыбочное. На уровне лица висит микрофон: минута – и раздастся голос: «Говорит Иерусалим»... Многим, очень многим в Израиле и за рубежом был памятен этот голос – Далии Шавит. В дни войны Судного дня, Ливанской кампании начала 1980-х, войны в Персидском заливе в 1991 г., в тревожные дни и ночи Маша была в студии, передавала сводки военных действий, готовила злободневные передачи.

Кроме студийной, чисто дикторской работы, Маша брала на себя и функции корреспондента. Часто выезжала в разные уголки страны брать интервью у новых репатриантов, чтобы рассказать радиослушателям об их жизни, о проблемах трудоустройства, о бытовых и духовных запросах. Она умело составляла живые интересные передачи, на которые постоянно бывали теплые доброжелательные отклики...

Штарки, встав на ноги, завели, как и много лет назад в Вильнюсе, открытый дом в Иерусалиме, в котором бывали писатели, художники, ученые. Устраивались домашние художественные выставки. Человек – это стиль. Есть какие-то незываемые семейные традиции. Гостеприимство было любимым «делом» семьи Штарк. Частый гость дома, израильский историк и литературовед д-р Савелий Дудаков с грустью вспоминает:

«Познакомились мы едва ли не в начале 70-х, сразу же после их приезда в страну. Они были настолько очаровательной парой, что я по какой-то ассоциации назвал их "бароном и баронессой", что-то аристократическое было во всем их облике, поведении, манерах. Я стал бывать у них, тем более что нас сблизила не только любовь к литературе и истории, но и к жи-

вописи. Все стены в доме Штарков увешаны полотнами замечательных художников, таких как Ал. Копелович, Лев Сыркин, Реф. Хволес (ныне в Париже) и др.

Любил я слушать и рассказы Машиной мамы, Рахель. Запомнился рассказ ее о том, как она в годы репрессий в конце 1940-х годов спасла мужа, поэта Иосифа Котляра, от лап КГБ. Когда пришли его арестовывать, она переодела его в женское платье и тайком вывела из дому черным ходом. Маша очень трогательно, нежно относилась к маме.

За тридцать лет знакомства и дружбы многое можно вспомнить. Но главное, хочу подчеркнуть, что Маша была первоклассным диктором, и неудивительно. Ведь она еще в Москве прошла выучку у такого мастера, как Владимир Борисович Герчик, известного диктора тех лет».

* * *

Еще о ней будут говорить и вспоминать друзья, знакомые, родные, коллеги. Полна воспоминаний о детстве, о семье Котляр, об отце интересная рассказчица – младшая сестра Маши, Этя Коль, живущая в Холоне... Ценны воспоминания диктора Рувы Выгодского, коллеги Маши, считающего, что она «всегда говорила сердцем». «Мамин голос будет для меня звучать всю жизнь», – говорит дочь Маши, Таня Сарвер...

Помню наш последний разговор с Машей по телефону – летом 2003 года, когда вышел долгожданный очередной том Краткой еврейской энциклопедии (Дополнение III), в котором напечатана статья об отце, Иосифе Котляре. Я с радостью сообщил ей об этом.

– *Теперь я могу спокойно умереть!* – выдохнула Мария Иосифовна.

У меня поначалу перехватило дыхание:

– *Как, почему? Что стряслось?*

– *Да, милый человек, борюсь!.. Может, ваша новость поможет мне выкарабкаться из болезни?*

Я от души пожелал ей скорейшего выздоровления.

Но 30 октября 2003 года Маши не стало.

НАМ ГОЛОС БЫЛ... Мы успели услышать этот голос. Откликнуться на него, приехать в Страну, поселиться в ней, стать частью ее, необходимой частицей, без которой – как говорил герой Андрея Платонова – «народ неполный». И остался голос Маши

Штарк, узнаваемый среди миллиона израильских русских голосов.
И мы его не забудем никогда!

* * *

Листая один из сборников И.Котляра на русском языке под символичным названием «Я жил» (М., 1970), я наткнулся на одно стихотворение – «Снежинка» («Снежинка, ты редкой блистаешь красой...»). Мне подумалось, что оно могло быть посвящено Маше, хотя посвящения нет. Или – совсем наоборот, – прочтя это стихотворение отца, Маша, в начале своей дикторской карьеры взяла свой псевдоним на радио – Снежина?

Снежинка – дыхание мое на стекле,
Улыбка ребенка и спектра смещение,
– Твой путь бесконечный от неба к земле
Прекрасен, и дивны твои превращения.
(Пер. с идиш А.Кленова.)

НАУКА
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ
ОБРАЗОВАНИЕ

О химиках и химии в стране, текущей молоком и медом¹

Юлия Систер (Кирьят-Экрон, Израиль)

Материалом для данной статьи послужили интервью примерно с 60 специалистами-химиками; сведения о тех, кого уже нет, взяты из различных публикаций или основаны на воспоминаниях родных, друзей и коллег. Много информации предоставили выпускники Еврейского университета в Иерусалиме (годы поступления – 1938-40) доктора наук и профессора Мира Лаав, Пнина Элсон, Давид Вовси, Ицхак Михаэли и др.

* * *

В разное время из России (СССР/СНГ) в Эрец-Исраэль/Израиль приезжали молодые люди – будущие химики. Одни – учиться в университете, другие – после окончания вуза, третьих привезли родители, и химию как область научных интересов они выбрали уже здесь. Среди прибывших были и сформировавшиеся ученые. Естественно, по-разному сложилась их профессиональная судьба. Некоторые вошли в израильскую науку и внесли свой вклад в ее становление и развитие, многие работали в клинических лабораториях, колледжах, технологических теплицах, способствуя развитию химической промышленности. Все вместе, увлеченные своей специальностью, они служили и служат своему народу и своей стране.

О некоторых из них я написала в этой статье. Биографии химиков расположены в хронологическом порядке по мере их приезда: до создания Государства Израиль и после, в 70–90-е годы прошлого столетия.

Среди них есть отказники, боровшиеся за право евреев на выезд в Израиль, выходцы из семей сионистов. Много внимания уделено самой большой алии – алии 90-х.

¹ Статья была написана в 1998 г. и частично вошла в доклад на конференции в Реховоте в 1999 г., посвященной 50-летию НИИ имени Х.Вейцмана. Перед публикацией добавлены лишь появившиеся печальные даты.

В Ханаане, именуемой в Библии страной, текущей молоком и медом, процветало красивое ремесло. Необычайный подъем до-исторической цивилизации древнейшего города Ханаана – Иерихона (7–6 тыс. лет до н. э.), вероятно, связан с добычей и обменом особых природных богатств Мертвого моря: соли, битума и серы. На протяжении всего периода до наших дней уникальные богатства Мертвого моря способствовали развитию местной химической промышленности.

Первый проект освоения богатств этого моря связан с именем инженера из России **Моше Новомейского** (1873, Баргузин, Забайкальская обл. – 1961, Париж /похоронен в Тель-Авиве/). Он приехал в Эрец-Исраэль в 1920 г. и добился реализации своих планов в области промышленной эксплуатации Мертвого моря. В 1929 г., вопреки продолжительному противодействию британских властей, чинивших препятствия развитию еврейской промышленности в Эрец-Исраэль, он получил концессию на добычу брома и калия из воды Мертвого моря. В 1952 г., уже после образования Государства Израиль, с его участием была основана компания «Предприятия Мертвого моря», большинство акций которой принадлежат государству. Вместе со строительством этих предприятий в 50–60-х годах прошлого века в Негеве возникли новые города Иерухам, Димона, Арад и др., жители которых были обеспечены работой.

Первый президент Израиля **Хаим Вейцман** (1874, Мотол Пинской губ. – 1952, Реховот, Израиль) был не только выдающимся политическим и сионистским деятелем, но и известным ученым, химиком, автором более 100 патентов по органической химии. В 1907 г. он впервые посетил подмандатную Палестину, после этого посещения стал активно добиваться заселения Эрец-Исраэль евреями. В 1914 г. он участвовал в борьбе за преподавание всех предметов на иврите в открывшемся в Хайфе Политехническом институте (Технионе). Как ученый он понимал трудности, связанные с превращением иврита в язык современной науки, но также сознавал, что нельзя отрывать от национальных корней. Х.Вейцман основал в Реховоте Институт имени Даниэля Зифа, который впоследствии стал частью Научно-исследовательского института, носящего сегодня имя Хаима Вейцмана. С 1937 г. Вейцман жил в Реховоте и многое сделал для израильской науки, в особенности для израильской химической науки.

В судьбе Х.Вейцмана нашла отражение еврейская история конца XIX – первой половины XX в. Родившись в России, в одном из местечек черты оседлости, он достиг международного признания как ученый и как лидер национально-освободительного движения и умер, будучи президентом Государства Израиль, к созданию которого стремился.

Первым профессором неорганической и аналитической химии в Еврейском университете в Иерусалиме был *Мордехай (Макс) Бобтельский* (1890, Владиславов /Наумнестис/, Литва – 1965, Израиль). О нем сохранилось не много сведений, но опубликованы его статьи по аналитической и неорганической химии, монография «Гетерометрия». Поиск материалов о М.Бобтельском привел меня к профессору Карле Хайтнер, когда-то написавшей докторскую диссертацию под его руководством.

Карла родилась в Черновцах в 1925 г., в Израиль приехала после окончания Второй мировой войны, докторскую диссертацию по аналитической химии защитила в Еврейском университете в Иерусалиме (1952 г.), где работает по сей день, хотя официально уже на пенсии.

В Отделе неорганической и аналитической химии Еврейского университета я проводила свои исследования в комнате, принадлежащей Карле. От нее я и узнала, что Отдел создал М.Бобтельский. Она любила разговаривать со мной, ее интересовала жизнь новых репатриантов, моя научная биография в бывшем СССР. Потом я перешла в Тель-Авивский университет, и наши беседы прекратились. И вот я снова нахожусь в кабинете у Карлы, и мы беседуем о профессоре Бобтельском.

Макс Бобтельский получил традиционное еврейское образование. После окончания средней школы (экстерном) и получения аттестата зрелости в 1912 г. он поступил в университет в Берне. Изучал европейские языки, но гордился тем, что первую книгу по химии прочел на иврите. Начало Первой мировой войны в 1914 г. вынудило его вернуться в Россию.

В 1918 г. он возглавил работы по физической химии в Орловском университете, позже работал в Витебском университете. В 1920 г. Бобтельский вернулся в Берн, чтобы закончить докторскую диссертацию, которую блестяще защитил в 1922 г. Затем он переехал в Берлин, где работал у знаменитого Фрица Габера в Университете кайзера Вильгельма. По рекомендации этого ученого Макс начал работать на химических предприятиях также и как

ученый-исследователь. Тогда он в основном занимался обработкой калийно-фосфатных солей, зарегистрировал несколько патентов. Работа на этих предприятиях привела его к исследованиям на Мертвом море. В 1925 г. М.Бобельский приехал в Палестину, чтобы руководить этими работами. К тому времени он уже был известным ученым, чьи статьи печатались в престижных научных журналах.

В Палестине, конечно, не было европейского уровня науки, и Бобельский прекрасно понимал, что не сможет реализовать то, что планировал. Однако в 1927 г. он начал работать в Еврейском университете в Иерусалиме, где вместе со своими помощниками исследовал соли Мертвого моря. Здесь он организовал первые лаборатории, которые впоследствии стали Отделом неорганической и аналитической химии университета. В 1937 г. ему было присвоено звание профессора. Он стал руководителем отдела и оставался на этом посту до выхода на пенсию в 1960 г.

Проф. Бобельский был человеком энергичным, талантливым, обладал научной интуицией. Он проводил исследования, имея в своем распоряжении простые средства. Он выполнил десятки работ в разных областях неорганической и аналитической химии. Еще до создания Государства Израиль Бобельский воспитал поколение химиков, которые вскоре заняли видные позиции в науке и промышленности Эрец-Исраэль.

Во время Войны за независимость университет вынужден был покинуть помещения на горе Скопус – лаборатории разместились в разбросанных по городу зданиях, не приспособленных для проведения исследовательских и лабораторных работ. Аппаратура, приобретенная с большим трудом, осталась в прежних университетских помещениях. С этим ученый не мог смириться. Он тайком поднимался на гору Скопус, и ему удалось перевезти приборы из платины, мелкий инструментарий и многое другое. Однако такие вылазки становились все более опасными, и их пришлось прекратить. Лишь в 50-е гг. появилась возможность постепенно приобрести современную аппаратуру, стало больше студентов, и дела пошли на лад.

Проф. Бобельского по праву считают основоположником аналитической химии в нашей стране. Он многое сделал для развития в Израиле этой науки, в том числе для микрохимического анализа. Известны также его работы по гомогенному катализу, в области координационной химии и др. Проф. Бобельский – автор и пропагандист гетерометрии, с помощью которой можно проводить быстрое количественное определение следов одних компонентов в

присутствии избытка других без предварительного разделения. Этому методу он посвятил монографию «Гетерометрия», которая была опубликована в 1960 г. Он усовершенствовал систему, позволяющую исследовать состав сложных смесей, в том числе суспензий. По его схемам и чертежам в Израиле был сконструирован прибор, позволяющий изучать комплексные соединения и суспензии.

Проф. М.Бобтельский был основателем и первым председателем Израильского профсоюза химиков и внес большой вклад в развитие химической промышленности. Карла Хайтнер вспоминает, что Макс был человеком целеустремленным и талантливым, любил делиться знаниями и умениями со своими учениками, и они, студенты и докторанты, очень ценили это. Преданность работе и человеческие качества Бобтельского вызывали любовь сотрудников и коллег. С ним было интересно работать, он не подавлял своим авторитетом, умел создать творческую атмосферу.

После выхода на пенсию Бобтельский продолжал работать, поскольку не мыслил себя без дела, которому посвятил жизнь.

Я иду по тенистой аллее знаменитого Института имени Хаима Вейцмана. Сегодня у меня необычная встреча – со знаменитым ученым-химиком и четвертым президентом Государства Израиль профессором *Эфраимом Кациром-Качальским*. Дверь открыл пожилой человек с седой головой, с приветливой, слегка застенчивой улыбкой. Мы беседовали около двух часов, в течение которых он рассказывал о своей трудной, насыщенной многими событиями, необыкновенной жизни.

Эфраим родился в Киеве в 1916 г. в дружной еврейской семье. Он хорошо помнит своего дедушку со стороны отца, который был раввином. В доме соблюдались еврейские традиции. В 1922 г. семья переехала в Эрец-Исраэль. Вначале поселились в Тель-Авиве, но вскоре перебрались в Иерусалим. Он и его старший брат учились в гимназии Рехавия, были отличниками, с увлечением изучали математику, физику, химию. Еще в годы учебы в гимназии Аарон и Эфраим выбрали точные науки. После ее окончания в 1932 г. Эфраим поступил в Еврейский университет в Иерусалиме, где изучал химию, биологию, физику, математику. Химию преподавал проф. Макс Бобтельский. Старший брат Аарон тоже связал свою судьбу с химией. Братья Качальские принадлежат к первому поколению израильских ученых, получивших высшее образование в Израиле.

В 1937 г. Эфраиму была присвоена степень магистра, и на четыре года он уехал в Америку в докторантуру Гарвардского университета. В 1941 г. после защиты диссертации на тему: «Синтез и характеристика полиаминокислот» ему была присвоена ученая степень доктора наук. В 1941-45 гг. молодой ученый работал в Еврейском университете в Иерусалиме ассистентом в Отделе теоретической и макромолекулярной химии, в 1946-48 гг. – в Нью-Йоркском Политехническом институте, а также в Бруклинском и Колумбийском университетах. В 1948 г. Эфраим, по приглашению проф. Хаима Вейцмана, приступил к работе в Научно-исследовательском институте в Реховоте. Начался новый этап его научной биографии.

При институте Э.Качальский основал Отдел биофизики, которым руководил почти 25 лет (1949-73). Одновременно (1953-61 гг.) он преподавал биофизику в Еврейском университете в Иерусалиме. В 1966-68 гг. занимал ответственный пост Главного научного эксперта министерства обороны Израиля.

Еще в 1934 г. Эфраим присоединился к членам организации «Хагана» в Иерусалиме, в 1936 г. он окончил курс командиров в Кирьят-Анавим. Был командиром студентов всего Еврейского университета. В 1942 г. Э.Качальский был назначен командиром роты сухопутных войск в Иерусалиме и инструктором в молодежных подразделениях. Эфраим, его брат Аарон и проф. Бергман создали исследовательский отдел и занимались разработками в области производства отечественного оружия. После провозглашения Государства Израиль этот отдел (под названием РАФАЭЛЬ) стал частью ЦАХАЛа и одной из важных организаций в системе безопасности государства, существующей и сегодня.

Проф. Э.Качальский внес ощутимый вклад в исследование белков и их структурных элементов – аминокислот. Он разработал методы синтеза полипептидов (аминокислотных цепей), обладающих рядом свойств белков, и доказал зависимость биологических свойств белковых соединений от их химической структуры. Ученый исследовал антибактериальные и противовирусные действия синтетических полипептидов. Он один из первых синтезировал нерастворимые энзимы и предложил пути их использования в медицине и промышленности, например, в фармацевтической промышленности для производства пенициллина, в пищевой промышленности для обогащения фруктозой кукурузного сиропа. Новаторские работы Эфраима в области полиаминокислот получили международное признание. Он был первым израильским ученым, избранным в Американскую Национальную академию наук. Его

работы способствовали пониманию структуры белков, генетического кода человека, производству синтетических антигенов и системы иммунного ответа.

Проф. Э.Кацир-Качальский до сих пор работает, изучая биологическую специфичность и биологическое опознавание систем на молекулярном уровне. Он говорит: *«Я пытаюсь найти протейны, обладающие физиологическим воздействием, и хочу ответить на вопрос, почему существует специфическое воздействие»*. После окончания президентской каденции (1973-78 гг., тогда он и взял псевдоним Кацир) Кацир-Качальский основал в Тель-Авивском университете Отдел биотехнологии, в 1978-87 гг. он возглавлял это подразделение.

В 1996 г. научный мир отметил 80-летний юбилей израильского ученого, признанного специалиста в области изучения белков и белковых соединений. На празднование в НИИ имени Х.Вейцмана приехали пять лауреатов Нобелевской премии в области химии и медицины, которые высоко оценили вклад юбиляра в мировую науку.

Научные заслуги проф. Кацира-Качальского отмечены премией имени Х.Вейцмана (1950), Государственной премией Израиля в области точных наук (1959), премией имени Ротшильда (1960), престижной японской премией в области биотехнологии и многими другими. Он является членом академий наук нескольких стран, многих зарубежных научных обществ, комитетов, редколлегий. У него много наград. Одна из комнат в его квартире отведена под своеобразный музей: на стенах висят дипломы почетного доктора разных университетов и члена академий наук (Израильской АН, Лондонского Королевского общества и др.), хранятся различные медали, полученные за научные достижения, – золотая медаль Кребса и многие другие.

Профессор *Аарон Качальский* (1914, Лодзь – 1972, Тель-Авив) также окончил Еврейский университет в Иерусалиме и одним из первых получил здесь степень доктора наук (1940). В 1948 г. стал одним из руководителей исследовательского отдела Армии обороны Израиля и некоторое время был советником Давида Бен-Гуриона по вопросам науки.

Вместе с Эфраимом, по приглашению Х.Вейцмана, с 1948 г. он работал в институте в Реховоте, где до конца жизни возглавлял основанный им Отдел полимеров и одновременно преподавал физическую химию в Еврейском университете. А.Качальский – один из

инициаторов создания Израильской академии наук, в 1960-62 гг. – ее вице-президент, в 1962-68 гг. – президент.

Аарон Качальский внес существенный вклад в теорию электролитов (полимеров, способных диссоциировать в растворах на ионы), для которой сформулировал ряд фундаментальных законов, заложивших основу механохимии полимеров. Мировое признание получили его работы по электрохимическому исследованию биополимеров, термодинамике необратимых процессов, синтетическим и биологическим мембранам и по некоторым другим вопросам физической химии и биофизики.

Научные достижения проф. Аарона Качальского отмечены Государственной премией Израиля, Премией имени Х.Вейцмана и др. Его работы получили мировое признание, он был избран почетным доктором многих университетов мира, членом Академий наук и научных обществ многих стран. В 1964-68 гг. он был президентом Международного комитета по теоретической и прикладной биофизике. Решением Национального управления США по авиации и исследованию космического пространства его именем назван один из кратеров на Луне.

Жизнь выдающегося ученого проф. А.Качальского трагически оборвалась в 1972 г. в аэропорту имени Бен-Гуриона от рук японских террористов.

Александр Гольдберг (1906, Вильна – 1985, Хайфа) родился в семье одного из лидеров сионистского движения в России, Бориса Гольдберга, экономиста по специальности.

В начале 1921 г. семья переехала в Эрец-Исраэль и поселилась в Тель-Авиве, где отец А.Гольдберга основал акционерное общество и завод по производству силикатных строительных материалов. В мае того же года он был тяжело ранен во время арабских беспорядков и в 1922 г. умер. Александру в то время было 16 лет.

Александр Гольдберг получил образование в Англии, став инженером-химиком. В годы Второй мировой войны он отвечал за работы по получению магния из морской воды, а после войны – за производство алюминия в британской промышленности. С 1948 г. жил в Израиле.

Много сил и энергии А.Гольдберг отдал развитию израильской промышленности. Был директором концерна «Химикалии и фосфаты», с его именем связаны работы Израильского института химического волокна, электрохимическая индустрия («Frutarom»),

ISKAR и др. Он также является пионером в развитии методов сохранения урожая.

В 1965 г. А.Гольдберг стал президентом Хайфского Техниона и оставался на этом посту восемь лет. За эти годы им проведена реорганизация административной системы института, основаны факультеты биомедицинской техники и компьютерных наук, присоединен медицинский факультет; расширены исследования по прикладной математике и физике твердого тела.

Александр Гольдберг отличался демократичностью, отзывчивостью и доброжелательностью. Многие звали его просто Саша. Отношения со студентами были сердечными, и именно он положил начало студенческому представительству в Совете Техниона, а также неформальным совместным консультациям президентов университетов Израиля, которые вскоре приобрели статус Комитета.

После ухода с поста президента Техниона Гольдберг стал председателем Израильского технологического общества и с присущей ему энергией активизировал его деятельность, добываясь поддержки этой организации промышленниками и предпринимателями.

В 30-е годы учащиеся выпускных классов гимназий в Эрец-Исраэль были охвачены идеей работать в киббуце. Когда кто-то из учеников говорил, что хочет поступить в университет, это вызывало в лучшем случае недоумение. Да и учеников таких почти не было. Поэтому неудивительно, что среди 28 студентов, принятых на химический факультет в 1939 г., только шесть окончили школу в Палестине, остальные закончили гимназии в Европе и получили сертификат для учебы в Еврейском университете в Иерусалиме. Они приехали из прибалтийских стран, Бессарабии, Германии и др. Среди них были Мира Лаав, Давид Вовси и др.

Профессор *Давид Вовси* (1919, Латвия – 2002, Израиль) прибыл в Палестину в 1938 г. В следующем году он поступил на химический факультет университета, изучал также физику. После окончания университета в 1945 г. несколько лет проработал на химическом предприятии. В 1948-54 гг. Д.Вовси служил в научном подразделении Армии обороны Израиля в чине майора. В 1955 г. он получил докторскую степень по химии, затем в Бирмингемском университете (США) выполнил постдокторскую работу. С 1967 в течение почти 30 лет до выхода на пенсию в 1984 году Вовси рабо-

тал в НИИ имени Х.Вейцмана. В 1964 г. ему было присвоено звание профессора химии, и он возглавил Отделение по исследованию пластмасс. Профессор Вовси являлся членом Химического общества Израиля, Британии, Израильского общества по полимерам и пластмассам и других обществ, был членом редколлегии или редактором пяти международных журналов, руководителем или консультантом во многих научных учреждениях: Израильском институте волокна, ТАМИ (Institute for Research and Development, Israel Chemicals LTD) и др.

Давид Вовси приходится родственником профессору Мирону Семеновичу Вовси, одному из осужденных по «делу врачей», и знаменитому еврейскому актеру Соломону Михозлсу (Соломону Михайловичу Вовси). Давид был в Москве в 1960 г. на заседании международной организации ИЮПАК (Международная организация по чистой и прикладной химии) и надеялся встретиться с М.С.Вовси. Но, к сожалению, этой встрече не суждено было осуществиться: выдающийся врач и ученый ушел из жизни за две недели до приезда Давида.

Доктор *Мира Лаав* (р. в 1919 г., Одесса) приехала в Эрец-Исраэль по британскому сертификату для поступления в Еврейский университет в Иерусалиме. Она выбрала химический факультет, училась с интересом, преподаватели (в том числе братья Качальские) были прекрасные, увлеченные наукой. Дипломная работа была посвящена химии полимеров и их использованию в промышленности. После окончания учебы в 1944 г. Мира работала в биохимическом подразделении Клинической лаборатории больницы Ихиллов в течение почти 40 лет и внесла большой вклад в развитие клинической биохимии в Израиле. Ее докторская диссертация была посвящена биохимическому исследованию белков миеломы в крови и моче. Одновременно доктор Лаав работала в Тель-Авивском университете на медицинском факультете (отделение клинической биохимии), сочетая научную работу с практической деятельностью. Сейчас Мира на пенсии.

Профессор *Ицхак Михаэли* (р. в 1921 г., Литва) приехал с родителями в подмандатную Палестину в 1936 г. После окончания гимназии работал в киббуце (1939-40 гг.). В 1940 г. он поступил на химический факультет Еврейского университета, одновременно был офицером «Хаганы». В 1948 г. Михаэли окончил университет и свою дипломную работу выполнил по физической химии. Он

участвовал в Войне за независимость, был ранен, после чего переведен в Реховот в научное подразделение (НИИ). Был самым молодым сотрудником Хайма Вейцмана. Ицхак так и остался работать в институте, который впоследствии стал носить имя Х.Вейцмана. В тот период молодого научного сотрудника интересовали вопросы использования нефти в химической промышленности, ее ароматизация, крекинг для получения исходного сырья и др. Ицхак работал в Отделе полимеров. В 1969 г. его направили на три года в университет в Негеве для оказания помощи этому вузу (ныне университет имени Бен-Гуриона), где он был заведующим Отделом общей и физической химии, директором института. Вскоре ему было присвоено звание профессора химии.

Все годы до выхода на пенсию в 1981 г. Ицхак Михаэли был сотрудником НИИ имени Х.Вейцмана. Он внес существенный вклад в такие разделы химии, как термодинамика, электрохимия, превращение энергии в биополимерах и полиэлектролитах, поведение ионов в органических полимерных матрицах и др.

Проф. И.Михаэли работал по приглашению в научных учреждениях США и Англии. Избран почетным профессором химии ряда американских университетов. С целью популяризации науки и ее достижений вместе с Натаном Шароном вел научную программу «Новости науки» на радио «Голос Израиля». Был членом редколлегии журнала «Мада» («Наука»).

Доктор *Зезв (Владимир) Зарецкий* (1927, Москва – 1993, Реховот) рос в сионистской семье, с детства хорошо знал еврейскую историю и иврит. Этому языку его научил дядя Биньямин Зарецкий, который приехал в Эрец-Исраэль в 1920 г. в 15-летнем возрасте, с волной молодых энтузиастов из Крыма. Из-за безработицы он в 1929 г. вернулся в СССР, в 1949 г. вместе с семьей был репрессирован. В 1949 г. Зезв окончил Московский химико-технологический институт имени Д.И.Менделеева, специализировался в области органической химии, в 1961 г. защитил кандидатскую диссертацию. Зарецкий был видным и признанным специалистом в области масс-спектрометрии, возглавлял группу по изучению этим методом стероидов и терпеноидов в Институте химии натуральных продуктов АН СССР, а затем в Институте биологической и медицинской химии АМН СССР.

В 1971 г. З.Зарецкий репатриировался в Израиль и стал научным сотрудником Отдела органической химии Научно-исследовательского института имени Х.Вейцмана в Реховоте; с

1976 г. возглавлял масс-спектрометрическую группу Отдела изотопов в том же институте. Он использовал этот метод для исследования стероидов, витамина *D* и пептидов. В этом же году Зарецкий опубликовал монографию «Масс-спектрометрия стероидов», в основу которой легла его докторская диссертация, которую он решил не защищать в СССР, опасаясь отказа в разрешении на выезд.

В Израиле в 1977 г. доктор Зарецкий организовал первую международную конференцию по масс-спектрометрии натуральных продуктов, на которой присутствовали видные ученые из разных стран.

Зезв много и плодотворно работал, активно участвовал в ежегодных научных конференциях Израильского химического общества. Он был разносторонне талантливым человеком, писал рассказы, которые публиковались в журнале «22».

Доктор **Иосиф Кустанович** (р. в 1929 г., Москва). Его мать была из семьи сионистов: ее сестра и брат еще в 20-е гг. уехали в Эрец-Исраэль, дядя – в 1934 г. Она была химиком, преподавателем вуза, научным сотрудником НИИ твердых сплавов АН СССР. Недавно Ирит Рон написала книгу о семье Кустанович.

Отец Иосифа, инженер-связист, в годы Великой Отечественной войны находился в войсковой разведке. С войны вернулся с твердым убеждением, что из СССР при первой же возможности нужно уехать. В семье пришли к решению о переезде в Израиль, которое с большим трудом удалось осуществить только в 1973 г.

Иосиф окончил в 1952 г. химический факультет МГУ, а в 1958 г. защитил диссертацию на тему «Новые спектроскопические методы в металлургии». Много лет он работал в Институте витаминов АН СССР, был руководителем отдела. Приехав в Израиль в 1973 г., свою научную деятельность И.Кустанович начал в Отделе физиологии и фармакологии медицинского факультета Тель-Авивского университета, работал над новым синтезом галатана (анестетик). Для получения продукта особой чистоты (сумма примесей должна быть менее 25 ppm) разработал специальную горизонтальную дистилляционную колонку, которую запатентовал во многих странах. С 1976 по 1995 г. он руководил несколькими научными проектами в «Ramot» (Тель-Авивский университет), «Hydrola» (Бат-Ям) и в других учреждениях. В настоящее время И.Кустанович работает над усовершенствованием предложенной колонки, занимается молекулярной электроникой, основанной на химическом синтезе веществ, изучает возможности использования

новых материалов со специальными добавками для адсорбции кислорода.

Дочери Иосифа приехали в страну школьницами. Старшая пошла по стопам бабушки и отца – стала химиком.

Доктор **Ирина Кустанович** (р. в 1958 г., Москва), дочь Иосифа Кустановича, окончила в Израиле школу, служила в армии, затем училась в Тель-Авивском университете на химическом факультете. Дипломную работу по ядерно-магнитному резонансу (ЯМР) (изучение жидких кристаллов) выполнила в НИИ им. Х.Вейцмана. Ее докторская диссертация посвящена разработке новых методов ЯМР для исследования каталитических процессов в цеолитах. Постдокторскую работу она выполнила в Йельском университете (приложение ЯМР к исследованию биологических макромолекул, структуры белков), проходила стажировку в Американском Национальном институте здоровья, где занималась ЯМР сложных биологических систем. В настоящее время доктор Ирина Кустанович возглавляет группу ЯМР в Еврейском университете в Иерусалиме.

Доктор **Александр Вайнберг** (р. в 1937 г., Москва) в 1960 г. окончил Институт тонкой химической технологии им. М.В.Ломоносова, работал в Институте витаминов АН СССР. В 1979 г. репатрировался в Израиль.

В 1980-82 гг. А. Вайнберг работал научным сотрудником НИИ имени Х.Вейцмана, где занимался синтезом антибиотиков пенициллинового ряда, синтезом коэнзима для кардиологической практики. На основе этих исследований защитил докторскую диссертацию. В 1982 г. он перешел на работу в фирму, занимающуюся созданием рентгеноконтрастных веществ для диагностических целей, затем два года занимался синтезом хлорированных гетероциклических соединений, обладающих инсектицидным действием (научный отдел «Аганхимикали», Ашдод). С 1986 г. в течение восьми лет А.Вайнберг работал в крупнейшей фармацевтической израильской фирме TEVA, где руководил исследовательской группой, занимающейся синтезом новых лекарств, действующих на центральную нервную систему, и развитием технологии известных лекарств.

Когда с алией 90-х гг. в страну приехало много замечательных химиков-синтетиков, А.Вайнбергу поручили создать группу из пяти новых репатриантов; они успешно провели весьма сложный синтез и остались работать на фирме TEVA. За время работы в этой фирме доктор А.Вайнберг зарегистрировал пять патентов. В 1993 г.

создал свою фирму, занимающуюся внедрением предложений ученых и инженеров, приехавших из СССР. Результатом стало производство русского кваса. В 1994 г. на заводе работало 14 человек. Однако по целому ряду причин, в основном финансовых, завод А.Вайнбергом был закрыт. Вскоре он организовал группу, занимающуюся синтезом органических соединений по заказам организаций (Кирият-Вейцман, Реховот).

В настоящее время А.Вайнберг работает над созданием новых лекарственных препаратов (фирма «Инсайт», Реховот).

* * *

Химики и биохимики, работающие в клинических лабораториях больницы, вносят ощутимый вклад в улучшение методов диагностики.

Хайфская больница «Medical Centre Bnei Cion» основана более 75 лет тому назад, долгое время она субсидировалась бароном Ротшильдом. Начиная с 1991 г. во всех отделениях больницы резко возросло число русскоговорящих сотрудников – теперь их не менее 30–40%.

Химическую лабораторию больницы возглавляет доктор **Амос Ланир** (р. в 1943 г., Израиль). Его родители приехали из Белоруссии. Он широко образован, знает и любит литературу, искусство, музыку, является председателем Хайфского филармонического общества.

В этой лаборатории работает доктор **Исанна Ефремовна Лихтенштейн** (р. в 1935 г., Киев), дочь профессора Е.Лихтенштейна из Киевского мединститута им. академика А.Богомольца. В 1958 г. она окончила Киевский мединститут, в 1968 г. защитила диссертационную работу по биохимии, автор многочисленных публикаций в советских и зарубежных изданиях, одна из авторов монографии «Ошибки в лабораторной диагностике» (Киев, 1991).

И.Лихтенштейн репатрировалась в Израиль в 1991 г. и вскоре начала работать в биохимической лаборатории Хайфского Техниона от больницы «Bnei Cion», затем – в химической лаборатории этой же больницы (с 1993 г.). Она занималась изучением окисления свободных радикалов при различных патологических состояниях в эксперименте и клинике. Результаты этих исследований опубликованы в научных журналах США и Канады.

И.Лихтенштейн освоила методики, важные для диагностических целей: обнаружение протеин-карбонилов, перекисного окисления и др. Исанна Иосифовна внедрила в лабораторную практику

методику количественного определения витаминов группы *B*, а также витаминов *E* и *C* в эритроцитах крови. Она принимала участие в выполнении актуальной научной тематики, связанной с проблемами алкоголизма.

Известные израильские ученые профессора И.Хиршберг и Э.Фишер открыли явление фотохромизма у спиропроизводных органических соединений. При ультрафиолетовом облучении (УФ) у этих веществ раскрывается пирановое кольцо и появляется окраска. Открытие имело большое практическое значение, прежде всего для оптики.

Это направление работ успешно развивает проф. **Валерий Айзикович Кронгауз** (р. в 1928 г., Москва) в НИИ им. Х.Вейцмана. В 1951 г. он окончил химический факультет МГУ, в 1965 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную переносу энергии между молекулами. В физико-химическом институте им. Л.Я.Карпова с 1953 г. до отъезда в Израиль заведовал лабораторией; по совместительству преподавал в Педагогическом институте им. В.И.Ленина.

Еще находясь в СССР, В.Кронгауз занимался изучением фотохимических реакций, печатался в таких журналах, как «Доклады Академии наук СССР», «Журнал общей химии» и др. И уже тогда состоял в переписке с израильским профессором Эрнстом Фишером. Переписываться напрямую в те годы было невозможно, поэтому обмен отгисками статей шел через США.

В 1974 г. В.Кронгауз, к тому времени профессор с мировым именем и самый молодой профессор среди химиков-экспериментаторов, репатриировался в Израиль. Несмотря на известность и поддержку проф. Фишера, В.Кронгауз прошел достаточно тернистый путь в израильской науке. Благодаря Валерию Айзиковичу фотохимия в НИИ им. Х.Вейцмана успешно развивается. Из советских ученых В.Кронгауз первым стал профессором в НИИ им. Х.Вейцмана.

Работы В.Кронгауза и его группы хорошо известны за рубежом, он печатается в самых престижных научных журналах мира, включая «Nature». Индекс цитируемости его работ один из самых высоких в его области. Сфера его научных интересов настолько многогранна и широка, что их нелегко даже перечислить: жидкокристаллические и полимерные фотохромы, фотохромизм различных органических соединений и др. И всюду различные цвета и их

оттенки, как в живописи, которую он очень любит. Валерий Айзикович даже сказал, что фотохромизмом увлекся из-за цвета.

Последние десять лет в группе проф. В.Кронгауза работает доктор **Юдифь Евсеевна Ратнер** (р. в 1935 г., Москва), в течение многих лет боровшаяся за право выезда евреев из СССР. Родители Юдифь Евсеевны были сионистами и мечтали о переезде в Израиль. Еще в 30-е гг. в Палестину уехали бабушка, дедушка и тети Юдифи Евсеевны, с ними велась переписка, в графе «есть ли родственники за границей» всегда писали: «есть». Осуществить свою мечту родители Юдифь смогли только в 1973 г.

После окончания Московского горного института (в 1957 г., факультет полезных ископаемых) Юдифь Евсеевна в течение 20 лет работала в НИИ металлургии АН СССР. В 1970 г. она защитила диссертацию, посвященную кинетике и катализу процессов восстановления кислородных соединений вольфрама, молибдена и рения с целью получения чистых металлов для порошковой металлургии. В 1977 г. ее уволили с работы в связи с подачей документов на выезд в Израиль. Была в отказе много лет. Только в 1988 г. Ю.Ратнер с семьей разрешили уехать в Израиль.

После репатриации Ратнер работает в НИИ им. Х.Вейцмана, занимается исследованием оптических свойств фотохромных полимеров, которые имеют прикладное значение: для изготовления оптических линз, стекол для самолетов, для автомобилей с целью защиты глаз от УФ-лучей солнечного спектра. Она исследует различные методы покрытия стекол и пластиков фотохромными полимерами: методом погружения изделия в раствор фотохромного полимера; методом его распыления при высокоскоростном движении объекта; покрытие в плазме.

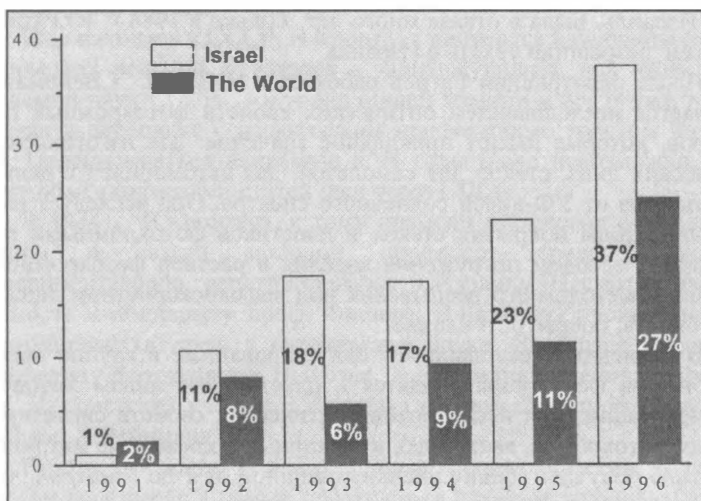
В последние несколько лет синтезированные в группе проф. В.Кронгауза фотохромы вводятся в пластиковые линзы методом полимеризации. Для исследования оптических свойств синтезированных фотохромов, введенных в различные полимерные матрицы, Ю.Ратнер получает тонкие пленки толщиной от 1 до 5 *микрон*, что является отдельной областью в полимерной науке. Ею были определены обратимые структурные изменения молекул фотохрома под действием УФ-лучей (при раскрытии молекул пленка приобретает темный цвет, который исчезает без облучения), изучалась кинетика окрашивания и обесцвечивания пленки, ее фотостабильность. Все эти факторы имеют важное прикладное значение.

Большую и трудоемкую работу в группе проф. В.Кронгауза проводят химики-сингетики, которые синтезируют фотохромы с различными оптическими свойствами. Вводя в молекулу фотохрома различные заменители, они получают фотохромные пленки, которые при УФ-облучении дают целую гамму цветов: оранжевый, фиолетовый, красный, зеленый и синий. Можно расширить цветовой спектр до коричневого и серого.

Большой вклад в эту работу внесли химики-сингетики, выходцы из СССР: *Лея Шрагина, Эмануил Лурье и Александр Зеличенко*.

* * *

В 90-е годы из СССР/СНГ приехало более 13 тысяч ученых, из которых 1200–1500 начали работать в университетах страны по программе Министерства абсорбции. Примерно 180 человек (1,3%) вошли в профессорско-преподавательский состав. Нужно было трудоустроить других ученых-репатриантов. Израильские ученые из Тель-Авивского университета, профессора Б.Файн, Э.Гилиади, Д.Хупперт и др., предложили новую программу абсорбции ученых,



Рост количества публикаций израильских ученых по сравнению с ростом публикаций в мире
(диаграмма предоставлена автору С.Ставровым)

известную как «Проект Гилиади». Эта программа не решала всех проблем, но давала репатриантам возможность работать в течение нескольких лет. Возникла идея проекта KAMEA, который преду-

смаатривает работу при постоянном финансировании ученых-репатриантов в группах, возглавляемых израильскими профессорами. Проф. Б.Файн назвал чудом то, что проект прошел. Он был одобрен в научном мире как хорошее решение в подобных ситуациях. Следует отметить, что проект KAMEA поддержали все партии, входящие в кнессет.

Члены Совета Союза ученых-репатриантов университетов Израиля Г.Барштейн, М.Белинский, С.Ставров, а также проф. химии Д.Хупперт, декан по алии и абсорбции Тель-Авивского университета, провели статистическое исследование роста количества научных статей, опубликованных университетами Израиля после приезда ученых-репатриантов. Исследование проводилось путем статистической обработки данных, приведенных в «Science Citation Index» (Филадельфия, США) по естественным наукам и медицине. Результаты исследований показали, что в 1993-96 гг. наблюдался существенный скачок количества публикаций израильских ученых по сравнению с ростом публикаций в остальном мире (см. *диаграмму*), что можно объяснить только вкладом ученых-репатриантов. Проф. Д.Хупперт убедительно подтвердил это заключение на примере химического отделения факультета естественных наук Тель-Авивского университета. (Следует особо отметить, что это отделение занимает первое место по числу публикаций и количеству ссылок среди химических факультетов всех университетов Европы.) Это работы профессоров М.Урбаха и С.Ческиса, докторов В.Ционского, М.Белинского, Д.Голодницкой, Л.Дайхина и др.

Профессор *Михаил Урбах* (р. в 1951 г., Москва) окончил МГУ им. М.В.Ломоносова (кафедра электрохимии). Его трудовая биография связана с Институтом электрохимии АН СССР им. академика А.Н.Фрумкина, где он проводил исследования в области квантовой теории межфазных границ и спектроскопии поверхности. Это составило содержание его кандидатской и докторской диссертаций.

В 1990 г. он приехал в Израиль и вскоре начал работать в Тель-Авивском университете в Школе химии факультета естественных наук. Занимается теоретической электрохимией: теория электрохимических процессов на шероховатых электродах (кварц, кристалл, микробаланс, емкость, оптические свойства, кинетика). Второе направление его работ – нанотрибология (трение на микроскопическом уровне). Им предложена теория жидкого трения для

нанометровых слоев жидкости. Проф. М.Урбах предложил также новый метод управления процессом трения и контроля за ним.

За период работы в Израиле М.Урбах опубликовал более 40 статей в международных журналах. Он выступал на многих международных симпозиумах с докладами, в том числе пленарными.

Профессор *Сергей Ческис* (р. в 1948 г., Москва) окончил Московский физико-химический институт в 1972 г., работал в Институте химической физики АН СССР, здесь же защитил кандидатскую и докторскую (1979 г.) диссертации, посвященные исследованию химической кинетики в газовой фазе с помощью лазерной спектроскопии.

В 1990 г. С.Ческис репатриировался в Израиль и в этом же году начал работать в Тель-Авивском университете на химическом факультете. У него своя лаборатория. Когда он ее получил, это была пустая комната, сейчас здесь проводятся серьезные исследования процессов горения с помощью лазерной спектроскопии, их результаты публикуются в престижных международных журналах.

Доктор *Моисей (Моше) Ильич Белинский* (р. в 1946 г., Кишинев) окончил Кишиневский университет (1968), много лет работал в лаборатории неорганической химии Института химии АН Молдавской ССР. Защитил кандидатскую и докторскую (1988) диссертации, посвященные магнетизму, спектроскопии и электронной структуре кластеров переходных металлов в координационной химии. В 1990 г. репатриировался в Израиль и в 1991 г. начал работать в Тель-Авивском университете (Школа химии факультета естественных наук). Работает в области теоретических исследований многоядерных металлических центров в биологических системах. М.Белинский предложил новый эффективный подход к описанию гайзенберговского обменного взаимодействия, двойного обмена (переноса электрона), зеemanовского и сверхтонкого взаимодействия в кластерах металлов. Этот подход позволил ему описать энергетические спектры, магнитные свойства и др. в ферредоксинах, энзимах, высокопотенциальных протеинах и их модельных системах. Получены соотношения между магнитными и спектроскопическими характеристиками и геометрическим строением, выявлена роль искажений железосерных кластеров.

М.Белинский впервые рассмотрел в обобщенной модели обменные и сверхтонкие взаимодействия в M_n кластерах, которые входят в активный центр, производящий кислород в процессе фо-

тосинтеза. Строение этого центра известно и интенсивно исследуется в последнее время.

М.Белинский впервые объяснил магнитные свойства, нестандартный парамагнетизм, месс-бауэровские спектры и особенности спектров ЭПР сложных комплексов, содержащих кластеры парамагнитных металлов, а также многоядерных биологически активных центров. Его работы вносят важный вклад в понимание электронной структуры, магнетизма, переноса электрона и спектроскопии важных биологических систем и их синтетических моделей.

Ученый подтвердил мнение, что существует зависимость между развитием химических наук и уровнем смежных дисциплин, особенно физико-математического цикла, и влиянием самой химии на другие естественные науки.

М.Белинский занимается большой общественной работой в рамках Союза ученых-репатриантов. Он – председатель Совета Ассоциации ученых-репатриантов университетов Израиля (1994 г.); вице-президент Союза ученых-репатриантов Израиля (1995 г.), с конца 1997 г. – член комиссии по реализации проекта KAMEA (представитель ученых-репатриантов).

Доктор *Соломон Степанович Ставров* (р. в 1954 г., Черновцы), окончил Кишиневский университет (1975), работал в Институте химии АН Молдавской ССР в лаборатории квантовой химии. В 1983 г. защитил диссертацию, посвященную теоретическим исследованиям структуры и свойств гем-белков (гемоглобин и др.). В 1991 г. С.Ставров репатрировался в Израиль. Он приехал в апреле, а с 1 мая уже работал в Тель-Авивском университете, на медицинском факультете в Институте молекулярной медицины им. Саклера у проф. А.Шехтера. Этому предшествовала «сказочная» история. Семья Ставровых приняла решение об отъезде в Израиль, и в это время с просьбой прислать оттиски его статей к нему обратилась проф. А.Хохман из Тель-Авивского университета. Соломон отправил оттиски всех своих работ и сообщил, что собирается приехать в Израиль на постоянное место жительства, что готов работать под ее руководством или у кого-либо из ее коллег. Через некоторое время проф. А.Шехтер позвонил ему в Кишинев и пригласил на работу в свою лабораторию.

Доктор С.Ставров читает лекции студентам по вычислительной и структурной биохимии. Он разработал методику расчета влияния структуры и динамики белков на спектроскопические характеристики их фрагментов, выяснил происхождение ряда

спектроскопических особенностей гемсодержащих белков, на основании чего предложил новые экспериментальные подходы. Ставров представлял Израиль на международных конференциях, где выступал с докладами, в том числе пленарными. Несколько раз его приглашали работать в течение месяца в Пенсильванском и других университетах. Он читал лекции по гем-белкам в Американском национальном институте здоровья (штат Мэриленд) и других научных учреждениях США.

За время работы в Израиле С.Ставров опубликовал 15 статей в престижных международных журналах.

* * *

Немало ученых – выходцев из СССР/СНГ успешно трудится в Бар-Иланском университете. В лаборатории видного израильского электрохимика проф. Д.Орбаха работают несколько бывших советских электрохимиков и физхимиков: представитель Фрумкинской электрохимической школы доктор М.Д.Леви, ученик проф. А.И.Лопушанской доктор Б.И.Марковский и др.

Доктор *Михаил Давидович Леви* (р. в 1950 г., Москва) в 1972 г. окончил химический факультет МГУ им. Ломоносова, в 1977 г. защитил диссертацию «Электровосстановление анионов в апротонных растворителях», выполненную под руководством академика А.Н.Фрумкина. С 1976 по 1992 г. работал в Институте электрохимии им. А.Н.Фрумкина, где был инициатором нового научно-технологического направления «Электросинтез и редокс-поведение электронно-проводящих полимеров». В 1992-93 гг. стажировался в лаборатории молекулярной электрохимии ядерного научного центра в Гренобле (Франция), а в 1993-94 гг. работал в Университете естественных наук (Лиссабон, Португалия) по научно-технологическому проекту, финансируемому комиссией ЕЭС.

В 1994 г. М.Леви репатрировался в Израиль и с 1995 г. работает в Лаборатории электрохимии. Он занимается изучением механизма электрохимической интерполяции лития в графитовые аноды и катоды на основе оксидов переходных металлов, руководит работой группы, занимающейся исследованием электродного поведения материалов, используемых в литиевых источниках тока, в апротонных растворителях. Помимо теоретического, эти работы имеют и прикладное значение для создания новых перезаряжаемых химических источников тока.

М.Леви неоднократно приглашался с лекциями и докладами на международные школы и специальные семинары по электрохимии. Он является членом Американского химического общества.

Представитель физико-химической школы профессоров А.В.Панфилова и А.И.Лопушанской доктор **Борис Исаакович Марковский** (р. в 1947 г., Черновцы) окончил Черновицкий государственный университет в 1971 г. (химический факультет, кафедра физической химии), в 1984 г. защитил диссертацию на тему «Исследование электрохимических неизотермических систем с никелевыми и цинковыми электродами». С 1978 по 1993 г. работал на кафедре физической химии Черновицкого университета; основные научные исследования Б.Марковского были связаны с физхимией и электрохимией растворов электролитов, электроосаждением металлов и сплавов, влиянием неизотермичности на поведение электрохимических систем, использование термодинамики необратимых процессов.

В 1993 г. Б.Марковский репатриировался в Израиль и в том же году начал работать в лаборатории проф. Д.Орбаха по тематике: литиевые источники тока, электрохимические, спектрохимические и другие методы исследования анодных и катодных материалов, интерполяция лития в графит и оксиды переходных металлов. Результаты своих исследований он публикует в престижных журналах по электрохимии.

* * *

Важные и актуальные исследования проводят русскоязычные химики, работающие в Еврейском университете.

Профессор **Лев Давидович Бергельсон**, сын известного еврейского писателя Давида Бергельсона, (р. в 1918 г., Москва), окончил Московский университет, участвовал в Великой Отечественной войне, после которой прошел аспирантуру. В это время начались гонения на евреев. Писатель Давид Бергельсон был арестован, а его семья сослана в Сибирь.

В 50-е годы Лев Бергельсон вернулся к научной работе, защитил докторскую диссертацию и работал в НИИ биоорганической химии АН СССР по теме «Химия и биохимия липидов и биологических мембран».

С 1967 г. он член-корреспондент АН РСФСР, в 1987 г. стал лауреатом Государственной премии СССР; автор более 300

научных работ, включая три монографии; является одним из самых цитируемых авторов в своей области.

В Израиле с 1991 г. Л.Бергельсон – профессор Еврейского университета и одновременно почетный профессор Американского национального института здоровья (штат Мэриленд). Он руководит лабораторией биологических мембран на медицинском факультете Еврейского университета. Был президентом Союза ученых-репатриантов, в настоящее время является его почетным председателем.

Сложный жизненный путь привел доктора *Наума Китросского* (р. в 1929 г., Бельцы, Бессарабия) к работе в Еврейском университете в Иерусалиме.

После войны он вернулся из эвакуации в родные места, в Молдавию. В 1952 г. окончил химический факультет Кишиневского университета, где преподавали ученые из Москвы и других городов, приехавшие помочь недавно созданному университету. После окончания университета Н.Китроский по распределению три года работал в Комсомольске-на-Амуре в лаборатории нефтезавода, а затем в Калуге на турбинном заводе. В 1956 г. поступил в аспирантуру Московского педагогического института на кафедру органической химии и защитил диссертацию, посвященную теории цветности молекулярных комплексов органических соединений (1961). С 1962 г. он работал старшим научным сотрудником НИИ биологической и медицинской химии АМН СССР, затем в Институте общей и коммунальной гигиены; успешно занимался газовой хроматографией.

В 1970-72 гг. Н.Китроский работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте судебных экспертиз. Здесь ученый использовал возможности газовой хроматографии в расследовании особо опасных преступлений, с помощью этого метода он также изучал различные горюче-смазочные материалы, ароматические вещества, некоторые пищевые продукты. Чем успешнее работал Н.Китроский, тем хуже к нему относились в институте. Очевидно, не все были заинтересованы в высокой раскрываемости преступлений. В 1973 г. он вынужден был перейти в Центральную научно-исследовательскую лабораторию токсичности двигателей (ЦНИЛ) Министерства тракторного машиностроения, где проработал до 1979 г. – времени подачи заявления в ОВИР о желании выехать в Израиль. Ему отказали. Долгих восемь лет он был в отказе! Только в 1987 г. Н.Китроский приехал в Израиль и начал работать на медицинском факультете Еврейского университета в Иерусалиме.

Успешно использует газовую хроматографию, а также высокоэффективную жидкостную (HPLC) для исследования свободных радикалов кислорода, которым отводится важная роль в современной медицине.

В 1988 г. из Израиля в Институт химии Молдавской АН пришло печальное известие, в которое не хотелось верить: умер Алик Гольдман. Гольдман был разносторонне талантливым человеком – он был ученым, писал стихи, прекрасно пел; играл в КВН за команды Кишинева, Одессы и Риги. Однажды на новогоднем институтском вечере мы играли в КВН: команду химиков возглавлял Алик, команду «химичек» – я. Победила та необыкновенная атмосфера, которая царила в зале.

Доктор **Александр Моисеевич Гольдман** (1943 г., Коканд, Узбекская ССР – 1988 г., Израиль) окончил Кишиневский университет (химфак, кафедра неорганической химии). Вся его трудовая деятельность до отъезда в Израиль была связана с Институтом химии АН Молдавской ССР. Здесь он защитил диссертацию по химии координационных соединений.

А.Гольдман приехал в Израиль в 1977 г. Своим друзьям в Канаду он писал: *«...Я полюбил эту страну. Полюбил не страстно и прямолинейно, а нежно»*. Он жил в Реховоте, организовал здесь «русский клуб», о котором говорят до сих пор. Это был его вклад в абсорбцию новых репатриантов тех лет.

Алик проходил постдокторантуру в НИИ им. Х.Вейцмана, в Отделе органической химии в лаборатории проф. Ави Эфрати; занимался изучением каталитических реакций. В 1980-88 гг. работал на сельскохозяйственном факультете Еврейского университета, расположенном в Реховоте, исследовал гетероциклические соединения природного характера. Он впервые использовал метод, сочетающий масс-спектрометрию с газовой хроматографией для изучения органических соединений, содержащихся в растениях, произрастающих в Израиле; идентифицировал биологически активные вещества, входящие в их



А.М.Гольдман

состав. А.Гольдман работал в Израиле очень плодотворно опубликовал множество статей в международных научных журналах, читал лекции, получил «квиют» (постоянную позицию в работе), которым, к сожалению, не успел воспользоваться.

Алик умер совсем молодым. Его вдова Лена Гольдман подарила мне книгу мужа «Монологи», изданную посмертно. Для многих стало сюрпризом, что А.Гольдман был серьезным, талантливым писателем.

Когда я начинала работать в Еврейском университете (Гиват-Рам), мне посоветовали познакомиться с *Любой Кристал*. Необыкновенная умница, внешне немного суровая, она щедро помогала новым репатриантам. Люба родилась в 1944 г. в Чкаловской области в семье эвакуированных ленинградцев. Родители Любы воспитывались в Еврейском детском доме в Белоруссии, который до 1924 г. содержала еврейская община США; родным языком в семье был идиш. В 1966 г. Люба окончила химический факультет (кафедра органической химии) Ленинградского университета и затем в течение 10 лет работала в лаборатории газовой хроматографии во ВНИИ нефтехимии.

В 1976 г. она репатрировалась в Израиль и в том же году начала работать в аналитической лаборатории, которую возглавляет проф. Э.Грушка (Отдел неорганической и аналитической химии).

Когда возникла идея создания лаборатории аналитического обслуживания заказчиков, эту работу предложили прекрасному химику Любове Кристал, владеющей многими современными физико-химическими методами анализа: это и атомно-адсорбционная спектроскопия, и все разновидности хроматографии, а также классические методы аналитической химии. Она изучает сложные объекты, включая фармацевтические. Л.Кристал – автор и соавтор многочисленных публикаций.

Рассказ о Л.Кристал будет неполным, если не упомянуть об ее увлечении шахматами с пятилетнего возраста. Она мастер спорта СССР по шахматам, четырехкратная чемпионка Ленинграда, двукратная чемпионка СССР в составе сборной Ленинграда. Является международным мастером. В составе сборной Израиля Л.Кристал в 1976 г. выиграла золотую олимпийскую медаль.

Пять раз Любовь была чемпионкой Израиля, участвовала в международных турнирах, защищала флаг Израиля на четырех Всемирных олимпиадах. Много лет длилось ее шахматное сотруд-

ничество с мужем Ицхаком Вейнгером, который тоже был международным мастером, гроссмейстером по переписке. К сожалению, в 1998 г. он безвременно ушел из жизни. Более 30 лет Л.Кристол играет в шахматы по переписке и все больше времени уделяет именно этому виду игры. И здесь она тоже добилась значительных успехов: гроссмейстер по переписке, участник многих элитных турниров, двукратная чемпионка мира среди женщин. В год 50-летия Государства Израиль Любовь Кристол была выбрана «Шахматистом юбилея».

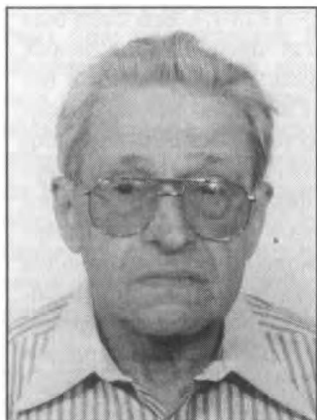
Профессор **Яков Харит** (р. в Литве, 1928 г.). Его отец был директором еврейской школы «Тарбут», где преподавание велось на иврите. Дома говорили на иврите и идиш. Яков учился и в начальной школе, и в гимназии на иврите. Гимназию не дала окончить война. Семья эвакуировалась в Казахстан. В 1944 г. Яков поступил в Томский железнодорожный институт. После войны вернулся в Литву и поступил на химический факультет Вильнюсского университета, а затем переехал в Ленинград и был принят в Химико-технологический институт им. Ленсовета, который окончил в 1950 г. После шести лет службы на шинном заводе Я.Харит работал в Ленинградском текстильном институте до отъезда в Израиль в 1972 г. Несмотря на запрет и угрозу преследований, преподавал иврит в своей ленинградской квартире небольшим группам (после Шестидневной войны в СССР началось еврейское национальное движение и борьба за право выезда в Израиль, в связи с чем евреи стали изучать иврит). Он читал лекции студентам Киноинженерного института по органической химии, химии полимеров, химическому материаловедению (кожа, текстиль, резина, пластмассы и др.). В Текстильном институте он защитил диссертационную работу по изучению состава и структуры солей, полученных из дикарбоновых кислот, диаминов и гидразинов, а также по синтезу спирторастворимых полиамидов.

Разнообразен круг его научных интересов: синтез волокон с различными свойствами, арилсульфамидальдегидных резин, волокна и пленки с бактерицидными и фунгицидными свойствами.

Вскоре после репатриации в Израиль он, хорошо зная иврит, начал (с 1973 г.) работать в Институте волокна, продолжил исследования в области биологически активных волокон, занимался спирторастворимыми полиамидами из отходов нейлонов, защитой цитрусовых от грибков, исследовал возможности полимеризации на коже, много сил и энергии отдал работе с пустотелыми волокнами.

Стенки этих волокон можно сравнить с мембранами, работают они по принципу диализа. Такие волокна можно использовать для осмоза, для удержания запахов; пропуская воздух через пустотелые волокна, можно накопить кислород и подавать его в больницы и т.п.

Яков Харит внес большой вклад в создание негорючих волокон. Периодически (через каждые 7 лет) Я.Харит работал за рубежом как специалист в области химии волокна, синтеза волокон с заданными свойствами. В ЮАР на территории атомного центра он инициировал строительство завода по выпуску волокна.



Л.А.Вольф

доктор технических наук (1967), профессор с 1968 г., заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1989), Почетный химик СССР (1986). Участник Великой Отечественной войны.

С 1970 по 1990 г. Л.Вольф заведовал кафедрой технологии полимеров и химических волокон Ленинградского института текстильной и легкой промышленности и одновременно был научным руководителем Проблемной лаборатории по синтезу биологически активных материалов того же института. Он опубликовал 798 научных работ, из них 9 книг и монографий, у него 32 иностранных патента, 207 авторских свидетельств.

Основной вклад в науку Л.Вольфа связан с разработкой теоретических основ получения и использования волокон со специальными (заданными) свойствами: биологической, сорбционной, каталитической активностью. Он является автором монографии «Волокна

В последние годы он преподавал химию и технологию полимеров и волокон в Еврейском университете в Институте прикладных наук. В настоящее время Институт Лев (высшая технологическая школа, Иерусалим) пригласил Якова принять участие в работе по использованию отходов кожевенного производства в сочетании с полимерами для получения кожеподобных материалов.

Профессор *Леонард Абрамович Вольф* (1926, Ленинград, – 2000, Париж) окончил Ленинградский институт текстильной и легкой промышленности. Кандидат химических наук (1961),

специального назначения» (М.: Химия, 1971), первой из опубликованных по этой теме.

Видный ученый, с высоким индексом цитируемости, создатель крупной научной школы химиков-технологов, разрабатывающей новое научное направление в полимерной химии, Л.А.Вольф в 1990 г. репатриировался в Израиль, работал в Израильском институте волокна (Иерусалим), где занимался разработкой антимикробных и сорбционно-активных материалов волокнистой структуры применительно к условиям Израиля.

Научные аспекты этой проблемы обобщены в докладе и трудах Международного симпозиума по текстилю (июнь 1992 г., Франкфурт). По результатам этих исследований для практических целей разработаны: технологическая схема дезинфекции и очистки питьевой воды от патогенной микрофлоры; гемосорбенты для очистки и консервирования крови; аппликаторы для ускоренного заживления ожоговых ран; высокоскоростные поглотители вредных и отравляющих газов; искусственная почва волокнистой структуры для выращивания растений и др.

В Израиле Л.А.Вольф приобрел известность как поэт и публицист, за цикл стихотворений «Портреты в коричневых тонах» удостоен диплома и звания лауреата престижного американского конкурса литераторов, пишущих на антифашистскую тему. Он публиковался в русскоязычной израильской и американской периодике.

Л.Вольф умер во время поездки в Париж.

Профессор *Михаил Львович Хидекель* (1932, Горький – 2001, Израиль) окончил химический факультет Горьковского университета (дипломант академика Г.А.Разуваева) с отличием, но распределение получил в одну из школ района Соловков. Друзья помогли устроиться на одно из предприятий в Дзержинске, городе химиков.

Это было сложное время (50-е годы). Родители были известными врачами в Горьком и постоянно ожидали ареста. После смерти Сталина, когда семья еще не оправилась от «дела врачей», академик Н.Н.Семенов обратился к академику Г.А.Разуваеву с письмом, в котором просил прислать к нему в аспирантуру одного-двух лучших студентов. М.Хидекель с рекомендательным письмом поехал в Москву в знаменитый Институт химической физики. Однако отдел кадров его не пропустил – не та национальность. В Москве оказались знакомые химики, которые посоветовали попытаться поступить в аспирантуру Института органической химии АН СССР им. Н.Д.Зелинского. На экзамене по химии ему поставили пять с двумя

плюсами – он был принят в аспирантуру, но после ее окончания и защиты кандидатской диссертации вынужден был вернуться в Горький; он начал работать у академика Г.А.Разуваева.

В это время Институт химической физики создал филиал в Черноголовке, где тематика была открытая. Михаила Львовича пригласили туда работать, и он вскоре переехал в Черноголовку. В 1965 г. М.Хидекель защитил докторскую диссертацию, став одним из самых молодых докторов наук. Диссертация была посвящена исследованию химических аналогов ферментов (каталитическая бионика). Вскоре ему присвоили звание профессора. Тогда создали первую в СССР отраслевую кафедру при Институте тонкой химической технологии во главе с молодым профессором М.Хидекелем. Позднее он возглавил отдел в Институте химической физики в Москве. Его стали выпускать не только в социалистические страны Восточной Европы, но и в Китай и Индию. Он посетил Израиль, читал лекции. В 1991 г. М.Хидекель гостил у дочери в США и оттуда, из Сан-Франциско, с одним чемоданом репатриировался в Израиль; позже приехали и другие члены его семьи.

Здесь М.Хидекель узнал о существовании научных теплиц. Руководителю одной из них (расположенной вблизи Хедеры, в кибуце) г-ну Афори Михаил Львович предложил 15 проектов. Часть из них была принята.

Основные направления его работ: возврат металлов из отходов (золота, платины, кобальта), извлечение металлов из руд с их очень низким содержанием; органические металлы. Последние делят на два класса, но практическое значение имеют высокопроводящие органические полимеры (полимеры с внутренней проводимостью).

Синтетические металлы представляют собой систему сопряженных связей, донор и акцептор, которые, будучи соединенными в определенных пропорциях, создают проводимость. Есть шесть типов таких структур, два из них открыл проф. М.Хидекель, которого считают «отцом» в этой области химии. Михаил Львович внес большой вклад в проект, связанный с конденсаторами, который внедряется на одном из заводов Израиля. Все его работы выполнены с соблюдением экологической чистоты, что очень важно для проведения любых химических работ.

Доктор *Илья Кусельман* (р. в 1947 г., Донецк) в 1970 г. окончил Донецкий университет. В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Стохастическая стехиометрия сложных химических систем». В 1989 г. защитил докторскую диссертацию по

теме «Метрологическое обеспечение аналитического контроля» – приложение метрологии (науки об измерениях) к задачам контроля химического состава продуктов производства для обеспечения достоверности этого контроля. Заведовал лабораторией метрологии.

В 1990 г. он репатрировался в Израиль и в 1991 г. начал работать в Национальной физической лаборатории Израиля (INPL) – метрологическом центре страны, а в 1994 г. возглавил лабораторию материалов в составе INPL и привлек к работе в лаборатории десять специалистов по аналитической химии и смежных областей, в основном репатриантов из России, с которыми впервые в Израиле выполнил ряд исследований по химической метрологии. О важности этого направления работ, необходимых для обеспечения единства измерений в химии (в международной торговле, охране окружающей среды, усилиях по безопасности и др.), говорит такой факт, что практически одновременно (в 1993 г.) были созданы для его развития международная организация аналитиков CITAS и Комитет по материалам при международной организации по метрологии (BIMP). Эти исследования включают оценку метрологических характеристик методов химического анализа, таких, как воспроизводимость и правильность, пределы обнаружения и количественного определения и др.; сравнение результатов анализа одних и тех же объектов в разных лабораториях; создание стандартных образцов веществ и материалов, состав которых установлен с минимальной неопределенностью; расчет этой неопределенности и многое другое.

За время работы в Израиле доктор И.Кусельман получил в соавторстве шесть патентов, заявленных в США и странах Европы, а также опубликовал около 30 статей в международных журналах по аналитической химии, метрологии и качеству.

И.Кусельман является членом Международной Ассоциации официальных химиков-аналитиков, Американского химического общества, Израильского общества качества; вице-президентом зарубежного отделения Совета по аналитической химии Российской АН; редактором-консультантом международного химического журнала «Accreditation and Quality Assurance». Он один из организаторов Израильского метрологического общества (1998); организатор семинара по химической метрологии.

Профессор *Яков Иосифович Турьян* (р. в 1922 г., Ильинцы Винницкой обл.), видный электрохимик. Более 20 лет заведовал кафедрой аналитической химии Краснодарского политехнического инсти-

тута. Его основные работы относятся к области электрохимических методов анализа, электрохимической кинетики и термодинамики, он автор четырех монографий и более 500 научных публикаций.

В 1991 г. Я.Турьян репатрировался в Израиль и приступил к работе по своим проектам в области электрохимических методов анализа, принятым Министерством промышленности и торговли Израиля. В этих проектах участвуют еще два ученых-репатрианта. Работа проводится в Национальной физической лаборатории: разработаны новые перспективные методы оценки качества растительных и минеральных масел, а также масличных семян. Эти методики прошли валидацию (оценка метрологических характеристик методик) в Международной ассоциации официальных химиков-аналитиков. Совместно с сотрудниками Яков Иосифович оформил три патента и опубликовал 29 статей в престижных международных журналах.

Доктор *Михаил Айзенбуд* (р. в 1923 г., Литва) учился в еврейских учебных заведениях в Паневежисе – начальной школе и гимназии, где преподавание всех предметов велось на иврите. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 г. М.Айзенбуд окончил Московский институт химического машиностроения, кандидатская диссертация (1961 г.) посвящена гидродинамике двухфазных реакторов. Более 30 лет он проработал в ГИАПе (Государственный Институт азотной промышленности и продуктов органического синтеза, Москва) на разных должностях от лаборанта до заведующего лабораторией и отделом. Занимался процессами и аппаратами химической технологии, аппаратурно-технологическим оформлением производства аммиака и азотных удобрений, производства капролактама.

В 1979 г. М.Айзенбуд репатрировался в Израиль и в том же году начал работать в Институте исследований и развития концерна CIL (Химикалиим ле-Израэль), TAMI (Institute for Research and Development, Israel Chemicals LTD) сначала инженером, затем руководителем группы по инженерному развитию химических процессов (1979-85 гг.). В 1985-90 гг. – заведующий отделом инженерного оформления химических процессов, затем – консультант TAMI (1991-92 гг.). М.Айзенбуд занимался инженерным развитием процессов, разрабатываемых или совершенствуемых в концерне CIL: калийные удобрения, фосфорная кислота, броморганические соединения и др. С 1993 г. на пенсии.

Доктор **Давид Владимирович Иоффе** (р. в 1932 г., Ленинград) окончил Технологический институт им. Ленсовета по специальности «технология органических красителей». В 1954 г. защитил диссертацию. Область научных интересов – химия и технология органических соединений; карбанионы и анион-радикалы, а также физико-химическое изучение их строения, реакционной способности и применение в органическом синтезе; химия биологически активных веществ; связь биологической активности с химическим строением.

Работал в Институте токсикологии Минздрава СССР (1957-78 гг. – младший, затем старший научный сотрудник, заведующий лабораторией) в Отделе биохимии НИИ экспериментальной медицины АМН СССР (Ленинград, 1978-88 гг.).

В 1989 г. репатриировался в Израиль и в этом же году начал работать в Научно-исследовательском институте ТАМІ в Хайфе, где он сейчас старший научный сотрудник. Основное направление работы – химия и технология органических продуктов, в основном галогенсодержащих соединений ароматического и алифатического рядов.



М.Д.Ходаковский

Доктор **Михаил Давидович Ходаковский** (1931, Малин, Житомирской обл. – 1997, Израиль) окончил Московский химико-технологический институт им. Д.И.Менделеева по специальности «химическая технология стекла» (1954 г.), работал на заводе медицинского стекла в Солнечногорске (Московская обл.) инженером-технологом, затем во ВНИИ стеклянного волокна и стеклопластиков (Москва). В 1964 г. он защитил диссертацию на тему «Исследование влияния процесса формирования на стабильность диаметра непрерывного стеклянного волокна»; работал старшим научным сотрудником, затем начальником лаборатории. В 1978 г. перешел в НИИ электровакуумного стекла в Отдел оптического стеклянного волокна, начальником которого был до 1985 г., с 1985 до 1991 г. возглавлял лабораторию оптических стеклянных волокон Особого конструкторского бюро кабельной промышленности.

Научные интересы ученого были связаны с химической технологией стеклянных волокон текстильного назначения и для волоконно-оптических систем; его интересовала природа прочности стекла и стеклянного волокна. М.Ходаковский является автором многих публикаций (4 монографии, 2 учебника, 3 справочника, около 50 статей) и 58 патентов СССР (был Почетным изобретателем страны), большая часть которых внедрена в промышленность со значительным экономическим эффектом.

В 1991 г. он репатрировался в Израиль. Доктор М.Ходаковский работал в технологической теплице Хайфского Техниона, затем в фирме «Medglass» (Тель-Авив), специализирующейся по научно-технологическим проектам в области стекла, а затем на заводе изоляционных материалов по производству стеклянного и базальтового волокна (Сдерот).

Опыт работы по технологии двух различных типов стеклянных волокон позволил ему предложить проект по созданию принципиально нового типа непрерывных стеклянных волокон большого диаметра (до 200–500 μm), обладающих высокой прочностью в сочетании с высокой жесткостью (1994). Существовавшие до этого стеклянные волокна имели недостатки: низкий модуль упругости, а следовательно, повышенную гибкость.

В своем проекте М.Ходаковский использовал новейшие достижения в технологии непрерывного текстильного волокна и оптических волокон и предложил новый принцип получения дешевого волокна большого размера, сохраняющего высокую прочность и жесткость конструкций. Работа выполнялась в технологической теплице в Хайфе; предложенный принцип реализован на уровне натуральных образцов.

Профессор *Римма Яковлевна Ходаковская* (р. в 1935 г., Москва) окончила в 1958 г. МХТИ им. Менделеева (факультет химической технологии силикатов). Вся ее трудовая биография была связана с институтом, который окончила, и с кафедрой химической технологии стекла и силикатов, где прошла путь от лаборанта до профессора, и. о. заведующей кафедрой.

В сферу ее научных интересов входят исследования структуры и разработка новых видов стекол, ситаллов, покрытий и сплавов с заданными свойствами, которые находят применение в электронной технике, атомной, космической, химической промышленности, медицине, строительстве, при решении экологических проблем.

Р.Ходаковская опубликовала более 180 статей, 6 учебников, 3 справочника, монографию, она является автором 25 изобретений.

С таким «багажом» в 1991 г. она репатрировалась в Израиль. С конца 1992 г. работает в ТАМІ старшим научным сотрудником. В Израиле она продолжила свои работы в области прозрачных ситаллов и, что особенно важно, – в разработке керамических материалов. Первый большой проект в Израиле «Разработка новой технологии керамических волокон», основанный на технологии полимерных волокон, отличается дешевизной, простотой и универсальностью (т.е. пригоден для различного типа волокон). Предложенный проект апробирован на оксиде алюминия и PZT (цирконат-титанат свинца).

Другой важный проект Р.Ходаковской связан с разработкой нового состава керамических мелющих тел (мелкие шарики с диаметром от 0,6 до 2,8 мм), обладающих высокой износостойкостью. Их состав улучшен за счет специальных добавок и новых принципов формирования структуры. Они используются для тонкого помола и перемешивания порошков и суспензий в химической, керамической, фармацевтической, лакокрасочной и других отраслях промышленности. Шарики выпускаются на заводе, входящем в CIL (RAMI) с 1998 г.; изделию (внедренному в 1998 г.) присвоено имя RIMAX – в честь разработчика (RIMA Ходаковская).

Доктор *Евгений Тартаковский* (р. в 1946 г., Кострома) окончил в 1972 г. Ленинградский университет. В 1973 г. репатрировался в Израиль. В 1974-76 гг. служил в Армии обороны Израиля.

В Тель-Авивском университете на химическом факультете он выполнил дипломную работу (M.Sc.) по органической химии, затем продолжил работу над диссертацией по химии органических соединений, которую защитил в 1986 г. С 1987 г. по настоящее время Е.Тартаковский возглавляет группу, занимающуюся органической химией и индустриальной статистикой, в крупной фирме «Bromine Compounds Ltd» в Безр-Шеве.

Доктор Е.Тартаковский продолжает свое образование и совмещает работу с учебой на математическом отделении Университета имени Бен-Гуриона. Он выполнил работу, посвященную прикладной статистике (1991-97 гг.; M.Sc. по статистике). В 1993 г. принял участие в работе курса по хеометрике в Бельгии, а в 1997 г. – в Германии.

Доктор Е.Тартаковский организовал в Израиле курсы по хеометрике для химиков, работающих на промышленных предприятиях. Это очень важное дело, здесь его вклад огромен.

Вместе с группой сотрудников Е.Тартаковский занят поиском пути синтеза специальных мономеров высокой чистоты, синтезом промежуточных продуктов, стандартов для лаборатории аналитической химии, занимается фотохимией органических бромидов, исследованием качества продуктов и факторов, на него влияющих, и др.

Е.Тартаковский опубликовал ряд статей в международных европейских и американских журналах.

Доктор *Лина Соломоновна Вайсберг (Головкина)* (р. в 1937 г., Москва) в 1960 г. окончила Институт тонкой химической технологии им. Ломоносова, а в 1967 г. защитила диссертацию, посвященную масс-спектрометрии. Много лет проработала в Институте биорганической химии АН СССР им. академика М.М.Шемякина, занималась масс-спектрометрией, которая в 60-е гг. стремительно развивалась усилиями физиков и химиков и очень быстро стала одним из наиболее информативных, чувствительных и быстрых методов анализа. Сейчас невозможно представить себе аналитическую лабораторию без приборов, сочетающих газовую или жидкостную хроматографию с масс-спектрометрией.

«Frutarom» был одним из первых в Израиле заводов, где осознали необходимость этого метода для современного химического производства и купили газ-хроматограф – масс-спектрометр. Завод обратился к известному специалисту по масс-спектрометрии проф. А.Мандельбауму (Хайфский Технион) с просьбой помочь им найти специалиста. Как раз в это время доктор Л.Вайсберг начала работать в лаборатории проф. Мандельбаума. Осенью 1991 г. Л.Вайсберг приехала в Израиль, куда Мандельбаум пригласил ее, а весной 1992 г. уже работала на «Frutarom», продукция которого широко известна в Израиле и за рубежом.

Л.Вайсберг занимается анализом состава компонентов нежнейших и соблазнительнейших природных запахов фруктов, пищевых продуктов, отдушек, чтобы специалисты могли воссоздать эти ароматы. Она определяет малейшие (до 0,0001 %) примеси, способные ухудшить качество продукта. Она участвует в работе по синтезу продуктов целевого назначения, совершенствованию технологических процессов (идентификация побочных продуктов реакций) и использованию биологически активных экстрактов.

Доктор *Илья Вольфович Этлис* (р. в 1962 г., Дзержинск Горьковской области) родился в семье профессора химии, привившего сыну интерес к своей профессии. Он окончил Горьковский политехнический институт и был принят на работу в прикладной НИИ, где занимался разработкой новых иницирующих систем для процессов радикальной полимеризации акриловых мономеров и винилхлорида, а также синтезом новых мономеров. Вместе с доктором В.А.Фоминим ему удалось установить влияние строения молекулы инициатора на процесс полимеризации и улучшить оптические свойства органического стекла.

Илья Этлис разработал основы каталитического процесса получения важнейшего сомомера в производстве полимерных покрытий (2-этилгексилакрилата), а также участвовал в разработке полимерного носителя для лекарственных препаратов. Эти работы вошли в его кандидатскую диссертацию.

В 1991 г. Илья репатриировался в Израиль и начал работать на фирме «Тамбур» – крупнейшем производителе красок в стране. Занимался синтезом и испытанием новых пленкообразующих материалов для красок. Эти связующие служат основой, в которую добавляют десятки компонентов для достижения необходимой покрывающей способности, блеска, механической прочности и температурной устойчивости. Материалы, высыхая, связывают все компоненты краски в единое целое, обеспечивая желаемые свойства. Работа Ильи Этлиса начиналась с лабораторной колбы емкостью 1 л, затем переходила на пилотную установку в реактор емкостью 100 л. Следующей стадией был процесс внедрения в производство. За пять лет работы в фирме «Тамбур» доктор И.Этлис разработал ряд качественных материалов, принятых к производству и нашедших применение в знаменитых красках «Тамбура».

В настоящее время И.Этлис работает в Институте пластмасс, который выполняет заказы промышленных предприятий и ведомств по оптимизации процессов производства пластических масс и изделий на их основе, а также по характеристике материалов, применяемых в разных областях промышленности. Институт оснащен сложным оборудованием, позволяющим моделировать различные процессы производства. Решение многих проблем осуществляется с помощью различных видов хроматографии: это и идентификация, и определение чистоты отдельных компонентов, содержащихся в очень малых количествах с помощью газовой (GC) и жидкостной (HPLC) хроматографии; и определение характеристических свойств полимеров (в частности, его молекулярной массы) с

помощью гелепроникающей хроматографии. Илья Этлис занимается и разработкой методик анализа, что является сложной и чрезвычайно ответственной областью аналитической химии.

Элла Мироновна Цареградская–Альтмарк (р. в 1941 г., ст. Тюлькубас, Каз. ССР), окончила Кишиневский университет в 1964 г., работала в Институте химии АН МССР. После репатриации в Израиль организовала химическую лабораторию по реставрации металлических изделий, найденных при археологических раскопках. Небольшой коллектив этой лаборатории, существующей более 24 лет, представлен химиками алии 70-х и 90-х гг.; они с увлечением работают в Отделе древностей (при Министерстве образования), к которому относится эта лаборатория.

В металле, находившемся под землей тысячелетия, происходят электрохимические процессы, которые приводят к его коррозии. Коррозия металла нарушает его структуру, меняет форму и внешний вид. Степень коррозии зависит от многих параметров: от солей, находящихся в почве, кислотности почвы, влажности. Цель реставрации – привести металл в стабильное состояние, приостановить процесс коррозии и, по возможности, реставрационными методами вернуть первоначальную форму. Очень интересно и металлургическое исследование объекта: в зависимости от состава металла можно проследить, где находился источник сырья, какой способ литья применялся, и т. д.

* * *

TEVA является одной из крупнейших фармацевтических фирм Израиля. Она была создана в 1934 г. и сегодня насчитывает свыше 6 тысяч работников. В ее исследовательском отделе около 20 ученых – новых репатриантов (с 1992-93 гг.), в основном химиков-аналитиков и синтетиков. Положительный опыт трудоустройства репатриантов был продолжен в 1994-95 гг. На этот раз отдел пополнился учеными, уже имевшими опыт работы в Израиле, в основном в университетах.

К 1996 г. в некоторых лабораториях количество новых репатриантов достигло 40%. Однако последующее сокращение исследовательского отдела снизило этот процент до 25–30. Большинство этих ученых начали свой путь как исследователи и продолжают работать в этой должности. Некоторые сочетают исследовательскую работу с организационной.

В настоящее время в исследовательском отделе фирмы TEVA четверо ученых возглавляют группы. Одна из них – доктор **Берта Яковлевна Куявская** (р. в 1947 г., Кишинев). Она окончила химический факультет Кишиневского университета в 1971 г. и работала в Институте химии Молдавской Академии наук. Ее кандидатская диссертация посвящена синтезу и магнитным свойствам сложных комплексных соединений, содержащих несколько металлов (1976).

В 1990 г. Б.Куявская репатрировалась в Израиль, а в 1991 г. начала работать в Отделе охраны окружающей среды Школы прикладных наук Еврейского университета в Иерусалиме. Отдел возглавляет проф. Овадия Лев, много сделавший для ученых-репатриантов. За годы работы в университете (1991-94) Б.Я.Куявская занималась в основном двумя направлениями: экспресс-контролем состояния воды и воздуха и исследованием механизма образования и свойств так называемых Sol-gel стекол (стекол, полученных из органических веществ), результаты своих исследований она опубликовала в престижных журналах.

На фирме TEVA Б.Я.Куявская работает с 1995 г., начала новую тематику: анализ остаточных количеств растворителей в исходных материалах и в лекарственных препаратах. Для этого ею были разработаны специальные критерии, в соответствии с которыми закуплено оборудование, разработаны методики, которые внедрены уже не только на предприятиях фирмы в Израиле, но и за границей (Венгрия, США и др.)

Ученые-химики алии 90-х гг. вносят свой вклад в повышение общего уровня квалификации химиков, работающих в промышленности. В частности, доктора И.Кусельман, Е.Тартаковский и Б.Куявская проводили Дни информации, во время которых ознакомили свыше 100 человек с новейшими требованиями и достижениями в области анализа остаточных количеств органических веществ, статистического анализа полученных экспериментальных результатов и т.д.

Доктор **Александр Ефимович Вайсман** (р. в 1962 г., Кишинев) окончил химический факультет Кишиневского университета (1979 г.) и до отъезда в Израиль в 1990 г. работал в НИИ виноградарства; защитил диссертацию. Специалист в области жидкостной хроматографии и других физико-химических методов исследования.

В 1991-94 гг. проходил постдокторантуру в НИИ имени Х.Вейцмана в Отделе органической химии под руководством проф.

Д.Мильштейна. Синтезировал гетерометаллические комплексы металлов платиновой группы с фосфорно-азотными лигандами, исследовал активации связей C-H, C-C, C-Si, комплексы металлов. А.Вайсман опубликовал пионерские статьи в журнале «Nature» и др. Работая в фирме «Полихем», он внес существенный вклад в развитие аналитической химии и препаративной высокоэффективной жидкостной хроматографии (1994-96 гг.).

В конце 1996 г. А.Вайсман перешел в одну из крупнейших фармацевтических фирм «Agis Industries LTD.», где работал в области аналитической химии фармацевтических препаратов. С 1997 г. он руководит Отделом аналитической химии в одном из филиалов фирмы, где проводятся работы по аналитической химии лекарственных препаратов с использованием современных физико-химических методов.

Доктор **Виктор Тевелевич Глезер** (р. в 1948 г., Рига) окончил химический факультет Латвийского университета (1971) и до выезда в Израиль в 1991 г. работал в Институте органического синтеза АН Латвийской ССР, в лаборатории физико-органической химии, где занимался различными аспектами электроорганической химии, аналитической химии, охраны окружающей среды. Его диссертационная работа была посвящена исследованию механизмов электрохимических реакций с участием хиноидных соединений, молекулярных комплексов с переносом заряда, электрохимическому моделированию механизмов реакций органических соединений.

Семь лет В.Глезер проработал в Отделе охраны окружающей среды Школы прикладных наук Еврейского университета, где занимался разработкой сенсоров на основе модифицированных электродов и электродов, полученных с использованием технологии «заль-шель»; изучением природы продуктов, образующихся при хлорировании питьевой воды, применением корреляционных уравнений в электрохимии, органической химии и в химии окружающей среды.

С 1997 г. В.Глезер – сотрудник Отдела разработок методов контроля качества питьевой воды лаборатории общественного здоровья Министерства здравоохранения Израиля. Занимается разработкой новых методов контроля качества воды с использованием газовой и жидкостной хроматографии с масс-спектрометрической детекцией, проведением скрининга органических веществ в источниках питьевой воды. По исследованиям, выполненным в

университете, опубликовал ряд статей в престижных международных журналах.

Доктор Григорий Абрамович Кренис (р. в 1934 г., Кишинев) окончил Кишиневский университет (1957), работал в этом университете. После открытия в 1964 г. Кишиневского политехнического института перешел туда и все годы до выезда в Израиль проработал старшим преподавателем кафедры физической и коллоидной химии, затем доцентом. В 1969 г. он защитил диссертационную работу, посвященную исследованию и применению молдавских природных адсорбентов, имеет внедренное авторское свидетельство, монографию, более 60 научных статей.

Г.Кренис репатриировался в конце 1991 г. и с 1992 г. работает в Израильском институте нефти и энергии, где занимается проблемой совместимости и устойчивости нефтяных топлив при их смешении. При смешении термически устойчивые в отдельности образцы топлива могут образовывать осадки асфальтеновой природы, что приводит к большим трудностям в использовании таких смесей в промышленности и транспорте. После экспериментальных исследовательских работ была создана компьютеризированная система предсказания совместимости нефтяных топлив на основе ряда физико-химических параметров смешиваемых образцов, «A Computerized System for Prediction of Compatibility of Fuel Oils».

Результаты исследований Г.Кренис успешно докладывал на международных конференциях и опубликовал в научных журналах.

Доктор Анна Блинова (р. в 1965 г., Ленинград) родилась в семье потомственных химиков, окончила Ленинградский химико-фармацевтический институт (дипломная работа выполнена на кафедре химии и технологии лекарственных веществ). После окончания института в 1988 г. поступила в аспирантуру, где успела проучиться полтора года до выезда в Израиль в конце 1990 г.

Приехав в Израиль, она сразу же направилась в НИИ им. Х.Вейцмана, куда выслала документы еще из Ленинграда. Ее приняли в докторантуру под руководством проф. Марио Баки. Так А.Блинова начала свой путь в израильской науке.

Основное направление работы – изучение реакции циклизации свободных радикалов и их возможного применения для синтеза природных продуктов и биологически активных соединений. Область этих исследований достаточно новая. До того свободно радикальные процессы считались малоселективными и плохо

управляемыми. Их значение, в основном, сводилось к реакциям полимеризации. Современная химия свободных радикалов продемонстрировала возможность полного контроля над такой высоко-реакционной частицей, как свободный радикал. Правильный выбор субстрата и условий проведения реакции позволяет направить процесс в желаемом направлении. Это открывает доступ к сложным циклическим молекулам, получить которые с помощью стандартных «нерадикальных» способов не представляется возможным. А.Блинова разработала несколько новых реакций из этого класса. Циклические продукты, получающиеся в результате этих реакций, служат ключевыми продуктами в синтезе некоторых алкалоидов, а также производных определенного класса антибиотиков.

Доктор химии Блинова работает в молодой биотехнологической компании «Perfor», занимающейся синтезом и скринингом циклических пептидов в качестве потенциальных лекарственных веществ. Здесь разрабатывается несколько современных технологий поиска активных молекул: параллельный синтез и проверка активности сотен индивидуальных молекул, предсказание структуры активных соединений с помощью компьютерного моделирования молекул, библиотеки фагов, химических библиотек пептидов.

Анна работает в группе, занимающейся разработкой и синтезом комбинаторных химических библиотек. Комбинаторная химия – новейшее направление, завоевавшее огромную популярность во всем мире. Новый подход во много раз ускоряет поиск современных лекарственных препаратов.

Химия очень многогранна, также многогранна деятельность химиков, о которых я написала. Трудятся они в разных областях химии и вносят (или внесли) свой вклад в развитие большой химии в нашей маленькой стране.

Благодарность

Благодарю докторов А.Вайнберга, Д.Иоффе, Н.Китросского за предоставленные списки химиков и рекомендации написать о них, чем я, конечно, воспользовалась.

Выражаю свою признательность сотруднице Центральной библиотеки НИИ им. Х.Вейцмана Либетте Чернобровой, сотруднице библиотеки точных наук Тель-Авивского университета Маше Левиной (да будет светлой память о ней, ушедшей от нас молодой), Людмиле Школьник (Безр-Шева).

От Новомейского до Энглина¹

Михаил Хейфец (Иерусалим)

Тема этого доклада для меня совершенно неожиданна и непривычна: участие русских евреев в разработке пока единственного минерального богатства Эрец-Исраэль – солей Мертвого моря. Невозможно рассказать обо всех «действующих лицах и исполнителях» этой почти восьмидесятилетней драмы – например, о проектировании линии транспортировки поташа инженером Файнблумом, о новых процессах добычи брома, предложенных д-ром Ланда, о последней новинке по «русскому проекту» – заводе на Мертвом море по добыче магния... Я умышленно выбрал для своего сюжета только крайние на сегодня исторические точки – историю двух личностей, чьи судьбы показались мне сходными: Моше Новомейского, русского революционера и основоположника комбината «Предприятия Мертвого моря», и доктора Абрама Энглина, чей проект будет рассматриваться в Министерстве промышленности и торговле сегодня, через 2 часа после моего доклада². Итак, только начало и конец «русского воздействия» на богатства Мертвого моря – на сегодняшний день!



Моше Новомейский

* * *

¹ Доклад, представленный на Международной конференции, посвященной открытию НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» (Иерусалим, 28–29 дек. 1997 г.).

² К концу утреннего заседания 29.12.97, на котором зачитывался настоящий доклад, М.Хейфец сообщил слушателям, что проект А.Энглина принят.

Уроженец села Баргузин, что на озере Байкал, инженер Моисей Абрамович Новомейский считается в истории одним из двух основоположников промышленного развития Эрец-Исраэль. Его экс-сопартиец (эсер) Пинхас (Петр) Рутенберг заложил основы электрификации страны, Новомейский же – основы ее химизации. (Для построения коммунизма не хватало только советской власти – не могу удержаться от улыбки.) Рожденный в семье сибирских политических ссыльных, Моше Новомейский учился грамоте у приятельницы родителей, Брешко-Брешковской, «бабушки русской революции». Окончил промышленно-техническое училище в Иркутске, Горную академию в Германии и стал выдающимся горным инженером на Урале и в Сибири – строителем шахт, рудников, солевых и приисков. Как положено сыну и воспитаннику ссыльных, он был революционером-социалистом, т. е. снабжал динамитом боевую организацию партии эсеров. Потом попал в число выборщиков в первую Государственную думу – уже от социал-демократов.

В годы революции – председатель Национального совета евреев Сибири, член руководства Сионистской организации. В 1920 г. Новомейский из Иркутска (через Китай) прибыл в Эрец-Исраэль. На этом «общую биографию» Новомейского я завершу и займусь лишь одной ее ипостасью – основанием химической промышленности в Палестине.

Интерес Моисея Абрамовича к солям Мертвого моря возник «по аналогии» – он занимался строительством похожих минеральных комбинатов на озерах родимой Восточной Сибири. Специально побывал раньше в османской Палестине с целью геологической разведки и для сбора климатической и промышленной информации. На берегу Мертвого моря, по его словам, не было тогда ни одного дома, на его водах – ни одной лодки. Когда же он приехал в страну в 1920 г., увидел там первые хижины и первую моторку: из Заиорданья подвозили в Иерусалим продовольствие. Он откупил у их владельца прибрежный участок и моторку и, твердой ногой став на берег Мертвого моря, приступил к изыскательным работам.

Новомейский не был химиком. По образованию он – горный инженер, по призванию – организатор промышленности. Что требовалось выбрать из солей этого района для добычи в первую очередь? Будущий капиталист сообразил: самое выгодное – калийный минерал, поташ. На него имелся огромный спрос – и в тогдашней промышленности удобрений, и в производстве взрывчатки. Монополистом и создателем почти всех передовых способов до-

бычи этого минерала являлась в те времена германская химическая промышленность. Поэтому в годы Первой мировой войны цены на поташ в странах Антанты выросли в 9 раз, а в США – даже в 12! Запасов хлористого калия (поташа) в Мертвом море имелось немалое количество. Но как организовать добычу в таком месте, где «жить из-за жары белый человек не может» (местные евреи так и заявили Новомейскому!), а болотистые берега – питомники лихорадки, скашивающей насмерть неосторожных поселенцев. Буквально на каждом шагу инженеру приходилось придумывать «ноу-хау», чтоб добраться до богатств соленого озера. Он, например, решил построить на болотах цепочку испарительных прудов, и солнце стало для него источником бесплатной энергии, удешевившей производство. Одновременно таким же методом осушал болота и избавлял район от лихорадки. К строительству комбината приступил в 1930 г., а уже через год, в феврале 1931 г., была отправлена в Британию первая партия брома из негерманского источника. Еще через год пошел поташ.

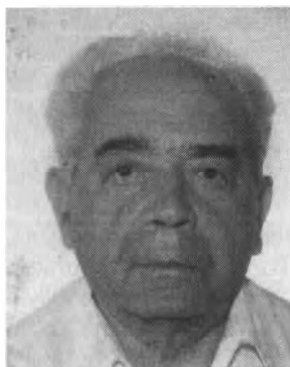
В годы Второй мировой войны его комбинат обеспечил половину потребностей Англии в поташе и 80% потребностей ее доминионов (не учитывая, однако, Канаду, которая наладила собственное производство). Предприятие оказалось в высшей степени прибыльным: правительство Британской короны получило свыше миллиона фунтов стерлингов в виде налоговых отчислений, правительство Трансиордании вкупе с местными мандатными властями еще полмиллиона! Было создано две тысячи штатных рабочих мест, плюс до десяти тысяч работников трудились у Новомейского на договорах. Целый регион, можно сказать, был пробужден инженером к цивилизованной жизни.

Чтобы подвести черту под коммерческой стороной «начинания Новомейского», отмечу, что до сих пор – хотя ситуация на мировом рынке поташа стала во многом худшей для этого минерала, предприятия Мертвого моря считаются в Израиле производством, чья прибыльность примерно на 35–40% выше ставки, которую принимают в виде «удовлетворительной» на любом нормально работающем комбинате.

Еще деталь: по соглашению с Верховным комиссариатом Британии и эмиром Трансиордании на комбинате работали не одни евреи, но и арабские рабочие – то были жители Иерихона на северном заводе (он был разрушен Арабским легионом во время Войны за независимость), а на Сдомском заводе (и поныне действующем) трудились феллахи из соседнего села. Вот что вспоминал

Новомейский на склоне лет: *«В мою задачу входило не только возведение построек, налаживание оборудования и добыча минералов, но и воспитательная работа с коллективом, от которого в конечном счете зависит успех – или неудача – любого предприятия... За 18 лет (1930–1948 гг.) между работавшими там евреями и арабами всегда сохранялись мирные и дружественные отношения. Иногда возникали конфликты среди еврейских рабочих или рабочих-арабов, но не было и одного случая вражды между евреями и арабами... Арабские рабочие были преданы интересам предприятия, не помогали бандам, действовавшим в 1936–38 гг., не участвовали в волнениях, возобновившихся в 1947 г. Даже в 1948, во время арабского вторжения, они не поддержали нападения на евреев – наоборот, арабы-рабочие в Сдоме отправили ко мне посланцев, прося защитить от возможного нападения хевронских ставленников муфтия».*

...Здесь, наконец, посреди идиллической картинки я перейду к загадке, которая умышленно была оставлена для вашего воображения. Итак, Новомейский в 1920 г. прибыл в Палестину с готовым и оригинальным проектом строительства комбината (со своим «ноу-хау», как сказали бы сегодня) и тогда же купил на собственные сбережения участок, пригодный для строительства завода. В 1930 г. он начал строительство, первая линия выдала продукцию через год, а полный задуманный цикл начался через два! Но – что случилось в промежутке? На что ушли годы с 1920 по 1930 – целых 10 лет?



Абрам Энглин

Они оказались заняты получением разрешения! Лицензии на начало работ.

Кем же оказались люди и организации, которые мешали реализации выгоднейшего проекта 10 лет?

Может быть, невежественные чинуши, не способные разобраться в колоссальных выгодах проекта для ВСЕХ – и для развития Палестины, и для трудоустройства ее населения, для доходов британской казны и правительства Трансиордании, для военного благополучия империи, переставшей зависеть от германского импорта?

Этих лиц можно разделить на четыре группы.

Первые – британцы, которым претило отдавать перспективное дело «русским евреям». Хватит и того, что лицензию на строительство электростанции в Палестине отдали какому-то «русскому» (Рутенбергу). Так теперь и Мертвое море «русским» давай! Я не преувеличиваю для красного словца. Новомейский пишет, что его защитникам в лондонском парламенте удалось утихомирить страсти, лишь напомнив этим сэрам и мистерам, что он не «русский» еврей, а палестинский. К слову, никакого антисемитизма в возражениях не чувствовалось! Ибо когда ради компромисса Новомейский взял себе компаньона-шотландца, между прочим, майора британской армии, шотландское происхождение последнего также вызывало строгие нарекания чистокровных британцев. Здесь, видимо, было то чувство, которое названо в русской пословице – «сам не гам и другому не дам!»

Вторая группа – антисиионисты. И опять-таки не антисемиты, а антисиионисты. Некоторых людей в Министерстве колоний и в палестинской администрации раздражала неумная активность евреев, осваивавших пустынную и разоренную османами землю. Беспрерывно росли новые поселки, прокладывались новые дороги, воздвигались плантации, появлялись новые порты, а тут и поэтические мертвые пейзажи Мертвого моря сионисты намерены изгадить... Почтенные, образованные и уважаемые джентльмены не для того сидели в своих высокооплаченных креслах в министерствах и тем паче в далекой Палестине, чтобы крутиться в них дни и ночи вослед энергичным сионистам. То ли дело солидные и никого не тревожащие, такие спокойные местные шейхи... Иногда «антиевреи» объединялись с антисиионистами: например, Новомейскому было предложено 20 тысяч фунтов наличными и еще акций на сто тысяч, только чтоб контрольный пакет будущей компании передавался в управление главной лондонской конторы (кстати, принадлежавшей британскому еврею, миллионеру и будущему лорду Мельчетту). И они страшно негодовали, натываясь на отказ: да кто ж предложит лучшие условия! Да знает ли он, на что соглашаются в такой ситуации другие?! А он все отказывался... Потому что его волновали не одни прибыли (хотя, как любой нормальный деловой человек, он интересовался прибылями). Но инженер понимал, что сиюминутные коммерческие интересы Лондона могут в будущем не совпасть с долгосрочными планами развития Мертвого моря, – а в Новомейском жили сионистские идеалы, сионистское видение жизненного служения, он не просто хотел заработать на Мертвом

море, но еще создать великое дело, которое оживит целый край в Эрец-Исраэль.

Наконец, имелась группа британцев, подозревавшая его в служении... интересам Германии (выше упоминалось, что Новомейский не был химиком, химиками же у него работали лучшие специалисты тогдашнего мира – то есть германские, что вызвало подозрения у недоверчивых британцев). И последняя группа – как положено, те, кто хотел захватить этот лакомый кусок природных солей себе: это американцы, монополии «Дженерал моторс» и «Дюпон де Немур», заинтересованные не в поташе, а в другом продукте – броне, нужном им для повышения октанового числа в бензине для растущей автомобильной промышленности.

Десять лет пробивал свой проект Моше Новомейский – и при условии, что у него не было серьезных проблем с капиталовложениями (богатые американские евреи быстро разглядели выгоду инвестиций в его бизнес). Десять лет ушло на получение бумаг – в пять раз больше, чем понадобилось на то, чтобы запустить комбинат с нулевой отметки и до проектной мощности. 66 лет работает с тех пор комбинат, ежегодно принося прибыль хозяевам и давая рабочие места жителям юга страны.

* * *

Я не случайно начал свой доклад с рассказа о судьбе Новомейского. История проекта нашего с вами современника, д-ра Абрама Энглина, перекликается с этим сюжетом.

Абрам Энглин, советский инженер эпохи первых пятилеток, старший научный сотрудник московского Института хлора, дважды лауреат Сталинской премии (в 1950 и 51 гг. – самые «те», памятные советскому еврейству годы!), считался одним из генераторов идей в советской хлорной промышленности. Для ясности нужно сказать несколько слов о специфике этого вида промышленности.

Хлор – первый из отравляющих газов и основа всех последующих отравляющих веществ. Страны, «кто хотел мира, готовясь к войне» – не только один СССР, – придавали огромное значение работе заводов, добывавших и перерабатывавших хлор. Они должны были существовать и действовать, готовые к переходу в любой нужный момент на выпуск ОВ. Но до той поры они же выпускали мирную продукцию для гражданских отраслей – иначе казна разорилась бы! Потому был создан в Москве особый Институт хлора...

В послевоенные годы в мировой химии произошел революционный переворот – возникла так называемая синтетическая химия. В ней видную роль стал играть хлор, элемент активный, потому способный расшевелить ход реакции во многих важных процессах. Человечество вступило в эпоху полимеров, огромное значение в ней играла развитая хлорная промышленность. Достаточно напомнить название, знакомое сегодня буквально каждому, – полихлорвинил, один из самых важных пластиков в строительной индустрии мира.

...Когда Абрам Энглин получил в ОВИРе первый отказ (он был дважды лауреат, напоминаю!), то не стал сидеть дома на покое, а начал читать, размышлять, рассчитывать и сопоставлять – чем он может быть полезен Еврейскому государству, если туда приедет. «Отказ» занял 14 лет жизни – времени оказалось достаточно, чтоб додуматься до многих оригинальных проектов и технологий.

И, прежде всего, он, как за полвека до него Новомейский, задумался о проблеме Мертвого моря.

Евреи любят хвастливо приговаривать, что Бог обделил их страну полезными ископаемыми, но взамен дал особую ценность – замечательные еврейские головы. Энглин пришел к противоположному выводу: Бог дал нашей стране один из самых замечательных кладов в мире – соли Мертвого моря, но «выдающиеся еврейские головы» пока что используют этот Божий дар в самой ничтожной мере.

– Новомейский был инженер, а не химик, – говорит он мне. – Он придумал замечательные для своего времени инженерные решения, собрал отличный коллектив. Но чисто химический потенциал богатства, которое ему досталось, не умел использовать... Он и бром-то поначалу тоже не хотел добывать – его вынудили конкуренты. Между тем, ситуация на мировом рынке изменилась: поташ сегодня уже не имеет прежнего значения. Да и добывают его преимущественно в Штатах и Канаде, там диктуют Израилю объемы добычи и цены на мировых рынках. Бром Мертвого моря уже сегодня стал значительно выгоднее поташа. Только в последние годы стали добывать магний – это в совокупности, все вместе, чуть больше пяти процентов от общей добычи солей Мертвого моря, т. е. сырья! Остальные 95% идут либо в отвалы, либо возвращаются обратно в воду. Таков коэффициент полезного действия этого предприятия.

...Только не следует думать, что все до Энглина были в Израиле дураками, ничего этого не видели, не понимали, но явился гений

и раскрыл несчастным слепцам глаза. По-моему, так в жизни не бывает, и если вы видите у кого-то предельно ясное и простое решение, то почти наверняка выявите ошибку, иначе кто-то до вас верное решение обнаружил...

Как использовать пропадающие втуне 95% солей Мертвого моря?

Чтобы решить эти вполне реальные, а вовсе не надуманные бюрократами или невеждами проблемы, Энглину – во всеоружии его современных химических знаний – пришлось думать почти четверть века: 14 лет думал в отказе и еще 10 лет в Израиле. А пробивание проекта занимало столько же лет, сколько когда-то у Номейского!

Дело в том, что соли Мертвого моря на две трети состоят из хлора. Конечно, хлор – это фаворит современной синтетической химии, но для добывания его из солей Мертвого моря по принятой в мире (в частности, в США) технологии нужно большое количество электроэнергии. Между тем, в Израиле она примерно в 2–2,5 раза дороже, чем в США (по вполне понятным природным причинам), и добыча хлора традиционными в мире способами здесь окажется просто нерентабельной.

– Каждый закоулок процесса требовал оригинальных решений, – говорит мне Энглин. – Но у меня все-таки имелось время подумать...

И химик нашел особый химический процесс, который позволял в несколько раз сократить потребление электроэнергии в производстве.

Другой пример. Чтобы получать не сырье – хлор, а конечный промышленный продукт, тот же полихлорвинил, требуется помимо хлора, еще этилен. В других странах его добывают из нефти – и требуются громадные ее количества. Стоит ли объяснять, каким препятствием на пути проекта Энглина выглядело такое условие в израильской специфической ситуации? Пришлось отыскать оригинальный способ получения этилена из природного газа. А газ в Израиле есть по соседству с Мертвым морем – и в Египте, и в Иордании (Шарон ведет переговоры о доставке российского газа. Черномырдиным в Анкаре было подписано соглашение о прокладке российско-турецкого газопровода. А из Турции до нас сравнительно недалеко. И так далее...)

Другая проблема: откуда взять немалые первоначальные капиталовложения? Да, прибыльность велика, да, потенциальный рынок полимеров огромен, постоянно расширяется. Но все-таки – где раз-

добыть первые, нужные и немалые, признаем сразу, вложения? Энглин нашел выход: в хлорные полимеры, помимо самого хлора (60%), входят так называемые наполнители – они составляют от 30 до 40% общего объема полимера. Нужда в них на рынке гигантская, «полимеры, бывает, заполняют черт знает чем», говорил Энглин. Он составил ход производственного процесса таким образом, что уже на самом первом, промежуточном, этапе получаются эти наполнители, т. е. некий конечный продукт. С самого начала в дело идет товарная продукция! По расчетам независимых экспертов министерства промышленности (о них ниже), первоначальные инвестиции за счет торговой выручки от этих наполнителей вернутся инвесторам в течение года, если не быстрее. А потом они же будут давать постоянный доход, используемый на дальнейшее развитие производства – на получение хлора.

Четвертое: процесс выстроен таким образом, что будет безотходным – все без остатка пойдет в дело! Экологически чистый процесс. В отходе остается азотная селитра, но это ценное минеральное удобрение для сельского хозяйства. Выручка от продажи только этого «остатка» может превзойти расходы на покупку нужного для производства природного газа.

* * *

Десять лет доктор Энглин пытался пробить свой проект. История «пробивания» займет статью поболее этой. Ему пытались заплатить за предложение (и не так мало!) – лишь бы унялся и не беспокоил занятых людей. Их предприятие и так дает неплохую прибыль. Его пытались оклеветать (фантастическая история, в которую я бы, признаться, вовсе не поверил, если бы своими глазами не читал документы... Сугубо положительный отзыв на проект от самого видного из местных профессоров-экспертов был объявлен – для сведения тех чиновников-неспециалистов, но именно тех, кто должен был организационно решить проблему, – сугубо отрицательным). Его искренно не понимали – точно как и Новомейского не понимал лорд Мельчетт. Соглашаясь на скромный гонорар за свои работы, Энглин, однако, настаивал на получении *контроля* над расходованием половины прибыли – чтобы хотя бы половина ее обязательно вкладывалась в развитие дела! Потому что, как и Новомейскому, ему тоже хочется не просто заработать («Много ли мне надо!»), а оставить после себя стране и народу настоящее

свершение – памятник своей мысли, мозга, воли. Не корысть – высокое честолюбие творца двигает им.

...Осенью прошлого года «лед тронулся»: новая советница министра промышленности и торговли по делам науки уступила напору Энглина и назначила экспертную комиссию для оценки проекта. Оба ее члена – высококвалифицированные специалисты с комбината Мертвого моря, проработавшие немало лет. Один из них (д-р Ланда) получил израильскую премию имени Каплана за заслугу в производстве брома.

Они приехали к Энглину, исполненные скепсиса. И – были поражены. «Это же золотое дно!»

Все было технологически продумано: производство всех новых продуктов предусматривалось в одном цикле, а не на разных предприятиях, это резко снижало себестоимость продукции. Размещение всего производства на действующих предприятиях Мертвого моря, естественно, снижало многие затраты на инфраструктуру и зарплаты. Энглин предложил использовать хорошо известные в химической промышленности приемы, стандартное аппаратное оборудование, так что, по мнению экспертов, практически не было нужды даже в так называемой «пилотной проверке». Впрочем, при нужде – пожалуйста, провести ее можно легко и быстро (Энглин не просто хочет, он настаивает на этом!).

Общий вывод консультантов таков: стоимость исходного сырья, затрат на топливо, электроэнергию, обслуживание всей технологической системы, управление, перевозки, складское хранение, муниципальные налоги плюс затраты на создание нового технологического комплекса составят примерно 25% от годовой выручки за продукты, получаемые при переработке всего лишь 1% отходов ныне существующего производства.

Комиссия, назначенная советницей министра, согласилась с выводами экспертов. Это произошло накануне Нового [1998] года.

Сегодня, когда битва за бюджет вроде бы окончена, министр сможет, наконец, принять решение. Я не сомневаюсь в том, какое оно будет, но все же хотелось бы напомнить: в дни, когда экономической новостью номер один считается безработица в городах развития пустыни Негев, к Щаранскому³ на стол лег проект, обещающий при скромных первоначальных инвестициях быструю,

³ В то время он был министром торговли и промышленности.

почти мгновенную отдачу – и создание массы рабочих мест именно в этих городах развития Юга. А там, между прочим, живет до трети новых олим из СНГ.

Давайте признаем, что Бог подарил этой стране не только богатства Мертвого моря, но и головы, способные оценить и использовать этот дар!

Эпилог, написанный через шесть с лишним лет

Как я был бы рад, если б эпилог не пришлось писать, потому что в случае успешного завершения проекта о нем бы знали широко и далеко в Западном мире – и без меня, конечно...

Поначалу показалось, что Энглину повезло. Нашлись зарубежные вкладчики, готовые заняться проектом.

Потом...

Потом роковую роль сыграли, видимо, обстоятельства.

Первое. Энглин – теоретик. У него, пенсионера, не было возможности проверить свои идеи в лабораторных условиях. И он честно предупреждал потенциальных вкладчиков: то, что я предлагаю, есть оригинальная разработка. В моем уме. Чтобы выяснить, верны ли они на практике, вложите сравнительно небольшие средства в «пилотное» предприятие, и я помогу вам всеми своими знаниями.

Западные инвесторы, избалованные проектами, проверенными в лабораториях российских НИИ, отмалчивались...

Главное – Энглин стал жертвой внезапно изменившейся политической ситуации. Интифада Аль-Акса отпугнула всех потенциальных проверяющих: предлагалось приехать им на место событий, посмотреть и пощупать, как говорится, своими руками, – а этого инвесторы по-человечески боялись. Стреляют, взрывают... Даже туризм в Израиль сократился в несколько раз, что ж говорить о рискованных деловых поездках...

Что касается тех, кто на «месте», т. е. израильтян, обладавших капиталами, сказала привычная инертность, свойственная здешнему бизнесу, нежелание рисковать в принципиально новых, хотя бы самых многообещающих проектах. Да и вечная оглядка на казенное покровительство, которое кажется необходимым услови-

ем здешнего бизнеса, и «руки, моющие руки» здешних авторитетов, не дающих ничего менять в благодатном климате монополий, – словом, то, что не давало ходу проекту Энглина и в предыдущее десятилетие...

Многое потеряли мы по этим причинам, и такой нужный стране проект Энглина – в том числе.

БАШАН – государственная программа абсорбции ученых (к 10-летию программы)

Ефим Лоевский (Бней-Аиш, Израиль)

БАШАН – государственная программа поддержки и продвижения новых технических идей и технологических проектов с потенциалом сбыта, авторами которых являются новые репатрианты, прибывшие в Израиль не более 10 лет назад. Эта программа действовала под руководством и при поддержке департамента главного ученого министерства промышленности и торговли Израиля, а с января 2004 г. переведена в подчинение министерства науки и технологии.

БАШАН (аббревиатура по именам авторов: профессора Германа Брановера¹ и доктора Йосефа Шарони²) как самостоятельная программа была учреждена в 1994 г. согласно постановлению правительства Израиля, которое уполномочило специальную комиссию по делам алии разработать этот важный проект.

Возникновение БАШАНа было продиктовано несколькими причинами, главная из которых заключалась в том, что на четвертом году Большой алии – в 1994 г. – стало понятно, что существующие методы поддержки ученых и инженеров-репатриантов не решают всего спектра проблем. Система стипендий министерства абсорбции для этой категории специалистов содействовала первоначальному вхождению в израильское общество и в определенной мере достойному трудоустройству, а технологические теплицы – исследованиям по отдельным направлениям науки и технологии с выходом наиболее успешных проектов в сферу промышленности и рынка. Но идеи и проекты, готовые к внедрению и обладающие потенциалом сбыта, оставались невостребованными.

Появилась необходимость реально оценить их с помощью всесторонней экспертизы и найти ту область бизнеса, в которой они смогли бы получить самостоятельное развитие в рамках компаний типа «старт-ап». Именно БАШАН был призван решать эти проблемы. Становлению программы значительное содействие оказал министр абсорбции Яир Цабан³, непосредственное руководство программой со стороны министерства абсорбции осуществлял заместитель генерального директора этого ведомства Ханох Цамир. В течение 9 лет программой руководил генеральный директор Владимир Рубин⁴.

Цели программы



**Генеральный директор
программы БАШАН
Владимир Рубин**

В первую очередь поиск и поддержка научно обоснованных технологических идей и проектов, которые могут найти коммерческое применение путем создания новых фирм или при внедрении на существующих промышленных предприятиях.

Потенциальные инвесторы, как правило, не идут на риск без рекомендаций соответствующих специалистов, без детального рассмотрения работы пилотных образцов или проверки работоспособности предлагаемых проектами узлов, деталей, алгоритмов. Поэтому одной из важнейших составляющих содействия авторам является подготовка экспертных оценок или ознакомления потенциальных партнеров с действующими образцами

новшеств. Программа БАШАН предоставляет инициаторам проектов экспертную помощь, проводит патентный поиск, гарантирует бесплатные консультации патентоведов и юристов, сопровождает авторов при взаимоотношениях с инвесторами и потребителями, а при необходимости, используя специальный фонд, содействует в получении финансирования для регистрации патента в Израиле, помогает в построении макетного или пилотного образца. В случае если, по оценке экспертов, проект требует дополнительных исследований, БАШАН рекомендует технологическим теплицам принять его на доработку. Если проект в теплице не достиг коммерческой ступени, БАШАН содействует поиску инвесторов и предприятий для внедрения.

Следующая задача – внедрение, образование самостоятельной фирмы или предприятия. Причем в первую очередь в Израиле, а затем – или параллельно – в других государствах. В последнее время поставлена задача поиска совместных проектов с институтами, объединениями в СНГ с целью создания совместных предприятий или продажи технологий в третьи страны.

Некоторые итоги

За прошедшие с начала работы программы 10 лет в БАШАН обратились около 5 тысяч ученых и инженеров-репатриантов. Свыше 4,5 тысячи технологических проектов прошли экспертизу. За этот период были созданы и действуют более 70 компаний в гражданских отраслях индустрии, реализуются около 100 проектов в рамках сотрудничества с министерством обороны Израиля. Одновременно по рекомендации экспертов БАШАНа принято и развивается 80 проектов в технологических теплицах страны. В результате использования банка данных БАШАНа о специалистах рекомендовано на работу и трудится на предприятиях и в исследовательских центрах более 400 специалистов-олим.

Вышестоящие организации постоянно рассматривали экономическую эффективность деятельности БАШАНа. Отмечено, что все проектные группы сумели мобилизовать из разных источников, в том числе зарубежных, при поддержке программы инвестиции государственных организаций и частных вкладчиков на сумму 70 миллионов шекелей, что втрое больше затрат государства на функционирование программы. Это показывает, что государственные программы могут стать окупаемыми при целесообразной и правильной технологии.

Затраты программы БАШАН на сопровождение одного крупного проекта из признанных приоритетными – экспертиза, патентование, изготовление опытного образца – могут достичь примерно 200 тыс. шекелей (более 43 тыс. долларов США).

Особенности тематики проектов репатриантов

Приведенная статистика основана на исследовании данных 4200 проектов, предложенных учеными и инженерами – репатриантами в программу БАШАН за 1994–2004 гг., позволяет сделать выводы, имеющие не только прикладное значение. Комментарий к приведенным данным имеет частный характер и отражает взгляды группы работников программы.

Это своеобразный срез возможностей и проблем научной и инженерной элиты. К примеру, каждый пятый проект (19,9%) связан с новшествами в области механики и машиностроения. Показатель свидетельствует о преобладании данного направления в науке и инженерии бывшего СССР, откуда в 90-е годы репатриировались специалисты (как правило, профессионалы, работавшие в НИИ прикладного значения и в КБ машиностроительных предприятий).

Косвенно преобладание данной тематики говорит о закрытости советской науки и техники, когда почти каждую инженерную задачу приходилось решать как бы заново, не имея широких возможностей использования мирового опыта.

С другой стороны, «второе место» темы «Электричество и электроника» (13,2 %) и примыкающего направления «Энергетика и теплотехника» (9,3 %) – знак того, что эти отрасли в бывшем СССР имели приоритетное развитие и в определенной мере являлись достаточно современными. Знаток истории добавил бы, что именно в вузах этого профиля не было строгих ограничений по приему евреев, а в НИИ и КБ «пятый пункт» в паспорте не имел решающего значения. Отсюда и преобладание данной тематики в проектах, предложенных в БАШАН.

Та же «открытость», то есть либерально дозированный доступ евреев в строительные институты и научные центры, были характерны для отраслей «Химические технологии» (9,3%) и «Технология строительства и строительные материалы» (9,2%). В этих областях, как показывает опыт БАШАНа, проекты специалистов-репатриантов наиболее востребованы.

В начале деятельности БАШАНа в программу лишь выборочно принимались проекты, связанные с биотехнологией, медицинской техникой и приборами. Однако значительное количество предложений, а главное – их высокое качество убедили в целесообразности рассмотрения проектов по данной тематике (11,3%). И у этого явления свои исторические корни: медицина в бывшем Союзе считалась «еврейской специальностью». С другой стороны, в медицинской и биологической науках уровень отставания был не столь разителен, а международные связи наиболее активно развивались именно в этой области. Эксперты БАШАНа высоко оценивают банк данных медицинских технологий, значительна и доля их внедрения в Израиле, так как это во многом соответствует экспортному профилю страны.

Меньше востребованы проекты в области автомобилестроения и средств передвижения (8%), что, разумеется, связано с особенностями израильского хозяйства: маленькая страна не производит ни автомобилей, ни самолетов, ни техники для железных дорог. Столь же сложно внедрить родственные им потребительские товары и технологии (8,4%), предлагаемые авторами БАШАНа.

К сожалению, невысока доля предлагаемых работ по экологическим (7,2%), компьютерным технологиям и программному обеспечению (7,1%). И это объясняется отсталостью советской

науки и техники по названной тематике. Вместе с тем израильский «хай-тек» весьма восприимчив к новым компьютерным технологиям, о чем свидетельствует успех поддерживаемых БАШАНОм проектов этого направления.

Вместе с автором и для него

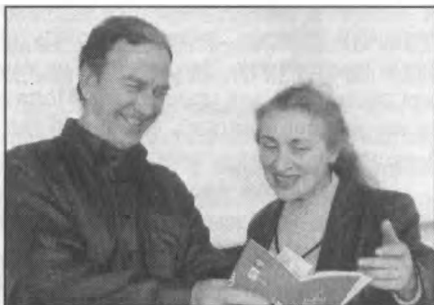
Отчетливо осознавая, что технические детали программы не могут интересовать всех читателей этого тома, автор все же хотел бы остановиться подробнее на порядке действий, разработанном в БАШАНе, так как этот порядок оригинален и может пригодиться в других странах, принимающих эмигрантов – ученых и инженеров-изобретателей, особенно выходцев из бывшего СССР и стран СНГ.

1. Новатор (автор) в первую очередь обращается к координатору Программы, как правило, по месту жительства: в Тель-Авиве им является Яков Народецкий⁵, Иерусалиме – Димент Гершман⁶, Хайфе – д-р Йозель Цафир⁷ и Безр-Шеве – Михаил Сандигурский⁸.

2. Районный координатор содействует автору проекта в оформлении предложения/ий и в подборе документов, составляющих папку проекта (анкета Программы, заявка, чертежи, копии авторских свидетельств и патентов, публикации). В случае необходимости документы направляются на перевод: иврит, английский.

3. Оформленный материал направляется в дирекцию БАШАНа в Тель-Авиве. Первоначальную оценку проекта дают эксперты. В дальнейшем материалы, касающиеся самого проекта (идеи), поступают на технологическую экспертизу, а затем или параллельно на экспертизу маркетинговую (оценка рыночных возможностей новшества). Проверки осуществляются независимыми экспертами. Автор, как правило, может встретиться с экспертом, в том числе и по его инициативе.

4. Если результаты экспертиз подтверждают рациональность дальнейшей разработки предложенной темы и ее рыночной реализации, БАШАН извещает автора, при этом в письме предлагается план совместных действий.



**Автор проекта Анна Степанова
и зав. отделом проектов
программы БАШАН Эфи Соколиньский**

5. Перспективный проект сопровождает специалист по маркетингу, привлекаемый БАШАНам в статусе коммерческого директора, задача которого – мобилизовать инвестиции на реализацию новшества, привлечь стратегических партнеров, создать предприятие или бизнес на основе проекта.

6. Проекты, не прошедшие критерии Программы, вносятся в компьютерный банк БАШАНа с тем, чтобы по мере надобности информировать о них потенциальных инвесторов или заказчиков, представителей промышленных предприятий в Израиле и за рубежом. Если в отношении данных проектов произойдут какие-либо изменения, БАШАН своевременно сообщает об этом автору в письменной форме.

Подробнее о правилах взаимоотношения авторов с Программой БАШАНа см. на его сайте: www.bashan.org.il

Соблюдение секретности

Эта проблема волнует, как правило, всех авторов: будет ли сохранена секретность идей, открытий, особенностей предложения? Гарантией является то, что работники БАШАНа, являясь государственными служащими, обязаны соблюдать конфиденциальность в соответствии с Законом о карательных мерах от 1977 г. Обязанности соблюдения секретности в соответствии с тем же Законом распространяются на всех лиц, сотрудничающих с программой БАШАН.

Экспертиза

Любое новшество, а тем более изобретательский или технологический проект, должно пройти квалифицированную **техническую экспертизу**. Это едва ли не самый ответственный экзамен и для проекта, и для проектанта. Понятно, что квалификация эксперта не должна вызывать сомнений ни у организации, которая поручает проверку технических решений, ни у автора предложения.

Зав. отделом проектов программы Эфи Соколинский познакомил автора этих заметок с такими данными: в «запасе» у БАШАНа около 250 экспертов по различным разделам науки и техники. Примерно 80 из них – это ученые, инженеры и организаторы производства из состава алии 90-х годов. Большинство из них доктора наук, часть из которых занимает профессорские позиции в израильских университетах. Так называемые «русские» ученые привлекаются к экспертизе потому, что именно они, носители русского языка,

легче других способны найти общий язык с авторами, направить, если необходимо, их изобретательское мышление в актуальном направлении. Вот имена и специализация ряда экспертов:

по проблемам использования солнечной энергии – проф. Давид Файман, руководитель Национального центра в Сде-Бокер; по проектам в области сварочного производства и новой техники – проф. Адин Штерн Безр-Шевский университет; по проблемам медицинской диагностики и аппаратуры – д-р Офер Керен (руководитель отделения в больнице им. Ливенштейна, Кфар-Саба); инженерные проблемы в сфере химической промышленности – д-р Тувия Цизнер; компьютерные технологии – д-р Давид Бернштейн (главный инженер израильского филиала компании I.B.M.); проекты в области механики – д-р Бахар Томар (проф. Тель-Авивского университета); техника для сельского хозяйства и технологии пищевой промышленности – д-р Давид Гуревич; материаловедение – д-р Олег Фиговский, руководитель американо-израильской фирмы «Polimait», репатриант 1991 г.; аппараты и приспособления для инвалидов – д-р Цви Смелянский, руководитель направления в Израильском институте стандартов; проблемы сохранения и очистки водных ресурсов – профессор, д-р тех. наук Юрий Колодный.

В мировой практике, независимо от страны, где проводится экспертиза, – будь то США, Франция, Россия или Израиль – барьер технической экспертизы проходят не более 15% предложений. В дальнейшем до внедрения доходит не более 5% от этого числа. Аналогичные показатели и у БАШАНа.

Следующая стадия работы БАШАНа: **экспертиза маркетинговая** – рыночная. Она идет рука об руку с проблемой нахождения инвестиций и инвесторов для внедрения приоритетных проектов. К слову, именно эта стадия – ахиллесова пята авторов – ученых и инженеров из бывшего СССР. Их, как правило, никто не обучал даже основам менеджмента. Не случайно разработчики, прибывавшие из стран СНГ после 1998 г. и прошедшие «начальные классы» нарождающегося капитализма, заметно грамотней в этой сфере и понимают роль и значение маркетинга в продвижении собственных проектов.

Именно поэтому в программе БАШАН определяющую роль играет сектор маркетинга, который возглавляет коренной израильтянин – специалист по управлению промышленностью и в сфере маркетинга Даниэль Эгуд⁹. *«Каждый перспективный проект – после технической и маркетинговых экспертиз, то есть четкого определения возможностей израильского и мирового рынка –*

получает сопровождение менеджера, а точнее коммерческого директора, – рассказывает Д.Эгуд. – Мы можем сравнить работу такого специалиста с функцией своеобразного локомотива. Если хотите, это тот электровоз, который увлекает вперед весь состав готового проекта».

Несколько примеров.

Как только необходимо «продвинуть» проект в сфере промышленной электроники, руководство БАШАНа обращается к д-ру Реувену Вайсу. Выпускник Техниона по специальности «Электроника» и Тель-Авивского университета (факультет управления бизнесом), г-н Вайс занимался разработкой новой техники на ведущем в стране предприятии РАФАЭЛЬ, сейчас возглавляет компанию по оценке проектов и исследованию рынка, читает в университете Тель-Авива курс по организации бизнеса.

Ряду перспективных проектов в области медицинского оборудования помогала в качестве менеджера г-жа Рут Робинсон, которая руководит компанией, специализирующейся в сфере экспорта медицинской аппаратуры.

Г-н Бенцион Натанзон, работавший одно время заместителем генерального директора израильского Концерна авиационной промышленности, при продвижении проектов БАШАНа использует свои широкие связи в индустриальных кругах страны. Сфера продовольственных отраслей промышленности досконально известна Давиду Гуревичу, защитившему докторскую диссертацию в Мичиганском университете (США). Д-р Михаэль Гроссман, подготовивший докторат в «Империял колледж» (Лондон), долгое время работал в компаниях, разрабатывающих компьютерную технику, занимаясь ее экспортом в страны Европы. Его содействие проектам по вычислительной технике и измерительной аппаратуре позволило выйти на рынок ряду репатриантских фирм.

Сегодняшний день проектов, получивших «путевку в жизнь» в БАШАНе

Почти с «нуля»

Одним из наиболее успешных бизнесов, который на первом этапе своего становления был связан с программой БАШАН, является компания «Дистек», с предприятием и исследовательским центром в Баркане, а также филиалами в России, Болгарии, Норвегии (для стран Скандинавии), Турции, ЮАР, Японии, а с 2004 г. – и

в Великобритании на базе всемирно известной компании «Bodycote» (Манчестер).

Генеральный директор и владелец компании – инженер Ицхак Штыкан (р. 1950), выходец из Челябинска – города, в котором он закончил университет, перед репатриацией работал заведующим лабораторией НИИ сельскохозяйственного и транспортного машиностроения. Через год после репатриации в Израиль (1990) И.Штыкан, освоившись в стране, рискнул осуществить свою мечту – стать независимым бизнесменом и внедрить малоизвестную в Израиле технологию сухого цинкования металлических узлов и деталей. Эту технологию И.Штыкан разрабатывал еще в Челябинске под руководством своего учителя – профессора Авраама Шейнкмана (р. 1935), заведующего кафедрой физики твердого тела Челябинского университета. Предложив этот проект в технологическую теплицу г. Ариэля (1992), инициатор получил солидное денежное обеспечение от министерства промышленности и торговли Израиля и вскоре вызвал в Израиль проф. А.Шейнкмана, подготовив ему «рабочее место». Ученый репатрировался в Израиль вместе с семьей.

Тут, наверное, уместно сказать, что до внедрения метода, разработанного и усовершенствованного коллегами, цинкование деталей производилось металлургическими методами, проще говоря, окунанием металлических деталей, нуждающихся в защите от коррозии, в расплавленный цинк. Сегодня преимущества сухого цинкования общепризнаны.

Цинкование осуществляется термодиффузией. При этом покрывающая пленка точь-в-точь повторяет все выпуклости и углубления детали. Однородность и высокое качество покрытия достигается путем увеличения его толщины. Прежние способы позволяют получить «налет» цинка не более 12 микрон. Новый – 40 и выше – сколько попросит заказчик. Метод незаменим при защите деталей, например, болтов и гаек. Все это сказывается



**Д-р Давид Метревели – автор проекта,
удостоенного золотой медали
выставки изобретений в Нюрнберге**

на увеличении срока службы покрытия – не менее десяти лет. *«Не случайно, – говорит И.Штыкан, – в Израиле наш метод в первую очередь признан специалистами из Электрической компании (“Хеврат хаимал”), и мы стали ее официальным поставщиком».*

Чтобы получить такой же вид покрытия другими способами, нужно затратить примерно на 30% больше средств. Однако главное преимущество – экологическая чистота по сравнению с другими методами. Сегодня ввод новых мощностей по «горячему цинку» запрещен. В США и Западной Европе требуется регулярное подтверждение на работу этим способом, а в Северной Европе – Швеция, Финляндия – запрещено законом. Именно поэтому «Дистек» и преуспел на рынке европейских государств, ЮАР, Японии.

Важно подчеркнуть: основой коммерческого успеха компании является не только «ноу-хау» – различные составы порошковых покрытий, но и конструкция машин и линий, которые постоянно совершенствуются и являются, наряду с порошком, предметом экспорта из Израиля. Примечательно, что в изготовлении оборудования и его испытаниях участвует ряд израильских предприятий, в частности, завод «Jugan» (Ришон ле-Цион).

Ожидается, что в 2004 году оборот компании «Дистек» по экспортным поставкам превысит 6 млн шекелей.

Из века атома в век фотона

Технологический проект Анны Степановой, репатрировавшейся с семьей в Израиль в 1991 г., позволяет рассказать не только о самом новшестве, но и о том, как программа БАШАН ведет сопровождение приоритетных предложений новых граждан страны. А.Степанова – выпускница Киевского университета, физик по специальности. Как многие обладатели этой профессии, она связала свою жизнь с исследованиями в области сварочного оборудования, благо в столице Украины базируется крупный научный центр имени Б.Патона. Не без определенных сложностей – не стоит забывать, что специальность сварщика чисто мужская, – она сумела в 1993 г. устроиться на работу в компанию «АНVIL», где под руководством д-ра Виктора Левина ведется подготовка и переквалификация рабочих-сварщиков.

В последние годы в этой сфере происходят революционные изменения. Специалисты считают, что если XX столетие было веком электрона, то XXI станет веком фотона. Это касается светолучевых устройств (СЛУ), в которых сварка основана на нагреве материалов под действием сфокусированного пучка света от

мощного светового излучателя. При диаметре светового пятна всего 2 мм температура в зоне нагрева может достигать 2500° С. СЛУ уже используются в автомобилестроении, в авиационной промышленности.

Проект небольшой установки СЛУ А.Степанова и ее коллеги предложили на рассмотрение и в программу БАШАН. После подтверждения новизны предложения конструкторы получили солидную материальную помощь для изготовления макета этой установки. При помощи БАШАНа с информацией о новинке смогли познакомиться специалисты, посетившие Международную выставку изобретений «Иена-2002» в Нюрнберге (Германия). Изобретение А.Степановой было удостоено серебряной медали этой выставки, но, главное, – оно заинтересовало специалистов Германского института сварки и его директора – известного ученого проф. Петера Зейффарта.

– *Есть одна проблема, специфичная для мощного германского машиностроения: сварка огромных «деталей» корпусов океанских кораблей и танкеров*, – объясняет сотрудник БАШАНа инженер Димент Гершман, ответственный за международные связи программы. В последнее время владельцы верфей в Гамбурге испытывают нешуточную конкуренцию в сфере судостроения со стороны восточно-азиатских «коллег». Так вот, проф. Зейффарт увидел в принципах, заложенных в конструкции израильских изобретателей, возможность при использовании создаваемых ими СЛУ значительно удешевить сварку «стен» кораблей, а значит, и обогнать в этом виде технологии конкурентов. Немецкий ученый в отзыве о новинке прямо написал об этом. Его отзыв и стал главным аргументом для членов комиссии, распределяющей денежный фонд министерства промышленности и торговли. Они выделили А.Степановой и ее команде более 120 тыс. шекелей на подготовку опытного образца и испытаний новой установки.

«Путевка» в технологическую теплицу

Уже упоминалось, что за время работы программы БАШАН более 80 проектов были рекомендованы для продолжения исследований в технологические теплицы (на настоящий момент в Израиле 27 инкубаторов, созданных начиная с 1991 года для – предпочтительно – ученых и инженеров-репатриантов, инициаторов проектов). Рассмотрим этот вид специализации БАШАНа на одном примере – продвижении проекта «Технология комбинированных микрорельефов».

Авторы проекта: Борис Шамшидов (р. 1941, дата репатриации – 1990 г., выпускник Ташкентского института ирригации и механизации сельского хозяйства, Ph.D. с 1976 г.) и Александр Игнатовский (р. 1941, дата репатриации – 1990 г., выпускник Ленинградского механического института, Ph.D. с 1980 г.). Авторы обратились в БАШАН в 2001 г. Их проект получил положительную оценку. Руководство программы приняло решение о выделении средств на патентование новшества. В дальнейшем авторов рекомендовали в одну из теплиц, расположенную в Хайфе, в которую их приняли в 2003 г. Авторы создали на базе этой теплицы независимую компанию «Friction Control Solutions» – FriCo.

Суть проекта. Снижение силы трения при взаимодействии подвижных деталей и узлов – одна из коренных задач машиностроения. В парах трения в критической ситуации возникают аварийные предпосылки, при которых может произойти схватывание на определенных участках поверхности, что приводит к выходу трущихся деталей из строя. Так что одной из задач науки, называемой трибологией, является надежное разделение деталей пар трения. Традиционно это достигается или с помощью смазки, или посредством определенного вида покрытий, или созданием материалов с необходимыми антифрикционными свойствами.

Метод, предложенный авторами (работы осуществляются в упомянутой теплице), называется «Комбинированные микрорельефы». По этой технологии создается поверхность, включающая два компонента: а) углубления, которые являются резервуарами для смазки и отвода частиц износа, б) исходную поверхность между углублениями, но с особыми свойствами, которые придают поверхности дополнительной обработкой (так называемым лаппингованием) с применением специального материала, созданного для этой технологии. Такие поверхности предохраняют пары трения от аварийного износа и схватывания в условиях недостаточной смазки и перегрузки.

Углубления могут быть получены пластическим деформированием, лазерным облучением, обработкой резанием, химическим травлением и др. способами. Авторы доказали, что их технология создания комбинированных микрорельефов повышает срок службы металлорежущего оборудования на 30%, а если в дальнейшем применить этот способ в моторостроении, то снижение износа двигателей внутреннего сгорания может составить 50%. Предполагается, что методика будет применяться для глубокой штамповки цветных металлов, для обработки валов и механизмов глубинных

скважинных водяных насосов, а также в электронной и ювелирной промышленности.

Предложенный метод обработки запатентован в США.

Программа «Проекты двойного применения»

В марте 1998 года на специальном семинаре в помещении Музея танковых войск Израиля был дан старт проекту использования научных и инженерных возможностей ученых и инженеров-репатриантов в оборонной отрасли страны. Этому предшествовала целенаправленная работа депутата кнессета Юрия Штерна по объединению усилий и бюджетных возможностей трех министерств – промышленности и торговли (министр Н.Щаранский), абсорбции (министр Ю.Эдельштейн), обороны, представляемого департаментом главного ученого (генерал Бен Исраэль). Выполнение про-



Группа авторов, удостоенных медалей на Международной выставке в Нюрнберге, и руководители программы БАШАН

граммы с первоначальным бюджетом 6 млн шекелей проходило в два этапа. Первый этап подготовки проектов взяли на себя две организации: программа БАШАН генеральный директор Владимир Рубин) и Союз ученых репатриантов Израиля – СУРИ (вице-президент д-р Леонид Диневич¹⁰). Одобренные на специальных предварительных семинарах проекты поступают к специалистам департамента главного ученого министерства обороны на окончательную экспертизу. После этого принимается решение о реализации предложений в подразделениях министерства, университетах и частных фирмах страны с обязательным приемом авторов на работу для осуществления проектов.

По официальным данным, с 1998 по 2004 г. принято около 100 проектов, над внедрением которых трудятся примерно 180 репатриантов. На самом деле число трудоустроенных примерно в 3–4 раза выше, так как работа над проектом требует затрат труда нескольких инженеров и исследователей. Экспертиза проектов чрезвычайно строгая. К финансированию допускаются только те из них, которые соответствуют самым передовым достижениям современной науки и техники.

Однако значение этой программы не исчерпывается только сферой обороны. Вот что сказал Ю.Штерн в интервью корреспонденту газеты «Русский израильтянин» (2.05.04.): «За прошедшие годы на примере и опыте оборонной программы мы отработали технологию, как рассматривать и внедрять предложения ученых и инженеров-репатриантов в других отраслях. Та же методика была использована при реализации программы по сейсмологической защите страны (совместно с министерствами абсорбции, инфраструктуры и строительства), а также по изучению и защите окружающей среды (совместно с министерствами абсорбции и экологии)». На протяжении всего времени действия этих проектов, начиная с оборонного, д-р Ю.Штерн постоянно их курирует до завершения.

Спасательная платформа вертикального взлета и посадки «Орел»

Израильская исследовательская и конструкторская группа DM AeroSafe, основанная и возглавляемая доктором авиации и космонавтики Давидом Метревели, разработала принципиально новую технологию спасения людей с мест бедствия, недоступных для пожарной лестницы, обычного вертолета или вертолета, снабженного подвесной спасательной корзиной.

Спасательная платформа вертикального взлёта и посадки «Орёл» рассчитана на спасение 10–30 человек одновременно путём прямого подлёта и причаливания к любому этажу высотного здания или башни в случае различных бедствий (пожар, землетрясение, наводнение и т.д.). Узкие каньоны, городские улицы, дымовые трубы, мосты, телевизионные и другие высокие башни и конструкции становятся достигаемыми с помощью «Орла».

С использованием предлагаемой технологии возможны: специальные антитеррористические операции, воздушная «скорая помощь», спасательные операции на воде, горноспасательные операции, видеосъемка в режиме реального времени с целью проверки состояния конструкций мостов, небоскребов, телевизионных

башен, дымовых труб и других высотных сооружений, сбор метеорологических данных, наблюдение за автомобильным движением, чистка и покраска высотных зданий и конструкций, строительство и обслуживание линий электропередач, личное воздушное средство передвижения.

На ежегодной международной выставке новых идей, изобретений и технологий IENA-2002, прошедшей осенью 2002 года в Нюрнберге, было представлено свыше 600 проектов более чем из 40 стран мира. Программа БАШАН, в числе других, продемонстрировала проект «Орла». Проект был награжден золотой медалью.

Сегодня в мире насчитывается более 400 городов, в которых есть постройки высотой более 90 метров. Если каждый из этих городов закупит лишь одну платформу, то минимальное рыночное количество спасательной платформы будет более 400 единиц. Следует особо подчеркнуть, что это количество только платформ-спасателей (без платформ другого назначения, пилотируемых и беспилотных).

Д-р Давид Метревели, основатель компании и ведущий автор платформы, родился в 1961 году в Москве. С 1993 года живет в Израиле. Результаты научной работы д-ра Метревели представлены в его 30 опубликованных трудах и в ряде изобретений, а в 1997 г. – на презентациях в Научно-исследовательском центре Федеральной авиационной администрации США (FAA) и Научно-исследовательском центре им. Лэнгли Национального управления по аэронавтике США (NASA).

Атеролизин – новое эффективное лекарственное средство для лечения атеросклероза

У значительного количества жителей планеты повышен уровень холестерина (холестерина) в крови, и они нуждаются в антиатеросклеротических лекарственных средствах. В механизме развития атеросклероза ведущую роль играют: увеличение содержания в крови холестерина и LDL (липопротеинов низкой плотности), а также уменьшение содержания в крови HDL (липопротеинов высокой плотности) и неспособность к удалению избытка холестерина печенью в желчь. Цель современного лечения – уменьшение общего количества холестерина в организме больного.

Эффективными оказались только медикаменты, угнетающие синтез холестерина – статины (липогиз, симвостатин, симвил и т.п.). По данным ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), их применение уменьшило число случаев острого инфаркта

миокарда на 36% и смертность от него – на 24%. Таким образом, это несомненное достижение науки не решило проблемы для большинства больных. Идеальное лекарство для лечения атеросклероза должно сочетать способность подавлять синтез холестерина и LDL со способностью стимулировать синтез HDL и удалять холестерол из организма больного.

Авторы синтезировали новый безопасный лекарственный препарат, который назвали **атеролизином**. Он отличается сочетанием описанных эффектов с отсутствием побочных действий и низкой себестоимостью производства.

Основатели проекта: проф. Рабинович Павел Данилович MD, PhD., изобретатель, и д-р Александр Камышный, Ph.D., институт Казали прикладной химии, Школа прикладной науки, Еврейский университет в Иерусалиме.

При прямой помощи программы БАШАН материалы проекта были оформлены и представлены на ярмарке-выставке «Иена–2002» в Нюрнберге (Германия). Проект был удостоен диплома и награжден бронзовой медалью. Всего же в выставке «Иена–2002» приняли участие 24 изобретателя, связанные с программой БАШАН, представившие в экспозиции 12 проектов. О трех из них – д-ре Давиде Метревели, инженере Анне Степановой и профессоре Павле Рабиновиче – рассказано в данном обзоре.

В октябре 2004 года отмечается 10-летие БАШАНа. Срок достаточно солидный для программы, принятой в разгар Большой алии. За это время значительно сократилась репатриация из России и стран СНГ, уменьшилось количество и приезжающих в Израиль ученых, инженеров, изобретателей. Но технология, разработанная и опробованная коллективом программы, пригодилась для встречи и обслуживания алии из других стран – Франции, Аргентины. В начале 2004 г., по решению правительства Израиля, БАШАН был переведен в непосредственное подчинение Министерству науки и технологии. Это позволило расширить рамки программы. Сегодня БАШАН оказывает содействие не только изобретателям и инженерам-репатриантам. Не тем, кто сегодня «охвачен» программой KAMEA и в связи с этим занимает определенные позиции в университетах, а тем, кто специализируется на прикладных научных дисциплинах. Этот «второй БАШАН» будет основан на грантах министерства науки с прямым выходом в израильскую индустрию или медицину.

¹ Герман (Иермиягу) Брановер родился в 1928 году в Риге (Латвия). Защитил докт. дисс. в Московском ин-те авиации (МАИ) в области магнитной гидродинамики и получил звание профессора физики в Ленинградском политехническом ин-те. Будучи ведущим ученым в Латвийской Акад. наук, проф. Брановер вернулся в лоно иудаизма, стал изучать Тору и соблюдать заповеди. Принимал активное участие в борьбе за право возвращения евреев в Израиль. После приезда в Израиль в 1977 г. поселился в Беэр-Шеве, где создал научный центр по изучению магнитной гидродинамики в ун-те им. Бен-Гуриона. В 2001 г. проф. Брановер награжден Почетной премией им. Менахема Бегина за деятельность на благо Государства Израиль и еврейского народа.

² Йосеф Шарони – доктор психологии, окончил Еврейский университет в Иерусалиме. В 1989–1994 гг. зав. отделом науки министерства абсорбции Израйля.

³ Яир Цабан род. в 1930 г. в Иерусалиме. В 17 лет вступил в ряды «Пальмаха». Закончил Еврейский ун-т в Иерусалиме, специализируясь в философии и иудаизме. Видный деятель левого движения, один из основателей партии МЕРЕЦ. Избран в кнессет 13-го созыва. С 1988 по 1992 г. – министр абсорбции. В качестве главы этого ведомства был инициатором мн. начинаний, создавших благоприятные условия для адаптации сотен тысяч репатриантов из Большой алии. Программа БАШАН – одна из тех, которую министр курировал и поощрял с особой тщательностью.

⁴ Владимир Рубин (р. 1950), репатрировался в Израиль в 1965 г. Образование: 1-я степень – инженер-механик (Тель-Авивский ун-т), 2-я степень – специалист по управлению промышленностью и маркетинг. После службы в ЦАХАЛе работал в технических войсках, участвовал в разработке бронетехники Израйля. С 1994 по 2003 г. – Генер. директор гос. программы БАШАН. С 2003 г. – начальник Управления безопасности дорожного движения при министерстве транспорта Израйля.

⁵ Народецкий Яков – координатор БАШАНа по Тель-Авиву и Центральному округу. В Израиле с 1974 г. Закончил Львовский политехнич. ин-т, в Израиле и Англии – ин-ты повышения квалификации. Работал руководителем отдела инноваций и патентования концерна «Авиационная промышленности». В БАШАНе с 1994 г.

⁶ Димент Гершман (р. 1957) репатрировался в 1990 г. Закончил Моск. авиационный ин-т. В Израиле работал консультантом ряда исследовательских и промышленных компаний. В БАШАНе с 1994 г. Зав. сектором приема проектов и координатор междунар. связей программы, координатор программы в Иерусалиме и Иерусалимском округе.

⁷ Цафир Йозель – координатор БАШАНа по Хайфе и Северному округу. В Израиле с 1948 г. Доктор наук (Ph. D.). Закончил Хайфский Технион по специальности «Электроника». Там же защитил докт. дисс. Работал на предприятии РАФАЭЛЬ, пройдя путь от инженера-исследователя до вице-президента компании. Профессор ун-та им. Дж. Вашингтона в Вашингтоне

(США). Лауреат премии «Праз битяхон Исраэль» (1967 г.). В БАШАНе с 1997 г.

⁸ Эфи Соколинский – зав. сектором экспертизы проектов. Род. в Вильнюсе в 1947 г. В Израиле с 1960 г. Закончил экономический фак. Еврейского ун-та в Иерусалиме. Работал в концерне «Авиационная промышленность Израиля», пройдя путь от рядового экономиста до руководителя издательского отдела концерна. В МАТИ (Центр поощрения инициатив) Тель-Авива занимал пост экономического советника. В БАШАНе с 1997 г.

⁹ Даниэль Эгуд – зав. сектором развития маркетинга и бизнеса программы БАШАН. Уроженец Израиля. Образование: 1-я степень в области промышленного производства (Хайфский Технион), 2-я степень в сфере маркетинга (Тель-Авивский ун-т). Специальность – инженер по управлению промышленностью и маркетингу. Работал зам. начальника отдела капиталовложений концерна «Авиационная промышленность Израиля». В БАШАНе с 1997 г.

¹⁰ Диневи́ч Леони́д Абрамови́ч (год рожд. – 1941). В 1965 г. с отличием окончил Одесский гидрометеорологический ин-т. Около 30 лет руководил самой крупной в СССР (и в мире) Военизированной службой по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы, расположенной в Молдавии. Дисс. защитил в Центральной аэрологической обсерватории (Москва). Являлся одним из создателей ракетного способа активных воздействий на облачные процессы. В 1985 г. удостоен звания лауреата премии Совета министров СССР в области науки и техники. В Израиле с 1991 г. Работал в Еврейском ун-те в Иерусалиме, а с 1995 г. по настоящее время – в Тель-Авивском ун-те. Руководитель науч. проекта «Создание радиолокационной компьютеризированной орнитологической системы с целью обеспечения безопасности полётов самолётов». Общественная деятельность в Израиле: председатель Форума учёных, вице-президент Союза учёных и специалистов-репатриантов, член президиума Всеизраильской федерации русскоязычных израильтян (репатриантов), руководитель ряда науч. семинаров, в том числе постоянно действующего «Проекты для решения оборонных задач».

Научный семинар в Израиле как форма самоорганизации русскоязычной научной общественности¹

Электрон Добрускин (Ашдод, Израиль)

Известные события последних десятилетий привели к массовой эмиграции из СССР/СНГ ученых и специалистов, под которыми, в данном контексте, мы понимаем лиц, профессионально, в качестве основной деятельности, занимающихся добычей, переработкой и распространением знаний. Образовалась новая социально-демографическая общность – российская научная диаспора. Ее особенности и значение широко обсуждаются в научных кругах России и стран Запада, проводятся конференции, издаются сборники докладов. Мы остановимся на одном из аспектов самоорганизации отдельных групп этой общности на примере русскоязычной научной общественности Израиля.

Масса ученых и специалистов, покинувших страны СНГ, не однородна. Одни, благодаря ранее приобретенной известности в странах Запада или удачному стечению обстоятельств, сразу получили возможность продолжить работу в соответствии со своей профессией и квалификацией. Другие только с большими трудностями смогли пробиться или продолжают пробиваться в научное сообщество стран прибытия. Обычно под научной диаспорой понимают именно эти две группы. Но есть и третья – ученые и специалисты, нередко весьма высокого уровня, которые по тем или иным причинам не заняты работой, соответствующей их профессии и квалификации.

Непривычные формы организации науки на Западе, неостребованность в Израиле тех или иных специальностей и т.п. причины, а то и просто неподходящие для эмиграции возраст и состояние здоровья лишили их возможности влиться в научные коллективы Израиля. Вырванные эмиграцией из научных коллективов России, они не могут реализовать свой научный потенциал, который, при сегодняшней организации науки, как правило, только в коллективах и проявляется. Исключения, понятно, бывают, но мы о правиле.

¹ Доклад, представленный на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

В этих условиях в Израиле, на основе самоорганизации научной общественности, возникла особая форма научного коллектива – научный семинар.

Когда-то в Союзе научный семинар был хорошо апробированной формой неформальной научной деятельности в виде обмена идеями и мнениями об идеях до и вместо журнальных публикаций. Научная общественность объединялась вокруг научного лидера (формального или неформального), какой-либо крупной научной идеи и других «точек притяжения». Возникали научные семинары и тогда, когда ученые и специалисты по тем или иным причинам лишались возможности заниматься научной работой. Так, в Москве ученые-«отказники» образовали известный семинар профессора А.Лернера. Доклады на семинарах делали и обсуждали специалисты сходных специальностей. Такие семинары бывают и в Израиле. Например, некоторое время работал специализированный, организованный в определенных научно-практических целях семинар проф. Ю.Колодного.

Но в Израиле появился научный семинар и совсем другой природы. Дело в том, что большинству ученых и специалистов имманентно присуща потребность в научном общении – стремление делиться своими знаниями, научными и техническими идеями и достижениями, постоянно следить за развитием науки. Иными словами – в той или иной форме входить в научный коллектив.

Таким научным коллективом стал семинар «Интеллектуальные системы», созданный 6 июля 1993 года в Ашдоде проф. К.Бравым, много лет остававшимся научным руководителем семинара. Ученый секретарь семинара, организующий доклады, – д-р Э.Добрускин.

Семинар междисциплинарный. Докладчиками выступают и участники семинара, и приглашенные ученые. Они, как правило, уже немало сделали в науке и (главное!) могут об этом интересно рассказать. Докладывают, обычно, собственные работы и результаты, делятся знаниями, интересной информацией, научным и производственным опытом. Участники семинара, по большей части, обладают высокой квалификацией, но их специальности – разные. Поэтому доклады делаются в меру популярными, но и строгими. Иначе квалифицированная аудитория не воспримет доклад, и серьезное обсуждение не получится. А ведь обсуждения бывают иногда чуть ли не интереснее докладов.

И все эти годы – привычный дамоклов меч: пара-тройка неудачных докладов – на очередную «среду» народ не придет, и се-

минар скончается. Никто же никого не заставляет, денег не платят ни участникам, ни докладчикам, ни (к большому моему сожалению) даже организаторам и руководителям семинара. Но участники стабильно «голосуют ногами», а докладчики приезжают иногда просто обескураживающе охотно. Семинар живет, создает и поддерживает среду интеллектуального общения. Как магнит притягивает «своих».

Прошло уже 532 заседания семинара – каждую неделю (за вычетом праздников) все 11 лет. За эти годы около 300 человек побывали участниками семинара. Одни входили в состав семинара надолго, образуя его актив, другие уходили, когда становилось трудно совмещать семинар с работой, менялись жизненные обстоятельства или просто пропадал интерес. Сегодня в явочном листе 64 фамилии – актив семинара. Среди них 15 профессоров (4-я ученая степень) и 28 докторов (3-я степень). Один лауреат Ленинской и пятеро – Государственных премий СССР и России. Докладчиками за эти годы были 58 профессоров, 83 доктора, 114 магистров (2-я степень). В их числе политические деятели – министр и заместители министров, советник премьер-министра, депутаты кнессета, мэр Ашдода и его заместители, радио- и телеобозреватели, журналисты. Давно уже докладчики не только наши, ашдодские. Из общего их числа в 221 человек 114 докладчиков приезжали из Иерусалима и Тель-Авива, из Беэр-Шевы, Хайфы и других городов, с «территорий» и т.д. Из других стран – России, США, Англии, Канады, Германии, Украины и Австралии – было 16 докладчиков. Приезжали они в Израиль, понятно, не на семинар. Но, если мы так или иначе узнавали, что приехал интересный русскоязычный ученый, – старались пригласить. Обычно в заседании участвуют 25–40 человек, но бывало и больше ста. Работа семинара не раз освещалась в русскоязычной печати и на радио. В последнее время темы предстоящих заседаний семинара иногда объявляют по общеизраильскому русскоязычному радио.

Успехи семинара, среди прочего, можно объяснить четырьмя основными причинами:

первая – установка на высокую научную квалификацию привлекаемых докладчиков и, соответственно, высокий научный уровень докладов. Эта установка, в свою очередь, определила и состав участников семинара;

вторая – сочетание самого широкого спектра научных дисциплин и основного направления семинара, отраженного в его названии: «Интеллектуальные системы»;

третья – удачное сочетание, с одной стороны, массовости семинара и текучести общего состава, а с другой – устойчивости основного ядра участников;

четвертая – регулярность работы. Семинар постоянно действующий, и занятия все эти годы проводятся еженедельно по средам в одно и то же время.

Такой семинар в Израиле не один. Мы поддерживаем связи со сходными русскоязычными научными семинарами и объединениями – проф. И.Фейгенберга в Иерусалиме, проф. К.Штивельмана в Кфар-Сабе, проф. Л.Красильщикова в Беэр-Шеве, д-ра Я.Сосновского в Нетании. Обмениваемся докладчиками. Пусть у этих семинаров пока меньше лет стажа, может быть другая регулярность, но, главное, – на них тоже уже ряд лет делают и обсуждают интересные доклады.

Сначала мы (и многие) считали, что главное в таких объединениях – помочь вновь прибывшим ученым и специалистам внести свой вклад в науку, производство и культуру Израиля. Ну и, конечно, способствовать трудоустройству. Действительно, на основе нашего семинара проф. К.Бравый провел ряд научно-практических работ, многим помог в трудоустройстве. На той же основе еще в 1999 году под эгидой муниципалитета он основал Ашдодский центр науки и технологии. Но это – отдельная тема. Здесь же только хочу сказать, что семинар помогает Центру, но не перетек в Центр. Больше того, оказалось, что многие научно-практические объединения разных видов, которые ставили задачу быстро получить тот или иной материальный результат, сравнительно быстро и распадались. Стало ясно, что главное – не в непосредственной практической пользе от таких объединений, даже если она бывает. Главное в том, что русскоязычный научный семинар позволяет дать трибуну людям, которым есть что сказать, но в новых условиях – некому, позволяет ученым и специалистам обмениваться знаниями, получать новые знания, постоянно расширять круг общения, сохранять и даже развивать свой интеллектуальный, а иной раз и просто жизненный потенциал.

Успешный 11-летний опыт работы нашего семинара позволяет утверждать, что на базе такого семинара формируется научный коллектив особой формы, удачно, как оказалось, удовлетворяющий потребность научной общественности в среде научного общения.

Можно предположить, что в современном Израиле самоорганизация научной общественности в форме таких семинаров пред-

ставляет собой часть более широкого процесса – самоорганизации русскоязычной общины для того, чтобы расширять русскоязычное общение, поднимать его уровень. Укреплять изрядно потрепанное самоуважение новых репатриантов, а с ним и роль русскоязычной общины как опоры каждого из нас.

Иерусалимский междисциплинарный семинар

Иосиф Фейгенберг (Иерусалим)

Летом 1992 года я репатрировался в Израиль. Рассчитывать на работу по профессии в 70 лет было нереально. Ну что же, буду дедушкой у любимого внука. Но очень хотелось найти какое-либо дело, которое было бы полезно людям страны, приютившей меня и мою семью в то трудное время. И вскоре мне стало казаться, что я увидел такое дело. Кругом много таких же немолодых русскоязычных репатриантов, которые не работают, но за плечами у которых многие годы интересной деятельности в науке, искусстве, медицине, технике и разнообразных областях жизни. Каждый из них знает много интересного и может рассказать об этом. И каждый готов с интересом послушать рассказ других. Вот и возникла мысль – организовать семинар, любой участник которого мог бы рассказать об интересных делах, в которых он участвовал, а другие могли послушать и обсудить услышанное.

На первое заседание (помещение любезно предоставил один из клубов Иерусалима) я поставил свой доклад о некоторых сторонах работы мозга человека и животных, изучением которых был занят многие годы в Москве. Слушали внимательно. Но живого обсуждения не получилось. Наметили дату и тему следующего заседания. И я с волнением ждал – придут ли слушатели. Пришли. И заседания Иерусалимского междисциплинарного семинара стали регулярными.

У семинара такого рода есть свои особенности. Докладчиками становятся те, кто может рассказать об исследовании или проблеме, в разработке которой сам активно участвовал и хорошо её знает. Слушать же приходят люди интересующиеся (в противном случае, зачем им приходить на семинар?), но не специалисты в области, о которой говорит выступающий. Поэтому забота о том, чтобы быть понятным всем собравшимся, ложится на докладчика. Ему недопустимо становиться в позу: «Он меня не понял – что ж тут удивительного: я физик, а он специалист по литературе». Если уж взялся за доклад на таком семинаре – будь любезен построить его так, чтобы каждый, кто пришёл тебя послушать, хорошо понял тебя. Польза такого подхода для слушателей очевидна. Но он полезен и для докладчика. При подготовке доклада для аудитории нашего семинара

докладчику нередко самому становятся яснее некоторые детали, неясность которых он раньше не замечал, — она часто прячется за привычными в узкопрофессиональной аудитории терминами. Чтобы в нашем семинаре объяснить что-либо, докладчик должен сам очень хорошо продумать и понять порою непростые вопросы.

Но бывает, что это не удаётся. Все усилия докладчика сделать понятными для слушателей излагаемые проблемы не приводят к успеху. Чаще всего это значит, что самому докладчику (а может быть, и шире — современной науке) тут что-то неясно. Увидеть такие «пятна неясности» очень полезно учёному — из них вырастают планы новых исследований.

Итак, семинар пошёл. С докладами выступали физики и психологи, биологи и педагоги, историки и филологи. Кроме израильтян, выступали и приехавшие в Израиль ненадолго учёные из России, Украины. Наиболее интересные доклады печатались на русском языке (в Израиле и в России), на английском языке (в США), на немецком (в Германии). Всего за время работы семинара было опубликовано более 20 работ.

Состав участников семинара стал постепенно меняться. К слушателям-пенсионерам начали присоединяться более молодые люди разных специальностей, активно работающие в своей области. Им хотелось не только послушать интересные доклады, но и самим проводить какую-то работу в своей области, что-то исследовать, прояснять, улучшать. При этом выкристаллизовалось ядро, вокруг которого формировались их интересы, несмотря на различие специальностей. Этим ядром стало **вероятностное прогнозирование** — способность человека (и животных тоже) прогнозировать, предвидеть наиболее вероятное развитие предстоящих событий и результаты собственных действий.

Вероятностное прогнозирование формируется на основе информации, полученной из опыта прошлого и хранимой в памяти, и информации о настоящей ситуации, поставляемой органами чувств. Разработку феномена вероятностного прогнозирования я начал ещё в Москве. Работа шла в основном в двух направлениях — изучение нарушения вероятностного прогнозирования при некоторых болезнях и использование вероятностного прогнозирования в учебной деятельности.

Теперь интерес к вероятностному прогнозированию объединил молодых участников семинара. При этом каждый остался в сфере своей специальности и мог вести работу в том учреждении, где он работал.

Так, медицинский психолог И.Вайнберг занялся исследованием нарушений вероятностного прогнозирования у больных, страдающих так называемыми обсессивно-компульсивными нарушениями психики (навязчивые состояния). На базе этой работы возникли некоторые полезные рекомендации врачам по лечению этих больных.

Физик-педагог Л.В.Лаврик исследовала влияние эмоционального состояния учащихся на результат обучения. Применённый ею метод избирательной мобилизации внимания при усвоении нового учебного материала оказался весьма эффективным и встретил положительную оценку у педагогов самых разных дисциплин – в том числе и гуманитарных.

Тренер по спортивной борьбе Р.Големба очень успешно применяет прогнозирование для обучения спортсменов предвидению будущих действий партнёра (противника) по борьбе. Его методика тренировки даёт хорошие результаты.

Математик В.Магарик разрабатывает компьютерную модель памяти. Модель памяти способна к самообучению: по мере накопления новой информации в вероятностно организованной среде выдаваемые ею прогнозы делаются все более точными. Когда эта работа будет завершена, её результаты можно будет использовать, в частности, для прогноза течения заболеваний и выбора оптимального лечения. Полезной будет эта модель и для обучения принятию решений в вероятностно организованной среде.

В 2003 году Европейская ассоциация исследования учебной деятельности (EARLI) проводила очередную международную конференцию по проблемам улучшения обучения. Местом её проведения был университет города Падуя (Италия) – один из старейших университетов Европы, где ещё Галилео Галилей читал свои лекции. На конференцию приехали педагоги со всего мира – не только из Европы, но и из Америки, Японии и других стран, более 1500 человек. Большая группа прибыла из Израиля. Языком конференции был английский.

По инициативе нашего семинара в рамках конференции был организован симпозиум «Эмоции и память в учебной деятельности в свете вероятностного прогнозирования». Иерусалимский междисциплинарный семинар представил на симпозиум четыре доклада:

«Вероятностное прогнозирование и эмоции в целенаправленной учебной деятельности» (И.Фейгенберг, Т.Олевская, Е.Каплан); «Мотивация и эмоции в активном обучении: вероятностное прогнозирование и селективная мобилизация внимания при изучении

точных наук» (Л.В.Лаврик); «Прогнозирование в спортивном тренинге» (Р.Големба); «Вероятностное прогнозирование и структура памяти в учебной деятельности» (В.Магарик).

Кроме того, для активного участия в симпозиуме приехали коллеги из Нидерландов и Германии. Автор доклада «Вероятностное прогнозирование в обучении иностранному языку» (Н.Креленштейн, Москва) не смогла приехать на симпозиум, но её доклад был прочитан и обсуждён.

Симпозиум прошёл успешно, и члены Иерусалимского междисциплинарного семинара вернулись домой полные сил и намерений дальше развивать свою работу.

Некоторые публикации Иерусалимского междисциплинарного семинара

Фейгенберг И.М., Ровинский Р.Е. Информационная модель будущего как фактор развития // Вопросы философии. 2000. №5. С.76–87.

Feigenberg J. Wahrscheinlichkeitsprognostizierung im System der zielgerichteten Aktivität. AFRA-Verlag, 2000. 138 S.

Feigenberg J.. Probabilistic Prognosis in Human Behavior. 2000. <http://www/humanmetrics.com/ebooks/probprognosis.asp>

Фейгенберг И., Вайнберг И.. Обсессивный синдром // Независимый психиатрический журнал. 2000. №IV. С.31–34.

Feigenberg J., Zislin J. «Receptor Component» and «Active Component» in the Psychology and Psychopathology of Perception // Medical Hypotheses. 2000. V.54. №2. P.169–171.

Фейгенберг И., Лаврик В. Вероятностное прогнозирование и память в учебной деятельности. // Мир психологии. 2001. № 1(25). С.174–182.

Shunyakov V.M., Lavrik V.L., Feigenberg J. Geometry through Physics and the History of Science. // 8th International Conference Physics Teacher Education beyond 2000. Selected Contributions. Paris, 2001. P.397–400.

Lavrik V.L., Feigenberg J. Increasing Motivation and Emotional Level Control in Learning Physics // Proceedings of the International Conference Physics Teacher Education beyond 2000. Barcelona, 2001. P.1–4.

Фейгенберг И.М. Однородна ли группа нарушений, называемых Obsessive-Compulsive Disorders (OCD)? (О двух типах OCD) // Независимый психиатрический журнал. 2002. №I. С.13–15.

Feigenberg J., Lavrik V. Activity of Students and Some Ways of Controlling it // International Conference on Motivation. Moscow, 2002 June 12-15: Abstracts. P.33–34.

Lavrik L.V., Feigenberg J. Learning and Teaching Environments: Stimulating Students Emotional Level Using Selective Attention Mobilisation // Teacher

Education as a Social Mission: a Key to the Future. Abstracts. Tel-Aviv, 2002. P.223.

Feigenberg J., Lavrik V., Shunyakov V. Space Scale: Models in the History of Science and Students' Mental Models // Science and Education. 2002. V.11, №4. P.377–392.

Feigenberg J., Olevsky T., Kaplan E. Probabilistic Prognosis and Emotions in Purpose-Oriented Learning Activity // 10th European Conference for Research on Learning and Instruction. Padua (Italy), 2003. Abstracts. P.140.

Lavrik L.V. Motivation and Emotions in Learning: Probabilistic Prognosis in Selective Attention' Mobilization in Science Teaching // Ibid. P.141.

Krelenshtein N. Probabilistic Prediction (PP) in Teaching and Mastering Foreign Language // Ibid. P.141.

Golemba R. Prognosis in Sports Teaching // Ibid. P.141–142.

Maharik V. Probability Prognosis and Structure of Memory in Learning Activity // Ibid. P.142.

Shunyakov M.V., Lavrik L.V., Feigenberg J. From Usual Distances to Ultralong Distances and Ultrashort Distances // Ibid. P.741–742.

Фейгенберг И.М. Николай Бернштейн: От рефлекса к модели будущего. М.: Изд-во «Смысл», 2004. 239 с.

Фейгенберг И.М. Школьный экзамен и жизненный поступок // Звенья. 2004. №6. С.10–12.

Междисциплинарный научный семинар в Кфар-Сабе¹

Карл Штивельман (Кфар-Саб, Израиль)

Наш семинар возник в 1995 году. Позднее мы узнали о существовании других семинаров «русской» интеллигенции – в Иерусалиме (проф. И.Фейгенберга; у него мы позаимствовали свое название), в Ашдоде (проф. К.Бравого), двух семинаров в Тель-Авиве, одного в Нетании. Самозарождение этих организмов, между которыми со временем установились тесные связи, – яркое проявление интеллектуального потенциала и творческой активности нашей алии.

В 1998 году наш семинар стал одним из направлений деятельности созданной на его основе амуты² «Итрон» во главе с председателем Линой Гарбер. Эта амута воплотила в жизнь ряд проектов в области образования, а также организовала в нашем городе работу Дома технологий. В начале своей деятельности, в 1999 году, амута совместно с Союзом ученых-репатриантов провела в Иерусалиме Всеизраильский семинар «Информация и образование». Работа двух его секций и выставка дали наглядное представление о достижениях алии в деле усовершенствования израильского образования и указали на нерешенные проблемы. Деятельность Междисциплинарного семинара в Кфар-Сабе содействовала решению многих из них.

Одна из таких проблем – создание системы элитарных школ. Элитарных в одном-единственном смысле – с углубленной и расширенной школьной программой для детей, которые стремятся к получению высококлассного образования (так называемых «мотивированных детей»). Разрабатывая свою концепцию таких школ, директор амуты «Итрон» Борис Штивельман не раз подробно рассказывал о ней на нашем и Всеизраильском семинарах. Его усилиями и при участии коллег по амуте, а также тесно связанной с ней компании «Механех», организованы уже две такие школы – Лицей науки и музыки в Герцлии и Лицей им. Эйнштейна в

¹ Доклад, зачитанный на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

² Объединение, товарищество (*иврит*).

Бен-Шемене. В молодежной деревне Бен-Шемен еще в 1927 году доктором Зигфридом Леманом при активном содействии Альберта Эйнштейна и его супруги была создана Сельскохозяйственная школа. Эту школу в свое время заканчивали Моше Кацав, Шимон Перес, другие известные люди. Сегодня Лицей стал составной частью и авангардом школы в Бен-Шемене.

Множество дополнительных школ, созданных «русскими» учителями, стали еще одним проявлением интеллектуального потенциала нашей алии. Между этими школами наряду с естественной конкуренцией складывается все более активное взаимодействие. Так, известная школа им. В.Шварцмана недавно вошла в Ассоциацию учителей-олим.

Издание учебных пособий – другое важное направление совместной деятельности компании «Механех» и нашей амуты. В частности, опубликовано несколько вариантов «Виртуального учебника иврита» Владимира Козна-Цедека и Натана Приталья. Сотрудничество этих самобытных преподавателей с амутой началось с их доклада на нашем семинаре, собравшего рекордное число слушателей. Доклад был представлен и на Всеизраильском семинаре. В дальнейшем разработанный Коэном-Цедеком и Приталем курс логического иврита читался в Тель-Авиве под эгидой нашей амуты. Участники семинара стали энтузиастами курса. Некоторые слушали этот курс повторно и даже трижды... Под его влиянием строится сегодня работа кружков по изучению иврита, организованных Гутой Помпушкиной, Нелей Камхиной, Людмилой Очаковской. Заодно можно упомянуть интересный цикл лекций Владимира Бойко на тему «Иврит Торы». Ряд докладов на семинаре был прочитан их авторами на иврите; перевод на русский язык обеспечивал Борис Штивельман.

Среди изданий и учебник Якова Бендерского «Русский язык как иностранный». В связи с его выходом в свет на семинаре рассматривались вопросы преподавания языков – русского (Алекс Кучерский) и английского (Марьяна Минц). Был издан также русский перевод учебника психометрии института «Йеда». Выход из печати уникального учебника алгебры известного педагога и ученого Юрия Гильдермана сопровождался обсуждением на семинаре проблем преподавания математики и физики. С докладами выступили Зиновий Урицкий (физик, создавший классы для школьников в университете Екатеринбург), физик и преподаватель университета Илья Брискин и один из зачинателей системы неформальных школ «Мофет» Зеэв Гейзель.

Большое внимание уделяется и проблемам методики преподавания. Мы предпринимали усилия для внедрения в преподавание

математики в школе им. Шварцмана педагогических идей проф. И.Фейгенберга. Наши материалы постоянно печатаются в международном журнале для родителей и учителей «Звенья».

Мы считаем своим «открытием» для Израиля проф. Реомара Ровинского, крупного специалиста по лазерам и автора книги «Развивающаяся Вселенная». Эта книга вышла вторым изданием при содействии нашей амуты. Она стала основой целого курса лекций, прочитанного сначала в Кфар-Сабе, затем (по нашей рекомендации) в Ашдоде. После выступлений проф. Ровинского в Иерусалиме возникло его плодотворное сотрудничество с проф. Фейгенбергом, появились их совместные публикации.

У нас выступали психологи – активный участник создания и деятельности Лицея им. Эйнштейна Арон Березницкий, Вячеслав Шинкаренко, Михаил Вайсберг, Николай Вайзман. Воспитание детей и подростков в Палестинской автономии как главного источника ненависти к израильтянам было темой ярких выступлений Петра Маца и Даниэля Мазина.

Среди выступавших было немало ученых с мировым именем: математик проф. Иосиф Бернштейн, астрофизик Григорий Бескин (Россия), физик и биофизик проф. Марк Азбель, физик и философ проф. Александр Воронель, физики и общественные деятели профессора Марк Перельман и Мирон Амусья, нейрофизиолог, автор концепции вероятностного прогнозирования проф. Иосиф Фейгенберг. Значительный интерес вызвали выступления радиофизиков проф. Владимира Братмана (Россия) и Александра Вильшанского, физиков Бориса Шапира (Германия), Клары Винокур, Юрия Туревича и особенно проф. Леонида Ярославского. Необычайное внимание вызвал цикл лекций Якова Айзенберга, в прошлом Главного конструктора ракет. Выступали генетик Елена Кешман (Россия), известные экологи Зиновий Бройде (Украина) и Яков Зильберберг, разносторонне одаренный врач Александр Гофельд, выдающиеся психиатры Юрий Фрейдин (Россия), Анатолий Добрович и проф. Вадим Ротенберг, прочитавший интереснейший цикл лекций.

Большое внимание мы уделяем проблемам сионизма, которые освещались в курсах лекций Давида Мурина (история), Беньямина Шарира (современность), Аси Энтовой (идеология). С воззрениями этих докладчиков полемизировали участники Женевских инициатив известный экономист Александр Этерман и Самуил Спринцин. Нашей нерелигиозной аудитории было весьма интересно встретиться с религиозными деятелями Александром Фейгиным, Ильёй Рипсом, Михаилом Ривкиным, Михаилом Эзером, Львом Утиевским

и особенно с Владом Дашевским и Пинхасом Полонским. Загадки библейской истории освещали Елена Польская, журналист и историк Михаил Хейфец.

О Второй мировой войне говорили замечательный историк Борис Орлов, Ядвига Либерзон, пережившая концлагерь, Татьяна Штейншнайдер, запомнившая блокаду Ленинграда. Встречались мы с известными диссидентами Иосифом Зисельсом (Украина), Иосифом Бегуном, Виктором Каганом, Михаилом Хейфецем, Марком Азбелем, Александром и Ниной Воронель, Авигдором Ярдени. Были у нас выступления представителей еврейских общин США (Эдвард Ретиг и социолог Сэм Клигер), Канады, Германии, России, Украины, Молдовы.

Широко представлены на семинаре литературоведение, литература и искусство. Курс лекций об изобразительном искусстве читал архитектор Цви Минц. Выступала член Союза архитекторов России Софья Ибрагимова. Увлекательнейшую лекцию об Эрмитаже прочитала искусствовед Елена Варшавская (США). Наша амута организовала ряд выставок картин известного художника Стеллы Аминовой. Состоялась встреча с организатором и руководителем ансамбля скрипачей Михаилом Пархомовским. Мы слушали лекции Софьи Ровинской о классической музыке и ее виолончельные концерты. Выступали исполнители авторской песни, в том числе поэт и бард Анатолий Добрович.

Нам посчастливилось послушать прекрасных поэтов Наума Басовского, Елену Аксельрод, Татьяну Очеретян, Марка Кабакова (Россия), Виту Лагину (Канада) и особенно любимого нашими слушателями Виктора Гина. Нина Воронель выступала и как поэт, и как прозаик. Мы встречались с писателями Марком Львовским, Мариной Мaziной, Яковом Гохбергом и провели ряд волнующих встреч с другом нашего семинара, классиком еврейской литературы на русском языке Григорием Кановичем. О Цви Прейгерзоне, писавшем на иврите в советское время в Москве, рассказали его сын и две дочери. О Борисе Слуцком вспоминала его однокурсница и друг Юлия Данкова. Волнующий цикл лекций прочитала нам прекрасный литературовед Юлия Канэ – еще одно наше «открытие». Ее темы – Михозлс (жизнь, театр, Еврейский атифашистский комитет), Шолом-Алейхем и еврейская литература на идиш, Василь Быков.

Были встречи с главными редакторами и членами редколлегий журналов: «22» – Александром и Ниной Воронель; «Слово писателя» – Эфраимом Баухом, Леонидом Черкасским, Виталием Кабаковым;

«Иерусалимский журнал» – Игорем Бяльским, Григорием Кановичем; «Звенья» – Александром Кучерским, проф. И.Фейгенбергом, проф. М.Перельманом; «Новый век» – Иосифом Бегуном, Аллой Юдиной, Львом Утиевским. Мы получили предложение И.Бегуна о проведении регулярных встреч с редколлегией его журнала.

Еще одним большим «открытием» был недавно ушедший от нас проф. Леонид Черкасский – специалист по Китаю, поэт, переводчик, мемуарист, литературовед. Его многочисленные выступления у нас пользовались неизменной популярностью. Проводившие диалог «Памяти друга» поэт Лорина Дымова и писатель Леонид Финкель поразили нас живым и прочувствованным рассказом об этой незаурядной личности.

Остается сказать несколько слов о наших слушателях. Это удивительная публика. Люди пенсионного или предпенсионного возраста, обремененные многими заботами, регулярно в любую погоду приезжают на семинар из всех районов нашего города и его окрестностей, из поселений и соседних городов, а нередко и из Иерусалима, Тель-Авива, Реховота, Холона, Бат-Яма. Они объясняют, что семинар дает им возможность чувствовать себя полноценными людьми, откликаются на выступления с необычайной живостью, заинтересованностью и, как правило, доброжелательно. Многие докладчики отмечали уникальные качества нашей аудитории.

Работа семинара была бы невозможна без самоотверженной помощи Лины Гарбер, Бориса Штивельмана, Лилии Терман, Эллы Кузнец, Виктора Гина, Сергея Смаглого. Ряд занятий был инициирован Ароном Гуревичем, Яковом Зильбербергом, Татьяной Очеретян, Еленой Босиновой.

Наши занятия проходят по пятницам с 10 часов утра в Центральном ульпане Кфар-Сабы. Приглашаем всех желающих приехать к нам, посмотреть, послушать, выступить.

Как превратить урок в совместное действие учеников и педагога

Об использовании вероятностного прогнозирования в активном обучении

Лея-Валентина Лаврик и Иосиф Фейгенберг (Иерусалим)

Как сделать, чтобы учащийся перестал быть пассивным элементом в процессе обучения, как повысить его вовлеченность в этот процесс? Низкая мотивация участия в процессе обучения у студентов и школьников и отсутствие интереса у них к происходящему на уроке являются факторами, беспокоящими преподавателей на разных уровнях системы образования: в школах, колледжах и университетах. И хотя получаемая оценка для учащихся – важный стимул, одного его недостаточно для достижения высокой мотивации обучения. Опросы показывают, что во время урока внимание студентов отвлечено на весьма широкий спектр интересующих их вопросов, не имеющих ничего общего с изучаемым в этот момент материалом [13].

Проблема активного участия студентов в процессе обучения важна еще потому, что активное обучение не только эффективно, но и вызывает положительные эмоции у студентов [2, 13, 7]. В активном процессе предмет обучения, несмотря на трудности в его изучении, становится интересным и привлекательным, а сам процесс обучения превращается в увлекательную интеллектуальную деятельность [6–8].

Известно, что активное участие учащихся в обучении связано с высоким уровнем мотивации, умением выбрать цель и настойчивостью в ее достижении – целеустремленностью. Как же сделать, чтобы их мотивация и их внимание были на высоком уровне? Как построить занятие, чтобы оно стало одновременно интересным для всех учащихся?

Мы постараемся разобраться в этих вопросах, но вначале позволим себе в свою очередь обратиться к читателю и задать ему вопрос (вопрос 1): **Как вы считаете, стоит ли начинать урок с опроса по материалу, который будет изучаться на предстоящем уроке?**

Мы предлагаем вам выбрать ответ из вариантов, полученных в результате наших бесед с различными педагогами:

1) нет, опрос в начале урока должен быть только по материалу предыдущего урока;

2) да, в том случае если у учащихся по данной теме есть представления, пусть даже ошибочные;

3) нет, так как у студентов может возникнуть комплекс неполноценности;

4) другое.

Постарайтесь привести доводы для обоснования своего выбора.

Мы считаем, что опрос стоит проводить в начале изучения темы по материалу, который будет рассматриваться на предстоящем уроке. При опросе следует учитывать повседневные, житейские представления студентов о проблемах затрагиваемой темы. Дальнейшее изложение позволит нам ответить, каким образом строится такой опрос и как он превращает учащихся в активных участников урока.

Прежде всего обратимся к механизму работы памяти и эмоций. Учет внутренних механизмов работы памяти в процессе познания основан на модели «потребного будущего», предложенной Н.А.Бернштейном и развитой И.М.Фейгенбергом в теории вероятностного прогнозирования [1, 5]. Согласно этим представлениям, человек, находящийся в новой ситуации, прогнозирует ее ближайшее развитие, строит спонтанный **вероятностный прогноз этой ситуации**, который зависит от его предыдущего личного опыта, накопленных знаний и новой, поступающей информации. Если прогноз не оправдывается, это приводит к сильной эмоциональной реакции, зависящей от степени расхождения, «диссонанса» между ожидаемым и происходящим. На этом принципе обычно строятся детективные истории, юмор, он используется также в рассказах американского писателя О'Генри и в эпиграммах ирландского поэта Роберта Бернса.

Далее мы рассмотрим процесс обучения как процесс построения, «конструирования» студентом своих знаний, полученных из повседневного опыта и различных источников информации: в школе – от учителей, дома – от родителей и т.д. Такие индивидуальные конструкции знаний несут название ментальных моделей или схем, но если они не совпадают с научными понятиями и представлениями, их называют либо мiskonцепциями, либо альтернативными представлениями [4, 5]. Исследования характерных ментальных моделей и мiskonцепций в разных областях знаний начались, по существу, с работ известного швейцарского психолога Жана Пиаже, одного из основателей конструктивистского подхода к процессу обучения. Эти идеи получили затем широкое распространение в работах других исследователей, изучавших

особенности преподавания различных дисциплин: математики, естественных наук, истории, иностранных языков и т.д. [3, 4].

Понимание преподавателем того, какие ментальные модели и мiskonцепции свойственны конкретным учащимся, умение распознавать их в обычных ответах, но главное – умение строить свои вопросы так, чтобы эти представления проявились наилучшим образом, позволяет своевременно обращать внимание на трудности в понимании и предпринимать усилия для их преодоления.

Итак, мы хотим использовать информацию о ментальных моделях учащихся на материале, предлагаемом для изучения таким образом, чтобы способствовать активному вовлечению учащихся в процесс обучения.

Рассмотрим несколько примеров [7–12]. Известно, что вопрос о смене времен года на земном шаре обычно изучается в 4–5 классах школы. Поэтому часто ученики 10 класса на вопрос, каковы причины смены времен года, обиженно тянут: «Ну-у-у, это мы знаем, это еще когда-а-а мы учили!» Предложим им следующий вопрос:

Вопрос 2 (предлагаемый ученикам в начале урока): **На рисунке (см. рис. 1) изображены (без сохранения масштаба!) два положения земного шара на орбите вокруг Солнца. Какие времена года в отмеченных точках?**

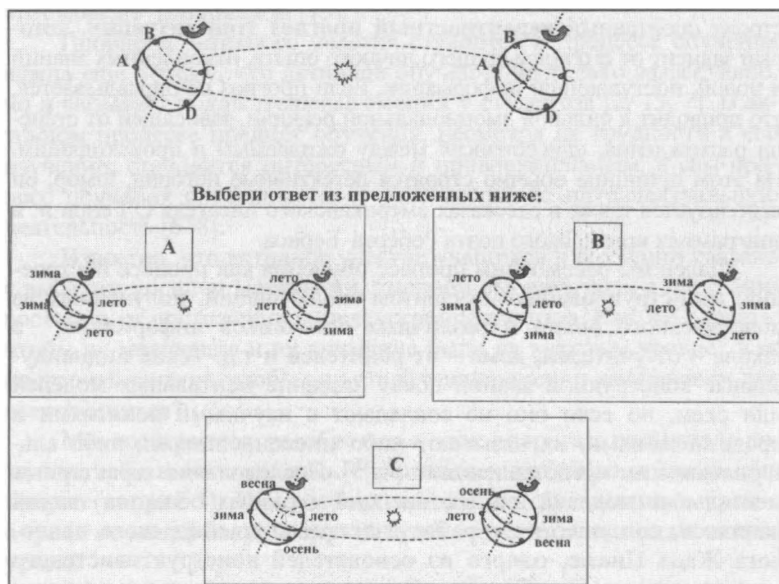


Рис. 1. Здесь изображены два положения земного шара на орбите вокруг Солнца. Какие времена года в отмеченных точках?

Мы предлагаем на уроке, после того как вопрос задан и учащиеся сделали свой выбор, попытаться каждому обосновать свой ответ и обсудить его со своими ближайшими соседями.

Когда обмен мнений по поводу вопроса и обсуждение ответов завершены, а на это уходит порядка 3–5 минут, преподаватель сообщает верный ответ. И тут следует ответная реакция студентов: от криков восторга тех, кто оказался прав, до исполненных удивления и требований немедленно дать соответствующие объяснения – других. Равнодушных уже нет! Теперь преподаватель начинает изложение материала такой аудитории, которая в высшей степени заинтересована, хочет знать истину и сосредоточена избирательным образом на том, что наиболее важно для каждого конкретного студента. Теперь каждый учащийся наиболее сосредоточен в тот момент, когда излагается именно тот материал, который объясняет его неудачу, в другой же момент урока сосредоточен тот ученик, для которого важен соответствующий, уже другой материал. Так происходит избирательная или селективная мобилизация внимания учащихся.

Отметим, что для данного вопроса варианты ответов были выбраны в результате анализа ответов группы учащихся. Опросы проводились в старших классах нескольких средних школ города Иерусалима. Из этих ответов были отобраны, наряду с правильными, также те, что представляют собой характерные, т.е. наиболее часто встречающиеся, мiskonцепции. Таким образом был выделен вариант А, – где, по сути, происходит замена понятий «лето–зима» на «день–ночь», а также вариант С, – где произошла замена распределения времен года согласно территориальному принципу, а не по их порядку следования во времени (как происходит в действительности). Ответ В – правильный ответ!

Как показывает наш опыт, число учеников 10 класса, выбравших верный ответ, составляет лишь несколько процентов, большая часть склонна считать вариант А правильным (в нашем опросе – порядка 60% учащихся), остальные считают верным вариант С.

После объяснений оказывается, что ученики хотят знать, действительно ли они поняли все, что связано с вопросами освещенности Земли и потоком солнечного излучения. Ученики просят (а порой даже требуют!), чтобы учитель тут же провел опрос по уже изложенному на уроке материалу, поскольку им важно проверить свои знания уже после того, как им многое стало ясно.

После предоставленной учащимся возможности ответить на завершающий вопрос, построенный аналогичным образом, – с правом выбора правильного ответа, а также возможностью обсудить его

между собой, преподаватель сообщает верный ответ. Эта информация чаще всего сопровождается положительной эмоциональной реакцией учащихся: их активное участие в таком образом построенном познавательном процессе весьма плодотворно и результативно.

Итак, наша тактика заключается в следующем: мы строим начальный опрос в виде вопроса с правом выбора правильного ответа на основе материала, который связан с предстоящим изложением и о котором у учащихся есть свои представления.

В качестве вариантов ответов даны характерные мiskonцепции (не совпадающие с научными представления) учащихся, а также правильный, с точки зрения научного подхода, ответ (см. рис. 2).

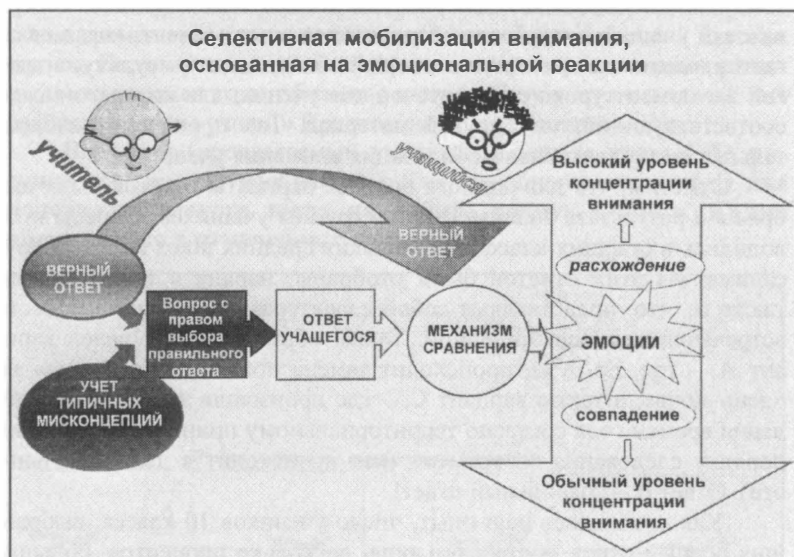


Рис. 2

Опытный педагог знаком с подобными мiskonцепциями из своего личного опыта или узнает о них от своих коллег. Публикации последних десятилетий также могут служить источником информации на этот счет.

Практика и исследования показали, что во время начального опроса учащиеся быстро находят среди вариантов ответов свойственные именно им представления и способны объяснить их в случае, если преподаватель просит обосновать свой ответ рядом

сидящим товарищам. В процессе изложения нового материала внимание учащегося селективно направлено на те детали объяснения, которые связаны с его «провалом» во время начального теста. Заключительный опрос по изложенному уже новому материалу также основан на характерных мiskonцепциях в качестве вариантов возможных ответов, что позволяет провести коррекцию понимания учащимися нового материала до того, как они покинут класс. Такая своевременная корректировка важна тем, что неправильные представления будут исправлены до того, как они перейдут в долговременную память. В ходе этой проверки важно и то, что ученик получает поддержку своим новым, еще не вполне окрепшим знаниям. Возрастает осознание учеником верного пути в освоении новых понятий.

Предложенный нами новый подход в преподавании [10–12] основан на теории вероятностного прогнозирования и позволяет провести селективную мобилизацию внимания учащихся на существенных для них моментах урока. Этот подход радикально меняет поведение учащихся на уроке: от пассивного состояния до активной вовлеченности в процесс обучения на всех его этапах.

Используя данный подход, преподаватель может осуществлять и визуальный контроль распределения в аудитории вариантов ответов. Для этого он должен предварительно снабдить учащихся соответствующими средствами. В наиболее простом варианте это могут быть цветные карточки, которыми учащиеся голосуют в зависимости от варианта ответа. Это позволяет педагогу строить свою работу в соответствии с потребностями данной конкретной аудитории и не тратить время впустую на обсуждение тривиальных для данной группы учащихся вопросов.

Благодарность. Мы признательны Мофету – израильскому фонду исследований в области преподавания (для преподавателей колледжей) за финансовую поддержку и возможность провести исследования по селективной мобилизации внимания. Мы признательны дирекции Иерусалимского колледжа и Академического педагогического колледжа им. Лифшица за поддержку и возможность провести исследования в видеостудии, а также дирекции и учителю физики Дине Мацкевич школы Лияда при Иерусалимском университете за проведение опросов учащихся. Мы благодарны студентам и ученикам, принявшим участие в организации и проведении экспериментальных уроков по селективной мобилизации внимания, а также участникам Иерусалимского междисциплинарного семинара за полезные обсуждения результатов исследования.

Библиография

1. *Bernstein, N.A.* From Reflexes to the Model of the Future // *Motor Control*. 1999. №3. P.228–236.
2. *Crouch C.H., Mazur E.* Peer Instruction: Ten Years of Experience and Results // *American Journal of Physics*. 2001. №69(9). P.970–977.
3. *Duit, R., & Treagust, D.F.* Students' Conceptions and Constructivist Teaching Approaches // *Fraser, B.J., & Walberg, H.J. (Eds.). Improving Science Education*. Chicago: The National Society for the Study of Education, 1995.
4. *Driver, R., Guesne, E., & Tiberghien, A.* Children's Ideas in Science // *Milton Keynes: Open University Press*, 1985.
5. *Feigenberg, J.M.* The Model of the Future in Motor Control // *M.Latash (Ed.). Progress in Motor Control*. 1998. V.1. Bernstein's traditions in movement studies (P.89–103). Champaign JL: Human kinetics.
6. *Feigenberg J., Lavrik, V.L.* Probabilistic Prognosis and Memory in Educational Activity // *The World of Psychology*. 2001. №1. P.174–182.
7. *Feigenberg, I. & Lavrik, V.* Some Methods to Control Learners' Emotional State // *Information and Teaching: Problems, Achievement and Horizons*. Jerusalem, 1999. P.16.
8. *Lavrik Lea V.* Motivation and Emotions in Active Learning: Probabilistic Prognosis and Selective Attention Mobilization in Science Teaching // *10th European Conference of EARLI (European Association for Research on Learning and Instruction)*. Padua (Italy), 2003.
9. *Lavrik, V., Bar, V. & Shunyakov V.* Conceptual Change in Context: the Problem of Seasonal Changes // *International Conference on Conceptual Change*. EARLI. Madrid, 1998.
10. *Lavrik, V. L., Feigenberg, J.* Increasing Motivation and Emotional Level Control in Learning Physics // *Proceedings of the International Conference Physics Teacher Education Beyond 2000*. R.Pinto & S.Surinach (Eds.). CD Production Calidos. ISBN: 84-699-4416-9. Barcelona, 2001.
11. *Lavrik, V., Feigenberg, J.* Increasing Motivation in Learning Physics // *An International Conference on Motivation. 7th Workshop in Achievement and Task Motivation*. May 12–15, 2000. Leuven (Belgium).
12. *Lavrik, V. L., Feigenberg J.* Teaching Physics Using Selective Mobilization // *9th European Conference of European Association for Research on Learning and Instruction: Abstracts*. Freiburg (Switzerland), Biennial Meeting, August-September 2001. P.95.
13. *Pintrich P.R., Marx R.W., Boyle R.A.* Beyond Cold Conceptual Change: the Role of Motivational Beliefs and Classroom Contextual Factors in the Process of Conceptual Change // *Review of Educational Research*. 1993. V.63. №2. P.167–199.

Из опыта преподавания истории русского еврейства в Израиле¹

Ариэль Борщевский (Реховот)

В 2001–2003 гг. в Педагогическом колледже Ораним осуществлялся проект «Хаврута». Он поддерживался Еврейским агентством и Министерством просвещения Израиля. Руководили проектом Роберта Белл-Клиглер, Ариэль Борщевский и др. Задачей проекта было расширение представления израильтян о диаспоре, укрепление их связи как с евреями, проживающими за пределами Израиля, так и с приехавшими из этих стран и ставшими гражданами Израиля. В проекте участвовали работники системы образования нашей страны, культурных центров и муниципальных советов, в подавляющем большинстве – уроженцы Израиля.

В 2002–2003 гг. участники проекта изучали историю и современное положение русского еврейства на примере еврейской общины Одессы. Учебный план включал 15 встреч по 4 часа и поездку в Одессу.

Выбор для изучения одесской общины не случаен. С одной стороны, Одесса тесно связана с историей становления Государства Израиль, с развитием еврейской культуры и искусства. Имена знаменитых одесситов – Жаботинского, Бялика, Дизенгофа – неотделимы от истории еврейского государства.

С другой стороны, в современном Израиле проживает много бывших одесситов, остающихся пламенными патриотами своего города. И в целом история еврейской общины Одессы является своего рода срезом судьбы всего российского еврейства.

Во время встреч в колледже Ораним участники слушали лекции по истории русского еврейства и еврейской общины Одессы, читали и обсуждали произведения одесских писателей, встречались с выходцами из этого города, смотрели фильмы и телепередачи об Одессе.

Наиболее запоминающейся частью программы, безусловно, явилась поездка в Одессу. Участники проекта ощутили уникальную

¹ Тезисы доклада на Всеизраильской конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03).

атмосферу этого южного города, увидели сохранившиеся свидетельства его истории, встречались с представителями различных еврейских организаций, просто с одесситами.

В результате увиденного и услышанного участники проекта не только значительно расширили свои представления о русском еврействе, но и смогли преодолеть многие стереотипы и предубеждения, связанные с восприятием нашей общины. Они осознали особую связь израильтян с русскоязычными евреями. Одна из участниц проекта, чьи родители приехали из Ирака и Турции, сказала: «Из Одессы я возвращаюсь в Израиль посланницей русского еврейства».



Во дворе одесского общества *Хесед*

Поборник чистоты: доктор Иегошуа Штарк

Юлия Систер (Ки́рьят-Экрон, Израиль)

Вклад евреев, приехавших из СССР (СНГ), в развитие медицины в нашей стране очень велик и разнообразен. И хотя он требует специального исследования, уже сегодня можно назвать некоторые яркие имена и среди них Иегошуа Штарк.

* * *

Проблема загрязнения внешней среды и ее охраны возникла в Израиле в середине 60-х годов, когда значительно возросло население, увеличилась его плотность. К этому времени Израиль превратился в страну с достаточно развитыми промышленностью и сельским хозяйством, с постоянно растущим парком автотранспорта. Уже в начале 70-х годов, когда нашему государству было немногим более 20 лет, начали внедряться стандарты допустимых микроколичеств вредных веществ в воде, в воздухе, в почве, в продуктах питания, появились соответствующие службы и люди, ответственные за чистоту окружающей среды. Именно в этот период, когда Израиль остро нуждался в специалистах в области санитарии и гигиены, в страну приехал И.Штарк.

Иегошуа (Евгений Михайлович) Штарк родился в 1919 г. в Каунасе (Литва) в многодетной еврейской семье: у него было четыре сестры и три брата. Вместе с другими детьми он получил традиционное еврейское образование и окончил еврейскую школу. Иегошуа хотел стать врачом, но его не приняли в университет, и в 1936 г. Штарк вынужден был уехать за границу. Он выбрал Италию, учился в Болонье.

Закончить образование в Италии ему не удалось. В августе 1939 года началась Вторая мировая война, и Штарк не смог после каникул выехать из Литвы. Тем не менее ему удалось поступить на медицинский факультет Каунасского университета и продолжить учебу.

В 1940 г. Литва была присоединена к СССР. Вскоре прошли аресты и массовые высылки из республики. 14 июня 1941 года органы НКВД арестовали отца Иегошуа – Моше Штарка. Уже

после войны стало известно, что он погиб в 1942 г. в одном из лагерей на севере России.

22 июня грянула Великая Отечественная война. Игошуа и другие члены семьи бежали в глубь страны, в Казахстан. Здесь его приняли в Алма-Атинский мединститут, диплом врача он получил в 1943 г. В армию Штарка, как сына врага народа, не мобилизовали. В 1944 г. он приехал в Вильнюс: сопровождал первый эшелон с медикаментами.

По ходатайству министра здравоохранения Литвы молодой врач был направлен в Москву для усовершенствования в области организации здравоохранения.

С 1944 г. Штарк начал работать в министерстве здравоохранения Литовской ССР и одновременно врачом в Вильнюсской инфекционной больнице. В 1957 г. он прошел по конкурсу в НИИ эпидемиологии, микробиологии и гигиены на должность заведующего отделом коммунальной и сельской гигиены. В 1959 г. в Москве Игошуа защитил кандидатскую диссертацию, а в 1969 – докторскую диссертацию на тему «Гигиенические вопросы водоснабжения Литовской ССР». Защита докторской диссертации проходила на медицинском факультете Вильнюсского университета. Диссертация получила высокую оценку ведущих специалистов, голосование за присуждение докторской степени было единогласным. Однако, неожиданно для всех, Ученый совет университета не утвердил решение факультета. В 1996 году, когда ученый уже давно находился в Израиле, этот же университет пригласил его в Вильнюс. Только тогда И.Штарку был вручен диплом доктора наук. При вручении диплома ректор сказал, что работа Штарка актуальна по сегодняшний день.

За время работы в Литве доктор Штарк опубликовал более 100 научных работ по вопросам питьевого водоснабжения населения и охраны внешней среды от загрязнения. Ему было присвоено звание старшего научного сотрудника, он был награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Литовской ССР, знаком «Отличник здравоохранения» и др.

В 1972 г. вместе с женой Машей Котляр-Штарк¹ Игошуа репатриировался в Израиль. Здесь он узнал, что некоторые его работы по санитарно-гигиеническим вопросам водоснабжения переведены на английский язык (1, 2).

¹ См. статью о ней в наст. книге.

И.Штарк начал работать в Иерусалиме в городском и окружном отделах здравоохранения, затем он был избран заместителем главврача, а позже главврачом Иерусалимского отделения министерства здравоохранения.

Жизнь входила в привычное русло: Маша и Иегошуа работали по специальности, в их гостеприимном доме в Иерусалиме стали бывать старые знакомые – художники и музыканты, на стенах со вкусом обустроенного жилья появились новые картины, подаренные друзьями-художниками. Заглядывали на огонек, вернее на импровизированные домашние концерты, старые и новые друзья, а также коренные израильтяне, которых притягивала к себе эта симпатичная интеллигентная пара. Друг семьи историк Савва Дудаков так определил наиболее характерную черту этой пары: аристократизм.

В начале своей деятельности Штарк познакомился с мэром Иерусалима Тедди Колеком, уважаемым и любимым жителями города. Мэр был инициатором строительства новых районов, много внимания уделял благоустройству и озеленению города. Первая встреча с ним произвела на доктора Штарка глубокое впечатление, покорили благожелательность и острый ум Колека. Сотрудничество с мэром стало плодотворным, не было ни одного кардинального вопроса, который бы они не решили вместе.

Бывали трудные периоды: вспышки холеры, бешенства. Но специалистам под руководством доктора Штарка удавалось быстро с ними справиться и не допустить распространения этих заболеваний.

Тедди Колек, как и Иегошуа Штарк, страстно хотел видеть свой город чистым и благоустроенным. С шести утра мэр объезжал улицы и площади Иерусалима, посещал рынки, внимательно все осматривал и записывал в блокнот. В тот же день Колек вызывал к себе ответственных за чистоту и порядок в городе, выслушивал их просьбы или жалобы и давал нагоняй тем, кто допустил беспорядок.

Доктор Штарк часто с встречался Тедди Колеком для обсуждения проблем санитарного состояния города и способов его улучшения. Необходимо было наладить профилактическую работу среди населения, особенно в арабской части города и в районах проживания религиозных евреев.

Ультрарелигиозное население упорно сопротивлялось профилактическим прививкам детям. Чтобы исправить положение, доктор Штарк часто выступал на собраниях матерей и подробно рассказывал им о пользе прививок. Однажды на таком собрании одна

из матерей заявила, что прививки вредят здоровью и не предохраняют от болезней. Пришлось провести ряд бесед на эту тему с раввинами, с которыми у доктора установилось взаимопонимание. В результате прививки стали проводиться беспрепятственно.

Много внимания И.Штарк уделял улучшению санитарного состояния учреждений и общежитий района Меа-Шеарим. Как-



Мэр Иерусалима Ури Лупольский вручает доктору И.Штарку Почетную грамоту профсоюза медицинских работников

то он посетил общежитие иешивы в этом районе. Раввин встретил его с удивлением: «Доктор, – сказал он, – я здесь живу десятки лет и никогда не видел, чтобы врач пришел проверить санитарное состояние иешивы...» Только при активном

сотрудничестве с раввинами удалось значительно повысить санитарную культуру этой части общества. Перед выходом на пенсию доктора Штарка к нему пришли пять раввинов, чтобы поблагодарить за помощь в налаживании профилактической и санитарной работы среди религиозного населения.

В арабской части Иерусалима работа минздрава почти не чувствовалась. Незнание арабского языка мешало сотрудничеству с местными врачами. Для того чтобы изменить положение, Штарк добился назначения своим заместителем известного врача арабского происхождения – доктора Нубани. С его помощью контакт с арабскими врачами был налажен. На ежемесячных совместных заседаниях обсуждались вопросы улучшения профилактической и лечебной работы в Восточном Иерусалиме. Заседания проводились на арабском языке, что увеличивало доверие и интерес присутствующих к проблемам здравоохранения.

Доктор Штарк лично организовывал и читал лекции по вопросам санитарии и гигиены. Проводились так называемые «Курсы санитарного минимума» для работников пищевой промышленности

и коммунального хозяйства. Эти лекции поощрял Тедди Колек, который сам часто на них присутствовал. Благодаря курсам значительно улучшилось санитарное состояние на пищевых объектах, в системе коммунального хозяйства и др.

Была налажена связь с руководителями медицинских учреждений. Ежемесячно проводились совещания с руководителями больничных касс и главврачами больниц, на которых обсуждались проблемы развития здравоохранения.

Однажды к доктору Штарку пришел симпатичный молодой человек и сказал, что хочет организовать добровольческую благотворительную организацию для помощи инвалидам, больным, пожилым людям и т.п. На вопрос о том, в каком месте и в каком помещении планируется ее разместить, юноша ответил, что организация будет находиться в его собственном доме, где для этого есть все возможности. Доктор обещал приехать и вскоре выполнил обещание. Действительно, такие возможности были. «А я для чего вам нужен?» – спросил Штарк. «Мне нужно ваше разрешение», – ответил молодой человек. Доктор Штарк разрешение выдал. Прошло время... Организация стала известна не только в Иерусалиме, у нее появились филиалы по всей стране. Речь идет об организации «Яд Сара» («Памяти Сары»), а юноша, который получил разрешение на ее открытие в 1976 г., – нынешний мэр Иерусалима Ури Луполянский. Он создал «Яд Сара» вместе со своим отцом Яковом и назвал организацию в честь матери Якова, погибшей в годы Катастрофы.

Большую работу провел доктор Штарк по трудоустройству врачей – новых репатриантов. Особое внимание было уделено санитарным врачам, не получавшим статус врача. В результате его усилий для них были организованы специальные курсы, и эти люди смогли работать санитарными инспекторами. Увеличение числа инспекторов было очень важно для поддержания хорошего санитарного состояния большого города.

Много было сделано для обеспечения контроля за качеством питьевой воды, начато ее фторирование (добавление фтора в определенных количествах).

Наряду с практической повседневной работой доктор Штарк продолжал заниматься исследовательской деятельностью, результаты которой опубликованы в научных журналах (3, 4, 5, 6) и доложены на конференциях. Им также изданы печатные обзоры о загрязнении воздуха Иерусалима автомобильным

транспортом и о санитарно-гигиеническом состоянии гаражей столицы (7).

Доктор Штарк был консультантом в министерствах строительства, транспорта, в ряде других министерств и ведомств. Он являлся членом Ученого совета профсоюза врачей.

После официального выхода на пенсию в 1986 г. И.Штарк еще три года продолжал консультировать в министерстве здравоохранения. Затем он начал работать и работает до сих пор членом врачебных комиссий Службы национального страхования, врачом-инспектором институтов по проверке здоровья работников государственных учреждений.

За многолетнюю научно-практическую деятельность профсоюз врачей наградил его Почетной грамотой. Есть у доктора и другие награды, свидетельствующие о признании его значительного вклада в развитие Иерусалима. И сегодня жители Иерусалима узнают И.Штарка на улицах города, и это можно считать высшей наградой за все сделанное им для нашей древней столицы.

Литература

1. *Shtarkas E.M. et al.* The Effect of Synthetic Detergents on the Depth of Penetration of Bacteria During the Filtration of Water Through the Soil // Published for the U.S. Department of Health, Education and Welfare, Public Health Service and the National Science Foundation, Washington, D.C. by the Israel Program for Scientific Translations. Jerusalem. 1967. P.126–128. (The Russian Journal Hygiene and Sanitation. 1967. Vol.32. № 1, 2, 3.) (неп. с рус.)

2. *Shtarkas E.M.* Utilization of Alluvial-Infiltration Waters for a Centralized Water Supply // Ibidem. P.293–294. (The Russian Journal Hygiene and Sanitation. 1965. Vol.30. №7, 8, 9) (неп. с рус.)

3. *Shtark J. et al.* Clinical Trial with an Anti-Rabies Human Diploid Cell Vaccine (HDCV) // 15-th IABS Congress Vaccinations in the Developing Countries, La Guadeloupe. Develop. Biol. Standard. 1978. №41. P.241–244.

4. *Shtark J. et al.* Follow up of the Persistence of Anti-Rabies Neutralizing Antibodies Two Years after Post or Pre-Exposure Immunization with

Anti-Rabies Human Diploid Cell Vaccine (HDCV) // Isr. J. Med. Sci. 1982. №18(5). P.12.

5. *Shtark J. et al.* Contamination of Chicken Meat and Environment with Various Serogroups of *Campylobacter Jejuni* (Coli) // Intern.J.Food Microbiology. 1985. №1. P.271–276.

6. *Shtark J. et al.* Waterborne Outbreak of *Campylobacter* Enteritis // Eur.J.Clin.Microbiology. 1983 (December). P.588–590.

7. *Штарк И.* Загрязнение воздуха автомобильным транспортом в центре города Иерусалима. Иерусалим, 1984. 16 с.; Санитарно-гигиеническое состояние гаражей Иерусалима. Иерусалим, 1987. 23 с. (*иврит*).

Мои родители Иегошуа Ратнер и Кция Марголина-Ратнер

Юлия Ратнер (Реховот, Израиль)

Этот неповторимый XX век был веком двух исходов российских евреев. Первый из них, в 20-е годы – выход еврейской молодёжи из местечек черты оседлости в большой мир, навстречу образованию, расширению кругозора, плюрализму. Многие из них, увлечённые коммунистическими идеями, мечтали жить в социалистической стране. Евреи, как народ книги, с практически стопроцентной грамотностью, устремились в гимназии, техникумы, университеты, чтобы полученные там знания использовать для построения нового социалистического общества. Некоторые из них отрекались от своего еврейства – меняли имена, фамилии, национальность, чтобы раствориться в большом народе и занять достойное место в служебной иерархии в разных областях науки, искусства и даже политики. Вот почему так много скрытых евреев среди учёных, деятелей культуры, писателей, музыкантов и т.д. Однако наряду с евреями-отступниками были и такие, которые всю свою жизнь сохраняли и, я бы сказала, пестовали принадлежность своему народу, хотя это создавало трудности в повседневной жизни в Советском Союзе. Такими были мои родители, которые так же, как и многие евреи из местечек, приехали в города строить новую жизнь. Однако национальная политика властей, направленная на полную ассимиляцию, государственный антисемитизм, а также сталинские репрессии, в которых евреи были и среди жертв и среди палачей, довольно скоро отрезвили многие еврейские головы и привели к разочарованию советским режимом. Постепенно в еврейском сознании идеи построения социализма в одной отдельно взятой стране стали вытесняться идеями сионизма. Этому способствовали как нарастающий антисемитизм, так и главным образом образование в 1948 году Государства Израиль. В 60–70-е годы начался второй исход евреев, на этот раз – из Советского Союза. Он достиг своего пика в 90-е годы.

Мои родители, Иегошуа (Евсей) Ратнер и Кция Марголина-Ратнер, оба выходцы из белорусских местечек, были ровесники XX века (папа родился в 1900 году, а мама – в 1905). Их дороги пересеклись в 1933 году в подмосковном Институте овощного хозяйства, где папа был заведующим лабораторией, а мама лаборанткой. О



Иегошуа (Евсей) Ратнер

юных годах и семьях, в которых они росли, я подробно написала в книге «От корней к листьям». Здесь же я хочу заметить, что их знакомство произошло благодаря языку идиш, который был для них родным и незаменимым никаким другим.

Позже, когда родители репатрировались в Израиль, иврит стал для них языком, который они полюбили и, хотя знали его ещё с детства, стремились усовершенствоваться в нем и, надо сказать, преуспели в этом. Папа говорил, что его научная книга, написанная на иврите, дороже ему, чем все предыдущие, а их было немало (150 научных статей и 5 монографий).

Мой отец Иегошуа Ратнер родился в местечке Почеп, близ Гомеля, в бедной многодетной семье. Семья не сводила концы с концами, но традиции чтили, и мальчики, как водится, учились в хедере. Рано лишившись отца, Иегошуа воспитывался отчимом, в 13 лет покинул родной дом и стал работать и обретать самостоятельность. Он с жадностью принялся за учёбу: иврит, талмуд, естественные науки.

Старшие папины сёстры уехали искать счастья за океан, а папа отправился в Москву, поступил в сельскохозяйственный техникум, подрабатывал частными уроками. О феномене еврейского просвещения, о походе еврейских юношей и девушек в науку написано много, и я на примере моих родителей хочу дополнить это многообразие. Евсей Иделевич Ратнер, как его называли в России, окончил сельскохозяйственную академию им. Тимирязева, стал доктором наук, профессором, крупным учёным. Он получил много наград — Орден Трудового Красного Знамени, Орден «Знак Почёта», медали. Был лауреатом нескольких престижных



Кция Марголина-Ратнер

премий. Не раз папу выдвигали в академики, однако прохождению его кандидатуры мешали как его еврейство и нечленство в партии, так и последовательная «антилысенковская» позиция. Папа публично выступал против пригретого Сталиным обскуранта – академика Лысенко и поддерживал заклеянного официальной пропагандой учёного-генетика академика Дубинина. Однако свой высший интерес он видел не в науке. Страстной мечтой моих родителей была репатриация в Израиль. Ещё в юности в Гомеле папа готовился к жизни на родной земле. А Израиль был для моих родителей поистине родной землёй, а не так называемой «исторической родиной». Родиной духа был для них Израиль.

В 1920 году отец поступил в высшее сельскохозяйственное заведение – Тимирязевскую академию. Его учителями были академик Вильямс – автор травопольной системы земледелия, основатель агрохимической школы академик Прянишников, физико-химик академик Каблуков. В «Тимирязевке» тогда было много студентов-евреев, горевших желанием приобщить евреев к земледелию. Трудолюбивые, честные образованные юноши и девушки шли к евреям местечек Украины и Белоруссии, звали их на землю. В 1923-м на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке уже экспонировались агрокультуры, выращенные в еврейских колониях на юге страны. Мой отец оканчивает факультет почвоведения, и ему предлагают остаться в академии – заманчивое предложение для молодого учёного. Но сильнее влечёт излюбленная идея, и папа уезжает в Николаевскую область – готовить специалистов для еврейских сельскохозяйственных поселений. Некоторое время отец жил у своего брата в Крыму. Моисей в эти годы уже не был прежним пылким энтузиастом – его здоровье подкосил туберкулёз, – но братьев по-прежнему сближали идеи еврейского национального возрождения. На протяжении нескольких лет папа помогал Моисею чем только мог, поддерживал его угасающую жизнь. Когда брата не стало, мой отец, сам заболевший открытой формой туберкулёза, вернулся в Москву. Сама жизнь, казалось, возвращала его к академической карьере.

Областью папиной научной деятельности стали агрохимия и физиология растений. Он был естествоиспытатель по призванию. Почитал теорию, но всегда со страстью углублялся в те разделы науки, которые сближают её с жизнью. Так в конце сороковых и первой половине пятидесятых годов родители ездили в экспедиции в так называемые «каменные степи» бороться с засухой. Это Воронежская область, станция Таловая, места, гиблые для сельского

хозяйства: засушливые, с твёрдой потрескавшейся землёй. Для задержания влаги насаждали там лесополосы, но этой меры было недостаточно. Две лаборатории института – профессора Генкеля (лаборатория водного режима), в которой работала мама, и папина лаборатория питания растений – выезжали туда, чтобы определить культуры, которые могут расти в таких условиях. Папины сотрудники, выбрав делянки, вводили в почву микроэлементы – молибден, фосфор, азот и исследовали их влияние на рост люцерны, сахарной свёклы, хлопчатника. Мама и её коллеги изучали влияние влаги на развитие таких культур, как подсолнечник, картофель, бобовые. Результаты исследований, проведенных в «каменной степи», папа обобщил в двух книгах «Молибден и урожай» и «Влияние микроэлементов на развитие растений». Отец проработал в науке 45 лет, из них 35 – в академическом Институте физиологии растений им. Тимирязева, 15 лет заведовал лабораторией питания растений. Более 150 его научных трудов переведены на иностранные языки: английский, немецкий, сербский, венгерский, китайский. Было и положение в обществе, и признание: золотая медаль Академии наук за книгу «Молибден и урожай», премия им. Тимирязева за монографию «Питание растений и применение удобрений», звание доктора биологических наук, профессора. Он и в позднюю пору своей жизни, уже в Израиле, оставался страстным исследователем. Здесь он работал в сельскохозяйственном НИИ им. Вулкани. За пять лет жизни в стране написал на иврите пять научных статей, выпустил книгу, дважды публиковался в английском журнале «Soil and Plant». После папиной смерти институт Вулкани учредил премию им. Иегошуа Ратнера, которая ежегодно вручалась за лучшие научные достижения в области питания растений. В библиотеке института есть и уголок, посвященный моему отцу. Там висит его портрет, на полке стоят его труды, а в день его рождения появляются цветы.

Мои родители приехали в Израиль 20-го сентября 1973 года, за две недели до начала Войны Судного дня. Оба были уже в преклонном возрасте, да и здоровье оставляло желать лучшего. Перед отъездом папа перенёс инфаркт с клинической смертью, боялся, что не доедет, не хотел быть обузой для государства. Однако его опасения не оправдались, и исполнение мечты придало ему силы. Они с мамой вели открытую жизнь, дружили с людьми, много ездили по стране. Порой экскурсии продолжались по 15 часов и более – нагрузка немалая даже для молодого и здорового человека, – и папа их выдерживал. *«Действительность ошарашила меня*

больше, чем я предполагал. Отрицательные “дурно пахнущие” стороны этой жизни бьют в нос уже с первых шагов по этой святой земле: нагромождение мусора на тротуарах, грубость и резкость работников в сфере обслуживания, с трудом прошибаемая бюрократия, ежедневные сообщения в газетах о происшествиях на дорогах, где гибнет больше, чем на войне. Наконец обратная сторона демократии: все всех критикуют и поносят. Обстановка басни “Лебедь, рак, да щука”», – пишет мне в Москву папа. Вместе с тем он находит много света и радости в жизни на новой земле. «Однако стоило нам за 11 месяцев приглядеться ближе к жизни страны, к её людям, как настроение стало меняться. Особое впечатление произвело посещение киббуца Наан. Он не исключение среди других 280 киббуцев. Здесь понимаешь, откуда берутся неустрашимые герои, воспитанные действительно в духе беззаветной преданности родине, понимаешь то новое слово, которое Израиль принёс человечеству в социальном устройстве общества». Это было написано в 1974 году. Через короткое время после приезда папа начал работать в Институте им. Вулкани на стипендию Сохнута. Два-три раза в неделю машина, собиравшая сотрудников (подвозка), приезжала за ним. На территории института были опытные поля. Папа занимался главным образом земляным орехом и соей – культурами, актуальными для Израиля. Через пару лет, когда истёк срок стипендии, папу приняли в штат института и дали ему зарплату, по поводу которой он сокрушался, что слишком большая и что он её не заслуживает. Его научная деятельность продолжалась три с половиной года. Папа называл это подарком судьбы, на который он в его возрасте и при его состоянии здоровья уже не рассчитывал. За три месяца до смерти папа пишет в своём дневнике: «Мои жирных семь коров продолжались три-три с половиной года, но пришедшие за ними полтора-два года тощих явно пожрали их». Папа умер на хануку 26-го декабря 1978 года. Моя сестра Марина писала мне в Москву: «В общем и целом папа прожил счастливую жизнь: имел идеальную жену, достиг блистательной карьеры, пережил тяжелые годы относительно спокойно, и мечта его приехать в Израиль исполнилась. Он ведь не только приехал в Израиль, но и работал пять лет и писал на иврите. Словом, был счастлив».

После смерти отца мама осталась одна: моя сестра Марина жила в Америке, а я с семьёй не могла прорваться через «железный занавес». Чтобы справиться с одиночеством и как-то выжить, Кция обращается к поэзии на идиш. Она и в юные годы писала стихи, но

в последние 20 лет ею написано особенно много. Она опубликовала три сборника стихов, в которых писала обо всём, что её волновало: о разлуке с близкими, об отчаянной борьбе за выезд моей семьи, о внуках и правнуках, о языке идиш и, конечно, об Израиле. Стихи её очень искренние, порой наивные, отражают её грустное настроение в период одиночества. В корне меняется их настрой после приезда нашей семьи. Её оптимизм и жизнелюбие помогли ей пережить тяжёлые годы одиночества. Она единственная из её сестёр и братьев дожила до четырёх правнуков, но не успела дописать книгу – семейную хронику, тоже на идиш, которую мечтала завершить. Мама умерла тоже в хануку в 94-летнем возрасте, не дожив до конца XX века трёх недель. Могилы моих родителей, неразлучных при жизни, находятся рядом, как принято у евреев, а значит, их души воссоединились, чтобы уже никогда не разлучаться.

Приведу некоторые из её стихов в переводе с идиш Наташи и Норберта Магазанник.

Моё кредо

Я пишу о том, что вижу,
Я пишу о том, что слышу,
Что волнует моё сердце,
Чем полна душа моя.
Доверяю я бумаге все печали и тревоги.
Я хочу, чтоб понимали,
Что сказать хотела я...
На доверие доверьем чтоб мне люди отвечали,
Чтоб добрее люди стали
От стихов моих чуть-чуть.
Доброта приносит радость.
Это я так твёрдо знаю.
И уверена, что в этом
Песен истинная суть.

Идиш – чудесный язык

Мой идиш, в любви признаюсь я тебе:
Не знаю я лучше звучания родного.
Так ёмко, богато в нём каждое слово.
Так много он значит в народной судьбе.
Хочу, чтоб слова наполнялись значением,
Несли они мысли великих идей,
И чтобы служили они вдохновеньем
Поэтов, писателей, просто людей.

Мой идиш с душой очень тёплой и нежной.
Ты полон сочувствия и доброты.
И чтоб ни случилось, как мама с надеждой,
На лучшее в мире надеешься ты.

Мне хочется очень, чтоб всюду звучали
С достоинством мудрым на идиш слова,
Чтоб в школах язык мой родной изучали,
Чтоб идиш имел здесь у нас все права.

Ведь идиш наш – преданный брат для иврита,
И знание его всех нас может сплотить.
Культура на идиш ещё не забыта.
И как же мы можем язык свой забыть!

Камни Израиля

Камни, камни, камни –
Повсюду вижу их я.
Камни, камни, камни –
Это страна моя.

Камни, камни, камни –
Различен размер их и цвет.
Камни, камни, камни –
Двух одинаковых нет.

Камни, камни, камни –
Дороги мостят из них.
Камни, камни, камни –
В долинах, лесах моих.

Камни, камни, камни,
Брошенные в людей.
Когда убивают камни,
Слезы в душе моей.

Камни, камни, камни.
Им сила большая дана.
Из каменных глыб священных
Сложена плача Стена.

Она стоит, как стояла.
Стоит уже тысячи лет,
Свидетельницей начала
И грандиозных побед.

Народ наш великий и мудрый,
Живущий среди камней,
В жизни своей многотрудной

Становится всё сильней.

Камни, камни, камни...

Не просто в пустыне жить.

Но верю я, твёрдо верю –

Народ наш не победить.

Мой день рождения

Сегодня опять мой день рождения,

И у меня грустное настроение.

Быстро подкралась старость.

Сколько мне жить осталось?

В этот день я опять одинока.

Родные мои пишут мне издалёка.

Надеюсь, что, может быть, чудо случится –

Семья, наконец, воссоединится.

Придут в мою комнату дети и внуки,

И в прошлое канут все годы разлуки.

И радости нашей не будет предела,

А я бы от счастья помолодела.

Играй мне гитара

Не тоскую я по берёзам,

по российскому снегу, морозам.

По любимым своим я тоскую,

И с надеждой на встречу живу я.

Пусть гитара моя играет.

Струнный звон и мелодии пусть

Мой тернистый путь облегчают

И развеют души моей грусть.

Для меня всё трудней ожиданье,

Время прочь всё быстрее убегает.

Жду, надеюсь, что будет свиданье,

Только сердце томится, страдает.

Так играй же, моя гитара,

В ожиданье грядущего дня

Я устала от вечной печали.

Прогони же её от меня.

Я надеюсь, что праздник будет,

Что родные придут ко мне,

И об этом узнают люди

От меня и в моей стране.

Покажу я родным своим Негев,
Бесконечных песков просторы,
Покажу я им берег моря,
Мой Кинерет, дорогу в горы.

Покажу я город Реховот,
Где наука у нас процветает,
Покажу Иордан им, который
В наше Мёртвое море впадает.

Покажу им леса густые,
Что насажены вдоль берегов,
И деревья, что ветви склонили,
От своих необычных плодов.

Покажу им Красное море –
Пусть увидят кораллов ряд.
Покажу им очень красивый
Самый южный город Эйлат.

Наконец мы вместе поедem
В древний город Иерусалим.
У Стены знаменитой плача,
Мы помолимся и постоим.

Но пока впереди ожиданье,
Много в реках воды утечёт.
Я надеюсь, что ждёт нас свиданье,
Долгожданная встреча нас ждёт.

Так играй же, моя гитара,
Эту песню мою не кончай.
Надо ждать – всему своё время.
Так играй же, гитара, играй...

ЖУРНАЛ В КНИГЕ

О Всеизраильской научной конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03). *Юлия Систер* (308)

Отчет о 124-м заседании Иерусалимского клуба библиофилов, посвященном выходу в свет 10-го тома серии книг о русских евреях в зарубежье, 75-летию Михаила Пархомовского – составителя, редактора и издателя этой серии и вручению ему премии Розы Эттингер (30.10.2003, Иерусалим). *Леонид Юниверг* (311)

«Дело Бейлиса» на страницах пятитомников *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ*: к 90-летию «дела Бейлиса». *Леонид Юниверг* (324)

Отзыв на книгу «Русские евреи во Франции» (Иерусалим, 2002 г.). *Галина Корбич* (326)

Русские евреи в «Диаспоре». *Г.Белый* (328)

Из одной поездки: 1. Е.П.Пешкова, М.Винавер и Б.Л.Гурвич; 2. Шмуэль Лулав (киббуц Афиким). *Михаил Пархомовский* (335)

Письма наших корреспондентов: Н.А.Поляковой-Делугаз–Валерия Коренблита – Сергея Голлербаха (341)

Поздравление с юбилеем авторов и редакторов (343)

Вспоминая А.Е.Бовина. *Михаил Пархомовский* (345)

О Всеизраильской научной конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (краткий отчет)

Юлия Систер

17 сентября 2003 г. в Кирьяи-Экроне состоялась однодневная конференция «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля», посвященная 55-летию Государства Израиль.

Ее организовали Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», местный совет Кирыят-Экрона и Международная ассоциация деятелей еврейского образования и культуры. Прибыли ученые, деятели культуры и образования из Иерусалима, Тель-Авива, Хайфы, Ашдода, Кфар-Сабы, Реховота и других городов. Присутствовал гость из Украины, Николай Лещенко, сотрудник посольства, отвечающий за культурные и научные связи с нашей страной.

Участников конференции приветствовали мэр Кирыят-Экрона Арик Хадад и его заместитель Ирина Ольбинская.

Председатель оргкомитета доктор Юлия Систер зачитала приветствия в адрес конференции (более 10): от Натана Щаранского,



**Юлия Систер зачитывает
приветствия участникам
конференции**

министра по делам Иерусалима и диаспоры; Авигдора Либермана, министра транспорта, лидера партии НДИ; Колет Авиталь, председателя парламентской комиссии по алии и абсорбции, депутата кнессета от партии Авода; доктора Марины Солодкиной, депутата кнессета от партии Исраэль ба-алия – Ликуд; от Всемирного конгресса русскоязычного еврейства (подписал Шмуэль Азарх – председатель Комитета в поддержку Израиля ВКРЕ); от Американской Ассоциации евреев из бывшего СССР (подписано ее президентом Юрием Зильберманом); от Мэрилендской ассоциации евреев – выходцев из бывшего СССР (за подписью ее президента Евгении

Гитис); от американских русскоязычных газет «Форвердс» и «Наш голос» (Балтимор); от журналиста русскоязычных газет США, бывшего зав. отделом журнала «Крокодил» Юрия Борина; от радиожурналиста американского радио Майи Басс и др.

В приветствиях говорится, что трудно переоценить вклад евреев из России в создание Государства Израиль, в его науку, культуру, образование, обороноспособность и др. Это подтвердили доклады, прозвучавшие на конференции, которая явилась заметным событием в культурной и научной жизни Израиля.

В американских приветствиях указывается, что Израиль давно стал предметом гордости всех евреев мира. Русскоговорящие евреи Америки ощущают свою кровную связь с израильтянами и готовы поддерживать их благородные начинания.

В своем вступительном докладе «Идемте же отстроим стены Йерушалаима» Ю.Систер рассказала о Научно-исследовательском центре «Русское еврейство в зарубежье», его задачах и деятельности: организации семинаров, конференций, составлении просветительских программ для молодежи, выступлении в СМИ, издательской деятельности. Выход в свет серий книг «Евреи в культуре русского зарубежья» и «Русское еврейство в зарубежье» создал новую область знаний в иуданке.

Ю.Систер подчеркнула, что место проведения конференции исторически связано с евреями первых волн алии из Российской империи – билуйцами. Группа первых поселенцев во главе с Израэлем Белкиндоном прибыла в 1882 г. Среди них был и Хаим Хисин. В 1884 г. он вошел в группу, основавшую Гедеру (рядом с Кирьят-Экроном) – первое поселение олим из России в Эрец-Исраэль. Книга Хисина «Дневник билуйца», впервые изданная в 1925 г. на иврите, в 1973 г. вышла на русском. В честь билуйцев названа деревня Билу и перекресток Билу на границе между Реховотом и Кирьят-Экроном.

* * *

Особую атмосферу на конференции создали выставки художников – выходцев из бывшего Советского Союза, развернутые в зале заседаний и соседних больших комнатах.

Свои картины, написанные маслом, Татьяна Барабанова из Реховота назвала «Взгляд на страну»; в них много света, воздуха. Они говорят о том, что наша маленькая страна прекрасна, что нужно беречь то, что нас окружает.

Художник Борис Хенкин и литератор Марк Луцкий из Хайфы представили «русских» израильтян в шаржах с комментариями (эпиграммы, пародии, посвящения). Их дружеские шаржи на политиков (Н.Щаранский, А.Либерман и др.), писателей (А.Алексин, Е.Баух), композиторов (В.Шаинский), артистов, режиссеров, ученых, спортсменов и др. вызвали интерес присутствующих.

Работали книжные киоски: свои издания привезли Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье», «Краткая еврейская энциклопедия», Иерусалимский клуб «Библиофил» (рук. доктор Л.Юниверг). Заинтересовала участников конференции книга «Мой Хеврон» покойного профессора Бен Циона Тавгера. Автор, ученый с мировым именем в области теоретической физики, приехал в Израиль в 1972 г., был принят на работу в Тель-Авивский университет и оставил ее ради того, чтобы жить в древнем Хевроне, в городе праотцев. Там он реставрировал старинную синагогу Авраама Авину, восстановил оскверненное арабами древнее еврейское кладбище и др. Обо всем этом Тавгер рассказал в книге воспоминаний, которая читается на одном дыхании.

Зачитанные на конференции доклады напечатаны в настоящем томе.

Полный отчет о конференции публикуется в книге «Русские евреи в Америке» (в печати).

**Отчет о 124-м заседании Иерусалимского клуба
библиофилов, посвященном выходу в свет 10-го тома серии
книг о русских евреях в зарубежье, 75-летию Михаила Пархо-
мовского – составителя, редактора и издателя этой серии и
вручению ему премии Розы Эттингер (30.10.2003, Иерусалим)**

Из поздравлений и приветствий

*Д-р Ариэль Борщевский (Международная ассоциация деятелей
еврейского образования и культуры):* Вы известны, прежде всего,
как человек дела, а не слов. И доказательством этому являются
многочисленные труды по истории русского еврейства, вышедшие
в свет за последние 10 лет. Ярче любых слов свидетельствуют они
о Вашем подвижническом труде и о том вкладе, который они вно-
сят в историческую науку.

*Арик Хадад, мэтр Кирьят-Экрона, Ирина Ольбинская, зам. мэ-
ра:* Город, который стал местом проведения конференции 17 сен-
тября с.г., посвященной вкладу русскоговорящих евреев в науку,
культуру и образование Израиля, и в котором начал создаваться
архив организованного Вами Научного центра, приветствует Вас в
день Вашего юбилея, желает здоровья, новых творческих побед,
осуществления задуманных планов. Мы ценим Ваш огромный
вклад в науку о русско-еврейском зарубежье и будем и впредь ока-
зывать содействие деятельности созданного Вами Центра.

Д-р Эрнст Зальцберг (Торонто): Вашей энергии, фантазии и
энтузиазму могут позавидовать люди, намного младше Вас. В
смысле увлеченности делом, преданности ему и умения воплощать
творческие планы в жизнь Вы – пример, достойный подражания.
Сделанное Вами трудно переоценить, и Ваши сборники сыграли
огромную роль в познании роли евреев в культуре Русского Зару-
бежья. Вы были пионером в разработке этой темы и Вы остаетесь
одним из ведущих специалистов в этой области и сегодня.

Д-р Мария Кшондзер (Берлин): Вы создали уникальную серию,
без которой уже не смогут обойтись исследователи, а для читателей
это просто бесценный подарок.

Шуламит Шалит (Тель-Авив):

Мы все – и те, что придут за нами, благодарим Вас за многие
часы, дни, годы Вашей удивительной подвижнической работы, за
подаренное нам счастье узнавать, учиться и гордиться высотой

человеческого духа, которым пропитан и которым светится Ваш великий труд!

Д-р И.Обухова-Зелиньска (Варшава): Вы встречаете свой юбилей прекрасным достижением, ставшим вехой не только Вашей подвижнической жизни редактора, но и событием научной и культурной жизни для многих людей в разных странах земного шара – выходом 10-го тома «Русского еврейства в Зарубежье». В процессе работы над этим «десятикнижием» Вы создали и сплотили виртуальный, но вполне реальный коллектив авторов и редакторов из разных стран.

Проф. Леонид Столович (Тарту): Желаю Вам всяческого благополучия на прочном фундаменте хорошего здоровья!

Д-р В.Телицын (Москва): Сегодня, когда состоится презентация 10 тома Вашего труда (его считаю исключительно Вашим), хочу пожелать Вам здоровья, стойкости в этой непростой жизни, новых начинаний и новых успехов.

Проф. Борис Кушнер (Питтсбург): Ваш огромный труд – серия книг о еврействе в эмиграции – великолепный литературный памятник XX века, он уже высоко оценен современниками и еще выше будет оценен последующими поколениями.

Выступления

Президент Фонда Розы Эттингер *проф. Эмиль Любошиц* вручает диплом о награждении Михаила Пархомовского премией Розы Эттингер 2003 года *«За подвижнический труд по составлению, редактированию и изданию десяти сборников, образовавших две серии: “Евреи в культуре Русского Зарубежья” и “Русское еврейство в Зарубежье”, вышедшие в Иерусалиме в 1992–2003 годах»*. Поздравляя юбиляра, проф. Любошиц подчеркивает необыкновенную широту и уникальность деятельности М.Пархомовского: *«В его ценнейшей книгах энциклопедического характера подняты огромные исторические пласты. Амнезия общества приводит к потере морали и нравственности, к фальсификации истории»*.

В ответной речи *М.Пархомовский* говорит: *«Присуждение премии вдвойне приятно, так как я был очарован образом Розы Николаевны и немало сделал для публикации статьи о ней в нашем издании»*.

Генеральный директор ассоциации (амуты) НИ центр «Русское еврейство в зарубежье» *д-р Юлия Систер* посвящает свое выступление жизни и деятельности юбиляра. М.П. родился в 1928 г. в Одессе в семье инженера Арона Филипповича Пархомовского; его мать Этя Михайловна Пархомовская-Белая была фармацевтом. В детстве отличался любовью к чтению, рисовал и лепил. После эвакуации семья жила в Кировской области. В 1945 г. поступил в Саратовский медицинский ин-т, который окончил с отличием в 1951, получив специальность врача-оториноларинголога. Работал в Комсомольске-на-Амуре, с 1954 г. – в Москве, первые 8 лет – в 4-й Градской (б. Павловской) больнице, многие годы заведовал ЛОР-отделением заводской МСЧ в Тушинском районе Москвы, последние годы – после защиты канд. дисс. и получения высшей категории – консультировал в различных моск. поликлиниках. Автор 50 опубликованных науч. работ. В 1990 г. переехал в Израиль, где еще 8 лет работал по специальности.

В 1989 г. вышла его книга о Зиновии Пешкове «Сын России, генерал Франции» (в 1999 она была переиздана). Со времени приезда в Израиль М.П. собирает материалы о жизни и деятельности евреев, покинувших Россию, и, начиная с 1992 г. по 2003 г., издает 10 томов, о которых сегодня известно русскоязычному читателю во всем мире. В 1997-98 гг. ему присваивается звание Человека года в Англии и США, и с этого времени его биография фигурирует во многих англоязычных справочниках «Кто есть кто». В 2003 году М.Пархомовский удостоился гранта им. Анны Хавинсон.

Заканчивая выступление, Ю.Систер рассказывает о своем участии в последних книгах, в частности, о создании статей об ученых – родоначальнике космонавтики Э.Штернфельде и специалисте по ядерной химии М.Гайсинском, который начал свою трудовую деятельность с израильского киббуца.

Ведущий – председатель Иерусалимского клуба библиофилов *д-р Леонид Юниверг* сообщает малоизвестные факты из истории создания 10-томника.

– Мы познакомились с М.А. в конце 1989 г., когда он принес в отдел редких книг «Ленинки», где я работал, свою книгу о Зиновии Пешкове. Встретившись через несколько месяцев на проводах М.А. в Израиль, мы обсудили его тогда зарождающийся проект, и я взялся помочь в поисках авторов (в дальнейшем я нашел нескольких).

И еще. В 1991 г. книга М.А. о З.Пешкове заинтересовала одно парижское издательство, была переведена на французский язык, но

не напечатана: известная французская писательница Э.Шарль-Ру предложила свою версию истории жизни Пешкова, который много лет был ее мужем; естественно, ей было отдано предпочтение, а Михаилу Ароновичу в качестве компенсации за отказ опубликовать книгу были выплачены деньги, на которые и был издан 1-й том серии.

Без ссылок на книги Михаила Ароновича теперь не обходится ни одно исследование эмиграции из России. Высоко оценивают издание сотрудники Отдела редких книг Российской государственной библиотеки (бывшей библиотеки Ленина), где оно пользуется активным читательским спросом.

Главный редактор КЕЭ *д-р Нафтали Прам* рассказывает о своей статье, посвященной Р.Н.Эттингер, и о самой Розе Николаевне, главным призванием которой было помогать людям. В основном ее помощь была направлена на облегчение абсорбции в Израиле русско-еврейской интеллигенции. Делая обзор отредактированных им статей в книгах о русско-еврейской эмиграции, выступающий останавливается на еврейских корнях русских религиозных философов Семена Франка и Льва Шестова, рассказывает о ставшем французским социологом Жорже Гурвиче и проф. Иерусалимского ун-та Шломо Пинесе, специалисте по арабской и еврейской философии.

Музыковед *д-р Белла Бергинер-Тавгер* (автор пяти статей в 10-томнике) начала свое выступление с «музыкального поздравления» юбиляра – прозвучал отрывок записи Я.Хейфеца, героя одной из статей. Всего в издании опубликовано 33 статьи на темы музыки и балета, они были в каждом из 10 томов. В первых двух книгах эти темы были представлены скромно – по одной статье в более общих разделах («Искусство и шахматы», «Русские евреи в Палестине»). Начиная с третьего тома в большинстве книг был отдельный раздел «Музыка», в восьмой и в девятой – «Сценические искусства».

Спектр авторов разнообразен и по их географической принадлежности (Израиль, Канада, Россия, США, Голландия, Франция), и по их профессиональной подготовке (например, наряду со статьями профессиональных музыковедов, напечатан трогательный рассказ врача Ф.Роголь о ее родственнике, молодом пианисте Э.Зельцмане, погибшем в Катастрофу). Среди авторов выделяется фигура покойного Я.Л.Сорокера, который был также и редактором музыкальных материалов, а прежде всего – подлинным интеллигентом и человеком тонкой души. Автор восьми статей Э.Зальцберг (Торонто) на-

столько «заразился» увлечением М.А.Пархомовского, что стал со-редактором готовящейся книги о выходах из России в Америке.

Статьи рассказывают о пианистах, скрипачах, композиторах, музыковедах, дирижерах, певцах, танцовщиках, критиках и историях балета, об основателе израильской оперы Мордехе Голинкине. Диапазон героев – от короля скрипичной игры Яши Хейфеца и знаменитого пианиста Владимира Горовица до эстрадной артистки и певицы на идиш Жени Файерман.

Статьи богаты ранее неизвестной информацией, как более общей, так и касающейся отдельных интересных эпизодов. Так, например, в связи с историей израильской оперы упоминается исполнение Ф.Шаляпиным в 1918 г. в Петрограде «А-Тиквы» (гимна еврейского народа) на иврите. В другой статье ставится вопрос о возможном еврейском происхождении Паганини. В статье о музыковеде Н.Слонимском рассказывается о том, как он развенчал старый миф о похоронах Моцарта, на которых якобы было очень мало людей из-за плохой зимней погоды. Н.Слонимский связался с бюро погоды в Вене и получил оттуда точную информацию, согласно которой день этих похорон был ясным, веял легкий бриз...

Выступление Б.Бергинер-Тавгер закончилось звукозаписью героини еще одной статьи, певицы О.Слободской, которая была известна и любима на Западе, но совсем забыта в России.

Д-р Владимир Карасик: По роду своей работы я посещаю многие библиотеки мира и могу подтвердить, что тома Михаила Ароновича пользуются огромным спросом. Вот в Отделе русского зарубежья (бывшем спецхране) Российской государственной библиотеки («Ленинке») сидит дама японской наружности, и перед ней громоздятся наши книги. Такая же гора на столе мощного казаха – он, оказывается, пишет о белых атаманах, и ему также необходимы наши книги. С гордостью мне их показывали сотрудницы парижских библиотек – максимально у них только по несколько томов. А вот любопытная игра случая. Читатель из США пишет своему другу в Омск, что ему где-то на книжном развале удалось дешево приобрести первые три тома, и он их страницами цитирует! Друг переписывает эти тексты и направляет в самый интеллигентный тель-авивский журнал – Бюллетень выходцев из Китая, где эти письма публикуются без купюр!

В течение жизни мне пришлось иметь дело с разными редакторами, но более энергичного, чем М.А., я не встречал. И никто не работает с авторами так бережно, как он: при необходимости

изменений он согласовывает каждое слово. Видимо, это и помогло создать столь уникальное издание. Импонирует мне (геофизику) и то, что оно создано в какой-то степени дилетантом, а не «врожденным» гуманитарием. Скажу как летописец русско-еврейской периодики, существующей более 140 лет – в моем багаже более 1600 наименований: подобного издания не было. Многие кафедры и институты уже сейчас завидуют и еще десятилетия и столетия будут завидовать успеху многотомника Пархомовского. Труд его подтверждает: материя вторична, первичен-то дух. И еще: организация, учреждение – вторично, главное – личность, независимо от образования и званий.

В.Карасик горячо поздравляет юбиляра.

Дан Харув: Меня просили дать оценку изданию с точки зрения ее источниковедческой ценности. Так вот, для меня как для историка в нем содержится огромное количество фактов. Но книги эти в основном посвящены элите, но не массе – еврейскому народу. И это плохо сочетается с наукой. Почему основная масса евреев-эмигрантов не отражена в издании? Возможно, это связано с тем, что они не оставили особого следа в архивах. Апологетика вклада евреев – вещь хорошая и нужная, но для науки важнее объективность.

Михаил Хейфец: Владимир Карасик сказал уже все то, что хотел сказать я, и я уже думал не выступать, но критика Дана Харува мне очень помогла, ибо я с его концепцией совершенно не согласен. Смысл 10-томника заключается в том, чтобы мы осознали нашу роль, – что мы в этом мире сделали? И наши дела выявляются по вкладу народа, совершенного его элитой: всюду, где русские евреи оказывались: в Америке, в Европе, в Китае – повсюду, они созидали дом культуры западной цивилизации. Именно эту идею выразил Пархомовский в этих, казалось бы, беспорядочных очерках, составивших его 10-томник. И сейчас в Израиле мы заняты тем же – мы создаем дом мировой европейской цивилизации.

Я должен здесь при всех сказать, что Михаил Аронович доказал, что я не знаю русского еврейства, ибо я совершенно не верил в возможность осуществления проекта Пархомовского, с которым он меня познакомил по приезду в Израиль. Пархомовский – типичный представитель этих фантастических русских евреев, которые, появляясь в какой-то точке, тут же начинают что-то продвигать, и у них это зачастую получается!

Правда, в одном я оказался прав: я с самого начала знал, что никто в Израиле деньгами ему не поможет; он получил помощь только на один том, и то – от Бовина, а не от израильтян...

Эмиграция и циркуляция знания¹

Дмитрий Гузевич, Ирина Гузевич (Париж)

Перенос и циркуляция знания – все больше и больше привлекают внимание историков. Раньше других они были осознаны в истории науки и техники. В истории культуры его лишь касаются. До сих пор термины *влияние* и *связи* в этих исследованиях остаются ведущими. Так, весной 2003 г. в Париже в Сорбонне была проведена конференция, посвященная *французскому влиянию на русскую культуру*. А советская историография просто переполнена текстами по истории культурных, научных или революционных *связей* различных народов.

Проблема в том, что предельно расплывчатый термин *связи* позволяет выявлять лишь сами факты контактов. Но и только. А *влияние* – это лишь форма одностороннего переноса знания; при этом молчаливо подразумевается пассивность принимающей стороны.

Вот классический пример: признавая культурные связи России с большинством европейских и неевропейских народов, ни советская и ни российская историография не сумела выяснить, каким образом переносимые с Запада (да и с Востока тоже) знания трансформировались и адаптировались до такой степени, что на выходе оказывались произведениями российской культуры – от строительства Петербурга до русского балета, от фортификационных решений эпохи Крымской войны до литературы Серебряного века.

История эмиграции – один из важнейших элементов истории переноса и циркуляции знания. Именно поэтому 6 лет назад мы и приняли любезное предложение Михаила Ароновича Пархомовского участвовать в РЕВЗ. Это был наш долг перед самими собой и перед Господом Б-гом: помочь сохранить прошлое своего народа, хотя бы в той степени, в какой у нас хватает сил. Заметим, что инициатор издания и двойной юбиляр (три четверти века и десятикнижие,

¹ Авторы, не присутствовавшие на заседании, передали свой материал по электронной почте. Текст приводится с некоторыми сокращениями. Подробнее поднятая авторами проблема освещена в кн.: *Д.Ю.Гузевич. Кентавр, или к вопросу о бинарности русской культуры*. М.: «АИРО-XX», 2000.

выпущенное в мир) сделал больше, чем может сделать один человек.

Насколько оправдан этноподход в таком сложном случае, как российское еврейство? И если шесть лет назад мы только нащупывали ответы, то сейчас можем с уверенностью сказать: да, оправдан. И в первую очередь с научной точки зрения. Он отвечает научным критериям, начиная с установок границ изучаемого явления.

Проблема лишь в том, чтобы изучение этнической группы не превратилось в ее апологетику. Этноистория не имеет ничего общего ни с политикой, ни с национализмом. Есть принципиальная разница в постановке вопроса, который, в конечном счете, определяет все: «*Мы среди других*» или «*Мы лучше всех других*». Между ними – «водораздел».

Учебная и научная эмиграция шла больше в Европу, трудовая – больше в Америку. И вряд ли будет натяжкой утверждение, что трудовые навыки и знания того миллиона российских евреев, который эмигрировал за 40 лет (до Первой мировой войны) в США, сыграли свою роль в становлении экономического и технического потенциала этой ныне крупнейшей державы.

Вопрос: будут ли какие-либо различия в профессиональных занятиях между собственно русской частью российской послереволюционной эмиграции и ее еврейской составляющей? Да, конечно. Так, военная эмиграция (несколько сотен тысяч человек) в своей массе еврейской отнюдь не будет. Хотя мы и знаем примеры генералов-евреев, покинувших Россию (они приведены в *РЕВЗ*). А вот в учебной эмиграции, а также в среде социалистов разных мастей процент евреев в эпоху между двумя войнами будет значительно превышать их удельный вес по отношению ко всей российской эмиграции. Евреев-ученых было много уже в этот период. Однако мы бы не стали утверждать, что в процентном отношении их было больше, чем собственно русских. Слишком много последних было вынуждено бежать от советской власти. То же с деятелями культуры. А вот в рамках третьей эмиграционной волны ситуация уже совсем иная: евреи-ученые, инженеры, художники, писатели составляют ее основную массу. Хорошо это либо плохо? Ни то, ни другое. Это просто данность, требующая изучения и выяснения причин и последствий.

Что дает этноподход в конкретных исследованиях? Да он, оказывается, просто необходим при решении целой группы проблем, в том числе и тех, о которых мы уже говорили. В частности, для истории российской учебной эмиграции, которая от 30–50% (после

революции) до 80–90% (до нее) состояла из евреев. И, не зная проблем, с которыми сталкивались евреи в России, а позднее в СССР, не зная этнографических различий между разными группами ашкенази, не представляя всей палитры взаимоотношений между различными этнорелигиозными группами, мы просто не сможем изучать такое для Запада единое явление, как «русские учащиеся в европейских школах». Даже если нас интересуют лишь *перенос и циркуляция знания*.

В заключительном слове *Михаил Пархомовский* благодарит организаторов заседания, выступавших и гостей.

– Критика Дана Харува заставляет задуматься, но она несправедлива: в статьях Л.Юниверга, А.Рейтблата и в моих говорится о читательской массе евреев – это они посещали литературные вечера, это они покупали книги и журналы; в книгах немало статей об организациях (например, ОРТ, ОЗЕ, Бунд) и союзах (Союз русских евреев Германии, др.).

Когда-то в молодости мне цыганка нагадала, что я человек счастливый. Я не верил, но вот сбылось – мой труд признан при жизни, что бывает нечасто. Это пришло не сразу. Когда вышел наш 1-й том и я его принес на какой-то съезд по русскому еврейству, меня вывели, угрожая полицией. И пришлось уйти, под дождь, с тяжелой кипой книг...

Но, вы знаете, я вас огорошу другим: это лишь начало. У наших 10 томов впереди большое будущее: на собранном нами огромном материале будут делаться диссертации. Наши аналитические статьи послужат базой для дальнейших проблемных исследований.

Я думал уйти на отдых, но, к сожалению, а может быть, и к счастью, еще придется много поработать, чтобы способствовать прогрессу науки о русских евреях в Израиле и странах рассеяния.

Если русская община начинает нас в какой-то степени



**Юбилар, организаторы встречи,
авторы, поклонники**

признавать, то израильтяне не знают о нас. Недавно вышел биографический словарь «Художники русского зарубежья». В нем приблизительно 700 статей. Около 75% этих статей – о художниках-евреях.

В 10-томнике им посвящено приблизительно 600 страниц. По нашим данным, так называемую Парижскую школу художников в значительной степени создали русские евреи. Но, как я узнал недавно, библиотека иерусалимского Музея Израиля искусствоведческие книги на русском языке не приобретает.

Игнорирует и приезд миллиона русских евреев Израильская академия наук. Она занята публикацией материалов о еврейских общинах в отдельных провинциях Италии.

Нам нужно преодолеть этот языковой и дискриминационный барьер.

Что будет дальше? – Неопределенность. Лучше всего, если бы мы могли создать толстый журнал. У нас уже есть материалы по русским евреям в Америке, в Германии. В таком журнале мы могли бы рассказывать историю выходцев из России в Палестине/Израиле и историю русско-еврейского рассеяния и обсуждать актуальности. Например, современная русско-еврейская община Германии, несмотря на материальное благополучие (а, может быть, и из-за него), переживает духовный кризис. Русско-еврейские общины США разрознены. Объединяющий орган печати необходим. Такой журнал должен выходить в Израиле по всем соображениям: идеологическим, политическим, культурологическим – здесь у нас наименее провинциальная русско-еврейская община по сравнению с Германией, Канадой и даже США.

Обладая высоким культурным и научным уровнем, русское еврейство в XIX и XX веках оказало большое влияние на европейскую цивилизацию. И это влияние продолжается в наступившем XXI веке. По своей силе его можно сопоставить с ролью евреев в арабской культуре IX–XII веков, позже с их ролью в период испанского могущества и с ролью немецких евреев в Новое время.

Мне очень хотелось, чтобы на сегодняшнем заседании прозвучали некоторые итоги, анализ нашего 10-томника – это было бы прекрасным подарком юбиляру. На мой призыв кое-кто откликнулся, но среди них искусствовед не оказалось. С отрочества я усвоил истину: если хочешь, чтобы что-то было сделано, сделай это сам. Таким образом здесь оказался мой, в основном формальный, анализ искусствоведческих материалов наших книг.

Большое место по объему занимают статьи по изобразительному искусству – около 600 страниц. Это 1/9 часть 10-томника, который содержит 5,5 тысячи страниц (точнее – 5558). Всего 41 искусствоведческая статья. Но кроме последних, есть такие, в которых художники или скульпторы занимают лишь часть публикации на другую тему. Например, художнику Сержу Фотинскому (Абраму Айзеншеру; т.9) посвящена половина статьи Б.Фрезинского о парижских друзьях Эренбурга; в очерке А.Рогачевского «Русские евреи в Великобритании: Продолжение следует» (т.10) сведения о художнике – Бернарде Минском – изложены на двух страницах².

Театроведческие статьи (например, Н.Дунаевой об Иде Рубинштейн в т.10) богаты данными о сценографах – Л.Баксте, др. В рубриках «Книжное дело и периодика» немало сказано о мастерах книжной графики – см., например, статью Л.Юниверга «Еврей-издатели и книготорговцы Русского Зарубежья» (т.1); в его же статье о журнале «Иллюстрированная Россия» (т.2) в рассказе о рубрике журнала «Русское искусство за рубежом» – информация о Г.Гликмане, картины которого покупались Люксембургским музеем в Париже, портретисте С.Сорине, др.

Особый список может быть составлен из художников – жертв Катастрофы (см., например, *Л.Ламт*. «Слово о погибшем скульпторе. Моисей Коган» в 4-м томе), или переживших ее – в рубриках об искусстве, в разделах «Катастрофа», а также в 10-м томе, разделенном на главы по странам. В последнем – ужасающие свидетельства (воспоминания и воспроизведенные картины) И.Цельникера о зверствах нацистов в оккупированной Польше и на территории СССР.

Две статьи посвящены галерейщикам: в статье В.Воробьева это одесситка Дина Верни (Эйнбиндер), создавшая Музей Майоля в Париже и поддерживавшая художников Второго русского авангарда; в очерке В.Катаняна это Натан Федоровский, открывший в Берлине галерею, которая стала одним из культурных центров Германии. (Особый успех имела его выставка «Мир Лили Брик».)

Одна статья – о коллекционере И.Хиршхорне, коллекция которого была помещена в музей, названном его именем и построенном

² Б.Минский – один из наших героев, которые не вошли в наиболее полный Биографический словарь художников русского зарубежья О.Лейкина, К.Махрова и Д.Северюхина. Их книга, изданная в 1999 г., содержит немало ссылок на наши тома, и в своем предисловии авторы словаря благодарят нас за советы и помощь.

напротив вашингтонского Капитолия. В большинстве искусствоведческих статей рассказывается об одном художнике. Так, в 1-м томе таких статей две – о Хане Орловой и Науме Аронсоне. Но здесь же читатель найдет записки Н.Лобанова-Ростовского сразу о 20 театральных художниках из России. Большой список художников в статьях М.Генкиной о погибших в Катастрофе (т.3) и о Втором русском авангарде (т.5). В концептуальной работе И.Обуховой-Зелинской – о Парижской школе художников – их более ста.

Об авторах. Первой с нами начала сотрудничать искусствовед из Эрмитажа Любовь Яковлевна Латт – см. ее статью в 1-м томе о выдающемся скульпторе Хане Орловой, которую Л.Я. открыла для русскоязычного читателя. С любовью описывая своих героев, Л.Я. (всего ею написано 4 статьи) стала одной из авторов, создавших в наших книгах особую ауру «науки с человеческим лицом».

Начав сотрудничать с нами со 2-го тома, Марина Генкина (бывшая сотрудница московского Музея изобразительных искусств) стала одним из редакторов издания и написала 5 статей, отличающихся взвешенностью и конкретностью. Важнейшей является ее новаторская работа «Второй русский авангард на Западе» (5-й том) – первое научное исследование этого направления в искусстве.

Много сделано для наших книг Ириной Владимировной Обуховой-Зелинской (Варшава–Москва), вошедшей в наш коллектив в 1995 г. Будучи не только искусствоведом, но и культурологом, она стала автором 9 статей, в том числе трех – о художниках.

Из других профессиональных искусствоведов назовем А.Шацких (Москва, автора 4 работ), Дж.Боулта (Лос-Анджелес; 2 ст.), В.Шлеева (Киев, 1 ст.), Д.Каган (Иерусалим, 1 ст.), М.Либмана (сменившего М.Генкину на посту редактора-искусствоведа, 1 ст.), Л.Пекаровского (открывшего Вл.Жаботинского-художника; 1 ст.)

Высокого уровня статьи о художниках, написанные непрофессионалами: историком С.Дудаковым, программистом Э.Берман-Штернфельд, физиком К.Кикоином. Особой теплотой отличаются воспоминания о Льве Заке, Сильвии Луцкой, присланных их дочерьми; очерков об И.Болотовском и Л.Ламме, опубликованных их другом С.Голлербахом (Нью-Йорк).

Программная статья И.Обуховой-Зелинской «Русско-еврейские художники в Париже (1870–1940)» (10-й т.) начинается с утверждения о целесообразности обособления русского еврейства в Зарубежье в качестве национальной, культурной и социальной группы. В статье рассмотрены и классифицированы судьбы

125 таких художников в зависимости от времени приезда и длительности проживания в Париже. Часть из них в 20-е годы стали лидерами Парижской школы. Они по-разному чувствовали свою связь с еврейством: некоторые ощущали ее глубоко, и это отразилось в их творчестве и стремлении уехать в Палестину (Израиль); другие сознательно отказывались от принадлежности к еврейству и ассимилировались во французской или русской культуре. Однако Вторая мировая война и Холокост многих из них вернули к еврейскому самосознанию.

Обухова-Зелиньска заключает: необходимо изучение русско-еврейских художников в Париже как реального сообщества, связанного и общим происхождением, и общностью судеб.

Добавлю – не только в Париже.

Леонид Юниверг

Подготовлена к печати книга «Русские евреи в Америке»

– продолжение серии книг, изданных НИ центром «Русское еврейство в зарубежье».

Книга содержит статьи и эссе: о советнике президента Ф.Рузвельта В.Войтинском, финансисте армии генерала Д.Вашингтона Х.Соломоне, кинорежиссере А.Дранкове, коллекционере М.Каролике, искусствоведе В.Виссоне, композиторе А.Лурье, скрипаче А.Маркове, изобретателе С.Брине и др. Несомненный интерес представляет первый на русском языке очерк истории Общества помощи евреям-иммигрантам.

Среди публикаций – письма Л.Троцкого жене Н.Седовой, письма М.Цетлиной в связи с прекращением ею издания журнала «Опыты». Материалы тома, основанные на малодоступных или неизвестных источниках, будут интересны и широкому кругу читателей и специалистам.

Авторы сборника – исследователи и журналисты из России, Израиля, США и Канады.

Редакторы-составители: Э.Зальцберг и М.Пархомовский.

**«ДЕЛО БЕЙЛИСА» НА СТРАНИЦАХ ПЯТИТОМНИКОВ
«ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»
И «РУССКОЕ ЕВРЕЙСТВО В ЗАРУБЕЖЬЕ»**

**Сообщение *Леонида Юниверга* на семинаре «Алия: реакция на
антисемитизм» (к 90-летию «дела Бейлиса»)
Иерусалим, 21.10.03***

Поразительно многообразие материалов, связанных с главнейшими событиями в русско-еврейской истории первой половины XX века, нашедших отражение на страницах двух пятитомников. И не только в странах, где проживали русские еврей-эмигранты (чему посвящены названные книги), но и в самой России. Это хорошо видно на примере знаменитого «дела Бейлиса», более 20 раз упомянутого в десятитомнике.

Уже в первом томе сериала «ЕВКРЗ» опубликована статья израильского адвоката Якова Айзенштата «Духовный облик Оскара Грузенберга», посвященная главному защитнику Бейлиса на известном киевском процессе. В своей шестичасовой речи на суде Грузенберг поставил себе целью защитить не только самого Бейлиса, но и все еврейство (и прежде всего – иудаизм) от обвинения в том, что он допускает, а евреи совершают ритуальные убийства. Как известно, вердиктом присяжных заседателей Бейлис был признан невиновным, что было торжеством справедливости и большой победой Грузенберга, чье имя после процесса приобрело мировую славу.

С 1921 г. Оскар Грузенберг стал эмигрантом, живя сначала в Германии и Латвии, а затем – во Франции. В эмиграции он продолжил свою кипучую профессиональную и общественную деятельность, о чем и повествует далее статья Айзенштата. Остается добавить, что в 1913 г., вскоре после суда над Бейлисом, одна из улиц Тель-Авива была названа именем Грузенберга, а в 1951 г. его прах из Ниццы был перенесен и захоронен в Израиле (эту информацию также можно почерпнуть в десятитомнике).

Не останавливаясь на менее существенных упоминаниях «дела Бейлиса» в статьях других авторов (особенно часто они фигурируют в сносках и примечаниях), перейду к статье проф. Леонида

* Семинар проходил в Зале Вейцмана в гл. здании Сохнута (Еврейского агентства) по адресу: Иерусалим, ул. Кинг-Джордж, 48.

Столовича из Тарту, опубликованной во 2-м томе серии «Русское еврейство в Зарубежье». Она посвящена крупному петербургскому философу Арону Штейнбергу – одному из представителей творческой интеллигенции, выдворенному в 1922 г. за границу по распоряжению Ленина. До 1934 г. он жил в Германии, а последние десятилетия своей жизни провел в Англии.

В отличие от ряда других русских философов еврейского происхождения – своих современников (например, Льва Шестова или Семена Франка), Штейнберг был правоверным приверженцем иудейской религии, чего никогда не скрывал. «И как это ни покажется удивительным, – пишет Столович, – именно эта открытость и искренняя преданность иудаизму, защита своего национального достоинства, вызывала не только благожелательное отношение к нему, но и дружеское расположение даже у людей, зараженных вирусом антисемитизма». Далее автор приводит весьма любопытный эпизод из жизни Штейнберга, связанный с «делом Бейлиса». Во время киевского процесса будущий философ, а в то время молодой журналист, позвонил В.В.Розанову, писавшему свои злобные антисемитские статьи о процессе в «Новом времени», и попросил о встрече. *«В своих воспоминаниях, – пишет Столович, – Штейнберг рассказал о трудном разговоре, который происходил между ним и Розановым, невольным покоренным молодым евреем, который пусть и простодушно, но честно и открыто защищал свой народ от вздорных и грязных обвинений. И Розанов, в одном из своих фельетонов в “Новом времени”, подводя итоги процесса, на котором доказана невиновность Бейлиса, написал, что по его убеждению “все лгали” о процессе. А среди тех, кто не лгал, был молодой сотрудник “Русской мысли” – А.З.Штейнберг, искренне убежденный, что преступление, вмененное в вину Бейлису, невозможно».*

**Отзыв на книгу «Русские евреи во Франции»
(Иерусалим, 2002 г.)**

С одним из томов серии «Русское еврейство в зарубежье» мне довелось познакомиться в Варшаве в Центре культуры славянских народов. Я готовилась к поездке в Хайфу на конгресс «Фило- и антисемитизм в современной России и Восточной Европе» (декабрь, 2002), искала материалы к докладу и таким образом обнаружила упомянутый том. Сожалела, что в Центре он лишь один: содержание книги сразу втянуло и долго не отпускало мое читательское внимание. Серия запомнилась, прочно вошла в память своей новизной; запомнился творческий лик тома, в котором удивительно сочетались черты энциклопедического, научно-популярного и публицистического издания. Поэтому и очередной, 4-й (9-й) том, который я прочитала уже в Израиле, не мог не привлечь моего внимания. Вместе с предыдущим, 3-м (8-м) томом, также о русских евреях во Франции, книги существенно пополняют, углубляют и дифференцируют серию, имеют большое познавательное значение, и вместе с тем они «наделены» немалым эмоциональным и интеллектуальным потенциалом. Фактологический материал, легший в основу книги, создает своего рода широкое панорамное изображение, каждая из частей которого одинаково важна и равноценна. Ибо речь идет о судьбах людей, их дерзаниях и свершениях. Масса статей и очерков, написанных авторами из разных стран, объединены взаимодействием трех компонентов. Это еврейское происхождение героев, их связь с Россией – страной рождения и (в большей или меньшей степени) начала жизненного пути и жизненных испытаний, а также их жизнь во Франции, где они смогли развить свои дарования и утвердиться в мировой науке, культуре, искусстве. Книги вызывают интерес не только у читателей старшего и среднего возраста, которые помнят времена, описываемые в статьях и очерках, но и у молодых людей. Потому что все публикации не только показывают перипетии конкретных, зачастую нелегких судеб, но и раскрывают механизмы становления сильных личностей, формирование незаурядных характеров, умение превратить врожденные способности в талант и творческий труд. Книга учит, как можно стремиться к высоким идеалам и как сделать свою жизнь целенаправленной и гармоничной. Так что значение книг видится нам не только в научной и научно-популярной сферах, но и в воспитательной. Успех книг во многом обеспечен авторами: при всем

разнообразии их писательского почерка нетрудно заметить то общее, что объединяет публикации, – каждая из них написана неравнодушной рукой.

Хочется также отметить четкую структуру книг. Усилиями составителей и редакторов не только по крупицам собран огромный материал, но и систематизирован, логически размещен. Обширное содержание вошло в разделы и рубрики, что, безусловно, способствует хорошей ориентации по страницам книги.

Деяния русских евреев во Франции продолжают жить в человеческой памяти, в книгах о них.

Март 2003 г.

Докт. филологии Галина Корбич (Польша)

Мы рады сообщить читателям, что Научно-исследовательским центром «Русское еврейство в зарубежье» начата подготовка ряда новых книг.

Редакторами-составителями книги о русских евреях в Германии стали Константин Кикоин (kykosh@netvision.net.il) и Михаил Пархомовский (mipar@barak-online.net).

Проект книги о русских евреях в Австралии и Новой Зеландии осуществляют Ирина Обухова-Зелиньска (obuchowa@poczta.onet.pl) и Юлия Систер (martw@bezeqint.net).

Вторую книгу о русских евреях в Америке составляют и редактируют Михаил и Сима Векслеры (swexler@012.net.il).

Над следующим томом, посвященном вкладу евреев – выходцев из России в Эрец-Исраэль и Государство Израиль работают Рена Пархомовская (mipar@barak-online.net) и Юлия Систер (martw@bezeqint.net).

О русских евреях в «Диаспоре»

Кто только не пишет о Русском Зарубежье в наше время! Одна из моих Санкт-Петербургских знакомых подсчитала, что в ее родном городе этим занимаются 52 организации. Охватить такое количество у нас нет даже технической возможности. Из доступных материалов наиболее достойным внимания нам представляется основанный Владимиром Аллоэ и продолженный Олегом Коростелевым



С.М.Эйзенштейн

историко-литературный альманах «Диаспора: новые материалы». Со времени нашей последней рецензии на издание¹ из печати вышли три тома «Диаспоры»: 4-й – в 2002-м, 5-й – в 2003 и 6-й – в 2004-м году.

Ответственным редактором, в функции которого, по всей видимости (хотя об этом не заявлено), входит и работа составителя, является О.Коростелев (Москва), редактором-издателем – Татьяна Притыкина (С.-Петербург). Альманах издается в России (но в названии издательства фигурирует и Париж: «Athenaeum-Феникс / Париж-Санкт-Петербург»), в

твердой обложке, с небольшим количеством (но прекрасного качества) иллюстраций и указателем имен; объем каждого тома более 700 стр.

В рассматриваемых книгах 37 публикаций, и мы решили рассказать нашим читателям только о тех, героями которых являются евреи, полуевреи (Ходасевич, Адамович, Эйзенштейн), или где они занимают существенное место в статье. Таких публикаций 14, примерно треть.

Том 4 начинается поистине с подарка русско-еврейскому читателю – содержательных и талантливо написанных воспоминаний

¹ Рецензию на 1-й том «Диаспоры», написанную М.Пархомовским, см. в 8-м томе *РЕВЗ* (с.453), а на 2-й и 3-й, опубликованную А.Брун-Шапиро, – в 10-м томе *РЕВЗ* (с.484).

сионистского деятеля, врача и писателя Якова Вейншала, друга и соратника В.Жаботинского. Подробные примечания (134) воссоздают контекст описываемых событий. Странно, что никак не прокомментирована встреча (в 1909 г.) Вейншала с Сарой Аронсон из Зихрон-Якова (Палестина), – Аронсоны сыграли значительную роль в истории заселения русскими евреями земли Израиля, и дом семьи Аронсонов превращен в музей.

Вторая часть публикации Р.Янгирова «В кадре и за кадром» (76 с., 202 примеч.) в основном посвящена 3-летней заграничной командировке С.Эйзенштейна, которая после изучения архивных материалов и труднодоступной периодики выглядит совсем иначе, чем это представлялось по официальным источникам.

Один из самых плодотворных авторов «Диаспоры» Б.Фрезинский – специалист по Эренбургу и его окружению – публикует письма (1921-24 гг.) Ильи Григорьевича поэтессе Марии Шкапской, ценные своей фактографией. Письма использовались писателем при подготовке мемуаров «Люди, годы, жизнь».

В письмах С.Бертенсона баронессе М.Врангель (публикация Ж.Шерона под названием «...Холливуд – одно из самых некультурных и вульгарных мест на свете...») рассказывается о русских эмигрантах в Голливуде, особенно выходцев из МХТ. Упоминаются и еврейские имена: актер Миша Ауэр, режиссер Льюис Майлстоун (Лев Мильштейн), композитор Дмитрий Темкин, написавший музыку к 150 фильмам, за которую получил четыре «Оскара».

Том 5. Еще одна публикация Б.Фрезинского: «Минувшее проходит предомноу...» – из воспоминаний А.Савич, вдовы писателя О.Савича. Супруги были близкими друзьями Эренбурга. Вступительная статья и сами воспоминания переносят читателя в интеллигентнейшую и высококультурную среду. Описаны



А.Я. и О.Г. Савичи в Париже. 1927 г.
Фотография И.Г.Эренбурга
Собрание Б.Я.Фрезинского

встречи с О.Форш, Э.Триоле, Ю.Тувимом, Р.Якобсоном, А.Коллонтай, Л.М. и И.Г.Эренбургами.

Первая часть истории учрежденного С.Кусевичским в 1909 г. Российского музыкального издательства, в котором на небывало выгодных условиях публиковали свои произведения многие композиторы XX в. (Автор В.Юзефович.) Это стало возможным благодаря Кусевичскому, вкладывавшему в издательство свои гонорары и капитал жены.

В третьей, заключительной части работы Р.Янгирова «Российские кинематографисты за рубежом (1925–1930)» воссоздаются сложные взаимоотношения С.Эйзенштейна с меценатом Л.Розенталем и многими др. русскими эмигрантами в Париже и Голливуде. В их числе упоминаются кинорежиссер И.Сойфер (Осипов), деятель кино С.Френкель. В главе о режиссере Абеле Гансе, находившемся под влиянием Эйзенштейна, есть фраза (в связи с обнаружением на студии Н.Махно в качестве плотника): «...*Собственник жуанвильской студии, директора, почти все служащие, административный и технический персонал, как и сам Абель Ганс, были евреи*» (с.245).

«Сто писем Георгия Адамовича Юрию Иваску (1935–1961)» (публикация Н.Богомолова) в основном посвящены «Опытам», в которых Иваск был гл. ред. 4–9-го номеров журнала, а Адамович – одним из ведущих консультантов издания. Адамович стремился довести журнал до самого высокого культурного уровня. При подробном разборе в комментариях отношений между сотрудниками журнала не упомянута одна из главных причин его прекращения: отказ издательницы М.Цетлиной опубликовать уже принятую Иваском работу Е.Извольской о Николае II и Александре Федоровне и «их идиллическом отношении к людям». Мария Самойловна писала: «...*Николай II был членом (и даже, говорили, председателем) “Союза русского народа”, который организовывал еврейские погромы. Мне душевно и нравственно невозможно как издательнице “Опытов” помещать статьи об их идиллическом отношении к людям*»². Помимо прочих заслуг М.Цетлиной в эмиграции, она была хранительницей нравственных традиций русской интеллигенции.

² М.С.Цетлина. Письмо Е.Извольской от 13 мая 1958 г. (копия) // Архив М.О. и М.С.Цетлиных в рукописном отделе Национальной библиотеки Израйля.

Публикуемые (Ф.Черкасовой) письма Г.Адамовича И.Одоевцевой написаны после смерти Г.Иванова, когда Адамович оказался едва ли не единственным близким человеком и другом поэтессы. Он хлопочет по ее делам, дает советы практического и творческого характера. Из писем ясно, что замысел известных мемуаров Ирины Владимировны восходит к Адамовичу. Подробный комментарий дает ценную информацию о литературе русской эмиграции послевоенного периода.

В конце тома опубликована работа О.Коростелева «Печатное дело русского зарубежья в исследованиях и документах: Материалы к библиографии». Здесь разделы: Работы общего характера; Книжное дело, Издательства и издатели; Периодика. Приятно, что в работе указано более 20 статей из томов *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ*.

Том 6. История Российского музыкального издательства в диаспоре (публ. В.Юзефовича; 2-я часть). Штаб-квартирой издательства, основанного Сергеем Кусевицким, стал открытый им же на парижской улице д'Анжу нотный магазин – единственный вне России, где до Второй мировой войны можно было купить сочинения русских композиторов, изданных как на Западе, так и в СССР. Резко ухудшившиеся в первые годы советской власти финансовые дела издательства стали выправляться при ежегодных вливаниях в его кассу почти всех гонораров Кусевицкого-дирижера и контрабасиста.



А.Л.Соколовская
и Л.Д.Троцкий

«Письма А.Л.Соколовской и А.А.Иоффе Л.Д.Троцкому» в основном во время его второй эмиграции (в Вене и Париже в 1907–1917 гг.) сопровождаются богатой информацией публикатора – Б.Фрезинского. Александра Львовна, еврейка, одна из первых марксисток на юге России, стала женой Троцкого. Они обвенчались в московской пересыльной тюрьме, несмотря на резкое сопротивление родителей жениха – он был несовершеннолетним и младше невесты на 8 лет. Бежав из Верхнеленска в 1902 г., Троцкий оставил ее с двумя дочерьми. Судьба их сложилась трагично. В

живых остался сын старшей – Зинаиды Львовны, который живет в Мексике, он – директор музея Троцкого в Койоакане – потенциальный герой *РЕВЗ*. Вторым корреспондентом Льва Давидовича того же периода является видный революционер, в дальнейшем дипломат Советской России Адольф Абрамович Иоффе, ставший ближайшим сотрудником «Правды» Троцкого в Вене. Их отношения были скреплены близкой дружбой.

Рассказанная Лийсой Бюклинг история дружбы выдающегося актера и режиссера Михаила Чехова с Жоржет Бонер начинается с их знакомства в парижском доме Высоцких, которые спонсировали поставленную Чеховым пантомиму на тему русской сказки. На последних страницах публикации многократно упоминаются антрепренеры (импресарио) – Л.Д.Леонидов (Берман) и Сол Юрок (Соломон Гурок), организовывавшие гастрольные выезды Чехова в Париже и Америке. О них, к сожалению, авторы *РЕВЗ* еще тоже не написали.

В завершение нашего сообщения о 6-м томе скажем о представленных Р.Янгировым новых материалах из истории зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов, полученных из архивов юристов-эмигрантов: М.Маргулиеса, Б.Гершуни и Б.Элькина. Тема эта многократно присутствовала в *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ*, и в сообщении автора есть на них многочисленные ссылки. Основные сюжеты: журнал «Зеленая палочка», задуманный Дон Аминадо, парижское издательство «Север» и берлинский период истории издательства З.Гржебина (на этих страницах, в числе прочего, рассказано о спорах последнего с Д.Мережковским и З.Гиппиус, еще более острых, чем известный спор с М.Горьким). В обстоятельной статье (66 с.) и комментариях (280+76) – справки об упоминаемых лицах и реалиях, библиографические сведения. Представляется, что статья несколько перегружена документами – изложение их содержания заняло бы меньше места и облегчило чтение.

При столь нередком присутствии евреев на страницах «Диаспоры» альманах не будирует тему антисемитизма. По-видимому, его авторы и редакторы придерживаются того же принципа, который был выбран нами: антисемитизм совсем не главное, что сопровождает жизнь и деятельность евреев на земле (в частности, в эмиграции).

Значительный интерес, естественно, представляют и не указанные нами статьи. Назовем некоторые из них:

«...Курсировали из Москвы в Париж»: Из переписки Юрия Анненкова и Льва Никулина» (Публ. И.Обуховой-Зелинской). «Давид Бурлюк. “Я был для Маяковского счастливой звездой”» (Публ. Д.Карпова), «Дипломатические представительства Белой России в эпоху революций, Гражданской войны и эмиграции» (автор Е.Миронова), «Генералы и деньги, или “врангелевское серебро”» (автор О.Будницкий), «Создание Республиканско-демократического союза» (автор М.Соколов).

Думается, что со временем в круг исследований Русского Зарубежья будут включены наука, медицина, образование, промышленность, бизнес, торговля и прочие стороны современной цивилизации, во всяком случае, нам хотелось бы пожелать этого «Диаспоре».

Богатство и разнообразие материалов альманаха и высочайший уровень его подачи делают журнал не только источником информации, но и образцом, на который могут равняться многочисленные исследовательские центры, изучающие Русское Зарубежье. Наши книги, посвященные эмигрировавшим из России евреям, не являются в этом отношении исключением.

Отметим еще один приятный аспект издания: «Диаспора» – пример совместной работы авторов разной национальности, в основном русских и евреев, который показывает рациональность и возможность их содружественной работы и поддерживает мнение сторонников плодотворности такого союза. Это же противоречит идеологам межнационального противостояния.

В какой-то степени это признак культуры – не русской, не еврейской и даже не европейской. Просто культуры.

Г.Белый

Из одной поездки

1. Е.П.Пешкова, М.Л.Винавер и Б.Л.Гурвич

Вскоре после приезда, жадно знакомясь с Израилем, мы побывали в киббуце Дгания Алеф, что в переводе на русский означает «василек». Там наш гид Б.Л.Гурвич рассказал, что он очутился в Эрец-Исраэль благодаря Екатерине Павловне Пешковой, в те годы возглавлявшей «Помощь политзаключенным», и что у него сохранились подписанные ею письма. Вскоре Борис Львович прислал мне их копии. Два из четырех писем подписал М.Винавер – заместитель Пешковой.



Екатерина Павловна Пешкова.
1928 г. Из личного архива
М.М.Пешковой – *«Это любимая фотография бабушки»*

Если Екатерина Павловна, бывшая жена М.Горького, – человек достаточно известный, то о Михаиле Львовиче Винавере нужно сказать хотя бы несколько слов. Родившийся в Варшаве в 1880 г., он стал инженером-технологом в Бельгии, а в 1911 г. переехал в Москву. Был членом еврейских организаций, меньшевиком. Замещать Пешкову стал с первых же дней образования Политического Красного Креста. Семен Киперман (Хайфа), разыскавший сведения о Михаиле Львовиче («Жизнь без иллюзий» в приложении «Контекст» газеты «Новости недели» за 25 марта 2004 г.), в числе прочего, рассказывает, что М.Винаверу освобождением из Соловецкого лагеря был в какой-то степени обязан Д.С.Лихачев. В советские годы Михаила Львовича неоднократно арестовывали, и участь свою он

прекрасно понимал. Но смелость и чувство долга превалировали, и для обращавшихся к нему он делал все, что мог. Среди многих других, очень светлые воспоминания о Михаиле Львовиче оставила

жена Осипа Мандельштама Надежда Яковлевна. Последний арест Винавера последовал в 1937 г., а в 1942 г. он скончался.

Е.П.Пешкова и М.Л.Винавер немало сделали для освобождения арестованных сионистов и выезда их в Палестину.

Вот что я писал о встрече с Б.Л.Гурвичем Марфе Максимовне Пешковой – внучке Екатерины Павловны и Горького:

Дорогая Марфа Максимовна! У меня хороший повод написать Вам – подарили по два экземпляра копий писем Екатерины Павловны. Вот и делюсь ими по-братски. Корреспондента Вашей бабушки здесь зовут не Борис Львович и не Борис, а просто Боря. Этому юноше сейчас 84 года. Он – строитель одного из первых киббуцов Израиля, живет и работает в нем же, а по совместительству – гид на экскурсиях. Вы бы посмотрели, как этот дед бегаёт по горам, – как молодая козочка! Писать о киббуце не буду – не поверите: как в сказке. Но ещё пару слов об экскурсии, проведенной Борей. Были на истоках Иордана, где, по преданию, Иван Креститель крестил Иисуса Христа. Там необыкновенная тишина, благодать какая-то. Посылаю свой снимок, сделанный приблизительно в этом месте.

В тот день я был потрясен вещественными доказательствами этой, казалось бы, умозрительной связи между Россией и Израилем, между евреями и русскими.

<...>

1.12.91 Написал дату и подумал: а пора и с Новым годом поздравлять, так что с удовольствием делаю это и желаю здоровья и всего самого наилучшего.

Ваш М.П.

Приведу тексты писем из Политического Красного Креста, копии которых теперь хранятся в нашем архиве.

I

Е.П.Пешкова

Помощь

политическим заключенным

Москва, Кузнецкий мост, №24

Тел. 2-41-90

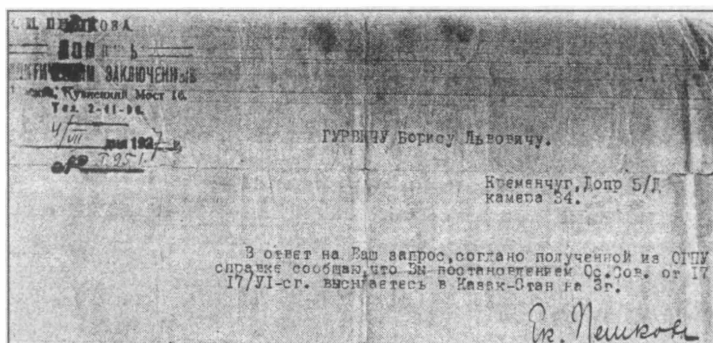
ГУРВИЧУ Борису Львовичу

4/VII дня 1927 г.
№ Т.951

Кременчуг, Допр 5/Д
камера 34

В ответ на Ваш запрос, согласно полученной из ОГПУ справке, сообщаю, что Вы постановлением Ос.Сов. от 17/VI – с.г. выселяетесь в Казак-Стан на 3 г.

Ек. Пешкова



Фотокопия письма за подписью Е.П.Пешковой от 4 июля 1927 г.

II

Е.П.Пешкова
Помощь
политическим заключенным
Москва, Кузнецкий мост, №24
Тел. 2-41-90
20/X дня 1928 г.
№ (нрзб).954

Борису Львовичу ГУРВИЧ
г.Кустанай, Тургайская, 103

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что нами получено извещение о том, что для Вас имеется виза на въезд в Палестину.

Присланное Вами заявление передадим в ОГПУ и уведомим о результате. В случае разрешения Вам выезда в Палестину перешлем Вам справку о визе.

М.Винавер

III

Е.П.Пешкова
Помощь
политическим заключенным
Москва, Кузнецкий мост, №24
Тел. 2-41-90
25/І дня 1929 г.
№ F.956

ГУРВИЧУ Б.І.

В ответ на Ваш запрос, согласно справке, полученной из ОГПУ, сообщаю, что в ОГПУ нет Вашего заявления о разрешении Вам выезда в Палестину.

Пришлите снова заявление. Его можно прислать нам, мы передадим его и о результате Вас уведомим.

Ек. Пешкова

IV

Е.П.Пешкова
Помощь
политическим заключенным
Москва, Кузнецкий мост, №24
Тел. 2-41-90
3/У дня 1929 г.
№ S.950/2
нрзб. Телегр. Помполит-Москва

Борису Львовичу ГУРВИЧУ
Кустанай

При сем препровождается Вам справка о визе №4735 на въезд в Палестину.

120 рублей переведены Вам телеграфно.

Просьба подтвердить получение.

М.Винавер

В одном из писем Марфа Максимовна сообщала, что в Израиле есть роща имени Екатерины Павловны. Увы, никаких конкретных сведений об этом мы не нашли. Но совсем недавно нашлось подтверждение. В книге воспоминаний Софии Дубновой-Эрлих «Хлеб и маца» (Подготовка текста, комментарии,

послесловие, указатель имен Татьяны Ланиной; СПб.: Изд-во «Максима», 1994) в примечании 197 на странице 292 сказано: «В память о Екатерине Павловне Пешковой в Израиле высажена роща»³.

2. Самуил (Шмуэль) Лулав (киббуц Афиким)

Во время этой же поездки в район Иордана мы посетили Музей Гордона, знакомство с которым началось с находящейся в его ведении метеорологической станции и работавшим в ней Самуилом (Шмуэлем) Лулавом. У этого 80-летнего старика с живыми глазами я пытался получить статью о Музее.

Статьи не получилось, но сохранившиеся два текста представляются достаточно интересными для публикации. Это письмо С.(Ш.)Лулава и 2-я и 3-я страницы (машинопись) его выступление по «Коль Исразль» в 1973 г. Стиль автора сохранен.

Письмо С.(Ш.)Лулава

Афиким

18.04.93.

В ответ на Ваше обращение шлю Вам мое выступление по израильскому радиовещанию «Коль Исразль», правда, в 1973 году. Но оно, кажется, актуально и сегодня. Прикладываю информативный листок о «Бет Гордон» (Доме имени А.Д.Гордона) на иврит и на английском. Наверное, найдется возможность перевести на русский. «Бет Гордон» был основан жителями Иорданской долины в 1935-ом году. Основателем и первым заведующим был энтомолог и лингвист Яков Пальмони. Он привлек меня к работе совместной в 1960 году. Я был учителем биологии, но начало моей «карьеры» в киббуце Афиким связано с полевыми работами, нормальной для всех членов киббуца. Я в стране с 1930 года. Родился в Риге в 1911-ом году. Детство провел в Петрограде.

Мой телефон дома ...

На работе, в «Бет Гордон» ...

Желаю Вам всего наилучшего

Шмуэль Лулав

³ Благодаря за это сообщение Дана Харува.

Выступление С.(Ш.)Лулава по «Коль Исразэль» в феврале 1973 г.

...В юности мы были, без сомнения, мечтателями, полны горячими стремлениями. Мечтали о нашей стране, тогда Палестине, об основании своего киббуца, новом обществе, новом – свободном – человеке. Мы говорили: «шомер» – не господин и не раб.

Для многих из нас прошло с тех пор сорок с лишним лет, по преданию, равным эпохе скитания израильтян в синайской пустыне с Моисеем после исхода из Египта. Целая жизнь! И какая жизнь, какая эпоха! Бурная, полная превратностей, катастроф, но и достижений.

Исполнились ли наши мечты и стремления? – Да и нет!

Мы укоренили себя в Палестине, построили киббуцы, являющиеся новыми точками на карте страны, общинами, которые достойны звания «нового общества». Мы начали одновозрастной, интимной группой молодых людей – и превратились в большие развивающиеся коммунальные селения. Наши дети выросли и возмужали тут; большинство их продолжает наш путь. Наши внуки растут и зреют перед нашими глазами. Правда, идеологическая мотивация, бывшая у нас главным стимулом, не играет такой кардинальной роли в их жизни; но они глубоко и интимно связаны с этой жизнью, развивают и усовершенствуют ее. Эта жизнь является для них чем-то органическим, само собой понятным. Они любят край своего детства и товарищество. Они замечательные и интеллигентные работники.

Мы преодолели сельскохозяйственный и, вообще, физический труд самовоспитанием души и тела. Для них он – музыка жизни. Но желанный «новый» человек пока еще не появился! Человек в киббуце, в сущности, не стал «лучше». Эгоизм, маленькие зависть и дразни, неприязнь – можно встретить и у нас. Но, все же, рамки киббуцного общества сдерживают: нормы общественного поведения высоки, существует положительное общественное мнение. Но часто обоюдная помощь, на которой основана наша жизнь в киббуце, принимает административный характер и теряет свою непосредственность.

Наш отклик на призыв страны развивать интенсивное хозяйство и создать возможность работы для абсорбции репатриантов вала массовой алии пятидесятых годов – внедрил, в известной мере, в киббуцианское хозяйство наемный труд. Правда, это явление ограничивается главным образом в индустриальных предприятиях, которые имеют свою специфическую логику развития, независимую

от логики развития киббуцианского общества. Но он является, с чисто киббуцианской точки зрения, — пороком, не дающим нам покоя. Еврейская национальная колонизация в стране, в отличие от частной, основана, вообще, на принципе труда самих поселенцев, членов селения, тем более — в киббуцим.

Еврейский язык, Иврит, стал не только разговорным и языком повседневной культуры, но также и языком мысли и души. В начале нашей жизни в стране мы сознательно заставляли себя говорить на Иврите, даже среди друзей детства, говоривших постоянно порусски или на идиш, даже в интимных беседах. Большим переживанием было слышать наших первых детей — малышей — говорящих лишь на Иврите. Рост и воспитание наших детей внесли большую лепту в становление Иврита, как обиходного языка семьи.

Мечта об Еврейском государстве, еврейской независимости, конечно, всегда существовала в сознании, или подсознании. Но мне кажется, что никто из нас не верил, что эта мечта об еврейской государственности может действительно осуществиться во время нашего поколения, в течение нашей активной жизни.

Мы неслись на волнах событий, участвовали, по мере наших сил, в их оформлении. Мне кажется, что в итоге — положительного больше, чем отрицательного в моем ответе.

Осуществление любой идеи в жизни всегда, в той или иной мере, неизбежно ограничено свойствами человеческой природы. Все же Бубер писал о киббуце как об «успешном эксперименте» (точнее: «эксперимент, который не провалился». — *Ред.*) Утопические идеи и планы превратились в действительность, которую мы ни в коем случае не могли представить себе в ее нынешних масштабах и оформлении.

Мы начали в нищете (которую не чувствовали, потому что были полны веры) и не могли и в мыслях себе представить образ наших селений семидесятых годов. Вот, к примеру, основной план моего киббуца Афиким в Иорданской долине, проектируется уже в третий раз.

В итоге, кажется, имею возможность утвердить, что наша жизнь не прошла напрасно.

Самуил Лулав

Памятка рукой С.Лулава: *Приготовлено по просьбе русского отдела израильского радиовещания в феврале 1973 г.*

Публикация М.Пархомовского

Письма наших корреспондентов

Письмо Н.А.Поляковой-Делугаз

20-е марта 1993

Многоуважаемый г-н Пархомовский!

Письмо Ваше [с просьбой написать об отце – Александре Абрамовиче Полякове] получила и долго ломала себе голову, что я могу сделать. Я хоть русский язык знаю, но писать статей на нем совершенно неспособна. И писем [отца] у меня, к сожалению, нет.

О папе могу сказать, что он всю жизнь был русским журналистом, не писателем, а редактором. До революции он был редактором «Русского слова», издававшегося в Москве, уровень которого был приблизительно, как «New York Times». Когда пришлось бежать на юг в Севастополь (папа был «революционером» первой, февральской, керенской революции), там он редактировал газету «Юг России». Потом, когда мы очутились в Константинополе, папа работал в крошечной газетке (две всего страницы, одна по-русски, другая по-французски), под именем «Вечерняя пресса – Presse du Soir». Потом мы уехали в Париж, и там папа работал в «Последних новостях» – прекрасная газета под редакцией П.Н.Миллюкова. Но Павел Николаевич приходил ровным счетом на один час, а папа делал всю работу, включая типографию, в которой он сидел до конца, до выхода номера в свет.

Так продолжалось до войны. «Последние новости» закрылись, конечно. После всяких приключений мы эмигрировали в Америку, и тут папа работал в «Новом русском слове». Газетка неважная по сравнению с предыдущими, но все же газета. В ней папа работал до преклонного возраста: 90 лет. Он умер в 1970 году в возрасте 92 лет.

Папа всю жизнь посвятил журналистике, но только русской. Он ни одного иностранного языка толком не знал, но русский язык его был безупречный. К нему обращались писатели, даже такие крупные как Алданов, Осоргин и т.д. с вопросами об уточнении словесности. Он сам не писал, но через его синий карандаш прошло немало рукописей.

Вот в сущности то, что я могу сказать. Не знаю, интересно ли Вам это или нет. Во всяком случае, спасибо Вам за внимание к папе.

Преданная Вам

Наталья Александровна Полякова-Делугаз.

От художника Валерия Коренблита

<...> Знаете ли Вы о Гари Карре (наст. имя Гари-Мойше Коренблит) – потомке русских евреев (вернее украинских, из Киева), контрабасисте №1, родившемся в 1941 г. в Лос-Анжелесе, а ныне живущем в Канаде? До недавнего времени он выступал в Израиле, но особенно широко известен в США, Германии и Японии. Выступает

вместе с проф. Хармоном Льюисом (пианист и органист). Вдова С.Кусевицкого подарила Гари контрабас мужа и заявила, что когда он играет – это играет Кусевицкий и что у него руки ее покойного мужа.

Гари Карр – мой кузен, и мы много встречались в Израиле и Японии. Он – сын папиного двоюродного брата. Его семья, все бывшие клезмеры уехали в 1919 г. в США, то ли из Киева, то ли из Москвы. Те шестеро, что остались в Киеве, лежат в Бабьем Яре.

Хотелось бы видеть в Ваших книгах также материал об еще одном моем родиче – великом А.Я.Таирове (Коренблите). Он много бывал за границей, а материалов о нем и его супруге А.Г.Коонен мало.

Родной брат моей бабушки (по матери) одесситки Этель Дориной (Розиной по мужу) Исаак Дорин, бывший одесский анархо-коммунист, в 1904 г. уехал в Аргентину, где объезжал лошадей в колониях барона Герша, а потом работал в еврейской газете «Дю прессе» (на идиш). О гаучос был труд аргентинского писателя М.Коренблита (на испанском языке), вероятно, тоже моего родича по отцу. А один из детей Исаака Дорина – Хайме (Хуан) был главным архитектором Буэнос-Айреса. В 1935 г. он приезжал в Москву в составе делегации аргентинского комсомола и, кажется, был на приеме у Сталина. В свое время (1957-60 гг.), живя в Москве, я переписывался с И.Дориным, а потом, уже в Израиле, – с Хайме. Это дополнение к статье в 10-м томе о гаучос из России в Аргентине.

30.10.03.

В.Коренблит

От Сергея Голлербаха

Дорогой Михаил Аронович!

Большое спасибо за присылку книги «Русское еврейство в зарубежье», да еще с дарственной надписью. Очень тронут Вашим вниманием и рад, что в свое время мог внести мою малую лепту в Ваш труд. Вы делаете большое дело. Я часто разъяснял моим американским друзьям и знакомым, что Россия, как царская, так и советская, создала большую культуру, несмотря на все ужасы, несправедливости и преступления обоих режимов. Культуру эту создавали люди самых различных этнических групп – русские, украинцы, евреи, потомки татар, немцев, литовцев и многих других. Ваши издания должны быть знакомы не только русскоязычному, но и иностранному читателю. Не сомневаюсь, что так оно со временем и будет.

Хочу пожелать Вам доброго здоровья и дальнейшей плодотворной деятельности. Искренне Ваш,

20 ноября 2003

Сергей Голлербах

Редакция сердечно поздравляет с юбилеем наших выдающихся авторов и редакторов

Илье Захаровичу Серману в 2003 г. исполнилось 90 лет, но, несмотря на возраст, он продолжает свою творческую и педагогическую работу. Давайте по нему равняться!

Отметил свое 85-летие известный балкановед проф. **Михаил Абрамович Бирман**, содержательные статьи которого в нашем издании посвящены далеко не только Балканам.

Эссеист и политолог **Дора Моисеевна Штурман** пять раз была автором наших книг, а свое 80-летие отметила публикацией очередного сборника стихов.

В нашем 10-м томе еще совсем свежая и оригинальная работа 80-летней **Елизаветы Яковлевны Суриц**.

80 лет исполнилось замечательному историку **Марку Исааковичу Раеву**, автору монументальной монографии «Россия за рубежом». Благодарим его за публикации и многократные консультации.

Сергей Львович Голлербах к своему 80-летию издал толстенный том «Свет прямой и отраженный», доказывающий, что автор состоялся в трех лицах – как художник, писатель и искусствовед.

75-летие украсило биографию философа, публициста, литературоведа и редактора **Людмилы Дымерской-Цыгельман**; переводчика, архивиста, публикатора дневников и корреспонденции Теодора Герцля **Инессы Моисеевны Рубиной**; писателя, переводчика и специалиста по чешской и словацкой литературе **Олега Михайловича Малевича**.

65-летие отмечает наш автор писатель **Амос Оз**, произведения которого издаются на 25 языках более чем в 30 странах.

60-летними стали очаровательные музыковед **Белла Бергинер-Тавгер**, директор заповедника Неот Кедумим **Елена Френкли** и американский архивист **Юлия Гаухман**.

С полувековым юбилеем поздравляем не менее прекрасных историка науки **Ирину Давидовну Гузевич** и филолога **Ольгу Анатольевну Казнину**.

55-й день рождения отпраздновал **Дан Харув**, наш основной консультант по еврейской истории, ставший научным редактором 10-го тома.

Вместо традиционных ста двадцати мы желаем юбилярам 150-летней радостной и интересной жизни, а вместо врачей – редакторов и издателей.

* * *

Международная Ассоциация деятелей еврейского образования и культуры «ЭХО»

Ассоциация «ЭХО» призвана стать сообществом профессионалов, занимающихся еврейским образованием русскоязычных евреев Израиля и диаспоры. Наше «ЭХО» возникло из арамейского «эха» («брат»), английского «echo» и русского «эхо». Надеемся, что наши слова будут эхом откликаться в сердцах учеников и коллег. Наш принцип: учиться вести творческий диалог со своими коллегами, сознавая уникальность каждого человека.

За два года деятельности мы провели три «круглых стола» – в Иерусалиме, Петербурге и Москве – и три конференции по проблемам еврейского образования – в Израиле, Нью-Йорке и Бостоне. В научный и педагогический обиход были введены новые оригинальные учебные материалы, полемические статьи, а также переводы с английского и иврита статей по проблемам еврейского образования. Эти материалы (включая издающиеся НИ центром «Русское еврейство в зарубежье») мы размещаем на сайте Ассоциации www.oganim.ac.il/echo. В нашем рассылочном листе содержится около 330 имён – это учителя и университетские лекторы, специалисты в области иудаики и еврейской истории, писатели, художники, руководители еврейских общин Израиля и России, США и Германии, Украины и Австралии.

Желающих войти в круг друзей Ассоциации просим сообщить имя, адрес (достаточно e-mail), профессиональную специализацию в сфере еврейского образования и область интересов. Это поможет нам поддерживать с Вами постоянную связь.

Приглашаем всех желающих присылать свои предложения, пожелания и критические замечания по адресу: echo@oganim.ac.il.

Ариэль Борщевский, исполнительный директор Ассоциации

Вспоминая Александра Евгеньевича Бовина

Если бы у людей, борющихся за бессмертие человека, была возможность оставлять на земле хотя бы одного из многих тысяч, большинство опрошенных согласились бы, что Александра Евгеньевича Бовина стоило бы включить в список достойных бессмертия, – бесконечно жаль, что такие замечательные люди тоже уходят из жизни...

От времени нашего знакомства остались письма и другие материалы, и мне хочется почтить память Александра Евгеньевича публикацией их.

В самом конце 1991 г. я обратился к вновь назначенному послу России в Израиле А.Е.Бовину с информацией о готовящемся первом томе нашего издания и просьбой о поддержке – включении нашей работы в программу культурных связей между Россией и Израилем. Письмо заканчивалось словами:

«Самые лучшие пожелания от моей семьи и круга людей, с которыми я встречаюсь. Мы верим в Вашу порядочность».

Через месяц пришел ответ:

1.

Посольство Российской Федерации
в Государстве Израиль, Тель-Авив

Уважаемый Михаил Аронович!

К сожалению, Ваше письмо от 28.12.91 получил только 27.01.92 г.

Мне думается, что Вы делаете полезнейшее дело. От души желаю успеха.

Что же касается включения в программу культурных связей, то такой программы пока еще нет. Посол только-только разворачивает работу. Не обессудьте.

Искренне Ваш

А.Бовин

P.S. В вашу порядочность я верю тоже.

28 января 1992 года

2.

Alexander E.Bovin
Ambassador of the Russian Federation
To the State of Israel

25 декабря 1992 г.

Уважаемый Михаил Аронович!

Спасибо за книгу [ЕВКРЗ, том 1]. Пока только перелистал. Первое впечатление – чудесно! Материал интереснейший. Надеюсь, что у Вас хватит энергии и денег на следующие сборники.

Что касается моей «статьи», то пока ничего сказать не могу. Скорее всего это будет не статья, а нечто вроде эссе на 2-3 страничках.

Постараюсь к февралю.

Искренне Ваш

А.Бовин

3.

Alexander E.Bovin
Ambassador of the Russian Federation
To the State of Israel

17 января 1994 года

Уважаемый г-н Пархомовский!

Спасибо за книжку [ЕВКРЗ, том 2] . Прекрасный новогодний подарок. Постараюсь вскорости прочитать.

Не знаю, что получится, но попробую поговорить с несколькими богатыми людьми. Может быть, удастся облегчить Вашу финансовую ношу. По итогам – напишу.

Желаю здоровья и упорства.

Искренне Ваш

А.Бовин

4.

Alexander E.Bovin
Ambassador of the Russian Federation
to the State of Israel

Составителю и издателю книги «Евреи в культуре Русского
Зарубежья» г-ну Пархомовскому М.А.

Уважаемый Михаил Аронович!

Рад передать Вам 3000 американских долларов, которые пожертвовал на издание следующих томов Вашей книги израильский бизнесмен Шломо Ювель. Надеюсь, Вы найдете возможность сказать ему «Спасибо!»

Его телефон: ...

Искренне Ваш

А.Бовин

(без даты)

5.

Дорогой и глубокоуважаемый Александр Евгеньевич!

Я очень тронут Вашим отношением к моему детищу – изданию ЕВРЕИ В КУЛЬТУРЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: Вы пропагандируете книги, даете им высокую оценку, уговорили имущих людей стать спонсорами издания. А как симпатично Ваше «Извинительное слово» во 2-м томе!

Первое помогает распространению книг, второе – привлекает авторов, но самое весомое третье: полученные мной от Вас 3000 долл., пожертвованных изданию Шломо Ювелем, и перечисленные на мой счет 3000 шекелей г. Яковом Вайсбергом и Давидом Варди, – залог продления жизни издания, существовавшего до Вашего, Александр Евгеньевич, вмешательства только на мою зарплату и на деньги, вырученные от продажи книг.

Ваша помощь неоценима – она говорит о ПРИЗНАНИИ, поднимает РЕЙТИНГ издания, укрепляет мою веру в его нужность и необходимость. Я не хочу расшифровывать причины, но, может быть, Вы меня поймете: для меня очень было важно, что именно Вы оказались первым в поддержке затеянного мной дела.

Когда Вы мне вручали деньги, радовался не только я – было видно невооруженным глазом, что Вам было очень приятно это сделать. И это тоже отлично.

Будьте здоровы и всего Вам доброго.

Привет Вашей жене. Мне было приятно узнать, что она читает 2-й том. Не настроится написать для нас?

21.01.94

М.Пархомовский

6.

Alexander E. Bovin
Ambassador of the Russian Federation
to the State of Israel

23 февраля 1994 года

Составителю и издателю книги «Евреи в культуре Русского
Зарубежья» г-ну Пархомовскому М.А.

Уважаемый Михаил Аронович!

Рад сообщить Вам, что г-н Ш.Ювель пожертвовал еще 3000 американских долларов на издание следующих томов Вашей книги. С удовольствием передаю Вам эту сумму. Надеюсь, Вы найдете возможность поблагодарить его <№ телефона>.

Искренне Ваш

А.Бовин

7.

Дорогой Александр Евгеньевич!

Надвигается целая серия праздников: день Красной Армии, Пурим, 8 марта, день Парижской коммуны. Хотел было распорядиться отправкой Вам ящика шампанского из моего погреба, но, вспомнив об антиалкогольной кампании, предлагаю дюжину 1-го и 2-го томов: Хейфец написал, что наше издание подарочное (см. «Вести», 13.02.)

Согласны ли Вы их получить в полное свое распоряжение? А если согласны, то по какому адресу слать?

А не приехать ли Вам с супругой к нам в Бейт-Шемеш? Устроим Вам экскурсию с показом троп, по которым хаживали Самсон и Далила, католический монастырь, руины римской крепости, сам Бейт-Шемеш, который старше самого Иерусалима; Рена обещает кратко рассказать о последних его (Бейт-Шемеша) 4000 лет жизни, а также накормить чем-нибудь вкусным. Впрочем, детали будут сообщены после получения согласия.

С лучшими пожеланиями, большой привет от Рены (домашнее имя Брониславы Александровны).

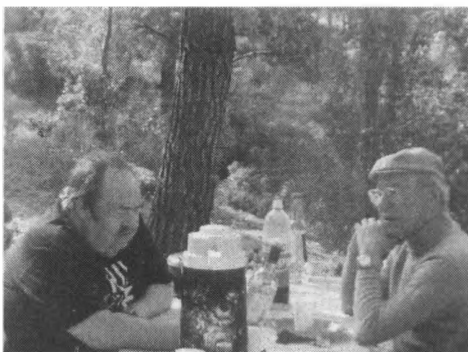
18.02.94

М.П.

* * *

Лене Петровне Бовиной мы тоже обязаны многим. Так, в письме к Бовиным от 16.07.94 я их благодарю за инициативу

публикации в «Независимой газете» рецензии на наши первые тома, которую автор, Олег Анатольевич Коростелев, оказавшийся крупнейшим специалистом по русскому зарубежью, назвал «Эмигранты вдвойне». Это от Лены Петровны О.А. узнал о наших книгах и позже стал их неоднократным автором.



С Бовиными на пикнике

8.

Письмо от Л.П.Бовиной (без даты)

Михаил Аронович, Ирэна,
очень рада, что могу еще чем-то немного вам помочь.

Получила письмо от Тамары Джалиловой, которой вы писали. На основе этого письма прилагаю полезные адреса. А также сняла копию с описания архивов РГАЛИ, полученную для другого адресата. Посылаю Вам. С пожеланием успеха, здоровья.

С уважением и надеждой на встречу.

Л.Бовина

И к этому письму Лена Петровна приложила 9 больших страниц – два машинописных и 7 рукописных, не считая большого объема ксерокопий из РГАЛИ. На этих страницах указывались адреса потенциальных авторов и потенциальных героев, назывались различные фонды и в их числе списки фондов еврейских писателей и художников, а также составленный по просьбе канадских евреев список художников, чьи работы и документы хранятся в архиве.

Наши начинающиеся дружеские отношения не остались тайной, и 16 февраля 1995 года в «Вестях 2» появилась такая полухулиганская заметка без подписи:

9.

«И еще про Бовина. В Израиле уже третий год выходит в свет сборник, посвященный лицам еврейского происхождения, которые оставили яркий след в культуре русского зарубежья.

Издает эти тома немолодой врач, живущий в Бейт-Шемеше. Его имя Михаил Пархомовский. Книжки замечательные, а для меня, сентиментального человека, который любит только вот этих людей за рубежом большевистской России, замечательны они вдвойне.

И вдруг совершенно случайно выяснилось, что русский посол Бовин и его жена Елена Петровна (по образованию философ) активно помогают этому странному увлечению врача из иерусалимского пригорода, и не только советами, но и деятельно – связями с авторами в России, поисками спонсоров. И нахождением спонсоров.

Наверное, многое действительно изменилось в этом мире. Посол России, который ищет и находит деньги для книг про каких-то евреев.

Для того чтобы вы поняли, представьте себе какого-нибудь Чувакина в наглухо застегнутом мундире с фотографией Сталина в боковом кармане у сердца в день 7 ноября у входа в советское посольство в Рамат-Гане в каком-нибудь 1952 году. Представили?

Поклонимся времени, господа».

А сейчас – отрывок из книги Александра Евгеньевича «Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)». М.: Захаров, 2000. С.233–234.

10.

«Другой эпизод совсем иного свойства. Я помогал врачу, энтузиасту, милому человеку Михаилу Ароновичу Пархомовскому издавать интереснейшие сборники “Евреи в культуре русского зарубежья” (Во втором сборнике [на стр. 608] даже опубликовал

свое “Извинительное слово” [Здесь же, в примечании, А.Е. приводит его целиком; и мы сделаем так же*]. Помогал – в смысле искал спонсоров и выдавливал из них деньги. А Лена Петровна в Москве искала материалы и авторов. Встречались семьями. Выезжали на природу и жарили шашлыки. Все путем.

Чечня там, а мы тут. Но что-то там стряслось в очередной раз, что – не помню. Кто-то сказал очередную глупость или не сказал то, что надо было сказать. Не помню. Получаю письмо от Пархомовского. Читаю: “В моих глазах Вы были представителем той благородной и бескорыстной передовой русской интеллигенции, оппозиционной к “неправедному” правительству. Сейчас же я вижу в Вас в первую очередь представителя той великодержавной России, которая вместо возделывания своей земли и возрождения собственной страны занята культивированием русского фашизма и вооружением потенциальных противников цивилизованного мира. Поэтому я не могу принять Вашу помощь”**.

Я пытаюсь правильно понять Пархомовского. Но не получается. Какие-то трудности с интеллигентностью. Передовой еврейской...»

На самом деле мой отказ был вызван заключением Россией договора с Сирией о поставках ей вооружения, причем договор был подписан в период частых терактов в Израиле. Тогда это нам казалось настолько ясным, что вроде бы и говорить об этом не было нужды. К Чечне мое письмо никакого отношения не имело. Но, оказалось, что Бовин имел все основания не понять.

*

Извинительное слово

С огромным интересом прочитав первый выпуск сборника «Евреи в культуре Русского Зарубежья», я решил подготовить для выпуска второго небольшое эссе, выражающее мое отношение к теме. О чем я и уведомил Михаила Ароновича Пархомовского.

Моя ретивость объяснялась просто – не так часто приходится держать в руках книгу, оценка которой свободна от всяких «но», «однако», «приходится заметить» и т.п. Книга просто, на мой взгляд, превосходная – и все тут. А второй сборник обещает быть еще лучше!

И все-таки без «но» не обойтись. Но относится оно не к содержанию книги, а ко мне самому. Я явно переоценил свои силы и свои ресурсы свободного времени. Не хватило не только времени выразить свои мысли. Не хватило самих мыслей – таких, которые могли бы заинтересовать

читателей. И, как всегда, не хватило мужества сразу признать свое поражение в единоборстве с чистым листом бумаги. Теперь я делаю это.

Впрочем, одна мысль «имеет место». Печально, что первое издание по истории русско-еврейской культуры в зарубежье вышло не в Москве или Петербурге, а в Иерусалиме. Разумеется, я понимаю, что Израиль – признанный центр собирания иудаики. И все же было бы более естественно, если бы сборник подобного рода впервые появился в России. Надеюсь, что появление первого тома энциклопедии «Евреи в России» как-то успокоит мою совесть.

И хотя в свое оправдание ничего путного я сказать не могу, надеюсь все же, что г-н Пархомовский простит меня

А.Бовин

**** Письмо от 18.04.95. Опущено только его начало. Вот оно:**

«Уважаемый Александр Евгеньевич!

Из Ваших слов при последней встрече я понял, что Вы снова стараетесь найти спонсоров для нашего издания, как Вы это сделали в прошлом году для III тома (еще раз благодарю Вас за это)».

11.

Дорогие и уважаемые Александр Евгеньевич и Лена Петровна! Рад послать Вам IV том. Надеюсь, что вам будет интересно его прочесть. Очень, очень грустно, что мне пришлось порвать зародившиеся было дружеское отношение ко мне и, что еще важнее, – к изданию. <...>

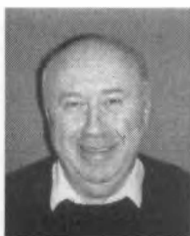
Всего Вам доброго и в Вашем лице – России. Сердце обливается кровью при виде того, что там происходит, да еще и по телевизору норовят показать, что похуже.

29.01.96.

М.П.

Последнюю весточку от Бовиных (спасибо и добрые пожелания) мы получили от одного из наших московских авторов, передавшего им, по моей просьбе, наш 10-й том (2003).

Об авторах и редакторах



Михаил Абир (Йосеф Дан). Родился в Архангельске в 1943 г. В 1946 семья переехала в Лиепаю (Латвия), в 1952 – в Ригу. Там закончил школу. Три года служил в армии, в ВВС, в Приднестровье. После возвращения домой поступил в Латвийский ун-т. Тогда же втянулся в движение евреев за выезд в Израиль и в 1971 году репатрировался. Спустя 8 месяцев начал работать в «русской» редакции «Голоса Израиля», где работает и сейчас. Участник войны Судного дня и Ливанской войны. Имеет двух сыновей – 24 и 25 лет.

Майя Басс. Родилась в Киеве; когда ей было три года, родители переехали в Москву. После школы поступила в Московский полиграфический институт, который окончила по специальности художественно-технического редактора. Работала в издательствах Музгиз и Детгиз, впоследствии перешла в Научно-исследовательский институт комплексных проблем полиграфии, где работала в лаборатории оформления книг, газет и журналов. По заданиям общества «Знание» объезжала с лекциями почти весь Советский Союз. Является автором статей по оформлению газет и журналов. В 1993 году эмигрировала в США. В Америке заинтересовалась творчеством художников-евреев, о которых в Союзе не было известно. Печатается в газетах «Новое Русское Слово», «Форвертс», «Наш голос», «Каскад», в журналах «Спектр» и «Бюллетене Игуд Йоцей Син», который издается в Израиле. Много раз выступала по радио.



Белла Бергинер-Тавгер, музыковед. Родилась в 1943 г. Окончила специальную музыкальную школу-десятилетку, Ин-т искусств им. Г.Музическу (ныне – Академия музыки) в Кишиневе и аспирантуру Ленинградской консерватории им. Римского-Корсакова. Там же

защитила дисс. (PhD). С 1975 г. живет в Иерусалиме. Основные направления профессиональной работы: преподавание музыкально-теоретических предметов (в Кишиневе, Ленинграде и в Иерусалимской академии музыки им. Рубина); науч. исследования и публикации в области музыкальной теории (в том числе — на материале творчества Белы Бартока); доклады на теоретич. конф. и симпозиумах, музыкальная критика, выступления с лекциями-концертами в Филармонии, по телевидению и др.

Ариэль (Николай) Борщевский — закончил отделение японской филологии восточного факультета ЛГУ. С 1985 по 1990 работал в Музее истории религии в отделе Истории религий Востока. Защитил канд. диссертацию по истории новых религий Японии. В конце 1990 года приехал в Израиль. С 1991 начал работать в Колледже Ораним, в Проекте Орен. За 13 лет работы в Ораним Ариэль и его коллеги разработали и реализовали различные программы в области еврейского неформального образования для русскоязычных граждан Израиля, а также для русскоязычных евреев в диаспоре. Занимается также социологическими исследованиями в области национального самосознания и общинной еврейской жизни. Совместно с Давидом Миттлбергом опубликовал в журнале *International Migration* статью *National Minority, National Mentality and Communal Ethnicity: The Change in Ethnic Identity of Jews from the Former Soviet Union in the Israeli Kibbutz (January 2004)*. В настоящее время возглавляет проект «Международная Ассоциация деятелей еврейского образования и культуры».



Батия (Бетти) Вальдман родилась в 1940 г. в Коростене (УССР). С 1945 г. жила в Риге. В 1963 г. закончила филологич. факультет Латвийского гос. ун-та в Риге. Репатрировалась в Израиль в 1990 г. Преподает в Ун-те им. Бен-Гуриона (Беэр-Шева) рус. язык для начинающих. В 2000 г. закончила докторантуру Беэр-Шевского ун-та и получила степень Ph.D. Тема дисс.: «Литературные процессы в русско-еврейской журналистике (1860–1914)» (руководители Хамуталь Бар-Иосеф, Дмитрий Сегаль). Темы научных публикаций: Тургенев и запад-

ная новелла 2-й пол. XIX в., еврейская тема в творчестве Тургенева, история рус.-евр. журналистики, переводы с иврита и идиш в рус.-евр. журналистике, история евреев Латвии, Россия в поэзии Йохевед Бат-Мирьям.

Алеся Войскун (Тель-Авив), искусствовед. Род. в Кургане. Закончила Акад. художеств в Ленинграде, фак. теории и ист. искусств. Изучала теорию и ист. музыки и фортепиано. Преподавала и занималась исслед. работой. С 1995 г. живет в Израиле. Училась в докторантуре Иерусалимского ун-та. С конца 1996 работает куратором Музея рус. искусства им. Цетлиных. Исследовала коллекцию картин Цетлиных, организовывала худ. выставки, в частности живописи и акварелей Александры Прегель, одной из «незамеченного поколения» первой рус. эмиграции.



– *Собственное бытие в эмиграции помогает понять и осмыслить изнутри проблемы творчества художников, которыми сейчас занимаюсь*, – говорит А.Войскун.



Бецаль Гендлер родился в 1931 г. в Бессарабии. Окончил мед. ин-т в 1955 г. Работал врачом-терапевтом. Имеет печатные работы. Врач высшей категории. Преподавал терапию в Кишинеvском ун-те на гуманитарных факультетах. С 1990 г. в Израиле, где после подтверждения диплома работал в одной из больниц.

Марина Гутгарц. Родилась в Москве. Училась в Московском гос. ун-те на факультете журналистики. Работала литературным сотрудником журнала «Наука и жизнь» (Москва). В 1989 г. репатрировалась в Израиль. В том же году начала работать редактором Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим). В 2000–2002 годах была заведующей редакцией издательства «Гешарим» (Иерусалим–Москва). С 2002 г. – заведующая редакцией Краткой еврейской энциклопедии. Работает в ряде израильских и российских издательских проектов.





Электрон Викторович Добрускин. Доктор экономики. Руководил Отделом экономики одного из московских НИИ, был членом Секции непроеизводственной сферы Науч. совета по эффективности АН СССР, директором Отдела НПО «Янтарь» при АН СССР. Сфера деятельности: оценка эффективности капитальных вложений, хозяйственных мероприятий и проектных решений – исследования, практика, консультирование. Репатрировался в 1991 г. В настоящее время – ученый секретарь Постоянно действующего научного семинара «Интеллектуальные системы».

Ленина Вольфовна Драгицкая окончила факультет рус. языка и литературы Свердловского пед. ин-та. Работала в редакционном отделе этого же ин-та. Репатрировалась в 1992 г. В Израиле сотрудничала в Иерусалимском изд. центре. Последние годы работает в газете «Вести-Иерусалим», изд-ве «Бесэдер», журнале «Nota Bene». Корректор и лит. редактор серии «Русское еврейство в зарубежье» с 1998 г.



Евгений Семенович Животовский (р. 1939, г. Киев), окончил Киевский технологический институт по специальности инженер-механик. Работал на предприятиях Киева, последние 25 лет – в Южэнерголегпроме на должностях ст. инженер, начальник производства, зам. директора. В 1990 г. репатрировался в Израиль. Работал в кибуце Мишмар Давид, на предприятии Туфенит. С 1993 по 2003 г. работал экскурсоводом. В настоящее время – пенсионер. Печатается в газетах и журналах Израиля и Америки.

Клара Жигня родилась в г. Бельцы, Молдова, в 1967 г. закончила Кишиневский гос. университет, историк, переводчик, кандидат наук,



автор двух монографий по истории международных отношений. С 1992 года специализируется в области истории российского еврейства, автор 15 статей по этой теме, составитель и один из редакторов фундаментального сборника документов о Кишиневском погроме 1903 г. Работала ведущим научным сотрудником Отдела истории культуры евреев АН Молдовы. С 2002 г. живет в Израиле.

Лея-Валентина Лаврик – исследователь в области теоретич. и математич. физики, когнитивной психологии и проблем эффективности преподавания. Род. в Германии, с 1991 г. живет в Иерусалиме; PhD по теоретич. и математич. физике сделала в Донецком гос. ун-те и Донецком физико-технич. ин-те Украинской АН. Основные направления профессиональной работы – исследования и доклады на международных научных конф. и симпозиумах (более 60 науч. работ), преподавание физики, математики и междисциплинарных курсов в Иерусалимском колледже, Академическом колледже им. Лифшица и школе при Иерусалимском ун-те. Член Европейской ассоциации по исследованиям проблем обучения.



Ефим Лоевский (год рожд. 1938-й) – журналист, выпускник Ленинградского гос. ун-та. Репатриировался из Москвы, где работал на Всесоюзном радио, а также и спецкором журнала «Советский Союз» («Воскресенье»), в 1991 г. В Израиле работал в журналах Еврейского агентства «Сохнут», «Портрет», газетах «Новости недели» и «Вести». Автор книг «Алия 90-х» (1993), «Эти десять лет» (2000). Член русскоязычного отделения Союза писателей Израиля. В БАШАНе с 1997 г. – пресс-секретарь программы.

Ирина Владимировна Обухова-Зелиньска, родилась в Москве. Основные специальности: переводчик (польский, румынский, английский, французский) и искусствовед. Член Междунар. ассоциации искусствоведов (AIS); участница междунар. конф. и семинаров. Выйдя замуж за польского



журналиста, стала гражданкой Польши и переехала в Варшаву. С 1992 г. в связи с работой мужа в качестве консула Польской республики жила в Бонне (Германия), с 1994 – в Берне (Швейцария). В последние годы основным кругом интересов стала история русского зарубежья. С 1999 г., в связи с назначением мужа на пост директора Польского культурного центра в России, живет в Москве. Автор статей по искусству и культурологии кон. XIX – первой пол. XX в. Председатель Общества друзей Ю. Анненкова (www.annenkoff.narod.ru) и организатор связанных с этим мероприятий, публикатор и переводчик книг Анненкова, автор статей о нем, издатель бюллетеня «Вопросы анненковедения». В ЕВКРЗ и РЕВЗ: автор 9 статей и двух писем, член редколлегии 10-го тома, настоящего и книги «Русские евреи в Америке» (в печати).



Михаил (Аронович) Пархомовский. Род. в 1928 г. в Одессе. Окончил Саратов. мед. ин-т. Работал врачом на Дальнем Востоке, с 1954 г. – в Москве. Заведовал ЛОР-отделением больницы. После защиты канд. дисс. был ст. науч. сотрудником в Ин-те железнодорожной гигиены. Последние годы в Москве работал в консульт. поликлиниках. Автор 50 науч. работ. 35 лет реферировал науч. лит. на европейских языках для биологического и медицинских журналов. В 1989 г. опубликовал книгу о З. Пешкове «Сын России, генерал Франции» (в 1999 г. вышло ее 2-е изд.). С 1990 г. живет в Израиле. В 1992-96 гг. – сост., гл. ред. и издатель серии «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (5 т., 2864 с.). На базе этого издания организовал Науч.-иссл. центр «Русское еврейство в зарубежье». В 1997-98 гг. – гл. ред. и издатель ежеквартальника «Иерусалимский русско-еврейский вестник». В 1998–2003 гг. сост., гл. ред. и издатель серии книг «Русское еврейство в зарубежье», т.1(6) – 5(10). Получил звание *Человек года – 1998* в США и международное звание *Человек года 1997/98* в Англии, лауреат премии Анны Хавинсон (США) и Розы Эттингер (Израиль).

Юдифь Ратнер, 1935 г. рождения (Москва). В 1957 г. окончила Московский горный ин-т по специальности обогащение полезных ископаемых. С 1957 по 1977 работала в Ин-те металлургии АН СССР. Там же в 1970 г. защитила канд. дисс. в области физико-химии редких



металлов: «Изучение кинетики восстановления кислородных соединений вольфрама, молибдена и рения». В 1977 г. вынуждена была уволиться из института в связи с подачей документов на выезд в Израиль. В 1988 г. приехала с семьёй в Израиль после долгих мучительных лет «отказа» в получении выездной визы. В Израиле воссоединилась с матерью (отца в живых не застала) и жила с ней до конца её дней. С 1988 г. до 1999 работала в Институте Вейцмана в лаборатории органической химии под руководством проф. Э.Фишера и В.Кронгауза в области фотохимии органических соединений. С 1999 г. – пенсионер, однако продолжает работать в той же области на полставки в частной компании Chromtech. Имеет двух сыновей и четырёх внуков.

Юлия Давидовна Систер (1936, Кишинев), д-р химических наук. 25 лет работала в Ин-те химии АН МССР, затем заведовала лабораторией в отраслевом ин-те. Член группы экспертов по апробации новых методик. Автор более 130 науч. статей, 2 монографий и др. Науч. редактор тематических сборников, справочников и др. Имеет внедренные работы и изобретения. Награждена медалью ВДНХ, премиями ВХО им. Менделеева, знаком «Отличник народного образования МССР» и др. В Израиле с 1990 г. Науч. сотрудник Еврейского ун-та в Иерусалиме, затем Тель-Авивского ун-та. Научн. сотр. КЕЭ. С 1998 г. активно участвует в работе НИ центра «Русское еврейство в зарубежье»; в наст. время его генеральный директор. Организатор 2-х конференций (1999 и 2003 гг.). Автор статей в 8–10 тт. издания «Русское еврейство в зарубежье», член редколлегии 10-го тома. Выступает в СМИ, читает лекции.

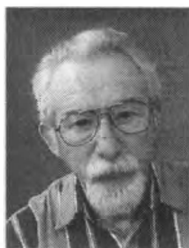


Марина Туркинец, аспирант Университета им. Бен-Гуриона в Беэр-Шеве. Автор публикаций по истории евреев в России, биографий российских раввинов. Председатель комитета «Еврейский Мемориал» и исторической комиссии Ассоциации «Израиль–Россия». Живет в Иерусалиме.



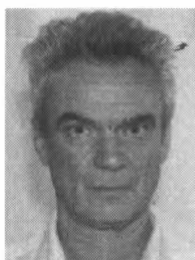
Иосиф Моисеевич Фейгенберг, профессор, доктор мед. наук. Род. в 1922 г. в Гомеле. С 1960 по 1992 г. – науч. и педагогическая работа в Центр. ин-те усовершенствования врачей (Москва). В 1992 г. репатриировался в Израиль. В 1994 г. организовал и в течение 10 лет ведет Иерусалимский междисциплинарный семинар. Автор ряда книг и статей по психофизиологии.

Лев Фрухтман, поэт, переводчик, литературовед. Окончил Московский полиграфический ин-т (профессия: редактор) и Литературную студию при Союзе писателей СССР (семинар Б.Слуцкого). Печатался в издательствах «Советский писатель», «Художественная литература» и др., в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Литературное обозрение» и др. Переводил прозу и поэзию еврейских писателей (Шолом-Алейхем, Ш.Агнон, Ш.Горшман, Башевис-Зингер и мн. др.). С 1989 г. живет в Израиле. Науч. сотрудник Краткой еврейской энциклопедии Иерусалимского ун-та. Член Союза писателей Израиля. Печатался в евр. газете «Форвертс» (Нью-Йорк), журналах: «Новый век» (Москва–Иерусалим), «Побережье» (Филадельфия), «Юг» (Ашкелон), «Ной» (Москва) и др. Автор книги стихов «Заповедь» (Тель-Авив: Мория, 1999).



Дан Харуз, родился в Бобруйске (Белоруссия) в 1948 г. В 1973 окончил ист. факультет Московского пед. ин-та. Преподавал историю в школах Бобруйска. С 1977 г. в Израиле. В 1982 г. окончил факультет истории евр. народа Иерусалим. ун-та. В 1979–1990 гг. работал в Ин-те современного еврейства, Яд ва-Шем и Краткой евр. энциклопедии науч. сотрудником и редактором. Преподавал новую историю евр. народа на отделении иностр. студентов Иерусалим. ун-та. С 1997 г. – зам. редактора ежегодника «Евреи на перепутье / Евреи бывшего СССР в Израиле и диаспоре». Специализируется по евр. историографии, а также демографии, библиографии, истории вост. и локальных общин евреев Советского Союза и истории науки об еврействе (иудаистики). Опубликовал более 70 статей. Постоянный сотрудник НИ центра «Русское еврейство в зарубежье» с 1998 г.; выступает как автор, редактор и консультант по истории еврейского народа.

Михаил Хейфец родился в 1934 г. в Ленинграде. Окончил лит. факультет Ленинград. пед. ин-та им. Герцена. Работал учителем лит-ры и истории. С 1965 г. – профессиональный литератор. Занимался историч. прозой и публицистикой. В 1974 г. был арестован и приговорен к 6 годам лагерей и ссылке за написание предисловия к самиздатскому собр. соч. Иосифа Бродского. С 1980 г. – в Израиле, где работал науч. сотрудником Иерусалим. ун-та. В последние годы – корреспондент газеты «Вести». Автор большого числа статей, а также ряда книг: «Секретарь тайной полиции», «Украинские силуэты», «Военнопленный секретарь», «Глядя из Иерусалима», «Воспоминаний грустный свиток», др.



Брайан Хоровиц (Brian Horowitz; часть трудов ученого на рус. яз. опубликована под именем Бриан Горовиц), профессор Тулэйнского ун-та в Новом Орлеане, специалист по еврейской истории и русской литературе. Автор книги о пушкинистике М.О.Гершензона «Миф А.С.Пушкина в серебряном веке» (1996) и многочисленных статей (в их числе о С.Дубнове, Я.Тейтеле, Г.Слиозберге, Л.Леванде, М.Моргулисе, С.Ан-ском). В печати книга об «Обществе для распространения просвещения между евреями в России».

Арон Яковлевич Черняк. Профессор, д-р филол. наук, канд. ист. наук. Ближайший ученик историка П.А.Зайончковского. Участник ВОВ. Имеет боевые награды. Родился в 1921 г. в Смоленске. Окончил ист. факультет Московского обл. пед. ин-та в 1949 г. Работал учителем и директором средней школы, затем – в Гос. библиотеке СССР им. Ленина. С 1962 по 1991 г. – в Московском гос. ин-те культуры, где в течение последних 20 лет заведовал кафедрами библиографии и книговедения и истории книги. Читал курсы: *Книговедение и история книги, История мировой науки и техники*; впервые в СССР создал и читал курсы: *Науковедение, История научно-технической книги*. Организовал научную школу, в том числе



подготовил 29 канд. наук – науч. работников и преподавателей высшей школы. Автор более 330 печат. работ, среди которых около 20 книг, в том числе вузовский учебник *История технической книги*, одобренный рецензиями в СССР, Германии, Франции, ЮНЕСКО; ряд других учебников для высшей и средней специальных школ. Опубликовал также несколько книг-биографий: о Н.В.Кулакуцком, А.И.Ульянове, Н.В.Кибальчиче, С.Н.Ванкове. Редактор многих науч. изданий. Репатриировался в 1991 г. Опубликовал в русскоязычной прессе Израиля неск. десятков статей, гл. образом по истории евр. культуры, теории и истории антисемитизма, рус.-евр. культурным связям, роли прогрессивных деятелей России в судьбах еврейства и т.д. Жизни и деятельности А.Я.Черняка посвящены специальный биобиблиогр. указатель (М., 1991. 67 с.) и ряд статей и очерков. Живет в Нешере, близ Хайфы.



Шуламит Шалит родилась в Литве. Дед по матери – раввин Шимон Шалит. Дед по отцу – Григорий Фридберг – военный комиссар Днепропетровска, позднее театральный режиссер. После окончания Литературного института им. Горького в Москве работала журналистом, редактором, переводчиком, была корреспондентом по вопросам литературы, театра и кино в периодических изданиях Москвы, Вильнюса, Риги, Еревана. Опубликовала более 250 эссе и статей по литературе и искусству. Занималась лекционной работой, художественным и синхронным переводом. В Израиле с 1980 года. Закончила двухгодичные курсы библиотекарей. С 1987 г. – заведующая отделом библиографии Центральной библиотеки города Рамат-Ган. С июня 1991 года – автор и ведущая популярной программы «Литературные страницы» радиостанции РЭКА, в рамках которой ею представлены творческие и личные судьбы сотен писателей и поэтов, творивших на русском, иврите, идише. Многие литературоведческие исследования и эссе опубликованы в русскоязычной прессе Израиля, России, США. Шуламит Шалит принадлежит огромная заслуга в открытии в Рамат-Гане Музея русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных. Ее монография «С одним я народом скорблю...», опубликованная к открытию Музея, за короткий срок выдержала два издания и перепечатывалась в журналах и газетах на всех континентах мира. Новое, углубленное и богато иллюстрированное исследование-эссе

Шуламит Шалит «Россия далекая, образ твой помню...» – о семье Цетлиных, их окружении, об истории коллекции и о создании Музея русского искусства в Израиле – опубликовано в красочном каталоге, выпущенном к открытию 7 июня 2003 г. в московской Третьяковской галерее выставки «Коллекция Марии и Михаила Цетлиных». Ш.Шалит является также автором (тома 4 и 5) и одним из редакторов (том 5) сборников «Евреи в культуре Русского Зарубежья» (сост. и издатель – М.Пархомовский).

Карл Штивельман. Специальность – теоретич. физика полупроводников и диэлектриков. Профессор. Область науч. интересов – энергетический спектр электронов и дырок. Занимался теоретич. исследованиями и преподаванием в ун-тах, академических и прикладных ин-тах России и Украины. Руководил науч. работой ряда соискателей науч. степеней кандидата и доктора физико-математических наук. Участвует в разработке и реализации педагогических концепций и проектов. Науч. редактор монографий и учебников. Руководитель семинаров – философского (Казань), по секулярному иудаизму (Тернополь), междисциплинарного (Кфар-Саба).



Д-р Алек Эпштейн, преподаватель кафедры социологии и политологии Открытого ун-та Израиля. Автор книги «Войны и дипломатия. Арабо-израильский конфликт в XX веке», редактор и один из авторов сборников статей «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество», «Общество и политика современного Израиля», «Израильское общество в зеркале культуры и искусства» и «Идеология еврейской национальной жизни в современном мире». Ведет цикл радиопередач «Из истории еврейского национального движения и Государства Израиль».

Указатель имен книги

- Абарбанель Сара 139
 Абир Михаил (Дан Йосеф)
 178, 183, 353
 Абкин Хаим 71
 Абкина Мэри 71
 Абрамов В. 113
 Абрамский Шимон 48
 Абрамсон Макс 69
 Абрамсон Шрага 92
 Авиви, распределитель работ
 116, 117
 Авилеа Арне 131-133
 Авину Авраам 310
 Авиталь Колет 308
 Авнер Арн 92, 93
 Агадати (Каушанский) Барух
 98, 111, 115-129
 Агурский Михаил 168
 Адамович Георгий 328, 330,
 331
 Азадовский К. 114
 Азарх Шмуэль 308
 Азбель Марк 279, 280
 Айзенберг Яков 279
 Айзенбуд Михаил 226, 227
 Айзенштат Яков 324
 Айзман Давид 169
 Аксельрод Елена 280
 Аксельрод Натан 124, 125
 Алданов (Ландау) М.А. 341
 Александр Хаим 137, 139
 Александра Федоровна,
 императрица 330
 Александрович Михаил 151
 Алексин А. 310
 Аллой Владимир 328
 Альтшулер Мордехай 92
 Аминева Стелла 280
 Амусья Мирон 279
 Андреев Леонид 54
 Анна Иоанновна, герцогиня
 71
 Анненков Юрий 333, 358
 Аннинский Лев 86
 Ан-ский 65, 149
 Антокольский 89
 Апулей 166
 Аронис И. 67
 Аронсон Наум 322
 Аронсон Сара 329
 Аронсоны 329
 Арсеньева Е.А. 85
 Артамонов М. 46
 Ауэр Леопольд 142
 Ауэр Миша 329
 Афори 224
 Ахад-ха-Ам 6, 77, 100
 Ахматова Анна 58, 60, 187
 Аш Шалом 60
 Баазов Давид 78
 Баал-Махшовес (Эльяшев И.)
 65
 Бабаджанян В. 114
 Бабель Исаак 103, 166, 167
 Багрицкий Эдуард 100, 103,
 105
 Баки Марио 235
 Бакст Леон 321
 Баллас Г. 110, 113, 114
 Балтушис Ю. 189
 Бальфур Лайонель, лорд 78
 Бар В. 288
 Барабанова Татьяна 309
 Бараш Ашер 122
 Барковская Ольга 100, 101,
 104, 113, 114
 Барсова Валерия 152
 Барталь Исраэль 42, 92
 Барток 120
 Барух Адам 123
 Барштейн Г. 213
 Бар-Эйтан А. 137
 Басовский Наум 280

- Басс Майя 172, 309, 353
 Баух Эфраим 280, 310
 Бах Иоганн 164
 Башевис-Зингер И. 148
 Бегин Менахем 7, 36, 94
 Бегун Иосиф 280, 281
 Бейлис 56, 307, 324, 325
 Бейнарт Хаим 63, 92, 93
 Белинский М.И. 213-215
 Белкинд Исраэль 10, 11, 309
 Белкинд Меир 11
 Белкинд Шамшон 11
 Белл-Клиглер Роберта 289
 Белопольская И. 175-177
 Белый Андрей 58, 61
 Белый Г. 307, 333
 Бельский Мирон 104
 Бендерский Яков 278
 Бен-Ами 170
 Бен-Гурион (Грин) Давид 7,
 15, 62, 179, 202
 Бен-Дов Яков 124
 Бен-Иегуда Барух – *см.*
Агадати Барух
 Бен-Иегуда Хемда 118
 Бен-Иегуда Элизер 118
 Бен-Сассон Х.Х. 38, 45
 Бен-Цви Рахель Янаит 135
 Бен-Цви (Шимшелевич) Ицхак
 7
 Бен-Элизер М. 65
 Бенуа Александр 110
 Бер Ицхак 38, 45, 48
 Берг Альбан 163, 164
 Бергельсон Д. 152, 154, 217
 Бергельсон Л.Д. 217, 218
 Бергинер-Тавгер Белла 130,
 139, 314, 315, 343, 353
 Бергман, проф. 201
 Берзницкий Арон 279
 Беринский Л. 146
 Берлин И.З. 67
 Берлин Исайя, сэр 48, 73
 Берлин Н. 6
 Берлин Ш.З. 67
 Берлин-Папиш Това 132, 133,
 137
 Берман Яков 76
 Берман-Штернфельд Элла 322
 Бернар Сара 116
 Бернс Роберт 283
 Бернштейн Леонард 136
 Бернштейн Давид 255
 Бернштейн Иосиф 279
 Бернштейн Н.А. 276, 283, 288
 Бернштейн Шмуэль 138, 139
 Бертенсон С. 329
 Бершадский Ю. 107
 Берштейн Хаим 80
 Бескин Григорий 279
 Бетховен 163
 Биешу Мария 161
 Билинская О. 114
 Бирман М.А. 343
 Бирюков, биограф
 Л.Н.Толстого 59
 Бизе Жорж 160
 Биск Александр 105, 114
 Бланк Саша 147
 Блинова Анна 235, 236
 Блюх И. 88
 Блок А. 164
 Блох 160
 Блюмкин Я. 100
 Бобе Мендель 62-73, 80
 Бобе Мифа 71
 Бобе Хана 71
 Бобе (дев. фам. Рабинер)
 Эстер-Гана 63, 71
 Бобтельский Мордехай
 (Макс) 198-200
 Бовин А.Е. 307, 317, 345-352
 Бовина Л.П. 347, 349-352
 Бовины 349, 352
 Богомолов Н. 330
 Бограшов (Богер) Хаим 16
 Богуславская Г. 113
 Богушевич Ванда 141
 Боденбер фон, барон 65
 Бойко Владимир 278
 Болотовский И. 322

- Бонер Жоржет 332
 Борин Юрий 309
 Борщевский Ариель
 (Николай) 4, 289, 311, 354
 Босинова Елена 281
 Боскович А. 115
 Боулт Джон 322
 Боярская Ривка 145
 Бравый Константин 268, 270,
 277
 Брамс Иоганнес 163, 164
 Брановер Герман 249, 265
 Братман Владимир 279
 Браудо Марк 149, 150
 Брешко-Брешковская 238
 Брик Лиля 321
 Брин 323
 Брискин Илья 278
 Бройде Зиновий 279
 Брудингер Регина 175
 Брудный Марк 152
 Брун-Шапиро Ада 328
 Брух 160
 Бубер Мартин 340
 Будницкий О. 333
 Бурлюк Давид 103, 114, 333
 Бухгольц А. 67
 Быков Василь 280
 Бюклинг Лийса 332
 Бялик Х.-Н. 55, 59, 62, 64, 72,
 100, 105, 110, 118, 142, 289
 Бяльский Игорь 281
 Вага Клара 148
 Вагнер Рихард 160
 Вайзберг Я. 347
 Вайзман Николай 279
 Вайнберг Александр 208, 209,
 236
 Вайнберг И. 274, 275
 Вайс Реувен 256
 Вайсберг Михаил 279
 Вайсберг (Головкина) Л.С.
 230
 Вайсберг Яков 347
 Вайсман А.Е. 233, 234
 Вайтер (Девенишский Арон) 58,
 61
 Вальдман Батия 62, 354
 Варди, актер 118
 Варди Давид 347
 Варшавская Елена 280
 Варшавский Марк 150
 Вассерман Г. 95
 Вахтангов Е.Б. 152
 Вашингтон Д. 323
 Вейнгер И. 274, 275
 Вейнгер Ицхак 221
 Вейншал Яков 329
 Вейцман Хаим 6, 7, 60, 197,
 201, 202, 206
 Векслер Михаил 327
 Векслер Сима 327
 Велковский Элияху 76
 Венцлова Ант. 189
 Верни Дина (Эйбиндер) 321
 Веселовские 85
 Визель Эли 95
 Вильнер Меир 34, 35
 Вильшанский Александр 279
 Вильямс В.Р. 300
 Винавер М.Л. 307, 334-338
 Винник Р. 66
 Винокур Клара 279
 Виссон В. 323
 Витте С.Ю., граф 85
 Вишневская Галина 161
 Владимир, князь 84
 Вовси Давид 196, 204, 205
 Вовси М.С. 205
 Войскун Алеся 98, 355
 Войтинский В. 323
 Волошин М. 105
 Вольф Л.А. 222, 223
 Воробьев Валентин 321
 Воронель Александр 279, 280
 Воронель Нина 280
 Врангель М., баронесса 329
 Вульфсон Авраам 66
 Вундербар Реувен 65, 67, 72
 Выгодский Рува 193
 Высоцкие 332

- Вяземские 85
 Вяземский П.А. 85
- Габер Фриц 198
 Гагарины 85
 Гайсинский М. 313
 Галилей Галилео 274
 Галич Александр 153
 Галкин Самуил 151
 Гальперин Иона 171
 Гальперин Лев 108
 Гамза А.Б. 73
 Гамза Батья 70
 Гамза Ицхак 73
 Ганс Абель 330
 Гарбер Лина 277, 281
 Гаузер Жанна 114
 Гаухман Юлия 343
 Гебертиг Мордехай 147
 Гейзель Зеэв 278
 Гейне Генрих 142
 Гельман Я. 66
 Гендлер Бецалель 10
 Генкель, проф. 301
 Генкина М. 114, 322
 Гепштейн Ш.
 Гербер Алла 86
 Герцен А.И. 58, 61
 Герцик В.Б. 193
 Герцль Теодор 14, 42, 343
 Гершензон М.Б. 56-60
 Гершензон М.О. 54-61
 Гершенкройн Габриэль 105
 Гершенфельд Михаил 100-
 103, 107, 110, 113
 Гиршман Димит 253, 259, 265
 Гершуни Б. 332
 Гете Иоган 142
 Гиляди Э. 212
 Гильдерман Юрий 278
 Гин Виктор 280, 281
 Гинзай (Газов-Гинзберг) А. 92,
 94
- Гиппиус З. 332
 Гирс Н. 88
 Гирш, барон 88, 342
- Гиршман Л. 88
 Гитис Евгения 309
 Гитлер 137
 Глезер В.Т. 234
 Глик Г. 152
 Гликман Г. 321
 Гликсон Моше 98
 Глисберг Ш.-Я. 77
 Глозман Иосиф 92, 95
 Гоген Поль 101
 Гоголь Н.В. 112
 Гозиасон Ф.О. 105, 107, 114
 Големба Р. 274-276
 Голикин Мордехай 315
 Голтербах Сергей 307, 322, 342,
 343
- Голодницкая Д. 213
 Голубовский М. 88
 Гольдберг Александр 203, 204
 Гольдберг Борис 203
 Гольдберг Мирьям 117
 Гольдберг Лея 84
 Гольдман А.М. 219, 220
 Гольдман Лена 220
 Гольдштейн Александр 64, 72
 Гомер 166
 Гонтарь Авром 188, 189
 Гончарова Наталья 121
 Горвиц Лея 17
 Горвиц Цви 11, 17
 Горвицы 17
 Гордон И.-Л. 55
 Горенштейн Н. 84
 Горенштейн Ф.Н. 85, 89, 90
 Горовец Эмиль 188, 189
 Горовиц Владимир 315
 Горький М. (Пешков А.М.)
 54, 332, 334, 335
- Гофельд Александр 279
 Гофштейн Д. 152, 154
 Гофштейн Левия 155
 Гохберг Яков 280
 Граевский Виктор 181
 Грец Генрих (Цви-Гирш) 35, 38,
 45
- Грец М. 72, 142?

- Гржебин З.И. 332
 Грибов Владимир 170, 171
 Григ Эдвард 160
 Грилюс Шимон 80
 Гринберг Ури Цви 123
 Гринберг Хаим 64, 72
 Гросс Яаков 124, 129
 Гроссман Василий 166, 167
 Гроссман Леонид 103
 Гроссман Михаэль 256
 Грузенберг Оскар 324
 Грушка Э. 220
 Губерман, скрипач 142
 Гузевич Д.Ю. 317, 344
 Гузевич И.Д. 317
 Гузик Анна 187
 Гулак А. 66
 Гуно Шарль 160
 Гурвич Б.Л. 307, 334-338
 Гурвич Жорж 314
 Гуревич Арон 281
 Гуревич Давид 255, 256
 Гутгарц Марина 91, 355
 Гутман 123
 Гутген Ульрих фон 166
- Давид, генерал 154
 Дайхин Л. 213
 Дан Йосеф – *см. Абир Михаил*
 Данкова Юлия 280
 Дараган Наталья 96
 Даргомыжский 164
 Дашевский Влад 280
 Делитч Фридрих 111
 Дешевов Владимир 163
 Джалилова Тамара 349
 Дизенгоф Меир 112, 119, 124-126, 289
 Дикман А. 113
 Диневич Леонид 261, 266
 Динур Бенцион 36, 37, 43, 45, 48
 Добрович Анатолий 279, 280
 Добрускин Электрон 267, 268, 356
 Долгицер Лидия 71
- Долгорукие 85
 Дон Аминадо (Шполянский А.П.) 332
 Доннер Б. 113, 114
 Дорин Исаак 342
 Дорин Хайме (Хуан) 342
 Дорина (по мужу Розина) Этель 342
 Достоевский Ф.М. 142
 Достровская-Коперник Йохевед 133-138
 Достровские 133, 138
 Достровский Арие 133
 Достровский Исраэль 134
 Достровский (Дори) Яаков 133-135
 Драгичкая Ленина 4, 356
 Дранков А. 323
 Дривер Р. 288
 Дриз Овсей (Шике) 145, 188
 Дрикер Регина 155
 Дубин 121
 Дубин Мордехай 65, 72
 Дубинин Н.П. 300
 Дубнов С.М. 43, 48, 62, 70, 142
 Дубнова-Эрлих Софья 71, 337
 Дубровин Иоав 15
 Дудаков Савелий 38, 82-90, 192, 293, 322
 Дуит (Duit) Р. 288
 Дукстульская Надя 149
 Дунаева Наталья 321
 Дункан Айседора 118
 Дымерская-Цигельман Людмила 37, 38, 343
 Дымова Лорина 281
- Евреинов П. 85
 Евреиновы 85
- Жаботинский В.Е. 6, 62, 142, 170, 173, 183, 289, 322, 329
 Животовский Евгений 10, 356
 Жигня Клара 4, 356

- Загхер Рут 133, 139
 Заира Мордехай (Гребень Митя) 119
 Заира Сара 119
 Зайончковский П.А. 84
 Зак Лев 322
 Зальцберг Э.А. 311, 314, 323
 Занд М. 92
 Зарецкий Бенъямин 206
 Зарецкий Зеэв (Владимир) 206, 207
 Захарьин Г. 88
 Зевин Ш. Й. 75, 76
 Зеир Мордехай (Гребень Митя) 119
 Зеир Сара 119
 Зейффарт Петер 259
 Зеличенко Александр 212
 Зельдович А.М. 57
 Зельцман Э. 314
 Зильбер Б.-Ц. 78, 79, 81
 Зильбер Ицхак 78-81
 Зильберберг Яков 279, 281
 Зильберман Давид 73, 249, 281
 Зильберман Юрий 308
 Зисельс Иосиф 280
 Златопольский Хиллель 64, 72
 Злотник Мордехай 180
 Змора М. 137
 Змора-Козн Михаль 137, 139
 Зускин Вениамин 154, 188
 Ибрагимова Софья 280
 Иванов В.И. 57, 58, 60
 Иванов Георгий 331
 Иванова Наталья 85
 Иваск Юрий 330
 Игнатовский Александр 260
 Игнатьев Н. 19
 Извольская Е. 330
 Издебский В.А. 103, 109, 114
 Ильф А. 114
 Ильф Илья 103, 107, 114
 Имбер Яков 105
 Инбер Вера 114
 Инбер Н. 13
 Инбер Н.О.(И.) 103, 105, 106, 114
 Иосаде Йокубас 189
 Иоффе А.А. 331, 332
 Иоффе Д.В. 227, 236
 Исразель Бен 261
 Кабаков Виталий 280
 Кабаков Марк 280
 Каблуков И.А. 300
 Каган Виктор 280
 Каган Дора 322
 Каган Елена 137
 Казакевич Эммануил 188
 Казнина О.А. 344
 Камайская Гесья 73
 Камин Шошана 155
 Каминская Сима (Маор Сара) 191
 Камхина Неля 278
 Камышный Александр 264
 Кандинский Василий 101, 113, 114
 Канкрин Е. 88
 Канович Григорий 189, 280, 281
 Кантор И.-Л. 65, 72
 Канэ Юлия 280
 Каплан Е. 274, 276
 Каплан Ривка 153, 154
 Капланский Шломо 29
 Карамзин Н.М. 85
 Карасик Владимир 315, 316
 Карнавичене-Воротникова Н.М. 148, 150
 Каролик Максим 323
 Карпов Д. 333
 Карре Гари (Коренблит Гари-Мойше) 341, 342
 Катаев Валентин 103, 105
 Катанян В.В. 321
 Каушанская Батья 115, 117
 Каушанская Циля 119

Каушанская (в замуж.
 Пинкас) Шошана 115, 119
 Каушанский Арье 115, 117
 Каушанский Барух (Бен-
 Иегуда Барак) – см. *Агадати*
Барух
 Каушанский Ицхак 115, 119,
 124
 Кахана Давид 100
 Кахани Шула 139
 Кац Ицхак 117, 122
 Кац Мане 120, 121
 Кацав Моше 278
 Кацев Ицхак 123
 Кацева Бат-Шева 123
 Кацнельсон (Кацнельсон)
 Берл 29
 Кацир-Качальский (Кацир)
 Эфраим 7, 200-202
 Кацы 123
 Качальские 200, 205
 Качальский Аарон 200-203
 Квитко Лев 154, 188
 Кельвин, барон (Томпсон У.)
 82
 Кельнер В.Е. 60, 70
 Керен Офер 255
 Кешман Елена 279
 Кибрик Евгений 103
 Кикоин К.А. 170, 322, 327
 Киперман Семен 334
 Кипнис Марк 92, 94
 Кислинг Моиз (Моисей) 121
 Кислинги 121
 Китросский Наум 218, 219,
 236
 Клаузнер Иосиф 64, 84, 98,
 99, 111, 118, 133
 Кленов А. 194
 Клигер Сэм 280
 Клозген Йосеф
 Клячкин Рафаэль 124
 Ковнер Аба 147, 148
 Коган И. 95
 Коган Лев 149
 Коган Моисей 321

Коген Роза 118
 Козловский 165
 Колек Тедди 293, 295
 Коллонтай А. 330
 Колодный Юрий 255, 268
 Кольберг Ицхак 173, 174
 Кольберг Моше 173, 174
 Кольберг (Гальперина)
 Рахель 172-177
 Кольберг Яков 173
 Кольцов В. 103
 Константиновская Ида
 (Иудит) 98, 108
 Константиновский Йосеф 98,
 108
 Коонен А.Г. 342
 Копелович Ал. 192
 Копелович Александр 4
 Копытман Марк 138
 Копьевы 85
 Корбич Галина 307, 327
 Коренблит Валерий 307, 341,
 342
 Коренблит М. 342
 Коростелев Олег 328, 331, 349
 Котляр Иосиф 141, 146, 149,
 187-190, 192-194
 Котляр Рахиль 189, 193
 Котляр (Коль) Этя 189, 193
 Котрелев Н.В. 60
 Козн Герман 98
 Козн Талия 139
 Козн-Цедек Владимир 278
 Красильщикова Л. 270
 Крачевский Х. 117
 Креленштейн Н. 275
 Кремер А. 65
 Кремер Гидон 161
 Кренис Г.А. 235
 Кристолю Люба 220
 Кронгауз В.А. 210-212
 Крух С. (Stouch) 288
 Кугель Элизер 79
 Кузнец Элла 281
 Кузьковский Иосиф 147
 Кук А.И. 6, 74, 75

- Кульбак М. 154
 Кундыш Светлана 154, 155
 Кусевицкая Н. 342
 Кусевицкий Сергей 330-332, 342
 Кусельман Илья 224, 225, 233
 Кустанович Иосиф 207, 208
 Кустанович Ирина 208
 Кучерский Александр 278, 281
 Кушнер Борис 312
 Куявская Б.Я. 233
 Кшондзер Мария 311
- Лаав Мира 69, 196, 204, 205
 Лави И.М.
 Лави Моше 69
 Лавон Пинхас 36
 Лаври Марк 63
 Лаврик Л.-В. 274-276, 282, 288, 357
 Лагина Вита 280
 Лазерсон Макс 63
 Ламм Л. 322
 Ланда, д-р 237, 246
 Ландау Яков 92
 Ланина Татьяна 338
 Ланир Амос 209
 Ларионов Михаил 121, 123
 Латт Л.Я. 321, 322
 Лев О. 233
 Левенберг С. 71
 Левенберг Шнеор 66
 Леви М.Д. 216, 217
 Левин Виктор 258
 Левина Маша 236
 Леви-Танай Сарра 126, 127
 Левонтин З. 12, 13
 Лейбович Дов 11, 17
 Лейбович Иешаягу 63
 Лейбович Ривка 17
 Лейбовичи 17
 Лейзерович М. 65
 Лейкинд О. 113, 114, 321
 Леман Зигфрид 277
 Ленин В.И. 325
- Леонидов (Берман) Л.Д. 332
 Лермонтов М.Ю. 85
 Лернер А. 268
 Лещенко Николай 308
 Лешинский Яков 35
 Лжедмитрий II 84
 Либерзон Ядвига 280
 Либерман Авигдор 308, 310
 Либерман Виктор 158
 Либман М.Я. 92, 96, 322
 Лилиенблюм М. 6
 Липке Жан (Ян) 71
 Липман Леви 71
 Лис И. 11
 Лист Ференц 117, 120, 160
 Литвиновский П. 118, 119, 121
 Лифшиц Батья 142, 143
 Лифшиц И.Ц. 141, 142, 144
 Лифшиц(айте) Нехама 140-155, 187, 189
 Лихачев Д.С. 334
 Лихтенштейн Е. 209
 Лихтенштейн И.Е. 209
 Лобанов-Ростовский Н.Д. 322
 Лоевский Ефим 249, 357
 Лопушанская А.И. 216, 217
 Лубин, художник 121, 123
 Лулав Самуил (Шмуэль) 307, 338-340
 Луполянский Урн 294, 295
 Луполянский Яков 295
 Лурье Артур 323
 Лурье Эмануил 212
 Луцкая Сильвия 322
 Луцкий Марк 310
 Лучинский (Ор) Хаим 133, 137, 138
 Лущик С. 114
 Лысенко Т.Д. 300
 Львовский Марк 280
 Льюис Хармон 342
 Любимов Шауль 148
 Любошиц Э.С. 312
 Люксембург Гершон 155

- Магази́к Наташа 303
 Магази́к Норберт 303
 Мага́рик В. 274-276
 Магидови́ч Иуда (Иегуда) 98, 99, 111, 113, 118
 Магнес Иехуда 30, 120
 Мазе Я.И. 77, 78
 Мазии Даниель 279
 Мазина Марина 280
 Майлстоун Льюис (Мильштейн Лев) 329
 Маймон И.-Л. 75
 Майоль Аристид 321
 Малевич О.М. 343
 Малик И. 100-102, 109, 110
 Малышев Валерий 158
 Мамин-Сибиряк 89
 Мандельбаум А. 230
 Мандельштам М. 6
 Мандельштам Н.Я. 335
 Мандельштам Осип 94, 335
 Манн Томас 37
 Манора Гнора 122, 129
 Маор (Мейерсон) Ицхак 64, 66, 70, 72
 Марголина-Ратнер Кция 298-306
 Маргулис М. 332
 Маркиш Давид 152, 169
 Маркиш Перец 123, 152, 166
 Маркиш Шимон 166-171
 Маркиш Эстер 169
 Марков А. 323
 Марковский Б.И. 216, 217
 Маркс Р.В. 288
 Матисс Анри 102, 109
 Махно Нестор 330
 Махров К. 113, 114, 321
 Мац Петр 279
 Мацкевич Дина 287
 Машкович Г. (Мерц М.)
 Маяковский Владимир 102, 125, 333
 Межелайтис Э. 189
 Меир (Меерсон, урожд. Мабович) Голда 7, 36, 143
 Мексин И. 100, 101, 109
 Мельчетт, лорд 241, 245
 Менухин Иегуда 136
 о. Мень 82
 Мерас И. 189
 Мережковский Д.С. 332
 Метревели Давид 257, 262-264
 Мечников И.И. 88
 Мигидович Иуда
 Миклашевский К. 105
 Микунис Шмуэль 30, 34, 35
 Милеев, художник 101
 Мильштейн Д. 234
 Милюков П.Н. 341
 Минский Бернард 321
 Минц Владимир 67
 Минц Марьяна 278
 Минц Пауль 67
 Минц Цви 280
 Минцы 67
 Миронова Е. 333
 Михаели (Михельсон) Звулун 66
 Михаэли Ицхак 196, 205, 206
 Михоэлс Наталья 152, 154
 Михоэлс Нина 152, 154
 Михоэлс Соломон 140, 152, 154, 188, 205, 280
 Мовшович Г. (Герц М.) 66
 Могилевер Ш. 6
 Могилевский М. 11
 Могилевский С.А. 83
 Могилевский Я. 11
 Мойхер-Сфорим М. 142
 Мосолов Александр 163
 Моцарт Вольфганг 315
 Мурин Давид 279
 Навои Арье 98, 118
 Надель (Орен) Ицхак 91-94
 Надсон С.Я. 89
 Наор М. 129
 Народецкий Яков 253, 265
 Натанзон Бен-Цион 256
 Нахимсон Давид 143

Недава Й. 81
 Нежданова А.В. 158
 Некрасов Н.А. 89
 Неруда П. 164
 Нессельроде К. 88
 Нестеренко Евгений 156, 158,
 161, 162, 164
 Неттер Шарль 11, 18, 20
 Николай II 85, 330
 Никулин Лев 333
 Ницше Фридрих 83
 Новомейский Моше (М.А.)
 197, 237-246, 248
 Нукок Мордехай 69, 70, 73,
 77
 Нюрнберг Амшей 98, 100-
 102, 104, 107-110

 Образцова Елена 156, 160, 161,
 164
 Обухова-Зелиньска И.В. 4,
 312, 322, 323, 327, 333, 335, 357
 Овадия Йосеф 75
 О'Генри 283
 Одоевцева И.В. 331
 Оз Амос 5, 98, 343
 Ойстрах Давид 164
 Олевская Т. 274, 276
 Олсевич Сигизмунд 100-103,
 107, 110
 Олеша Юрий 103, 105
 Ольбинская Ирина 308, 311
 Орбах Д. 216, 217
 Орлов Борис 280
 Орлова Хана 121, 322
 Осоргин М.А. 341
 Осовецкий 23
 Очаковская Людмила 278
 Очеретян Татьяна 280, 281
 Ошеревич Гирш 188, 189

 Павлова Анна 94
 Паганини Николо 315
 Пальди 123
 Пальмони Яков 338
 Пан Абель 117

Пантелют Моше 80
 Панфилов А.В. 217
 Парнок С. 94
 Пархоменко В.А. 84
 Пархомовская-Белая Э.М. 313
 Пархомовская Рена 169-171,
 327, 348, 349
 Пархомовский А.Ф. 313
 Пархомовский М.А. 2-4, 8,
 129, 166, 168, 170, 307, 311-313,
 315-317, 319, 323, 328, 340-342,
 345-352, 358, 363
 Пархомовский М.И. 280
 Пастернак Л.О. 114, 128
 Патлас Цви 80
 Пекаровский Л. 322
 Перельман Марк 279, 281
 Перемен (Мехлис) Атида 99,
 113
 Перемен Гидон 110
 Перемен Д. 98, 107
 Перемен Марк 279, 281
 Перемен Натан 108
 Перемен Нахман 108
 Перемен (Дрори-Перемен)
 Ница 98, 107, 113
 Перемен Я.А. 98-114
 Перес Шимон 278
 Перетц Е. 88
 Перец И.Л. 55
 Персиц Шушана 64, 72
 Петр I 84
 Пешков Зиновий 168, 313
 Пешкова Е.П. 307, 334-338
 Пешкова М.М. 334-338
 Пиаже Жан 283
 Пильский П. 114
 Пинес Иехиель 11, 18, 24
 Пинес Шломо 32, 92, 314
 Пинскер Л. 6
 Платонов Андрей 193
 Плутарх 166
 Погреб Сара 153
 Покрасс Дм. 152, 153
 Полонский Пинхас 280
 Полоцкий С. 84

- Польская Елена 280
 Поляков А.А. 341
 Поляков Л. 85
 Полякова-Делугаз Н.А. 307,
 341
 Поляковы 88
 Померанц Г. 86
 Помпушкина Гута 278
 Прайсман Леонид 95
 Прат (Парташников)
 Нафтали (А.М.) 92, 94, 314
 Предаевич В. 103
 Прейгерзон Цви 280
 Приталь Натан 278
 Притыкина Татьяна 328
 Прокофьев 161
 Прянишников Д.М. 300
 Пульвер Лев 140, 149
 Пушкин А.С. 56

 Рабан Зеэв 109
 Рабин Ицхак 7, 118
 Рабинер Ихиезкиэль 63
 Рабинович (Равина) Менаше
 122
 Рабинович П.Д. 264
 Рабинович Ш. 6
 Равницкий И.Х. 100
 Радвига М. 104
 Радвич Михаил
 Разуваев Г.А. 223, 224
 Раев М.И. 343
 Раевская-Хьюз О. 61
 Райский Б. 113
 Ратнер Игошуа (Евсей) 298-306
 Ратнер Марина 302
 Ратнер Моисей 300
 Ратнер Юлия (Юдифь) 201,
 211, 298, 358
 Рафаель-Ценциппер А. 71, 72
 Рахель, поэтесса 98, 118, 133
 Рахманинов С.В. 158, 165
 Рашина Сарра 71
 Рейнес И.Я. 6
 Рейтблат А.И. 319
 Ретиг Эдвард 280

 Ривкин Михаил 279
 Римский-Корсаков 150
 Рипс Илья 279
 Ритова Хаяле 148
 Рихтер Зеэв 118
 Роббинс Джером 122
 Робинсон Рут 256
 Робчек, художник 54
 Ровинская С. 280
 Ровинский Р.Е. 275, 279
 Рогачевский Андрей 321
 Роголь Фредерика 314
 Роденский Шмуэль 124
 Розанов В.В. 325
 Розенталь Л. 330
 Розинг Б. 88
 Розовский С. 132
 Роках Исраэль 119
 Рольникайте Маша 155
 Рон Ирит 207
 Ростропович Мстислав 136,
 161
 Ротенберг Вадим 279
 Роттердамский Эразм 166
 Ротшильд Эдмон де, барон
 13, 14, 18, 209
 Рубин Владимир 249, 250, 261,
 265
 Рубин Реувен 121, 123, 127,
 148
 Рубин Сэм 130, 135
 Рубин Э. 148
 Рубина И.М. 343
 Рубинштейн Борис 171
 Рубинштейн Ида 321
 Руденко Белла 156
 Рузвельт Ф. 323
 Рутенберг Петр (Пюнхас) 238,
 241

 Савич А. 329
 Савич О. 329
 Савичи 329
 Салманов Вадим 164
 Салмон Лаура 170
 Саломон Хаим 323

- Самэт Шимон 119, 120
 Сандигурский Михаил 253
 Сарвер Таня 193
 Свердлов Э. 11, 12, 17
 Свердлов Я.М. 12
 Свердлова Хана 17
 Свердлова Хая 17
 Свердловы 17
 Свиридов 161, 162
 Северюхин Д. 113, 114, 321
 Сегал (кино) 124, 125
 Седова Н. 323
 Сезанн Поль 101, 102, 109
 Семенов Н.Н. 223
 Семенов-Тян-Шанский П. 88
 Сендерей Шмуэль 149
 Сера Жорж 110
 Серман И.З. 343
 Симонович М. 113
 Систер Юлия 2-4, 8, 10, 196,
 291, 307-309, 313, 359
 Сливкина Э.И. 91, 92
 Слободская Ода 315
 Слонимский Николай 315
 Слонимский Х.-З. 88
 Слошиц Нахум 111
 Слуцкий Борис 280
 Смаглой Сергей 281
 Смелянский Цви 255
 Смирна Г. 72
 Смоли Элизер 91
 Соболев Андрей 61, 100, 105
 Соболев Н. 100, 110
 Соеновский Я. 270
 Сойфер (Осипов) И. 330
 Соколинский Эфи 253, 254,
 266
 Соколов М. 333
 Соколовская А.Л. 331
 Солженицын Александр 86,
 87
 Соловейчик И.-З. 79
 Солодкина Марина 308
 Сомов Константин 110
 Сорин Савелий 321
 Сорокер Я.Л. 314
 Сосновский Я. 270
 Спринцер Самуил 279
 Ставров С.С. 212, 213, 215,
 216
 Ставровы 215
 Сталин 88, 148, 167, 181, 223,
 300, 342, 350
 Станюкович 89
 Старк Ривка 116
 Стемацкий 110
 Степанова Анна 253, 258, 259,
 264
 Стерн Айзик 136
 Столович Леонид 312, 325
 Строгановы 85
 Суриц Е.Я. 343
 Суцкевер А. 148
 Сыркин Лев 189, 193
 Тавгер Бен-Цион 310
 Таджер Циона 127
 Тадмор Хаим 91-93
 Таиров (Коренблит) А.Я. 342
 Таль, историк 45
 Таль Сиди 149, 187
 Танеев С.И. 132
 Тарковский А. 123, 124
 Тартаковер С.Г. 83
 Тартаковский Евг. 229, 230,
 233
 Тевьев И.-Х. 65, 72
 Тейтельбаум Д. 146
 Телицын В.Л. 312
 Телль В. 59
 Темкин Д.З. 329
 Терман Лилия 281
 Тидхар Давид 113
 Тимор Аркадий 179
 Тиссе Эдуард 125
 Тов (Гутман) Эзра 63, 71
 Толстая Елена 85
 Толстой Ал. 85, 105
 Толстой Л.Н. 59, 83, 85, 86,
 142
 Толстой Никита, академик 86
 Томар Бахар 255

- Топер И. 149
 Торпусман Абрам 95
 Триоле Эльза 330
 Троцкая Зинаида 332
 Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 78, 323, 331, 332
 Трубецкие 85
 Трумпельдор Иосиф 16, 173
 Тувим Ю. 87, 330
 Тупкевич Юрий 279
 Тургенев И.С. 56, 89, 142
 Туркинец Марина 74, 81, 359
 Тур-Синай, проф. 112
 Турьян Я.И. 225, 226
 Тэоми Меир 118
 Тэоми Одед 118
 Тэоми Ян 118
- Ульманис К. 62, 66, 68
 Уолтон Уильям 163
 Урбах Михаил 213, 214
 Урицкий Зиновий 278
 Усышкнн М. 6, 77
 Утесов Леонид 152
 Утиевский Лев 279, 281
- Фазини Сандро (Файн-
 зильберг Александр) 100-104,
 114
 Файерман Женя 315
 Файман Давид 255
 Файн Б. 212, 213
 Файнберг Иосеф 13, 14
 Файнберг Израэль 14
 Файнберги 13
 Файнблум, инженер 237
 Файнштейн Моше 79
 Федоровский Натан 321
 Фейгенберг Иосиф 270, 272,
 274-277, 279, 281-283, 288, 359
 Фейгин Александр 279
 Фельдман-Меагер Марина 27
 Фет А.А. 89
 Фефер Ицик 188
 Фиалковская Днна (Линор
 Даниэлла) 191
- Фиговский Олег 255
 Финк Виктор 100
 Финкель Леонид 281
 Финкельштейн Эйтан 167,
 170
 Финкенберг Герц 26
 Фихман Яков 105, 118
 Фишер Эрнст 210
 Флейшман Лазарь 61
 Фомин В.А. 231
 Форш Ольга 330
 Фотинский Серж (Айзеншер
 Абрам) 321
 Фрадкина Евгения 37
 Фраерман Женя 315
 Фраерман Теофил 100-102, 104,
 110
 Франк Семен 314, 325
 Фредерикс В. 88
 Фрезинский Борис 321, 329,
 331
 Фрейденберг М. 88
 Фрейдин Юрий 279
 Френкель Александр 155
 Френкель Ицхак 98, 106, 118,
 123
 Френкель С. 330
 Френкли Елена 343
 Фридберг Г. 362
 Фришман Д. 64
 Фролов Сергей 96
 Фруг Ш. 172, 173
 Фрумкин А.Н. 216
 Фрухтман Лев 187, 360
 Фукс Б. 11
- Хавацелет З. 115
 Хавинсон Анна 313
 Хад-Гадья Мирьям 108
 Хадад Арик 308, 311
 Хаждан Евгений 155
 Хазанов Яков 11, 17
 Хазанова Хая 17
 Хазановы 17
 Хайтаускас Беньямин 149
 Хайтнер Карла 198, 200

Хамери А. 123
 Ха-Меири Авигдор 111, 123,
 124
 Хаммер Звулун 185
 Ханкин Игошуа 14
 Ханкин Израэль-Лейб 14
 Ханкин Ольга 14
 Ханкины 14
 Ханох Рон 129
 Ханутин Залман 69
 Харит Яков 221, 222
 Харт Я. 211, 212
 Харув Дан 4, 28, 316, 319,
 338, 344, 360
 Харэль Арье 153
 Хаузер Эмиль 137
 Хауциг В. 137
 Хачатурян 161
 Хволес Рефозл 188, 189, 193
 Хейн П. 92, 93
 Хейфец Михаил 237, 280, 316,
 348, 360
 Хейфец Яша 142, 314, 315
 Хен Давид 139
 Хен Ноа 139
 Хенкин Борис 310
 Хенкин Мордехай 17
 Хенкина Гитл 17
 Хенкина Лея 17
 Хенкины 17
 Хидекель М.Л. 223, 224
 Хиршберг И. 210
 Хиршхорн И. 321
 Хисин Хаим (Ефим) 17, 18,
 19, 27, 309
 Хмельницкий Богдан 46
 Хованские 85
 Холад Арик
 Ходаковская Р.Я. 228, 229
 Ходаковский М.Д. 227, 228
 Ходасевич В.Ф. 60, 328
 Хоровиц (Горовиц) Бриан 54,
 361
 Хохман А. 215
 Хрущев Никита 35, 148, 181
 Хупперт Д. 212, 213

Хьюз Р. 61
 Хьютмен Ицхак 111
 Цабан Яир 249, 265
 Цамир Ханох 249
 Цареградская-Альмарк Э.М. 232
 Цафир Йозель 253, 265
 Цвирка П. 189
 Цейтлин Шмуэль (Буби) 73
 Цельникер И. 321
 Цемах Шломо 105
 Цетлин М.О. 330
 Цетлин(а) М.С. 323, 330
 Цетлины 362
 Цизнер Тувия 255
 Циммерман Моше 125
 Цион И. 88
 Ционский В. 213
 Цислин Ж. 275
 Цукерман Ривка 17
 Цукерман Шломо 11, 17
 Цукерманы 17
 Цур Яков 92

Чаадаев П.Я. 55
 Чайковский П.И. 159-161, 163,
 164
 Черкасова Ф. 331
 Черкацкий Леонид 280, 281
 Черниковский Шауль 55
 Чернобровая Либетта 236
 Чернов-Перемен Хава 99, 102,
 111-113
 Черномырдин В.С. 244
 Черный Борис 170
 Черный (Гликман) Саша 161
 Черняк Арон 82-87, 361
 Черняховский Д.А. 86, 89
 Черток Яков 10
 Черфас З. 152
 Ческис Сергей 213, 214
 Чехов Михаил 332
 Чичерин Г.В. 85
 Членов И. 6
 Чуковский К.

Шавит Далия – см. *Штарк Маша*
 Шазар (Рубашов) Ш.З. 7, 37
 Шаинский В. 310
 Шалит Лейб 67
 Шалит Шимон 362
 Шалит Шуламит 113, 115, 140, 311, 362
 Шалыпин Ф.И. 315
 Шамир (Езерницкий) Ицхак 7, 36, 185
 Шамшидов Борис 260
 Шапиро Борис 279
 Шарет Моше 10
 Шарир Бенъямин 279
 Шарль-Ру Эдмонда 314
 Шарон Ариэль 7, 244
 Шарон Натан 206
 Шарони Йосеф 249, 265
 Шатров М. 153
 Шафиров Петр, барон 84, 85
 Шафиовы 85
 Шахевич Хен 12
 Шац Борис 109, 110, 116, 117
 Шацких Александра 322
 Швагер, антиквар 111
 Шварцман В. 278
 Шейнкман Авраам 257
 Шекспир Уильям 142
 Шенберг Арнольд 120, 163, 164
 Шендерович Е.М. 156-165
 Шенкен Менахем 99
 Шерон Ж. 329
 Шестов Лев 314, 325
 Шехтер А. 215
 Шиллер Иоганн 142
 Шило Яков 132, 133, 137, 139
 Шинкаренко Вячеслав 279
 Ширман Х. 92
 Шкапская Мария 329
 Школьник Людмила 236
 Шлеев В. 322
 Шленский Авраам 111, 172
 Шмерук Хоне 46, 92
 Шмидт Рона 139

Шмидт О.Ю. 85
 Шмидт Сигурд 85
 Шнеур Залман 65, 142
 Шолом-Алейхем 65, 140, 142, 149, 150, 152
 Шопен 117, 120, 128, 163
 Шостакович Д.Д. 132, 157, 161-164
 Шпигель Натан 86
 Шпитальник С. 80
 Шпрагина Лея 212
 Штарк Иегошуа (Евгений) 189, 190, 291-297
 Штарк Маша (дев. фам. Котляр, псевд. Снежина, Далия Шавит) 187-194, 292, 293
 Штарк Моше 291
 Штарки 188-193
 Штейнберг Аарон 71, 171, 325
 Штейнберг И.З. 71
 Штейншнайдер Татьяна 280
 Штерн Адин 255
 Штерн Менахем 92
 Штерн Юрий 261, 262
 Штернфельд Э. 313
 Штивельман Б. 277, 278, 281
 Штивельман Карл 270, 277, 363
 Штраус Рихард 163
 Штурман Дора 343
 Штыкан Ицхак 257, 258
 Шуберт Франц 160
 Шульман Зиновий 148, 187
 Шуман Роберт 159
 Шуняков Ф.М. 275, 276
 Щаранский Натан 247, 261, 308, 310
 Эгуд Даниэль 255, 256, 266
 Эдельбенкин Я. 11
 Эдельштейн Ю. 261
 Эден Браха 133, 138, 139
 Эдисон Томас 88
 Эзер Михаил 279
 Эйдельман Хава 152, 155

- Эйзенштейн Сергей 125, 328-330
- Эйнштейн Альберт 278
- Эйтан Вальтер 180
- Экстер Александра 104
- Элазар Ф. (Дадо) 154
- Элиав Б. 65
- Элсон Пнина 196
- Эльгар Эдуард 163
- Элькин Б. 332
- Эльман Миша 142
- Энглин Абрам 237, 238, 240, 242-248
- Энтова Ася 279
- Эппельбаум Мойше 148
- Эпштейн Алек 156, 343
- Эпштейн Шахно 31
- Эрденко Михаил 160
- Эренбург И.Г. 105, 167, 321, 329
- Эренбурги 330
- Этерман Александр 277
- Эткинд Ефим 166
- Этлис И.В. 231, 232
- Эттингер Шмуэль 28-53, 84, 91-93
- Эфрати Ави 219
- Эшколь (Школьник) Леви 7, 16
- Ювель А.Ш. 347, 348
- Юдина Алла 281
- Юзефович В. 330, 331
- Юниверг Леонид 171, 307, 310, 313, 319, 321, 323, 324
- Юрис Л. 91
- Юрок Сол (Гурок Соломон) 332
- Юсуповы 85
- Юшкевич С.С. 103, 170
- Яворская А. 114
- Якоби Б. 88
- Якобсон Роман 330
- Янгиров Р. 329, 330, 332
- Ярдени Авидгор 280
- Ярославский Леонид 279
- Ясиновский И. 6
- Яунзем Ирма 152
- Яффе И. 67
- Яффе Лейб (Л.Б.) 54-61, 63
- Яффе Ф.В. 58, 59
- Ященко 58
- Bar V. 288
- Bat-Iehuda G. 80
- Bernstein N.A. 288
- Bobe M. 81
- Borshevsky Nikolay (Ariel) 4
- Bovin E. 346, 348
- Boyle R.A. 288
- Crouch C.H. 288
- Dragitskaya Lenina 4
- Driver R. 288
- Duit R. 288
- Feigenberg J. 275, 276, 288
- Fraser B.J. 288
- Gershenson M.O. 60
- Gershuni A. 80
- Golembo R. 276
- Grossberg Iskar 72
- Guesne E. 288
- Haruv Dan 4
- Horowitz Brian 60
- Jignea Klara 4
- Kaplan E. 276
- Krelenshtein N. 276
- Kuk A.I. 80
- Kuk Is. I. 80
- Laskov Sh. 27
- Latash M. 288
- Lavrik V.L. 275, 276, 288
- Lazar D. 80
- Maharik V. 276
- Maimon Harav 80
- Marx R.W. 288
- Mazeh Jakob 81
- Mazur E. 288
- Milton Keynes 288
- Nurok M. 81
- Obukhova-Zelin'ska Irina 4
- Oletsky T. 276
- Parkhomovsky Mikhail 2, 4

Pinto R. 288
Pintrich P. 288
Shuniakov V.M. 275, 276, 288,
319, 321, 323, 324
Sister Yulia 2, 4
Shtarkas E.M. 296, 297
Surinach S. 288
Tiberghien A. 288
Treagust D. 288
Turkiniets M. 81
Walberg H.J. 288
Zekher Mordekhai 81
Zislin J. 275

**Аннотации статей и других материалов, опубликованных
в сериях книг *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ* и содержащих сведения
о выходцах из России в Палестине/Израиле¹**

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 1

1. * **Здравствуйте, Довид Кнут! Я.Цыгельман.** Эссе посвящено знакомству с поэтом, практически неизвестным в России. Рассказано о его 4 тонких поэт. сб. и завершающей большой кн. стихов (1949), участии в Сопротивлении, поездках в Палестину и их влиянии на его творчество. – *И.4. П.5* – 55-73².

2. * **Сибирик на Мертвом море: О Борисе Пантелеймонове. М.Агурский.** Вступ. заметка *М.Пархомовского*. Пантелеймонов, автор рассказов и повестей в эмигрантской печати 40–50-х гг., прежде работал в «Палестинской поташной компании», созданной М.Новомейским. Анализируя творчество писателя, автор очерка находит разгадку его мнимого самоубийства в 1935 г. – *И.1* – 82-96.

3. **«Храм искусств» Мордехая Голинкина и Федор Шаляпин: К истории создания израильской оперы. А.Ормиан.** В качестве дирижера оперы петербургского Народного дома Голинкин работал с Шаляпиным, к-рый помог ему в сборе средств для создания оперы в Эрец-Исраэль. Оперная труппа Голинкина начала выступать в Тель-Авиве в 1923 г. – *И.4. Б.7* – 347-360.

4. * **Скульптор Хана Орлова. Л.Латт.** В возрасте 22 лет поселилась в Париже, где вошла в круг А.Модильяни, Х.Сутина, Ж.(Ю.).Паскина, М.Кислинга, М.Шагала. Отдав дань новаторским направлениям, выработала свой пластич. язык; поэтичность и юмор спасли ее от натурализма. Мн. работы Орловой посвящены еврейству и Эрец-Исраэль. Хранятся во всех крупных музеях мира. – *И.8. П.29* – 361-389.

5. **Борис Бруцкус: ученый и правозащитник. В.Казан.** Специалист по аграрной экономике, Бруцкус еще в 1921-22 гг. доказал невозможность построения хозяйства страны по плану и из одного центра. При описании правозащитной деят. ученого публикуется (впервые) письмо к нему А.Эйнштейна. – *И.2. П.7* – 476-484.

¹ Аннотации статей, посвященных другим странам, но содержащие информацию и о Палестине/Израиле, отмечены звездочкой.

² *И.* – кол-во иллюстраций, *П.* – кол-во примечаний, *Б.* – библиография; последние цифры – номера страницы.

6. **Опаленные Россией, или Русские корни израильской культуры.** *А.Оз. Пер. с иврита В.Радущкого.* На формирование сионизма оказали влияние народничество, толстовство, коммунизм, рус. лит-ра. Разногласия в течениях сионизма имеют свои истоки в России. Рус. влияние (революций, террора, анархизма, той же лит-ры) просматривается и в период строительства Эрец-Исраэль. – *И.7* – 341-373.

7. **«Говорят, есть такая страна...»** (Йозель Энгель). *Я.Сорокер.* Энгель – журналист-критик (один из первых оценил Скрябина, Стравинского, Прокофьева, Метнера), лектор, педагог, общ. деятель, духовный отец *новой русской школы*. Нашел корни евр. музыки в правосл. церк. мелодиях. В Берлине стал редактором изд-ва «Ювал», в Палестине записывал и обрабатывал муз. фольклор. – *И.4. П.17 – 2:* 374-391.

8. **Пионеры израильского кино.** *Я.Гросс. Пер. с иврита В.Радущкого.* Ист. израильского кино украшают имена воспитанника Одесского худ. училища Я.Бен-Дова; Н.Аксельрода, племянника оппонента Ленина П.Аксельрода; известного актера и танцовщика Б.Агадати. Уроженцами России были их сподвижники: продюсер И.Сегал, режиссеры А.Пэн и Х.Халахми. – *И.6* – 392-418.

9. * **Зеев Жаботинский – юрист.** *Я.Айзенштадт.* Жаботинский изучал право в Берне и Риме, сдал экзамены и защитил дисс. («Самоуправление национальных меньшинств») в Ярославле. Юрид. образование помогало ему в борьбе за права евреев в России и в подготовке создания Государства Израиль. – *И.2. Б.12.* – 419-432.

10. **Дар Берты М. Ципкевич (Париж): О коллекции Л.Бакста в Музее Израиля, Иерусалим.** *М.Генкина.* Поисковая работа среди парижских родственников художника по выяснению происхождения коллекции из 28 работ Бакста в Музее Израиля. – *И.5. П.10. Б.8* – 451-464.

11. * **Мане-Кац, художник из Кременчуга.** *Л.Ламт.* Живя в Париже, испытывал влияние фр. мастеров, дружил с Х.Сутиным. Позже увлекся евр. тематикой (евр. свадьбы, клейзмеры); писал портреты (И.Эренбурга, П.Валери), элегические рус.-укр. пейзажи. Ездил в Палестину; последний год жизни провел в Хайфе, где создан музей его произведений. – *И.5. П.13* – 465-480.

12. * **Роза Гинцберг-Осоргина – дочь Ахад-ха-Ама.** *Н.Елина.* По арх. документам и восп. подруги Розы – матери автора очерка, –

с к-рой она училась в одесской гимназии и итал. ун-тах. О жизни и деят. отца Розы – Ахад-ха-Ама, ее браке с М.Осоргиним, воспринятом отцом как трагедия. Брак этот распался, и Роза уехала в Палестину, где работала юристом. – *3 И.3. Б.15.* – 545-565.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 3

13. **Ицхак Саде. *И.Берлин*.** Публ., пер. с англ. и коммент. *С.Векслер*. Саде участвовал в войне 1914 г., в рев-ции., затем эмигрировал. В Палестине работал в каменоломне, телохранителем Х.Вейцмана, стал одним из руководителей Хаганы, героем Войны за независимость. Берлин – его родственник – рисует обаятельный и беззаботный характер своего героя. – *И.2. П.17* – 223-239.

14. **Встреча в бесконечности, или Светское мессианство Шмуэля Эттингера. *И.Орен (Надель)*.** По мнению Эттингера, уникальности еврейства способствовали плодотворное общение с неевр. средой при замкнутости, позволяющей сохранить свой религ., нац. и культурный облик; Израиль нуждается в обновлении, движущей силой к-рого станет рус.-евр. интеллигенция. – *И.1* – 297-309.

15. **«Лишь о себе рассказать я умела...». Рахель: страницы биографии. *В.Радуцкий*.** Попав в Палестину в 1909 г., Р.Блуфштейн, известная под именем Рахель, занималась с/х трудом, находилась под влиянием идей А.Гордона, к-рому посвящены ее первые стихи на иврите. Большое место в ее жизни занял роман с будущим президентом Израиля З.Шазаром. – *И.4. П.9* – 310-332.

16. **Альфред Мансфельд. *Н.Лакерник*.** Мансфельд род. в Петербурге, учился в Берлине и Париже; в Палестине – с 1935 г. Автор мн. уникальных проектов (Музей Израиля, центр Нетании, Центр трех религий), получивших на конкурсах первую премию. – *И.5. П.8* – 333-349.

17. **Он увидел Иерусалим изнутри: Слово о художнике Александре Копеловиче. *С.Дудаков*.** Копелович род. в 1912 г. в Петербурге, а в 1925 семья эмигрировала в Латвию; с 1930 Александр учился в Париже, а в 1939 переехал в Иерусалим. Жил в Старом городе. Как художник был высоко оценен З.Серебряковой, С.Дубновым. По мнению автора, созданные им виды Иерусалима несравненны. – *И.7. П.13* – 350-365.

18. **Между Обломовым и Самсоном Назореем (о российских истоках творчества Ицхака Орена). *М.Амусин*.** Орен (Надель)

род. в России, учился в Харбине; в Палестине – с 1936 г. Гл. предмет его творчества, находившегося под влиянием совр. зап. лит. и рус. классики, – приключения человеческой мысли – научной, филос., художественной. – *И.3. П.6* – 366-379.

19. **Хана Ровина: портрет в пейзаже бытия. О. Левитан.** Одна из организаторов «Габимы», она сыграла Лею в «Диббуке» в постановке Вахтангова, а после триумфальных заруб. гастролей поселилась в Палестине. Траг. актриса, стала легендой израильского театра. Для нее писали пьесы, ее рисовали и ваяли. – *И.4. П.22* – 402-412.

20. * **Юлий (Иегуда) Марголин. В. Казан.** Род. в Пинске, ун-т окончил в Берлине, жил в Польше, 6 лет был в ГУЛАГЕ, с 1946 – в Израиле. Наиболее известны его книги «Повесть тысячелетий» (история евр. народа) и «Путешествие в страну зз-ка» – одно из первых разоблачений КП России. Большое место уделено нравств. принципам Марголина. – *И.4. П.9* – 511-523.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 4

21. **Об Анатолии Якобсоне. М. Улановская.** О Якобсоне-правозащитнике, учителе, переводчике, литературоведе, о круге друзей в России и Израиле, его главной книге «Конец трагедии». Приведены отрывки из публикаций лит. критиков, автора статьи, воспоминаний В. Фромера о Якобсоне. – *И.3. П.24* – 69-84.

22. **«Свобода жить вне горечи и мести...» (Юлий Марголин на страницах альманаха «Воздушные пути»). Л. Дымерская-Цигельман.** Описаны филос. и полит. взгляды Марголина. Проводятся параллели между творчеством и судьбой О. Мандельштама и Марголина. – *И.1. П.34* – 146-162.

23. **Профессор Шломо Пинес. Н. Праг.** Один из крупнейших знатоков истории философии, особенно евр. и исламской, хорошо знал историю науки и религии, культуры и искусства, мн. языков. Жил и учился в Германии и Франции. В Палестине – с 1940 г. Известность Пинесу принес перевод гл. филос. труда Маймонида «Наставник колеблющихся» с араб. оригинала на англ. – *И.2* – 163-172.

24. **Семиотический подход к лингвистике. А. Соломоник.** Автор ставит задачу решения философской проблемы, что такое язык вообще как ин-т цивилизованного об-ва. Статья написана по материалам двух книг автора: «Язык как знаковая система» и «Семиотика и лингвистика». – *И.1. Б.3* 173-184.

25. **Последний из могикан (Иоахим Стучевский). Я.Сорокер.** Род. в Полтав. губ. Муз. образование в основном получил в Лейпциге. В кач. виолончелиста концертировал по всей Европе. Стал автором учебников и пособий для обучающихся игре на виолончели. Сочинял музыку на базе хасидского и клейзерского искусства. В 1938 г. репатриировался в Эрец-Исраэль. – *И.2. П.12* – 335-345.

26. **Довид Кнут в Палестине и Израиле. В.Хазан.** Перед тем как поэт поселился в Израиле, он посетил эту землю в 1938 и 1948 г. Его впечатления отразились в «Палестинских страницах», «Альбоме путешественника», цикле «Прародина». В Израиле занимался переводами, писал статьи ист.-лит. характера. – *И.2. П.26* – 346-358.

27. **Авраам Шленский – переводчик русской литературы на иврит. Г.Котляр.** Поэт и переводчик, Шленский внес знач. вклад в становление и формирование евр. культуры в Палестине. Особой талантливостью отличаются его переводы на иврит Пушкина, Шолохова, Бабеля. – *И.2. П.4* – 359-365.

28. **Авраам Шлионский – переводчик русской литературы (Несколько замечаний). З.Копельман.** [В связи со ст. *Г.Котляра*. Авраам Шленский – переводчик русской литературы на иврит. – 4: 359-365.] О некот. особенностях его переводческой, журналистской и редакторской работы. – *П.7. Прилож.: Библиогр. пер. Шлионского: 46.* – 366-371.

29. **Роза Николаевна Эттингер. Н.Прат.** Род. и получила образование в Петербурге. Находилась под влиянием своих старших друзей – С.Ан-ского и Г.Лопатина. В нач. 1920-х уехала в Германию, в 1936 – в Израиль, где особенно проявилось ее призвание помогать людям. Мн. годы работала в междунар. орг-циях. – *И.4. П.4* – 372-381.

30. **«С одним я народом скорблю...»: К открытию Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане, Израиль. Ш.Шалит.** Музей открыт на базе подаренной Марией Самойловной Государству Израиль коллекции Цетлиных – более 90 картин: Серова, Волошина, Бенуа, Авксентьевой, Малявина, Бакста, Добужинского, Гончаровой, Сорина, др. – *И.5. П.56* – 385-407.

31. **Памяти друга: Яков Львович Сорокер (1920–1995). С.Дудаков.** Учился в Париже и Кишиневе, окончил Моск. консерваторию. Во время ВОВ выступал на фронтах. Преподавал в Алма-Атинской консерватории. Работал в Иерус. симф. оркестре,

выступал в камерных ансамблях. Автор 150 ст., книг об Д.Ойстрахе и Б.Гольдштейне, лексикона «Рос. музыканты-евреи». Редактировал тексты на 9 яз. – *И.1* – 449-452.

Евреи в культуре Русского Зарубежья. Том 5

32. **Феликс Кандель: «Не позабыть рассказать».** *Р.Зернова.* Благополучный прозаик в СССР, после 4 лет «отказа» эмигрировал в Израиль (1977), где остался русскояз. писателем, но гл. обр. состоялся как автор и ведущий неск. программ на радиостанции «Голос Израиля». – *И.1* – 35-42.

33. **Виталий Рубин: личность и судьба.** *И.Рубина.* Выпускник МГУ, участник ВОВ, он стал известен благодаря своей книге «Идеология и культура древнего Китая» и открытому письму к ученым Запада о правах ученого в СССР. В Израиле преподавал в Иерус. ун-те, писал статьи, участвовал в конф. – *И.1. П.16* – 51-64.

34. **Атгическая соль (Игорь Губерман).** *Р.Зернова.* Биогр. Губермана, неотделимая от его прозы (в основном в области ЖЗЛ и автобиографической). Славу ему принесла своеобразная поэзия умного юмора. В Израиле с 1988 г. – *И.1* – 65-74.

35. **Добрый человек из Бней-Брака (Яков Тверский – букинист, издатель и библиофил).** *Л.Юниверг.* Тяжелая судьба Тверского в СССР, начало библиофильского собирательства, жизнь и деят-сть в Израиле с 1966 г., к-рая включала книжную торговлю, издание книготорговых каталогов и репринты редких книг в области рус. и евр. культуры. – *И.2* – 182-190.

36. * **Читая письма Бориса Бруцкуса (письма экономические, политические, домашние).** *Н.Рогалина.* Публикуются письма к Кусковой и Прокоповичу из Берлина (17) и Иерусалима (3) периода 1924-38 гг. Хранящиеся в РЗИА, эти письма – гл. источник сведений об эмигрантском периоде жизни и деятельности Бруцкуса. – *И.3. П.73* – 244-277.

37. **«Не вынесение приговоров, а выяснение истины».** *С.Штейнград-Аксенова.* Жизнь и деятельность Доры Штурман. Ее статьи появились в рус. периодике Израиля, Европы и США в 1977-78 гг. Как и книги, вышедшие позже – «Дети Утопии», «О вождах рос. коммунизма», др., они раскрывали сущность последнего. – *И.1. П.7* – 281-292.

38. **«Этот молодой человек – гений»: Дов (Борис) Гапонов (1934–1972).** *Ш.Шалит.* О тяжелой судьбе и творчестве переводчика на иврит рус. и грузинской поэзии («Витязь в

тигровой шкуре») и составителя рус.-иврит. словарей. – *И.1. П.7* – 293-301.

39. **Три родины Самуила Шварцбанда. В.Щукин.** Биография литературоведа (известного, гл. обр., текстолог. анализом произведений Пушкина) и талантливого поэта, на творчество которого повлияла его жизнь в Ленинграде, Риге и Иерусалиме. – *И.1* – 302-311.

40. **Второй русский авангард на Западе. М.Генкина.** Значит. часть представителей рус. авангарда – евреи. Он возник в конце 50-х гг. Запад заинтересовался авангардистами в 60-х, а в 70-е гг. они эмигрировали. Рассмотрены судьбы и творч. М.Гробмана, И.Кабакова, В.Комара, Э.Булатова, В.Янкилевского. – *И.4. П.36* – 315-335.

41. **Философское мышление как атрибут этнического существования. А.Воронель.** Журнал «22» стал летописью самосознания рус. евреев. Обсуждается серия опубликованных в журнале статей автора, Р.Нудельмана, М.Каганской, М.Агурского, др. – *П.29* – 443-453.

42. * **К истории выезда еврейской интеллигенции из СССР (Из практики московского адвоката). Я.Айзенштадт.** В 1970-е гг. в условиях слежки КГБ автор оказывал юрид. помощь выезжавшим деятелям культуры и науки (пианистка О.Яблонская, актер С.Крамаров, художник Г.Гликман, др.). За помощью обращались как москвичи, так и жители др. больших городов СССР. – *И.1* – 484-489.

Русское еврейство в зарубежье. Том 1(6)

43. * **«Русское еврейство в зарубежье» – книга и Центр.** [Предисловие] *М.Пархомовский.* Из России эмигрировало 4 млн евреев. Они сыграли знач. роль в Русском Зарубежье. На базе изданных нами 5 томов, посвященных деятельности рус. евреев после эмиграции, создан НИ центр. О 6-м томе и о задачах этого Центра. – *И.2* – 7-12.

44. * **Еврейская эмиграция из Российской империи и Советского Союза: статистический аспект. Д.Харув.** Евр. эмиграция из России началась в первой половине XIX в. и резко усилилась в 1881 г. Большая часть евреев уезжала в США. Выехавшие в первые годы после рев. в основном селились в Зап. Европе. Всего из России выехало около 4 млн евреев. – *И.2. П.18* – 350-355.

Русское еврейство в зарубежье.
Том 2(7): Русские евреи в Великобритании

45. * **Хаим Вейцман в Англии. А.Черняк.** Знач. часть науч. деятельности Вейцмана в кач-ве химика прошла в Англии, и происхождение Декларации Бальфура связано с достижениями ученого в обл. оборонной промышленности этой страны. Его связи с брит. политиками помогли формированию еврейской бригады во II мир. войне и облегчили создание Государства Израиль. – 97-114.

46. * **Лондонский «палестинец» В.Е.Жаботинский и его окружение. Э.Мазовецкая, Т.Груз.** В 1915-18 гг. он жил в Лондоне и хлопотал о создании Евр. легиона. Во второй лондонский период (1937-40) пытался предотвратить Катастрофу и боролся за создание евр. государства. О его друзьях, сподвижниках, жене и сыне. – *И.2. П.23. Прил.1. Б.11* – 115-133.

47.* **Моя жизнь и мои друзья из России (воспоминания). П.Дедман-Айзенштадт.** Вывезенная из Москвы в раннем детстве, Пнина училась в Иерусалиме, но основную часть жизни прожила в Англии, где работала переводчицей с русского и гидом. Вспоминает встречи с Д.Ойстрахом, А.Кацем, Э.Коганом, др. – *И.3* – 370-382.

Русское еврейство в зарубежье
Том 3(8): Русские евреи во Франции. Кн.1

48. * **Женщина-огонь (Женя Файерман). И.Белопольская.** Девочка из Подмоскovie, Файерман вышла замуж за польского еврея и выехала из СССР. В Париже пела в хоре, пела и танцевала в кабаре «Распутин». Играла роли девушек классич. евр. репертуара. Последние годы живет в Израиле. Как эстрадная певица гастролирует (в основном с исполнением песен на идиш) по всему миру. – *И.6* – 397-404.

Русское еврейство в зарубежье
Том 4(9): Русские евреи во Франции. Кн.2

49. * **«Скажи мне, кто твой друг...» (Друзья – Владимиру Жаботинскому). Э.Мазовецкая, Т.Груз.** Публ. поздравления Жаботинского с 50-летием от Г.Слиозберга, С.(Ш.)Гепштейна,

Р.Розова, З.Темкина и Н.(И.)Со-рина. Об авторах этих поздравлений. – *И.3. П.31* – 142-153.

50. * **«Работаю очень много в разных жанрах и материалах» (Скульптор Мишель Мильбергер). Э.Берман-Штернфельд.** Мильбергер род. в Варшаве, 22 года жил в СССР, в 1961 г. через Польшу эмигрировал во Францию. Автор скульптурных портретов мн. выдающихся людей России, Израйля, Польши, лирических и трагических композиций, скульптур на библейские темы. – *И.5* – 319-328.

Русское еврейство в зарубежье. Том 5(10)

51. **Вклад российских евреев в возрождение иврита. А.Соломоник.** На возрожд. иврита повлияли: писавшие ещё на неокрепшем иврите (А.Мапу, М.Мойхер-Сфорим, Х.-Н.Бялик, Ахад-ха-Ам, В./З./Жаботинский); лингвисты, трудившиеся над возрождением языка (Э.Бен-Йехуда, И.Клаузнер, И.Пинес, Б.Подольский, И.Гури, А.Соломоник, др.); работники просвещения, создававшие нов. образовательную систему на иврите, преподававшие иврит, писавшие для этого учебники и пособия. – *И.4. Б.4* – 150-166.

52. * **Мирон Сима. М.Либман.** Род. в Проскурове в 1902, где пережил погром 1919 г., оставивший впечатления на всю жизнь. Худ. образование в Одессе и Дрездене (с 1923), где окончил Академию и был аспирантом у О.Дикса. Вошел в круг «веристов»; его картины были полны безнадежности. В 1933 изгнан из Германии и в осн. жил в Иерусалиме. Его живопись, коллажи и рис. многократно выставлялись. – *И.4. П.6. Б.4* – 167-178.

53. **Нурит Пери. Ю.Систер.** О специалисте по воспитанию и обучению детей с врожденными дефектами, ее вкладе в становление этого вида системы образования в Израйле, ее добровольческой помощи репатриантам в изучении иврита, онкологическим больным и др. «социальным случаям». – *И.3. П.4* – 179-186.

Annotations to the book presented

Preface. Michail Parkhomovsky, Yulia Sister. On the valuable contribution of repatriants from Russia / The Soviet Union to the revival of the Jewish State. On their role insufficiently known as yet. On the contents of the volume presente. – 6-8.

History

Revival. Yulia Sister, Boris Hendler, Eugeny Zhivotovsky. On the First and Second alya waves from the Russian empire – the end of XIX-th – early XX-th centuries. On the first settlements organized by biluitzy in Rishon-le-Zion, Hedera and other regions of the Erez-Israel. Extracts from the diary of E.(H.)Hisin, a biluitz are presented. – *H.3. E.3.* – 10-27.

The National historian: the intellectual biography of Shmuel Ettinger (1919–1988). Dan Kharuv, the pupil of professor Ettinger, recites about the life, creative work and political activities of the outstanding historian and a public man of Israel, the founder and active member of many scientific institutions of the State. – *H.1.E.99* – 28-53.

Letters from Jerusalem: L.B.Yaffe to M.O.Gershenson. Brian Horovitz. Six Yaffe's letters are published written after he had left Lithuania for Jerusalem at the early 1920-th. Information concerning L.B Yaffe and M.O.Gershenson is to be found in the publication. – *H.2. II.16* – 54-61.

Mendel Bobe (1896–1973), a historian of Latvian Jewry. Batia Valdman. M.Bobe, a Zionist public man of Latvia came to Israel in 1935 and became a historian of Latvian Jewry. He is the author of memoirs, articles and books (in Yiddish, Hebrew and Russian) dedicated to Jews who were killed in Latvia and those who repatriated to Israel in 1920–1930-ies. – *H.1. II.47* – 62-73.

Rabbis who repatriated to Palestine and Israel from Russia and the Soviet Union. Marina Turkinetz. On the rabbis who realized their alya at different periods and who continued their activities in Israel. Among them were: A.I.Kuke, I.L.Maimone, J.Bernane, E.Velkovsky and others. – *H.4.II.31* – 74-80.

Savva Dudakov: his portrait against the background of some selected works of his. Aron Chernjak. The merits of the monographs belonging to S.Dudakov, a famous Israel historian, are discussed. Among them are: "Peter Shafirov", "The Story of a certain Myth: Essays on Russian Literature of XIX–XX-th centuries (On the Protocols of Zionist Men of Wisdom)", "The paradoxes and whims of philosemitism

and antisemitism in Russia. Sketches.”, “Essays on love and hatred”. – *H.1* – 81-90.

The Brief Jewish Encyclopaedia – the collective work of scientists–repatriants from the USSR/SNG. Marina Gutgarz. The fundamental project of the Brief Jewish Encyclopedia in Russian, its history and main participants. – *H.1. B.2* – 91-96.

Art. Literature. Broadcasting

Jacob Peremen and his collection of the Odessa art vanguard. Alesya Voyskun. The life and activities of the Zionist and public man, scientist – Assyriologist, a patron and collector of art. He brought to Israel a library and a collection of 220 pictures belonging to the “independent” Jewish Artists of Odessa. The Odessa and Israel periods of J.Peremen’s activities are described. – *H.4. II.31* – 98-114.

Barukh the legendary: Four images of Barukh Agadati (1895–1976). Shulamit Shalit (Tel-Aviv). The biography of Agadati, ever working wonders. His famous tours in Europe, his multitudinous artistic activities: artistic dances, the classical ballet, carnivals arrangement, fine arts, his “pioneer” cinema activities and so on. All he did has become an integral part of the history of Israel. – *H.3. II.8. B.13* – 115-129.

Repatriants from Russia at the cradle of the Jerusalem Academy of Music and Dance. Bella Berginer-Tavger. The problem is not a simple one as nothing has been published on the Subject as yet. Here are some names worth mentioning: Arie Avilea, a pianist; Jiohved Dostrovsky-Kopernik who had been at the head of the Jerusalem Conservatory and the Academy of Music over 30 years; Helen Kagan, an excellent organizer and Khaim Ore (Luchinsky), an advocate. – *H.3. II.24* – 130-139.

The Jewish Song is her Fate (about Nehame Livshitz, a singer). Shulamit Shalit. The childhood and youth of the singer under war conditions and in the post-war period. From amateur performances to professional activities and mastering of national Songs. Going on tours all over the world. Performances in Israel after repatriation. – *H.2* – 140-155.

“In Israel my musical horizon has greatly expanded” (Interview with Eugene Shenderovitch, a pianist and a teacher). Alek Epshtein. Though E.Shenderovitch repatriated to Israel being a pensioner, he was a great success as a soloist, an accompanist and a musical teacher. – *H.1.II.4* – 156-165.

In memory of Shimon Markish. Mikhail Parkhomovsky about the life and creative work of the writer, translator and an expert in classical and Russian-Jewish literature. Besides, the reader learns about the writer’s relations with the Russian Jewry Abroad Scientific Research Center, his partici-

pation in the work of the Center when he gets acquainted with his correspondence with M. Parkhomovsky. – *H.1. II.14* – 166-171.

Letter by Letter, Line by Line (dedicated to Rachel Kolberg, a poetess). *Maya Bass*. Rachel was born in the Russian part of Charbin, later on she moved to Japan and then repatriated to Israel. In her verses she sang the land of her forefathers whose patriot she had been all her life. Though paralysed, she continued writing verses up to the last day of her life. – *H.1* – 172-177.

“This is Jerusalem calling...” *Michail Abir (Joseph Dan)*. Joseph Dan, a well-known radio-journalist, who has been working on the “Col Israel” channel since 1971 recites the story of broadcasting in Russian which began in Israel in 1958. – *H.1* – 178-186.

The voice of Life itself. *Dalia Shavit/Masha Kotlar-Shtark, an announcer: Leo Fruchtman* about Dalia Shavit whose wonderful voice the listeners could hear over the Israel radio during 20 years. The daughter of Joseph Kotlar, the Yiddish writer, she was an outstanding person, a person of manifold gifts and the greatest of them: that of being Humaine! – *H.1.II.1* – 187-194.

Science. Industry. Education

On Chemists and chemistry in the country pouring milk and honey. *Yulia Sister*. On the contribution of Russian Jews, repatriants from the USSR, to the creation and development of chemical science and industry in Israel. Special attention is concentrated on those of them who were founders of the world-wide known Weizman Scientific-Research Institute. We learn about the multiform activities of Russian-speaking chemists. With many of them: University and scientific research Institute workers, as well as with workers of big pharmaceutical and other firms Yulia Sister had an interview. – *H.4* – 196-236.

From Novomeyski to Englin. *Michael Heyfitz*. On the contribution of Russian Jews to the development of the mineral riches of Israel: the sea-salts of the Dead Sea. Moshe Novomeysky, a mining engineer, who came to Israel in 1920, built an industrial complex “The Dead Sea Enterprises”. Nowadays Abraham Englin, a Moscow scientist, doctor of chemical sciences repatriated to Israel. He is the author of a modern project whose purpose is the exploitation of the salts of the unique reservoir. On the resistance to the introduction of advanced techniques formerly and at present. – *H.2. II.3* – 237-238.

BASHAN – The national programme aimed at the absorption of Scientists (commemorating the 10-th anniversary of the programme). *Efim Loevski*. The numerous alya numbers many scientists and engineers who could suggest original ideas. The BASHAN pro-

gramme contributed to the realization of these ideas, to the creation of new firms and joint enterprises. Examples of successful introduction of new technologies, new technical solutions and so on are presented. – *H.2. П.10* – 249-266.

A scientific seminar in Israel as the form of self-organization of the Russian-Speaking scientific community. *Elektron Dobruskin.* 75 highly skilled specialists take part in the seminar working continuously as long as 10 years. Scientists from Israel, Russia, USA, Canada, Australia, Great Britain take part in the Seminar as lecturers. Relation with Russian-Speaking scientists of different countries are being consolidated. – 267-271.

The Jerusalem interdisciplinary seminar. *Joseph Feigenberg.* Specialists of different professions and ages participate in the seminar. They display a keen interest in the theory of probabilistic prognosis successfully applied in practice by the listeners. The list of papers published by the participants of the Seminar is applied. – *H.1. Б.20* – 272-276.

The Kfar Saba interdisciplinary scientific seminar. *Karl Shtivelman.* The seminar has been functioning since 1995, within the bounds of the “Mehaneh” and “Itaron” scientific and pedagogical organizations. Significant is the role of the seminar as regards the idea of motivated children suggested by doctor B.Shtivelman. The Einstein lyceum in Ben-Shemen appeared owing to the Seminar as well. – *H.1* – 277-281.

Attaining mutual activity of pupils and the teacher at the lesson. (On the application of probabilistic prognosis in active teaching.) *Lea-Valentina Lavrik, Joseph Feigenberg.* The role of pupils emotions in the process of learning. The method applied turned out to be efficient and was estimated as such. – *H.2. Б.13* – 282-288.

Adopting the Experience of Teaching the History of Russian Jewry in Israel. *Ariel Borshevsky.* At the Oranim Pedagogical College a project has been realized allowing Israel students to acquire a clearer view of the diaspora and consolidating their friendly relations with the repatriants from Russia (USSR, SNG), now citizens of Israel. – *H.1* – 289-290.

Champion of Cleanness: Doctor Jegoshua Shtark. *Yulia Sister.* The sanitary and elucidative activities of J.Shtark, the Chief Doctor of Jerusalem in the 70-80-ies; his contribution to the development of the Capital. – *H.1. Б.7* – 291-297.

My Parents: Jegoshua Ratner and Kzia Margolina-Ratner. *Yulia Ratner.* My parents repatriated to Israel in the 70-ies. Professor Ratner, a noted scientist: an expert in the physiology of plants worked at the Vulkani Scientific-Research Institute. He published a number of scientific articles and a textbook in Hebrew. K.Ratner did everything she could to help the Jews repatriate from the USSR to Israel. In Israel she published a book of her verses in Yiddish. – *H.2* – 298-306.

Содержание

Предисловие. Михаил Пархомовский, Юлия Систер	5
История	
Возрождение. Юлия Систер, Бецаль Гендлер, Евгений Животовский (Кирият-Экрон, Израиль)	10
Национальный историк: интеллектуальная биография Шмуэля Эттингера (1919–1988). Дан Харув (Иерусалим).....	28
Письма из Иерусалима: Л.Б.Яффе – М.О.Гершензону. Публикация, предисловие и комментарии Бриана Хоровица (Новый Орлеан, США) ...	54
Историк латвийского еврейства Мендель Бобэ (1896–1973). Батия Вальдман (Беэр-Шева, Израиль)	62
Раввины из России и Советского Союза в Палестине и Израиле. Марина Туркинец (Иерусалим)	74
Савелий Дудаков: портрет на фоне избранных мест творчества. Арон Черняк (Хайфа)	82
Краткая еврейская энциклопедия – коллективный труд ученых – выходцев из СССР/СНГ. Марина Гутгарц (Иерусалим)	91
Искусство. Литература. Радио вещание	
Яков Перемен и его коллекция одесского художественного авангарда. Алеся Войскун (Тель-Авив)	98
Барух легендарный: Четыре творческих лика Баруха Агадати (1895–1976). Шуламит Шалит (Тель-Авив)	115
Выходцы из России у колыбели Иерусалимской академии музыки. Белла Бергинер-Тавгер (Иерусалим)	130
Еврейская песня – ее судьба (О певице Нехаме Лифшиц). Шуламит Шалит (Тель-Авив)	140
«Приезд в Израиль расширил мои музыкальные горизонты» (Беседа с пианистом и педагогом Евгением Шендеровичем). Алек Эпштейн (Иерусалим)	156
Памяти Шимона Маркиша. Михаил Пархомовский (Бейт-Шемеш, Израиль)	166
Буква за буквой, строчка за строчкой (О поэтессе Рахель Кольберг). Майя Басс (Балтимор, США)	172
«Говорит Иерусалим...». Михаил Абир (Йосеф Дан; Тель-Авив) ...	178
Голос жизни (диктор Далия Шавит /Маша Котляр-Штарк/). Лев Фрухтман (Лод, Израиль)	187
Наука. Промышленность. Образование	
О химиках и химии в стране, текущей молоком и медом. Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)	196

От Новомейского до Энглина. <i>Михаил Хейфец (Иерусалим)</i>	237
БАШАН – государственная программа абсорбции ученых (к 10-летию программы). <i>Ефим Лоевский (Бней-Айш, Израиль)</i>	249
Научный семинар в Израиле как форма самоорганизации русскоязычной научной общественности.	
<i>Электрон Добрускин (Ашдод, Израиль)</i>	267
Иерусалимский междисциплинарный семинар.	
<i>Иосиф Фейгенберг (Иерусалим)</i>	272
Междисциплинарный научный семинар в Кфар-Сабе.	
<i>Карл Штивельман (Кфар-Саба, Израиль)</i>	277
Как превратить урок в совместное действие учеников и педагога:	
Об использовании вероятностного прогнозирования в активном обучении. <i>Лей-Валентина Лаврик и Иосиф Фейгенберг (Иерусалим)</i>	282
Из опыта преподавания истории русского еврейства в Израиле.	
<i>Ариэль Борщевский (Реховот, Израиль)</i>	289
Поборник чистоты: доктор Иегошуа Штарк.	
<i>Юлия Систер (Кирият-Экрон, Израиль)</i>	291
Мои родители Иегошуа Ратнер и Кция Марголина-Ратнер.	
<i>Юлия Ратнер (Реховот, Израиль)</i>	298

Журнал в книге

О Всеизраильской научной конференции «Вклад евреев – выходцев из России (СССР/СНГ) в науку, культуру, образование Эрец-Исраэль/Израиля» (Кирият-Экрон, 17.09.03; краткий отчет). *Юлия Систер* (308)

Отчет о 124-м заседании Иерусалимского клуба библиофилов, посвященном выходу в свет 10-го тома серии книг о русских евреях в зарубежье, 75-летию Михаила Пархомовского – составителя, редактора и издателя этой серии и вручению ему премии Розы Эттингер (30.10.2003, Иерусалим). *Леонид Юниверг* (311)

«Дело Бейлиса» на страницах *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ*. *Леонид Юниверг* (314)

Отзыв на книгу «Русские евреи во Франции» (Иерусалим, 2002 г.). *Галина Корбич* (326)

О русских евреях в «Диаспоре». *Г.Белый* (328)

Из одной поездки: 1. Е.П.Пешкова, М.Винавер и Б.Л.Гурвич; 2. Шмуэль Лулав (кибуц Афиким). *Михаил Пархомовский* (334)

Письма наших корреспондентов: *Н.А.Поляковой-Делугаз – Валерия Коренблита – Сергея Голлербаха* (341)

Редакция сердечно поздравляет с юбилеем авторов и редакторов (343)

Вспоминая А.Е.Бовина. *Михаил Пархомовский* (345)

Об авторах и редакторах 1(11) тома

Указатель имен 1(11) тома

Аннотации статей и других материалов, опубликованных

в сериях книг *ЕВКРЗ* и *РЕВЗ* и содержащих сведения

о выходцах из России в Палестине/Израиле

Аннотации материалов настоящей книги на английском языке ...

Table of Contents

Preface. <i>Michail Parkhomovsky, July Sister</i>	5
History	
Revival. <i>July Sister, Bezael Hendler, Eugeny Jivotovsky</i> (<i>Kirjat-Ekron, Israel</i>)	10
The National Historian: the intellectual biography of Shmuel Ettinger (1919-1988). <i>Dan Kharuv (Jerusalem)</i>	28
Letters from Jerusalem. L.B.Jaffe to M.O.Gershenson. <i>Publication, preface</i> <i>and commentary by Brian Horovitz (New Orlean, USA)</i>	54
Mendel Bobe (1896-1973), a historian of Latvian Jewry. <i>Batja Valdman (Beer-Sheva, Israel)</i>	62
Rabbis who repatriated to Palestine and Israel from Russia and The Soviet Union. <i>Marina Turkinetz (Jerusalem)</i>	74
Savva Dudakov. His portrait against the background of some Selected works of his. <i>Aron Chernjak (Haifa)</i>	81
The Brief Jewish encyclopaedia – the collective work of scientists- repatriants from the USSR-SNG. <i>Marina Gutgarz. (Jerusalem)</i>	91
Art. Literature. Broadcasting	
Jacob Peremen and his collection of Odessa art vanguard. <i>Alesya Voyskin (Tel-Aviv)</i>	98
Barukh the legendary. Four images. <i>Shulamit Shalit (Tel-Aviv)</i>	115
Repatriants from Russia at the cradle of the Jerusalem Academy of Music. <i>Bella Berginer-Javger (Jerusalem)</i>	130
The Jewish Song is her fate (Nehama Livshitz, the singer) <i>Shulamit Shalit about her (Tel-Aviv)</i>	140
“In Israel my musical horizon has greatly expanded” (Interview with Eugeny Shenderovitch, a pianist and a teacher. <i>Alek Epshtein (Jerusalem)</i> ..	156
In memory of Shimon Markish. <i>Michail Parkhomovsky</i> (<i>Bet-Shemesh, Israel</i>)	166
Letter by letter, line by line (about Rachel Kolberg, a poetess). <i>Maya Bass (Baltimore, USA)</i>	172
“This is Jerusalem calling...”. <i>Michail Abir, Joseph Dan (Tel-Aviv)</i> ...	178
The voice of life itself. (Dalia Shavit/Masha Kotljar-Shtark, an announcer). <i>Leo Fruhtman (Lod, Israel)</i>	187
Science. Industry. Education	
On chemists and chemistry in the country flowing with milk and honey. <i>July Sister (Kirjat-Akron, Israel)</i>	196
From Novomeyski to Anglin. <i>Michail Kheifets (Jerusalem)</i>	237
BASHAN – National programme aimed at the absorbtion of scientists (commemorating the 10-th anniversary of the programme). <i>Efim Loevski (Bnei-Aish. Israel)</i>	249

A scientific seminar in Israel as the form of self-organization of the Russian-speaking Scientific Community.	
<i>Elektron Dobruskin (Asdod, Israel)</i>	267
The Jerusalem interdisciplinary seminar.	
<i>Joseph Feigenberg (Jerusalem)</i>	272
The Kfar-Saba interdisciplinary scientific seminar.	
<i>Karl Shivelman (Kfar-Saba, Israel)</i>	276
Attaining mutual activity of pupils and the teacher at the lesson (on the application of probability prediction in active teaching).	
<i>Lea-Valentina Lavrik, Joseph Feigenberg (Jerusalem)</i>	282
Adopting the experience of teaching the History of Russian Jewry in Israel.	
<i>Ariel Borshevsky (Rehovot, Israel)</i>	289
Champion of Cleanness: doctor Jegoshua Shtark.	
<i>July Sister (Kirjat-Ekron, Israel)</i>	291
My parents: Jehoshua Ratner and Kzia Margolina-Ratner.	
<i>July Ratner (Rehovot, Israel)</i>	298

The Journal in the book

On the all-Israel Scientific conference: "The contribution of Jews-repatriants from Russia (the USSR/SNG) into the science, culture and education of the Holy Land/Israel. (Kirjat-Ekron, 17.09.03; a short account. *July Sister* (308)

A report on the 124-th meeting of the Jerusalem bibliophile club dedicated to the publication of volume 10 in the series: "Russian Jewry Abroad", as well as to the Seventy-fifth Anniversary of Michail Parkhomovsky, compiler, editor – in chief and publisher of the series, awarded the premium of Rose Ettinger. (30.10.2003, Jerusalem) *Leonid Yniverg* (311)

"The Baylis' Case" in the volumes: "Jews in the Culture of Russia Abroad" and "Russian Jewry Abroad". *Leonid Yniverg* (314)

Response to the book "Russian Jews in France" (Jerusalem, 2002). *Galina Korbitch* (326)

Russian Jews in "Diaspora". *G.Beliy* (328)

Travel to the Afikim Kibutz, Participants: 1. E.P.Peshkova, M. Vinaver and B.L.Gurvitch. 2. Shmuel Lulav. Michail Parkhomovsky (334)

Letters of our correspondents: *N.A.Poljakova – Delugaz, Valeria Korenbliit, Sergei Gollerbach* (341)

The Members of the editorial Board congratulate the authors and editors on their jubilee (343)

In memory of A.E.Bovin. *Michail Parkhomovsky* (345)

The authors and editors of volumes 11	353
Index of names covering volumes 11	364
Annotations of articles and other papers published in the series "Jews in the Culture of Russia Abroad" and "Russian Jewry Abroad" containing data on repatriants From Russia to Palestine and Israel	
	381
Annotations of papers published in the book in English	390

Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье»

Центр собирает, изучает и распространяет знания о деятельности русских евреев-эмигрантов в различных странах мира и о роли евреев-выходцев из России в создание и развитие Государства Израиль.

Труды Центра создали новое направление иудаики и являются одним из основных источников науки о Русском Зарубежье.

Центром изданы две серии книг:

Евреи в культуре Русского Зарубежья (Томы 1–5. Иерусалим, 1992–1996)

и Русское еврейство в зарубежье (Томы 1/6–5/10. Иерусалим, 1998–2003). Некоторые материалы 10-томника представлены в интернете (www.orianim.ac.il/echo). Информацию о рецензиях (их около 80) на издания Центра см.: <http://www.litcatalog.al.ru/periodics/evkrz.html>.

Сотрудники Центра проводят конференции и семинары, читают лекции; разрабатывают учебные программы о русском еврействе в зарубежье.

Кроме настоящего тома, Центром в 2005 г. подготовлены к печати две книги:

Русские евреи в Америке. Кн.1. Ред.-сост.: *Эрнст Зальцберг, Михаил Пархомовский.*

и «Они погибли тогда...» (О евреях из России – жертвах Катастрофы). Сост.: *Михаил Пархомовский, Николай (Ариэль) Борщевский.*

НИ центр «Русское еврейство в зарубежье» является некоммерческой ассоциацией (амутой) №58-031-910-1 и нуждается в спонсорской помощи. Наш расчетный счет №76546 в отделении 642 банка Mercantil Discount (64 Jaffo St., Jerusalem, Israel).

По указанным ниже адресам просим присылать статьи и другие материалы о русско-еврейской диаспоре, а также заказы на изданные нами книги. Предварительно можно получить их проспекты.

Научный руководитель и главный редактор Центра:

Dr. Mikhail Parkhomovsky. 648/4 Mishlat Str., Bet-Shemesh, 99013, ISRAEL. Tel.: 972-2-9917039; e-mail: mipar@barak-online.net

Генеральный директор:

Dr Yulia Sister. P.O.B. 6464, 9/14 Narkis St. Kiryat Ekron 70500 Israel. Tel.: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net



ИДЕМТЕ ЖЕ ОТСТРОИМ СТЕНЫ ЙЕРУШАЛАИМА

Том XI (кн. 1)

Ред.-сост.: *Ю.Систер, М.Пархомовский*
Иерусалим, 2005



Настоящий том начинает серию книг о евреях-выходцах из Российской империи, СССР/СНГ в Эрец-Исраэль и Государстве Израиль.

В книге статьи, публикации, мемуары и эссе о первых поселенцах и возрождении ими еврейской жизни на земле предков; о выдающихся историках и музыкантах, раввинах и сотрудниках русского радио; танцовщике, певице, коллекционере, литераторе, поэте. Среди героев книги создатели промышленных предприятий и ученые, в большинстве своем – из Большой алии; несколько статей посвящены проблемам образования.

Книгу завершает «Журнал в книге» и справочный материал, включающий указатель имен.

В книге 400 стр. и около 90 ил.

Стоимость: \$23. **Пересылка:** в Израиле – 10 шек.; авиа: в Европу – \$6,5, в Америку – \$8; морем – \$3,5

Адреса для заказа книг:

Yulia Sister

P.O.B. 6464, 9/14 Narkis St. Kiryat Ekron 70500 Israel.

Tel.: 972-8-9350332; e-mail: martw@bezeqint.net

Mikhail Parkhomovsky,

648/4 Mishlat St., 99013, Bet-Shemesh, Israel.

Tel.: 972-2-9917039. E-mail: mipar@barak-online.net

LET US BUILD THE WALL OF JERUSALEM

Volume XI (book 1)

Editors: *Y.Sister, M. Parkhomovsky*
Jerusalem, 2005



This volume is the first in the series of publications about Jewish immigrants from Russian Empire, USSR / ISU in Palestine / Israel.

It is a collection of articles, memoirs, essays about the first Israeli settlers and their quest for rebirth and revival of their ancestors land. You can read about outstanding historians, musicians, rabbies, media creators, poets and writers, dancers and singers. You will get to know the most outstanding Jewish industrialists, founding fathers of Israeli industry and top scientists – almost all of them from Great Aliya. A number of articles is discussing educational problems.

The book is supplemented by the "Journal in Book" and by reference material including name index.

400 pages, ca. 90 illustrations.

Cost: \$23.00 Shipping: Israel – Nis. 10.00;

Europe airmail – \$6.5; USA airmail – \$8.00

Surface mail – \$3.5.

Send orders to:

**Yulia Sister P.O.Box 6464, 9/14 Narkis St.,
Kiryat Ekron, 70500 Israel Tel: (+) 972 89350332;**

e-mail: martw@bezeqint.net

M.Parkhomovsky 648/4 Mishlat St., 99013

Bet-Shemesh, Israel Tel: (+) 972 29917039;

e-mail: mipar@barak-online.net